

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 1(50)'2016

входит в систему Российского Индекса Научного
Цитирования (РИНЦ) и представлен на его
сайте www.elibrary.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

НАГОРНОВ Валентин Павлович – главный редактор
МАРКОВ Алексей Сергеевич – зам. главного редактора
ЛОСЕВ Юрий Иванович – научный редактор
НОВОЖИЛОВ Александр Юрьевич – отв. секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС Александр Мануэльевич
– Председатель Совета, профессор, доктор
исторических наук, зав. кафедрой новой и новейшей
истории исторического факультета ФГБОУ ВПО
«Московский педагогический государственный
университет»

ЛОСЕВ Юрий Иванович – член Совета, профессор,
доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей
истории ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный
университет имени С. А. Есенина»

ГОРБУНОВ Борис Владимирович – член Совета,
профессор, доктор исторических наук, действительный
член РАЕН, зав. НИЛ теории, практики и методики
краеведения в образовательных учреждениях ОБГОУ
ДПО «Рязанский институт развития образования»

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – член Совета,
профессор, доктор исторических наук, член-корреспон-
дент РАН, директор Историко-социологического
института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный
университет имени П. П. Огарёва»

ЕРШОВ Виталий Фёдорович – член Совета, профес-
сор, доктор исторических наук, директор Центра стра-
тегии и развития Московского государственного област-
ного университета, г. Москва

ЗАПАРЬИЙ Владимир Васильевич – член Совета,
профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой
истории науки и техники ФГБОУ ВПО «Уральский
федеральный университет имени Б. Н. Ельцина»,
г. Екатеринбург

ЮРКИН Игорь Николаевич – член Совета, доктор
исторических наук, главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники имени
С. И. Вавилова РАН, г. Москва

РЕЕНТ Юрий Арсенович – член Совета, доктор
исторических наук, профессор кафедры истории и
философии Академии ФСИН России

КОЛЦОВА Вера Александровна – член Совета,
первый зам. директора Института психологии РАН,
профессор, доктор психологических наук, зав. лаб.
истории психологии и исторической психологии

ДОНЦОВ Александр Иванович – член Совета, дей-
ствительный член РАО, доктор психологических наук,
профессор кафедры социальной психологии факультета
психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

ЗАБРОДИН Юрий Михайлович – член Совета,

профессор, доктор психологических наук, проректор
ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагоги-
ческий университет», действ. гос. советник РФ,
вице-президент Федерации психологов образования
России

БЕЛЯЕВА Валентина Александровна – член Совета,
доктор педагогических наук, профессор кафедры
педагогике и менеджмента в образовании ФГБОУ ВПО
«Рязанский государственный университет имени С. А.
Есенина»

ГРЕБЁНКИНА Лидия Константиновна – член Совета,
доктор педагогических наук, профессор кафедры
педагогике и менеджмента в образовании ФГБОУ ВПО
«Рязанский государственный университет имени С. А.
Есенина»

ПАНОВ Виктор Иванович – член Совета, профессор,
доктор психологических наук, член-корреспондент
Российской академии образования (РАО), зав. лаб.
экопсихологии развития Психологического ин-та РАО

ВОЛОДАРСКАЯ Инна Андреевна – член Совета,
доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносо-
ва, кандидат педагогических наук, лауреат премии
Президента РФ в области образования, Председатель
Учебно-методического совета факультета психологии
МГУ, г. Москва

НАГОРОВ Павел Сергеевич – член Совета, профес-
сор, кандидат педагогических наук, главный научный
сотрудник АНО «Рязанский НИИ психологии и методоло-
гии образования»

УХОВ Юрий Иванович – член Совета, профессор,
доктор медицинских наук, зав. кафедрой гистологии и
биологии ГБОУ ВПО «Рязанский государственный
медицинский университет имени академика
И. П. Павлова»

ЕПИФАНОВ Алексей Герасимович – член Совета, док-
тор медицинских наук, заслуженный врач Российской Фе-
дерации, заведующий отделением сосудистой хирургии с
применением ПМУ «Скафандр Епифанова»

ИВАНОВ Евгений Сергеевич – член Совета, доктор сель-
скохозяйственных наук, профессор, зав. кафедрой эколо-
гии и природопользования ФГБОУ ВПО «Рязанский госу-
дарственный университет имени С. А. Есенина»

КАЗАРЕНКОВ Вячеслав Ильич – член Совета, доктор
педагогических наук, профессор кафедры социальной и
дифференциальной психологии Российского универси-
тета дружбы народов (РУДН), г. Москва

Иностранные члены Редакционного Совета

Хасан Абдель Хамид Солиман – доктор, профессор геологии Университета г. Асьюта, директор Центра по развитию Южной Долины (г. Асьют, Республика Египет).

Ван Цзиньлин, 王金玲 – доктор филологических наук, профессор, директор института международного образования Чанчуньского университета (г. Чанчунь, КНР).

СМАНЦЕР Анатолий Петрович – доктор педагогических наук, профессор Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

ФУШИН Джордж Николас – профессор философского факультета Университета Эмори (г. Атланта, штат Джорджия, США).

ЛИСТЕР Дж. Мэттью – доктор философских и юридических наук, PhD in Philosophy, JD (г. Филадельфия, штат Пенсильвания, США).

РАНГЕЛОВА Емилия Миленкова – доктор педагогических наук, профессор факультета педагогики Софийского университета «Св. Климента Охридски» (г. София, Республика Болгария).

ЛЕВТЕРОВА Дора – доктор педагогических наук, профессор, декан педагогического факультета Пловдивского университета «Паисий Хилендарский» (г. Пловдив, Республика Болгария).

ЗАХАРУК Тамара – доктор педагогических наук, профессор, ректор Седлицкого университета естественных и гуманитарных наук (г. Седльце, Республика Польша).

Leadership (Editorial Board) of the «Russian Scientific Journal»

Editor-in-Chief: **Valentin P. Nagornov** Science Editor: **Yury I. Losev**
Deputy Editor-in-Chief: **Alexey S. Markov** Assistant Editor: **Alexander Y. Novozhylov**

Russian Members of the Editorial Council

Alexander M. Rodriguez-Fernandez – Council Chairman, Professor, Doctor of History, Head of the Department of Modern and Contemporary History, the Faculty of History, Moscow State Pedagogical University.

Yury I. Losev – member of the Council, Professor, Doctor of History, vice-rector, Head of the Department of general History, Ryazan State University named for S. Yesenin.

Boris V. Gorbunov – member of the Council, Doctor of History, full member of the Academy of Natural Sciences, Ryazan Institute of Education Development.

Nikolai M. Arsentiev – member of the Board, Professor, Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of Historical and Sociological Institute of N.P. Ogarev Mordovia State University.

Vitaly F. Ershov – member of the Council, Professor, Doctor of History, Director of the Center for Strategy and Development of Moscow State Regional University, Member of the Board of Russian Society of Historian-Archivists.

Vladimir V. Zapariy – member of the Council, Professor, Doctor of History, Dean of the Faculty of Humanities, Head of the Department of History of Science and Technology, Ural State Technical University.

Igor N. Yurkin – member of the Council, Doctor of History, Senior Research Fellow of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences

Yury A. Reent – member of the Council, Doctor of History, Professor of the Department of History and Philosophy, the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service.

Vera A. Koltzova – member of the Council, Deputy Director of Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Psychology, Head of Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.

Alexander I. Dontzov – member of the Council, full member of the Russian Authors' Society, Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Psychology.

Yury M. Zabrodin – member of the Council, Professor, Doctor of Psychology, vice-rector of the Moscow State University of Psychology and Education, State Councilor of the Russian Federation, Vice-President of the Federation of educational Psychologists of Russia.

Valentina A. Belyaeva – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Lydia K. Grebyonkina – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Victor I. Panov – member of the Council, Professor, Doctor of Psychology, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of Laboratory of Ecopsychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education.

Inna A. Volodarskaya – member of the Council, Assistant Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD, winner of the President of Russia in the field of education, Chairman of the Educational and Methodical Council of Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Pavel S. Nagorov – member of the Council, Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology and Human Development.

Yury I. Ukhov – member of the Council, Professor, Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Histology and Biology, Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlov, the Federal Service on Supervision in the Area of Health Care and Social Development.

Alexey G. Epifanov – member of the Council, Doctor of Medical Sciences, Honoured Doctor of the Russian Federation, Head of the Vascular Surgery Department with Medical technology of treatment by polymagnetic device «Epifanov's diving-suit».

Eugene S. Ivanov – member of the Council, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Head of the Department of Ecology and Environmental Sciences of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Vyacheslav I. Kazarenkov – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Peoples' Friendship University of Russia, Department of Social and Differential Psychology.

Foreign Members of the Editorial Council

Hassan Abdel Hamid Soliman – Prof. Dr, Geology Department, Faculty of Science, Director of South Valley Development Center, Assiut University (Assiut, Republic of Egypt).

Wang Jinling, 王金玲 – Dr. of Philology, Prof., Director of the Institute of International Education, Changchun University (Changchun, Chinese People's Republic).

Anatoly P. Smantser – Dr. of Education, Prof. of the Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

Nicholas G. Fotion – Prof. of the Philosophical Faculty of the Emory University (Atlanta, Georgia, USA).

Mathew J. Lister – PhD in Philosophy, JD (Philadelphia, Pennsylvania, USA).

Emilia M. Rangelova – Dr. of Sciences, Professor of Faculty of Pedagogy, Sofia University «St. Kliment Ohridski» (Sofia, Republic of Bulgaria).

Dora Levterova – D. Sc., Prof. of University of Plovdiv «Paisii Hilendarski», Director of University Center for Career Development (Plovdiv, Republic of Bulgaria).

Tamara Zacharuk – PhD, Assoc. Prof., Rector of Siedlce University of Natural sciences and humanities (Siedlce, Republic of Poland).

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
Рындин И. Ж. К вопросу о происхождении Рюрика.....	5
Оленев М. В. Московский пехотный полк в истории Рязанского края (2-я четверть XIX века).....	12
Змеев В. А. Детство и годы учёбы Д. А. Милютина (к 200-летию рождения).....	41
Нагорнов В. П., Горбунов Б. В. Капитан I ранга Николай Николаевич Гобято: жизненный путь и военные заслуги.....	51
Запарий В. В. Модернизация уральской металлургии в условиях новой экономической политики.....	55
Моисеев А. А. Миграционная политика Франции в рамках Европейского Союза.....	63
Гаджиева Ханым Давид кызы. Сотрудничество России и Испании в сфере развития национальных языков и литератур. 1991 – 2014 гг.....	68
II. ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	
Булатецкий С. В., Марков А. С. Некоторые аспекты математического прогнозирования успешности обучения (на примере высших образовательных учреждений силовых структур России).....	75
Селезнева М. В. Анализ понятий «субъект» и «субъектность»: проблемы и пути решения.....	82
Марков А. С. Развитие субъектности курсантов как показатель профессионального роста будущего офицера.....	94
Ma Wen-ying, Xiao Ji (China). Study on the policies in the development of Chinese higher education since 1949.....	104
Шань Нина (Китай). Педагогическая стратегия профилактики фонетических ошибок при обучении китайских студентов-нефилологов русскому языку как иностранному.....	108
III. ФИЛОЛОГИЯ	
Льянова А. М. Проблема существования постоянного содержательного ядра в устойчивых словесных комплексах.....	114
Нестеров С. Б., Беляева Е. В. Птицы в творчестве И. А. Бунина.....	120
Рыжкова-Гришина Л. В. О метафорическом творчестве Алексея Еранцева.....	135
IV. ЭКОНОМИКА	
Ершов В. Ф. Финансово-экономическое сотрудничество России и стран СНГ: инвестиционные проекты и новые банковские институты (2009-2015).....	147
V. ПРАВО	
Мальчук О. И. Становление оперативно-розыскной деятельности в советский период.....	161
VI. ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ И ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Тарасов В. В. К синтезу надежных логических схем из ненадежных элементов.....	166
VII. БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА	
Иванов Е. С., Барановский А. В., Брагина Н. В. Биоэтика эстетического природопользования в контексте сохранения природного и культурного наследия.....	170
CONTENTS	
I. HISTORY & POLITOLOGY	
Ryndin I. J. On the Origin of Rurik.....	5
Olenev M. V. Moscow Infantry Regiment in History of Ryazan Region (2nd quarter of the XIX century).....	12
Zmejev V. A. Childhood and study years of D. A. Milyutin (the 200th anniversary of birth).....	41
Nagornov V. P., Gorbunov B. V. Commodore Nikolai Nikolaevich Gobyato: Way of Life and Military Merit.....	51
Zaparyi V. V. Modernization of the Ural Metallurgy under the New Economic Policy.....	55
Moiseev A. A. The Migration Policy of France in the European Union.....	63
Gadzhieva Khanym. Cooperation of Russia and Spain in the Sphere of Development of National Languages and Literatures. 1991 – 2014.....	68
II. PEDAGOGY & PSYCHOLOGY	
Bulatetskiy S. V., Markov A. S. Some Aspects of Mathematical Forecasting Successful Learning (on the Example of Higher Educational Institutions of Power Structures of Russia).....	75
Selazneva M. V. Analysis of Terms «Subject» and «Agency»: Problems and the Ways of Solving.....	82
Markov A. S. Development Subjectivity Cadets as an Indicator of Professional Growth Future Officers.....	94
Ma Wen-ying, Xiao Ji (China). Study on the policies in the development of Chinese higher education since 1949.....	104
Shan Nina (China). Educational Strategy for the Prevention of phonetic errors in training Chinese students-nonphilologists Russian as a foreign language.....	108
III. PHILOLOGY	
Lianova A. M. The Problem of Permanent Semantic Nuclear of Phraseological Units.....	114
Nesterov S. B., Belyaeva E. V. Birds in the works of I. A. Bunin.....	120
Ryzhkova-Grishina L. V. About metaphorical works of Aleksei Erantsev.....	135
IV. ECONOMICS	
Ershov V. F. Financial and Economic Cooperation of Russia and CIS Countries: Investment Projects and New Bank Institutes (2009-2015).....	147
V. LAW	
Malchuk O. I. Formation Operatively-Search Activity in the Soviet Period.....	161
VI. ENGINEERING & TECHNICS & PHYSICS & MATHEMATICS	
Tarasov V. V. On the Synthesis of the Reliable Logical Schemes from the Unreliable Elements.....	166
VII. BIOLOGY & MEDICINE	
Ivanov E. S., Baranovskiy A. V., Bragina N. V. Bioethics of the Aesthetic Nature Conservation in the Context of Natural and Cultural Heritage.....	170

RYAZAN INSTITUTE OF EDUCATIONAL DEVELOPMENT

UDC 94(47).02

Domestic history, genealogy of the ruling dynasties

ON THE ORIGIN OF RURIK

I. J. Ryndin

Abstract. On the basis of materials of the French annals, Mecklenburg genealogy and modern research attempts reconstruction genealogy of Rurik – the founder of the dynasty of Russian princes derived from these data from vandals kings, which explains its Scandinavian origin shown DNA tests. In the study of matter and materials involved in archeology, anthropology, genealogy, ethnology, onomastics and toponymy. On the basis of various sources suggests a German-Slavic polyethnicity Przeworsk culture, which served as the basis for the formation of Wendy-Venetic language community, which was formed from the Western Slavic in the future (in particular – Polabian-Slavic) ethnic group. It is also confirmed by the common origin of the South Baltic Slavs and Ilmen Slovenes with similar anthropological types, as well as linguistic and cultural characteristics. The studies also revealed a similar ancestral inheritance of the supreme power of the Vandals, Wendy Obodrits and descendants of Rurik in Russia, consisting in the transfer of power is not from father to son, but from the older to the younger brother, t. E. By seniority in the genus. There has also been a gradual transformation of the Germanic and Proto names from vandals and in the Slavic Wends, and then a secondary loan Germanic names through marriage ruling elite. In general, the article is a partial confirmation of Norman (or rather – Scandinavian) theory of the origin of Rurik, but with the transfer time of about a thousand years ago. These findings do not exclude the Baltic and Slavic version of his origin. Thus, we can talk about combining the two versions and the termination of more than 300-year-old dispute between Normanists and Antinormanists.

Key words: Rurik, the Vandals, the Wends, Veneto (Wends), bodrichi, Obodrits, Wagram, Vikings, przeworsk culture, Ilmen Slavs, Frankish annals, Mecklenburg genealogy.

РЯЗАНСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(47).02

Отечественная история, генеалогия правящих династий

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РЮРИКА

И. Ж. Рындин

Реферат. В статье на основе материалов франкских анналов, мекленбургских генеалогий и современных исследований предпринимается попытка реконструкции генеалогии Рюрика – основателя династии русских князей, происходящего по этим данным от королей вандалов, чем и объясняется его скандинавское происхождение, показанное ДНК-тестами. При исследовании вопроса также привлекаются материалы археологии, антропологии, генеалогии, этнологии, ономастики и топонимии. На основе анализа различных источников высказывается предположение о германо-славянской полиэтничности пшеворской культуры, послужившей основой для становления вендо-венетской языковой общности, из которой в дальнейшем сформировался западно-славянский (в частности – полабско-славянский) этнос. Также подтверждается единое происхождение южно-балтийских славян и ильменских словен, имеющих схожие антропологические типы, а также языковые и культурные особенности. В ходе исследований выявляется также схожая родовая наследственность верховной власти вандалов, вендов, ободритов и потомков Рюрика на Руси, заключающаяся в передаче власти не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему, т. е. по старшинству

в роде. Отмечается также постепенная трансформация германских и протославянских имен у вандалов и вендов в славянские, а затем вторичное заимствование германоязычных имен через браки правящей элиты. В целом в статье происходит частичное подтверждение норманской (точнее – скандинавской) теории происхождения Рюрика, но с переносом во времени примерно на тысячу лет назад. Эти выводы не исключают и балтийско-славянскую версию его происхождения. Таким образом, можно говорить о совмещении обеих версий и прекращении более чем 300-летнего спора между норманистами и антинорманистами.

Ключевые слова: Рюриковичи, вандалы, венды, венеты (венеды), бодричи, ободриты, вагры, варяги, пшеворская культура, ильменские словене, франкские анналы, мекленбургские генеалогии

Введение. Несмотря на то, что в науке до сих пор нет единого мнения по поводу происхождения Рюрика, этимология всех первых русских князей имеет явно скандинавское происхождение: Рюрик (*Rūrekr* – владеющий славой или славный правитель), Олег (*Helgi* – святой, священный), женский вариант: Ольга (*Helga*), Игорь (*Yngvarr* – хранитель бога Инги). На Скандинавию, как на родину Рюрика, указывают и последние исследования ДНК Рюриковичей [1].

Основная часть. Впрочем, версию о ободритском происхождении Рюрика также не стоит отвергать, поскольку княжеский дом бодричей (главного племени в союзе ободритов) был тесно связан со скандинавскими домами, а происхождение они вели от королей вандалов [2]. Связь Киевской Руси с вандалами достаточно хорошо аргументирована В. И. Меркуловым [3]. Он справедливо отметил слабости норманнской теории происхождения Рюрика (странное умолчание западных источников о Рюрике «Датском», как об «основателе русского великокняжеского дома» и слабую связь с летописным Гостомыслом) [4]. Тогда как франкские анналы упоминают князя бодрического Гостомысла, погибшего в 844 году. Причем в Фульденских анналах [5] он назван князем ободритов, а в Ксантенских – князем вендов [6]. Существование реального Гостомысла подтверждают и мекленбургские генеалогические источники [7]. В. И. Меркулов в своей работе даже отождествляет Гостомысла с первым, исторически подтвержденным чешским князем Гостевитом, что совершенно, на наш взгляд, необоснованно [8]. Сопоставляя различные доступные к настоящему времени исторические источники, автор приводит свою версию происхождения Рюрика (см. таблицу 1).

Также он приводит непрерывную родос-

ловную схему, показывающую преемственность королей вандалов и вендов (венетов). При этом явно германские имена чередуются с протославянскими, что говорит о смешанном, славяно-германском происхождении династии ободритских князей. Это, кстати, характерно и для других германских племен эпохи Великого переселения народов (особенно для готов). С вандалами обычно связывают пшеворскую культуру, распространенную на территории южной и центральной Польши. Ее германо-славянская полиэтничность отмечена многими археологами, в т. ч. В. В. Седовым [9]. Очевидно, германоязычная составляющая вандалов в большинстве своем ушла со своими вождями в Северную Африку, на Оudere осталась протославянская их составляющая, ассимилировавшая остатки германского населения.

Ряд топонимов в Швеции (*Vendel*) и Дании (*Vendsyssel*) могут указывать на возможную прародину вандалов. Адам Бременский называл *Вендилой* остров Веннсюссель на севере Дании, одноименный город и район *Vendsyssel* (стародатск. *Wændil*). В титулатуре шведских королей значилось также «король вандалов». В древнегерманском эпосе «Беовульф» действует персонаж Вульфгар, вождь венделов и вассал датского конунга, что локализует венделов (древнегерманское название вандалов) где-то в Ютландии или рядом [10].

Прокопий Кесарийский не отметил особого отличия между вандалами и готами, относя их к единой группе готских племён и высказал предположение об их общем происхождении [11]. Этим, кстати, и объясняется скандинавский генотип Рюрика и его потомства, полученный по анализу ДНК.

Иордан сообщал, что в 409 году вандалы имели двух королей: один из происходил из рода Астингов, а другой – из Силин-

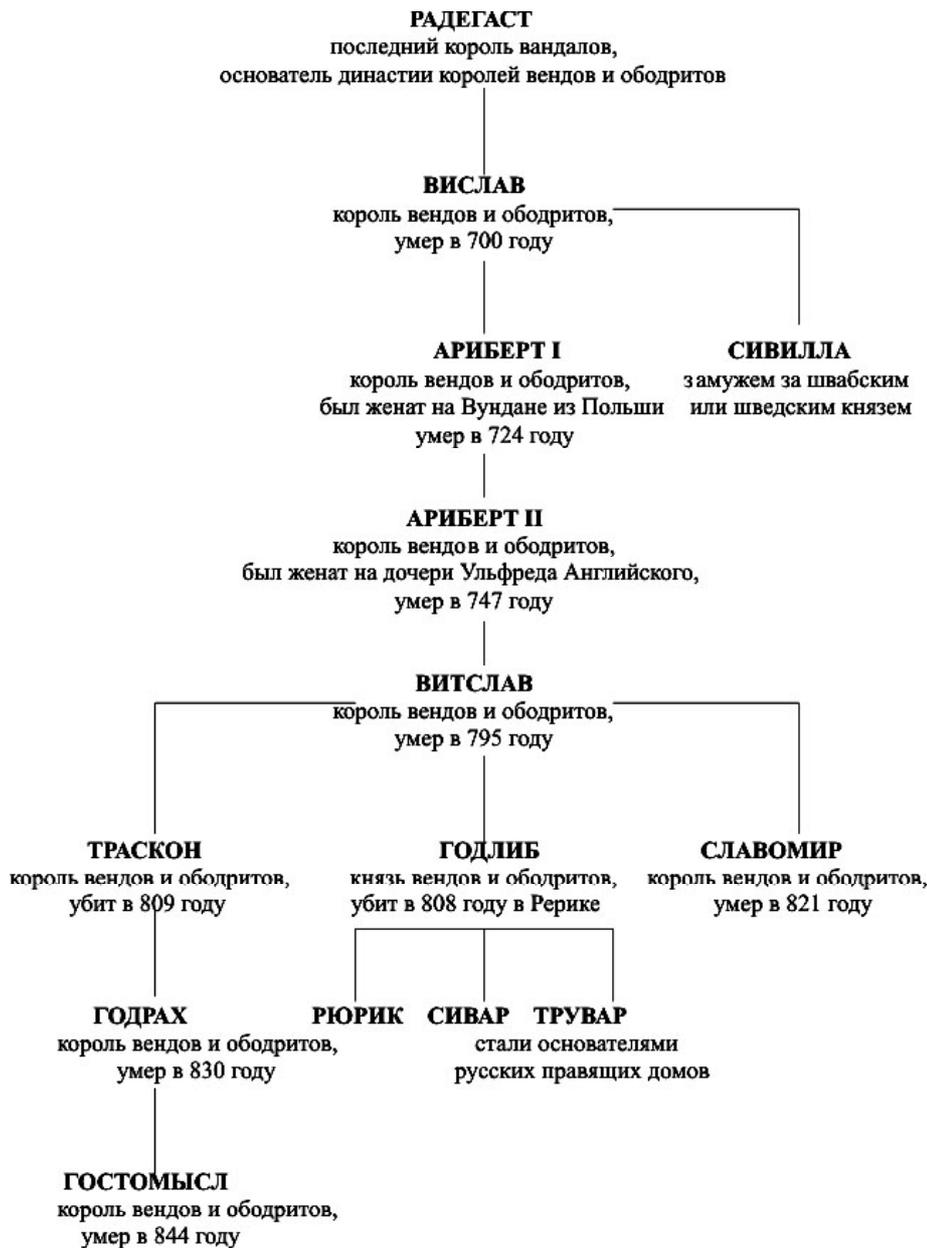

Таблица 1

гов [12]. Из рода Астингов происходили: Визимар (330-е годы), Годегизель, убит в 407 г.), Гундерих (правил 407 - 428), Гейзерих (428 - 477), Гунерих (477 - 484), Гунтамунд (484 - 496), Тразимунд (496 - 523), Хильдерих (523 - 530), Гелимер (530 - 534). Из этого перечня к протославянским именам можно отнести Визимара (Визимира), Гелимера (Гелимира), а также неправившего Оамера (Оамира), умершего в 533 году. Необходимо отметить, что наследование престолов у вандалов происходи-

ло по принципу родового старшинства, как в дальнейшем у вендов (ободритов), ругов (русов), вагров (варягов) и у Рюриковичей.

Из Силингов по письменным источникам известен только Фредебальд, плененный готами в 416 году. Однако генеалогические таблицы С. Бухгольца, Э. Шедия и других мекленбургских генеалогов дают полный список королей Силингов, происходящих от Радегаста (Радегайса) I (умершего в 405 году), у которого был брат Крок I (ум. между 409 и 411 гг.), имевший, в свою очередь,

сына Крока II (основателя города Кракова) и дочь Ванду, от которой пошли лехитские (польские) князья. С. Бухгольц считал Радегаста I потомком (через 10 колен) короля вандалов Алимера (? - 96 до н. э.), женатом на женщине по имени Ида с острова Рюген. Кроме того, он объединял Астингов и Силингов и показывал их общее происхождение от Радегаста I (см. таблицу 2). От Вислава I через три поколения (Аларих, Альберих, Иоанн) ведет свое происхождение Радегаст II (ум. в 664 г.), который от грандской (т. е. испанской) принцессы имел сыновей Вислава II (ум. в 700 г.) и Радегаста III, правившего островом Рюген (Руяной) – родоначальника побочной линии ободритских князей.

Историки Латом и Хемниц считали Вислава II (Witzlaff, или Vitislaus, Vicislaus, Witzan, Wilzan, также Вышеслав, Вацлав, Вячеслав) 28-м королём вендов и ободритов, который правил в Мекленбурге во времена Карла Великого [13].

Важно отметить, что Э. Шедий считал ругов, герулов, вандалов и ободритов одним народом, жившим в окрестностях Мекленбурга и Старграда [14]. Уже упомянутый выше Фредебальд (ум. между 449 и 470 гг.) по этим генеалогиям оказывается сыном Крока II и отцом Вислава (Вацлава, Вышеслава) I (ум. в 486 г.).

Вышеприведенные сведения позволяют считать династию Силингов, оставшуюся на Одере, в отличие от ушедших в Африку Астингов, протославянской. По мнению В. И. Меркулова «вандалский род силингов остался на Балтике, когда во второй половине II века н. э. вандалы-асдинги начали движение с берегов Одера на юг» [15]. По месту обитания силингов происходят названия Шлезвиг и Силезия (немецкое название – Шлезвиг). Горный массив, разделяющий Силезию и Богемию, носил название «вандалских гор».

Антропологическое исследование древнего населения северо-западной Руси и южнобалтийского побережья показывают схожий ареал антропологических типов [16]. О близости этих регионов свидетельствуют данные топонимики, что позволяет говорить об общности языка населения этих территорий [17]. Также отмечаются параллели в некоторых деталях севернорусского фольклора с западнославянским [18].

Однако все данные свидетельствуют о том, что изначально язык вендов и ободричей несколько отличался как от славянского, так и от германского языков, представляя собой особую «вендо-вандалскую» языковую группу [19].

Последние данные археологии позволяют сделать вывод о том, что Новгородский регион заселялся преимущественно выходцами из южной Балтики [20]. Летописец писал о том, что новгородцы происходили «от рода варяжска» [21].

Вислав II был женат на саксонской (по др. данным – лангобардской) принцессе Адолле. Этим и объясняется германоязычное имя их сына Ариберта I, правившего ободритами в 700 - 724 гг., который был женат на «сарматской», т. е. польской княжне Вундане. От этого брака родились: Ариберт II (правил ободритами до 747 года) и Биллуг I, ставший удельным князем одного из племен ободрического союза. Ариберт II от англо-саксонской принцессы имел сына Вислава (Вышеслава) III, который под именем Вышан упоминается во франкских хрониках вместе со своим сыном Дращко (Трасконом), как участник похода Карла Великого против князя вильцев Драговита в 789 году [22]. После гибели Вислава III от рук саксов Дращко становится во главе союза ободричей [23] до своей гибели от датчан в 809 году [24]. Его брат Годлиб (Годлав, Годослав), правивший ваграми (варягами) еще раньше был казнен датчанами в г. Рерике [25]. Таким образом верховный престол перешел к третьему брату Славомиру [26]. **Налицо родовой принцип наследования великокняжеского стола, бывший у вандалов и в дальнейшем у Рюриковичей.** По этому принципу после смерти Славомира в 821 году верховная власть перешла к его племяннику, сыну Дращко – Цедрагу (Годрагу, ум. в 830 г.) [27]. После его смерти великокняжеский престол, очевидно, по родовому принципу должен был бы перейти к Рюрику – старшему сыну князя Годлава, но, видимо, у ободритов также действовал неписанный закон, по которому сыновья рано умершего неправившего брата лишались права на престол. Этот же закон впоследствии утвердился и у потомков Рюрика в Киевской Руси. Таким образом, великое

Таблица 2

княжение перешло к сыну Цедрага – Гостомыслу (убитому франками в 844 году [28]). В этом же году упоминается и Рюрик [29], которого часто принимают за Рюрика Ютландского. Очевидно, он попытался оспорить престол у племянника, но потерпел поражение и был вынужден с братьями Сиваром и Труваром искать убежища в земле ильменских словен, происходивших от «рода варяжска». Возможно, что Рюрик, не вступая в борьбу с Гостомыслом, продолжал оставаться князем вагров (варягов), поскольку к этому времени, власть князя бодричей над остальными племенами (ваграми, полабами, варнами, бутинцами, глинянами, древанами) становилась все более призрачной. Может быть также, что Рюрик был направлен в Ладогу самим Гостомыслом, бывшим, ви-

димо, ненамного младше своего дяди. Но, скорее всего, в Ладоге Рюрик оказался после того, как в 844 году в битве с Людовиком Немецким погиб Гостомысл и над ободритскими племенами был поставлен некий «герцог», возможно, представитель побочной ветви князь Мстивой I. Сын Гостомысла – Добемысл (Табемысл) продолжал сопротивление до 862 года, когда власть окончательно перешла к Мстивою. Можно допустить также, что Рюрик вместе с Добемыслом выступил против франков и после поражения в 862 году вместе с братьями эмигрировал в землю ильменских словен. До киевского летописца дошли отрывочные сведения об этих событиях и отдельные имена. Он попытался связать все воедино и получила легенда «о призвании варягов».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алексашин С. С.* Современные генографические исследования родословной Рюриковичей. Slawa.su/novosti/35-Rurikovichi.htm).
2. *Buchholtz S.* Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. Rostok, 1753. S. 82; *Hübner J.* Genealogische Tabellen. Erster Theil. Leipzig, 1725. Die Tab. 23.
3. *Меркулов В. И.* Откуда родом варяжские гости? (генеалогическая реконструкция по немецким источникам). М., 2005.
4. Там же. С. 74.
5. Фульдские анналы / Восточная литература / Средневековые исторические источники Востока и Запада (интернет-ресурс).
6. Ксантенские анналы / Историки эпохи Каролингов. М., 1999. Перевод А. И. Сидорова. С. 143-160.
7. *Meklenburgisches Urkundenbuch.* Bd.1. Schwerin, 1863. S. 8-9.
8. *Меркулов В. И.* Указ. соч. С. 53.
9. *Седов В. В.* Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.
10. Вандалы / Википедия.
11. *Проконий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. С. 178.
12. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
13. *Latomus B.* Genealogische Beschreibung der Ritter und Edelleute des ganzen Mecklenburger-Landes. Part. I et II. Stetini, 1619.
14. *Schedius E.* De Diis Germanis, sive veteri Germanorum, Gallorum, Brittanorum, Vandalorum religione. Amsterdami, 1648. P. 482-488.
15. *Меркулов В. И.* Откуда родом варяжские гости? (генеалогическая реконструкция по немецким источникам). М., 2005. С. 83.
16. *Седов В. В.* К палеоантропологии восточных славян. Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 151, 154.
17. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 37, 38.
18. *Лецевич Л.* Балтийские славяне и северная Русь в раннем средневековье: Несколько дискуссионных замечаний // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. 1990: Сборник. М., 1993.
19. *Кузьмин А. Г.* Первые сомнения и разночтения. Славяне и Русь: проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. С. 213.
20. *Смирнова Г. П.* О трех группах новгородской керамики X – начала XI в. Краткие сообщения Института археологии. М., 1974. Вып. 139; Она же. Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии. М., 1976. Вып. 146.
21. ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 16.
22. Фрагмент Дюшена, год 789.
23. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 476.
24. Анналы королевства франков, год 809; *Хэгерманн Д.* Карл Великий. М., 2003. С. 527.
25. *Wigger F.* Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. Schwerin, 1860. S.105-106.
26. Анналы королевства франков, год 817; Фульдские анналы, год 817.
27. Анналы королевства франков, год 819; *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. С. 286-287.
28. Фульдские анналы, год 844.
29. Ксантенские анналы... С. 143-160.

REFERENCES

1. Aleksashin S. S. Sovremennye genograficheskie issledovaniya rodoslovnoj Rjurikovickej. – Slawa.su/novosti/35-Rurikovichi.htm).
2. Buchholtz S. Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. Rostok, 1753. S. 82; Hübner J. Genealogische Tabellen. Erster Theil. Leipzig, 1725. Die Tab. 23.

3. Merkulov V. I. Otkuda rodom varjazhskie gosti? (genealogicheskaja rekonstrukcija po nemeckim istochnikam). M., 2005.
4. Tam zhe. S. 74.
5. Ful'dskie annaly / Vostochnaja literatura / Srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada (internet-resurs).
6. Ksantenskie annaly / Istoriki jepohi Karolingov. M., 1999. Perevod A. I. Sidorova. S. 143-160.
7. Meklenburgisches Urkundenbuch. Bd.1. Schwerin, 1863. S. 8-9.
8. Merkulov V. I. Ukaz. soch. S. 53.
9. Sedov V. V. Slavjane: istoriko-arheologicheskoe issledovanie. M., 2002.
10. Vandaly / Vikipedija.
11. Prokopij Kesarijskij. Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaja istorija. M., 1993. S. 178.
12. Iordan. O proishozhdenii i dejanijah getov. – SPb., 1997.
13. Latomus B. Genealogische Beschreibung der Ritter und Edelleute des ganzen Mecklenburger-Landes. Part. I et II. Stetini, 1619.
14. Schedius E. De Diis Germanis, sive veteri Germanorum, Gallorum, Brittanorum, Vandalorum religione. Amsterdami, 1648. P. 482-488.
15. Merkulov V. I. Otkuda rodom varjazhskie gosti? (genealogicheskaja rekonstrukcija po nemeckim istochnikam). M., 2005. S. 83.
16. Sedov V. V. K paleoantropologii vostochnyh slavjan // Problemy arheologii Evra zii i Severnoj Ameriki. M., 1977. S. 151, 154.
17. Zaliznjak A. A. Drevnenovgorodskij dialekt. M., 1995. S. 37, 38.
18. Leceevich L. Baltijskie slavjane i severnaja Rus' v rannem srednevekov'e: Neskol'ko diskussionnyh zamechanij. Slavjanskaja arheologija. Jetnogenez, rasselenie i duhovnaja kul'tura slavjan. 1990: Sbornik. M., 1993.
19. Kuz'min A. G. Pervye somnenija i raznochtenija // Slavjane i Rus': problemy i idej: Koncepcii, rozhdennye trehvekovoj polemikoju, v hrestomatijnom izlozhenii. S. 213.
20. Smirnova G. P. O treh gruppah novgorodskoj keramiki X – nachala XI v. Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. M., 1974. Vyp. 139; Ona zhe. Lepnaja keramika drevnego Novgoroda. Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. M., 1976. Vyp. 146.
21. PSRL. T. 38. L., 1989. S. 16.
22. Fragment Djushena, god 789.
23. Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. S. 476.
24. Annaly korolevstva frankov, god 809; Hjegermann D. Karl Velikij. M., 2003. S. 527.
25. Wigger F. Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. Schwerin, 1860. S.105-106.
26. Annaly korolevstva frankov, god 817; Ful'dskie annaly, god 817.
27. Annaly korolevstva frankov, god 819; Gil'ferding A. F. Istorija baltijskih slavjan. S. 286-287.
28. Ful'dskie annaly, god 844.
29. Ksantenskie annaly... S. 143-160.

MOSCOW

UDC 94(47).08

National History: the History of Military Units

**MOSCOW INFANTRY REGIMENT IN HISTORY OF RYAZAN REGION
(2nd quarter of the XIX century)****M. B. Olenev**

Abstract. This article is devoted to the Moscow Infantry Regiment, 17th Infantry Division, 6th Infantry Corps – and its special place in the history of the Ryazan region. We study the principles of the military system, built by Peter the Great: receive «geographical» name field regiments in Peter's day, history of corps organizations in Russia starting from 1810 and up to Milyutinskaya reform, the appearance of the military districts in the 1862-1864 years. Particular attention is paid, the 6th Infantry Corps – «forge military personnel», which in the early 40-ies of the XIX century Nikolaev government responsibilities prior education a recruit in Central Russia. Displayed time grouping infantry regiments divisions, as far as possible, taking into account the «geography» of their names. Studied attempts to change these principles, Alexander I, after the victory in the Napoleonic Wars, and military reforms undertaken Nicholas I. Also of great importance is given to the directions of Russia's foreign policy in the reign of Emperor Nicholas I. A feature of the work is to compile a list of the lower ranks of the regiment according births 1850-1854 years of the State Archives of the Ryazan region (SARR).

Keywords: infantry regiments, recruits, infantry corps, cabinet organization, the 6th Infantry Corps, Moscow Infantry Regiment, regimental staffing, education recruit, replacement and reserve troops, Ryazan province, the Crimean War, births.

г. МОСКВА

УДК 94(47).08

Отечественная история: история воинских соединений

**МОСКОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК В ИСТОРИИ РЯЗАНСКОГО КРАЯ
(2-я ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА)****М. Б. Оленев**

Реферат. Данная статья посвящена Московскому пехотному полку, 17-й пехотной дивизии, 6-го пехотного корпуса – и его особому месту в истории Рязанского края. Исследуются принципы армейской системы, построенной Петром Первым: получение «географических» имен полевых полков в петровское время, история корпусной организации в России, начиная с 1810 и до милютинской реформы, появление военных округов в 1862-1864 годах. Особое внимание уделено, 6-му пехотному корпусу – «кузнице армейских кадров», на который в начале 40-х годов XIX века николаевское правительство возложило обязанность предварительного образования рекрут в Центральной России. Отображен момент группирования пехотных полков по дивизиям, по возможности, с учетом «географии» их названий. Исследованы попытки изменения этих принципов Александром I, после победы в Наполеоновских войнах, и армейские реформы, проведенные Николаем I. Также большое значение уделено направлениям внешней политики России в правление Императора Николая. Особенностью работы является составление полкового списка нижних чинов по данным метрических книг 1850-1854 годов Государственного архива Рязанской области (ГАРО).

Ключевые слова: пехотные полки, рекруты, пехотные корпуса, корпусная организация, 6-й пехотный корпус, Московский пехотный полк, укомплектование полков, образование рекрут, запасные и резервные войска, Рязанская губерния, Крымская война, метрические книги.

*Знают турки нас и шведы,
И про нас известен свет:
На сраженья, на победы
Нас всегда сам Царь ведет!*

Введение. Чем же он так значим для рязанской земли, что я уделяю ему столько внимания?

Если вкратце, то Московский пехотный полк в течение 30-ти лет (с 1833 по 1864 год) входил в состав 6-го пехотного корпуса и в течение 11-ти лет (с 1842 по 1853 год) дислоцировался на территории Рязанской губернии. Мало того, в этот период (вторую треть XIX века) ОСНОВНОЙ контингент рекрут из губернии направлялся служить ИМЕННО В ЭТОТ ПОЛК!

Ни одно воинское соединение в XIX в. не имело столь длительных по времени и тесных по службе связей с губернией.

Мне могут возразить – а как же, 69-й пехотный Рязанский полк, который до 1864 года именовался просто Рязанским пехотным полком? Ведь он же «Рязанский» по названию!

Оказывается, не в названии дело! Да и расквартирован Рязанский полк был в губернии всего 4 года (с 1835 по 1839 годы).

Основная часть.

О названиях полков

В начале XVIII в. почти все солдатские полки назывались по фамилиям своих командиров, которые в подавляющем большинстве были иностранцами. Имена, отчества и фамилии этих иностранцев очень часто, хотя и неумышленно, до неузнаваемости искажались современными им русскими писарями. Иногда в одном и том же солдатском полку полковники в течение года сменялись по несколько раз, вследствие чего и полк также часто менял свое название.

Затем солдатские полковники, с разрешения Петра I, менялись местами с драгунскими полковниками, в результате чего происходило смешения названий. К тому же среди иностранцев нередко попадались двойники по фамилии и даже имени-отчеству.

Поэтому в марте 1708 года регулярные полки получили свои постоянные «географические» имена – по городам России.

Так, в «Штатах кавалерийских и пехотных полков, с показанием расположения оных по Губерниям» от 19 февраля 1711 года¹, из 52 полков инфантерии 45 имели

следующие названия: *Азовский, Архангелогородский, Астраханский, Белгородский, Белозерский, Бутырский, Владимирский, Вологодский, Воронежский, Вятский, Галицкий, Ивангородский, Ингерманландский, Казанский, Каргопольский, Киевский, Копорский, Лефортовский, Луцкий, Московский, Нарвский, Невский, Нижегородский, Новгородский, Олонецкий, Переяславский, Пермский, Петербургский, Преображенский, Псковский, Ростовский, Рязанский, Саксонский, Семеновский, Сибирский, Смоленский, Тверской, Тобольский, Троицкий, Устюжский, Черниговский, Шлиссельбургский, Ямбургский и Ярославский* («Табель пехотным полкам»²).

Из 35-ти кавалерийских полков собственные названия имели 34: *Азовский, Архангелогородский, Астраханский, Белозерский, Владимирский, Вологодский, Вятский, Генеральный Эскадрон, Ингерманландский, Казанский, Каргопольский, Киевский, Лейб-Регимент, Луцкий, Московский, Нарвский, Невский, Нижегородский, Новгородский, Олонецкий, Пермский, Псковский, Ростовский, Рязанский, Санкт-Петербургский, Сибирский, Смоленский, Тверской, Тобольский, Троицкий, Устюжский, Черниговский, Ямбургский и Ярославский* («Ведомость, что в Кавалерии полков...»)³.

Откуда взялись эти названия? Это не означало, что все эти полки формировались или располагались в этих городах. Нижегородский пехотный полк, к примеру, был сформирован в 1700 году в селе Преображенском под Москвой, а за все последующие 100 лет лишь в 1727-1729 и в 1775-1777 годах квартировал в Нижнем Новгороде⁴. Еще более показательна ситуация с Нижегородским драгунским полком, который был сформирован в 1701 году в Новгородской области из местных служилых людей, и за всю свою последующую более чем 200-летнюю историю никогда не был в Нижнем Новгороде. Причем в XIX веке полк постоянно размещался на Кавказе и пополнялся в основном рекрутами из западных и польских губерний.

По какому же тогда принципу получали

полевые полки в петровское время «географические» имена?

Посмотрим, кто оплачивал содержание этих полков. Расходы были пропорциональны доходам губерний. Так, **Московская губерния**, как самая богатая, в 1711 году из своих доходов содержала Генеральный Штаб (91 090 руб.) и 28 полков: в кавалерии – Московский, Владимирский, Рязанский, Ростовский, Тверской, Невский, Ярославский, Луцкий, Нарвский, Олонецкий, Ямбургский, Каргопольский, Кропотов вместо Копорского, Вятский; в инфантерии – Лейб-гвардии Преображенский и Семеновский, Лефортовский, Бутырский, Московский, Владимирский, Рязанский, Ростовский, Белгородский, Переяславский, Троицкий и Черниговский.

Казанская губерния – 20 полков: в кавалерии – Казанский, Астраханский, Нижегородский, Смоленский, Троицкий, Азовский, Пермский и Белозерский; в инфантерии – Казанский, Астраханский, Нижегородский, Саксонский, Новгородский, Псковский, Нарвский, Невский, Ивангородский, Копорский, Ямбургский и Воронежский.

Санкт-Петербургская губерния – 8 полков: в кавалерии – Ингерманландский, Петербургский, Псковский и Устюжский; в

инфантерии – Тверской, Луцкий, Ярославский и Белозерский.

Архангелогородская губерния – 12 полков: в кавалерии – Архангелогородский и Вологодский; в инфантерии – Архангелогородский, Вологодский, Устюжский, Галицкий, Пермский, Вятский, Тобольский, Киевский, Каргопольский и Олонецкий.

Киевская губерния – 3 полка: в кавалерии – Киевский, Черниговский и Новгородский.

Смоленская губерния – 3 полка: в инфантерии – Смоленский, Азовский и Симбирский.

Сибирская губерния – 3 полка: в кавалерии – Сибирский и Тобольский; в инфантерии – Сибирский.

Любопытно, что Псковский драгунский и Белозерский пехотный полки содержала Санкт-Петербургская губерния, а Псковский пехотный и Белозерский драгунский – Казанская; Олонецкий драгунский – Московская губерния, а Олонецкий пехотный – Архангелогородская; Смоленский драгунский – Киевская губерния, а Смоленский пехотный – Смоленская.

Кроме того, каждая губерния оплачивала расходы по содержанию внутренних гарнизонов, а Азовская губерния – еще и флота (см. таблицу).

Губерния	Доход	Расходы				
		Кавалерия (кол-во полков)	Инфантерия (кол-во полков)	Гарнизонные (кол-во полков)	Флот	ВСЕГО
Московская	1 140 097	324 405 (14)	252 125 (12)	16 650 (2 ³)	-	593 180
Казанская	600 000	185 375 (8)	252 124 (12)	27 750 (3 ⁶)	-	465 249
С-Петербургская	336 627	92 687 (4)	84 040 (4)	223 905 (18 ⁷)	-	402 632
Архангелогородская	374 276	46 344 (2)	210 102 (10)	11 100 (1 ⁸)	-	267 546
Азовская	154 933	-	-	72 361 (6 ⁹)	88 259	160 620
Киевская	114 857	69 515 (3)	-	43 416 (4 ¹⁰)	-	112 931
Сибирская	222 080	46 343 (2)	21 010 (1)	16 650 (2 ¹¹)	-	84 003
Смоленская	83 258	-	63 031 (3)	11 100 (1 ¹²)	-	74 131
ВСЕГО		764 669	882 432	422 932		2 160 292

Понятно, что ни о каком равномерном распределении тягостей по содержанию войск речи быть не могло: Московская губерния оплачивала почти треть (!) всех расходов по содержанию регулярных и гарнизонных полков, а три губернии (Московская, Казанская и Санкт-Петербургская) – вместе почти 70 %! На долю же двух последних губерний (Сибирской и Смоленской) приходилось всего 7 %.

При этом содержание одного кавалерий-

ского полка обходилось в среднем в 23 171 руб., в то время как пехотного – в 21 010 руб., т. е. на 10 % дороже!

Рассмотрим теперь «номенклатуру» географических наименований полков.

Согласно указу Петра I от 29 мая 1719 года «Об устройстве губерний и об определении в оныя правителей», 8 губерний, образованных в ходе Областной реформы 1708 года, делились на следующие провинции:

Губерния	Провинции
Архангелогородская (4)	Архангелогородская, Вологодская, Галицкая, Устюжская
Астраханская (1)	Астраханская
Белгородская (3)	Белгородская, Орловская, Севская
Воронежская (5)	Бахмутская, Воронежская, Елецкая, Тамбовская, Шацкая
Казанская (6)	Вятская, Казанская, Пензенская, Свияжская, Соликамская, Уфимская
Киевская (1)	Киевская (12 полков Малороссии)
Московская (11)	Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Переяслав-Залесская, Переяслав-Рязанская, Суздальская, Тульская, Угличская, Юрьевская. Ярославская
Нижегородская (3)	Алатырская, Арзамаская, Нижегородская
Новгородская (5)	Белозерская, Великолуцкая, Новгородская, Псковская, Тверская
Ревельская (1)	Эстляндия
Рижская (1)	Лифляндия
Санкт-Петербургская (2)	Выборгская, Петербургская
Сибирская (3)	Енисейская, Иркутская, Тобольская
Смоленская (1)	Смоленская

Московская губерния на тот момент БЫЛА САМОЙ КРУПНОЙ, как по доходам (соответственно и расходам на содержание!), так и по количеству новых земель.

Ничего удивительно в этом нет. Русь в XV-XVII вв. в западных источниках именовалась Московией. И единое русское государство сформировалось вокруг центрального ядра (Москвы) при Иване III.

Естественно, что из провинций Московской губернии (бывшей Московии) вышло САМОЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО названий полков: в пехоте – это Владимирский, Московский, Переяславский, Ростовский, Рязанский, Тверской, Ярославский, а также Бугырский, Лефортовский, Преображенский, Семеновский (названные по районам Москвы); в кавалерии – Владимирский, Московский, Нижегородский, Рязанский, Ярославский. Сообразно этим показателям, губерния несла расходы и по содержанию полков.

Таким образом, регулярные полки, появившиеся при Петре I, носили в имена старинных городов, расположенных в трех основных регионах тогдашнего Русского государства: в Центре (Московская, Белгородская и Воронежская губернии), на Северо-Западе (Архангелогородская, Новгородская и Санкт-Петербургская) и в Поволжье (Казанская и Нижегородская).

Обратимся к исследованию Павла Шавенкова «Российская регулярная кавалерия в 1698-1917 годах»¹³.

«... Именно эти районы являлись НА ТОТ МОМЕНТ основным источником ком-

плектования регулярных войск, поскольку на них ложилась основная тяжесть рекрутских наборов того времени. Характерно, что наиболее крупные в то время города были представлены в рядах армии каждый двумя полками – пехотным и драгунским.

Однако надо еще раз подчеркнуть, что все это вовсе не значило, что полки, именовавшиеся, например, Московскими или Казанскими, пополнялись именно москвичами или казанцами. В 1711 году было решено, что полки должны получать пополнения из той губернии, к которой были приписаны, но из-за постоянного передвижения полков в ходе Северной войны эта система не смогла на деле закрепиться. По окончании же войны полки в подавляющем большинстве были расквартированы в городах, не совпадавших с их наименованиями; при этом и рекруты в полк поступали в основном из района его расположения.

Второй по численности была группа полков, получивших имена по местам, отвоеванным у шведов в первые годы войны: Санкт-Петербургские пехотный и драгунский, Ингерманландские пехотный и драгунский, Невские пехотный и драгунский, Нарвские пехотный и драгунский, Выборгский, Копорский, Шлиссельбургский пехотные полки и Ямбургский драгунский полк.

Такое внимание к этим географическим пунктам было обусловлено желанием Петра (а наименования полков, несомненно, выбирал он сам) продемонстрировать, что данные территории ТАКАЯ ЖЕ НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ Российского государства, как и центральные районы страны.

Обращает в этой связи внимание тот

факт, что даже после потери в результате неудачного Прутского похода крепости Азов, в рядах армии сохранялись Азовские – пехотный и драгунский – полки: видимо таким образом подчеркивалось стремление со временем возвратить этот важный пункт.

В меньшей степени были представлены в именах полков территории, почти не участвовавшие в то время в комплектовании регулярных войск. Так, вся Левобережная Украина (на ее территории рекрутские наборы до времен Екатерины II не проводились) была представлена в рядах полевых войск лишь Киевскими – пехотным и драгунским – полками и Черниговским пехотным полком, а огромная Азиатская Россия – Сибирскими пехотным и драгунским и Тобольскими пехотным и драгунским полками.

Кстати, последние четыре полка за все время своего существования никогда не были в Сибири.

Таким образом, как и в предшествующих случаях, выбор имен этих полков диктовался в первую очередь политическими соображениями – необходимостью представить в рядах армии все регионы страны. Частота же упоминания в наименованиях полков тех или иных географических пунктов несомненно является показателем степени значимости соответствующих регионов в государственной политике того времени.

Итак, выбор «географических» имен регулярных полевых полков Петром I являлся не случайным и был связан не столько с районами их расположения или комплектования, сколько со стремлением продемонстрировать значимость соответствующих регионов для внутренней и внешней политики России.

Необходимо отметить, что даже к концу жизни Петра не все полки имели «географические» наименования. Гренадерские (пехотные и драгунские) и ландмилицкие полки продолжали именоваться по командирам или шефам, видимо потому, что рассматривались как временные части. Кроме того, существовал драгунский Лейб-Регимент (от немецкого «regiment» – полк), который по мысли царя должен был играть для кавалерии ту же роль, что и гвардейские полки для пехоты...»

Из истории корпусной организации в России

Пехотный корпус, как абсолютно новая структура в российской армии, появился в период наполеоновских войн.

В январе 1810 г. новым российским Военным Министром был назначен Генерал от Инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли. От русской разведки он имел достаточно полное представление о том, как готовится к походу на Россию Наполеон. При полной поддержке императора Александра I Барклай де Толли провел целый ряд широкомасштабных преобразований в целях увеличения военной мощи государства, которые прямо сказались на итогах Отечественной войны.

Кстати, в историю военного искусства, по мнению западных авторов, он вошел как архитектор стратегии и тактики «выжженной земли» – отрезания основных войск противника от тыла, лишения их снабжения и организации в их тылу партизанской войны.

Военные реформы 1810-1812 годов при всей своей незавершенности к началу вторжения армии Наполеона заметно усилили русскую армию, усовершенствовали как систему управления армией, так и подготовку в стране резервов. Глава военного ведомства проводил преобразования с учетом прошедших войн с наполеоновской армией.

Подготовительные мероприятия к новому вооруженному конфликту с Францией были намечены им в докладной записке «О защите западных пределов России», которую император Александр I утвердил в марте 1810 г. Идеи, изложенные в записке, легли в основу начатой военной реформы.

В рамках проведенных реформ, именным указом от 26 октября 1810 года «О составлении из некоторых дивизий корпусов» были учреждены пехотные корпуса, которые впоследствии вошли в состав 1-й Западной армии под командованием самого Военного Министра¹⁴:

1) войска Генерал-Лейтенанта Графа Витгенштейна (5-я и 14-я дивизии) составили 1-й корпус; сюда же был отнесен и Динабургский гарнизонный батальон;

2) войска Генерал-Лейтенанта Штейнгеля (6-я, 7-я и 21-я дивизии) – 2-й корпус;

3) войска Генерал-Лейтенанта Эссена 1-го (2-я, 3-я и 4-я дивизии) – 3-й корпус;

сюда же был отнесен и Бобруйский гарнизонный батальон;

4) войска Генерала от Инфантерии Дохтурова (7-я и 25-я дивизии и резерв 9-й, 10-й и 18-й дивизий и Кавалерийских полков 9-й и 10-й дивизий) – 4-й корпус; сюда же были отнесены Киевский гарнизонный полк и Хотинский гарнизонный батальоны;

5) войска Генерала от Кавалерии Тормацова (19-я и 20-я дивизии) – 6-й корпус.

При этом состав 5-го корпуса определен не был. К июню 1812 года в составе 2-й Западной армии появились 7-й (в составе 12-й и 26-й дивизий) и 8-й пехотные (в составе 2-й и Сводной Гренадерской дивизий) корпуса.

В дальнейшем состав корпусов неоднократно менялся.

22 сентября 1829 года появилось Высочайше утвержденное «Росписание 1-й Армии в новом ее составе»¹⁵. Отныне состав пехотных корпусов был следующий (указаны только пехотные дивизии):

1-й пехотный корпус – 1-я, 2-я, 3-я и 4-я пехотные дивизии;

2-й пехотный корпус – 5-я, 6-я, 7-я и 8-я пехотные дивизии;

3-й пехотный корпус – 9-я, 10-я, 11-я и 12-я пехотные дивизии;

4-й пехотный корпус – 13-я, 14-я, 15-я и 16-я пехотные дивизии;

5-й пехотный корпус – 17-я, 18-я, 19-я и 20-я пехотные дивизии.

14 февраля 1831 года Отдельный Литовский корпус был упразднен и стал 6-м пехотным корпусом и к составлявшим его 24-й и 25-й пехотным дивизиям прибавлена еще одна: 26-я, составленная из резервных

батальонов 24-й и 25-й пехотных дивизий¹⁶.

Спустя два года последовало самое значительное преобразование армейской пехоты. Согласно Высочайше Утвержденному 28 января 1833 года «Проекту Положения о преобразовании Армейской пехоты» в состав корпусов вошли по три дивизии¹⁷:

Отдельный Гренадерский – 1-я, 2-я и 3-я Гренадерские дивизии;

1-й пехотный корпус – 1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии;

2-й пехотный корпус – 4-я, 5-я и 6-я пехотные дивизии;

3-й пехотный корпус – 7-я, 8-я и 9-я пехотные дивизии;

4-й пехотный корпус – 10-я, 11-я и 12-я пехотные дивизии;

5-й пехотный корпус – 13-я, 14-я и 15-я пехотные дивизии;

6-й пехотный корпус – 16-я, 17-я и 18-я пехотные дивизии (§4).

В 1835 году номерами поменялись три корпуса. Скорее всего, причиной было то, что 5-й и 6-й пехотные корпуса, были стратегическим резервом для пополнения Действующей армии и Отдельного Кавказского корпуса, подчиняясь непосредственно Военному Министру. К тому же они были последними по счету, что просто делало удобной нумерацию.

Согласно именному указу, объявленному в приказе Военного министра от 26 апреля 1835 года «О переименовании 4, 5 и 6 пехотных корпусов»¹⁸ 4-й пехотный корпус был переименован в 6-й, 5-й – в 4-й, а 6-й – в 5-й (§1). Равным образом были переименованы и пехотные дивизии этих трех корпусов (§3):

Нынешнего 4-го корпуса	Нового 6-го пехотного корпуса
10-я пехотная дивизия	в 16-я пехотную дивизию
11-я пехотная дивизия	в 17-я пехотную дивизию
12-я пехотная дивизия	в 18-я пехотную дивизию
Нынешнего 5-го корпуса	Нового 4-го пехотного корпуса
13-я пехотная дивизия	в 10-я пехотную дивизию
14-я пехотная дивизия	в 11-я пехотную дивизию
15-я пехотная дивизия	в 12-я пехотную дивизию
Нынешнего 6-го корпуса	Нового 5-го пехотного корпуса
16-я пехотная дивизия	в 13-я пехотную дивизию
17-я пехотная дивизия	в 14-я пехотную дивизию
18-я пехотная дивизия	в 15-я пехотную дивизию

Таким образом, 6-й пехотный корпус с тем номером и в том составе, который необходим нам для исследования, «появился на свет» в 1835 г.

В 1842 году в системе обучения новобранцев произошли важные изменения. Правительство признало возможность подготовку рекрут возложить прямо на полки 6-го кор-

пуca, а 5-е резервные батальоны упразднить, что и было достигнуто распределением наличных чинов по полкам. Нижние чины, выслужившие установленный срок, увольнялись в бессрочный отпуск, а прочие поступали в действующие батальоны.

Вместе с тем приказано иметь в запасных войсках для каждого полка первых шести пехотных корпусов по 2 батальона кадрового состава: 5-й резервный и 6-й запасной по 470 чинов каждый.

Согласно Положения от 20 января 1842 года «Об упразднении на мирное время, резервных батальонов..., и о замене их, в образовании рекрут, полками 6-го пехотного корпуса»¹⁹ объявлялось, что резервные батальоны Отдельного Гренадерского корпуса и резервных дивизий 1, 2, 3, 4, 5 и 6 пехотных корпусов, всего 84 батальона, из действительного состава войск перечисляются в состав войск запасных (§1) и на мирное время упраздняются (§2).

С упразднением резервных дивизий 6-ти пехотных корпусов, «предварительное образование рекрут, для войск действующих» «возлагается на пехоту и артиллерию 6 пехотного корпуса» (§4).

Обучение военному делу поступившего на службу рекрута в первой половине XIX века продолжалось несколько лет, обычно два-три года. Фактически это означало, что взятый на военную службу рекрут обучался всему необходимому, повторяя то, что делали более опытные солдаты.

В российской армии в XIX веке существовала особая фигура – так называемый «дядька». Военный энциклопедический лексикон 1856 года так определяет роль этого лица: «в продолжении одного года всякий поступающий на службу считается рекрутом и состоит под особым надзором старого солдата (дядьки), которому он должен повиноваться и отдавать честь как ефрейтору. За то дядька наблюдает за поведением рекрута, руководствует его в приобретении необходимых для каждого солдата познаний и повторяет с ним ротную школу, после приобретения которой, новобранец поступает уже в разряд молодых солдат»²⁰.

В специальной памятке, предназначенной для «дядьки», который назначался для обучения новобранцев, указывалось, как ему нужно встретить молодое пополнение:

«пришли твои новобранцы в казарму – первое дело опроси, как их зовут и назови себя. Покажи им ротный образ, назови святого и заставь их перекреститься и помолиться Богу, чтобы служба прошла тихо, без горя и чтобы выучка далась легко <...>²¹.

Из каждого новобранца-мужика надо сделать отличного солдата, то есть честного и храброго воина, вполне послушного своим начальникам и готового везде, во всякое время, исполнять всякие приказания начальника...

«Дядька» играл значимую роль в первоначальном обучении молодого рекрута. Как правило, учителя для молодых солдат, то есть «дядьку», отбирали из среды наиболее подготовленных солдат, уже имевших продолжительный срок службы и хорошо разбирающегося в том, чему и как нужно было учить молодого рекрута. Обычно за таким «дядькой» закрепляли несколько молодых рекрут. За деятельностью этого наставника обязаны были присматривать унтер-офицеры, которые при необходимости могли вмешиваться в процесс обучения рекрута и даже, если возникала такая необходимость, могли отстранить нерадивого «дядьку» от исполнения служебных обязанностей. Необходимо отметить, что определенную часть обучения рекрута брали на себя унтер-офицеры и младшие офицеры, назначенные соответствующим приказом командования воинской части.

Таким образом, в 1842 г. правительство решило вернуться к системе рекрутских депо, своеобразных обучающих центров для новобранцев (аналог советской «учебки»), созданных в начале XIX века тогдашним военным министром графом А. А. Аракчеевым. Только роль этих депо отныне стали выполнять части 6-го пехотного корпуса.

По Положению от 25 января 1842 года «О новом составе запасных войск» С упразднением резервных батальонов, «предварительное образование рекрут для войск действующих возлагается на пехоту и артиллерию 6 пехотного корпуса; и в следствие сего корпус сей получает новое ... расквартирование, соответствующее цели его назначения» (§36)²².

Теперь войска 6-го пехотного корпуса размещались: **16-я пехотная дивизия** – в

Твери, Ростове или Угличе, Ярославле, Костроме и окрестностях; **17-я пехотная дивизия** – в Нижнем Новгороде, Владимире, Тамбове, Рязани и окрестностях; **18-я пехотная дивизия** – в Орле, Туле, Калуге, Гжатске и окрестностях и Артиллерийская дивизия – в Серпухове, Коломне, Гавриловском посаде и в городах: Александрове, Юрьеве-Польском, Суздале и окрестностях (§37).

Непосредственно на территории губернии дислоцировался только Московский пехотный полк 17-й пехотной дивизии. Другие полки дивизии были расквартированы в других местах: Бутырский – в Тамбовской губернии, Тарутинский – в Нижегородской, и Бородинский – во Владимирской.

Итак, начиная с 1842 года и на целое десятилетие (до начала Крымской войны) Московский пехотный полк был расквартирован на территории Рязанской

губернии. Именно в это время 6-й пехотный корпус (и Московский полк, в частности), выполнял функции своеобразного учебного центра для новобранцев, которых, в свою очередь, направляли затем в Действующую армию и на Кавказ.

Однако будет неправильным утверждением, что Московский полк играл роль учебного подразделения. Да, после возвращения с Кавказа в 1833 году и затем в течение 20-ти лет полк не принимал участия в боевых действиях. Но с началом Крымской войны был направлен в составе 17-й пехотной дивизии для усиления войск в Крыму. И в этом его основное отличие от чисто учебного подразделения.

Так, по данным метрических книг села Мурмина, Рязанского уезда удалось выяснить, что нижние чины полка служили в нем **ДОВОЛЬНО ДЛИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ** (в том числе четыре человека – более 10 лет):

Ф.И.О. рекрута	Звание	Год призыва	Год упоминания в МК	Прошло лет
Тихон Петров Чалов	унтер-офицер	1835	1853	18
Сергей Петров Алешин	рядовой	1843	1859	16
Иван Максимов Кузнецов	рядовой	1836	1852	16
Филипп Макаров Яшин	солдат	1830	1844	14
Максим Григорьев Зверев	унтер-офицер	1845	1853	8
Герасим Васильев Васильев	унтер-офицер	1845	1852	7
Ефим Васильев Юриков	унтер-офицер	1845	1852	7
Антон Иванов Шаров	рядовой	1854	1859	5
Семен Назаров Ассев	рядовой	1845	1849	4

По окончании Крымской войны 27 марта 1856 г. Именным указом, объявленным в приказе Военного Министра «О именовании нынешних шести пехотных корпусов армейскими корпусами, с сохранением присвоенных оным номеров» пехотные корпуса стали именоваться армейскими²³.

23 августа того же года²⁴ «Положением о переформировании пехоты 1, 2, 3, 4, 5 и 6 армейских корпусов» в действующих полках всех корпусов введен трехбатальонный состав, как на мирное, так и на военное время, но с тем, чтобы при каждом батальоне состояла 5-я стрелковая рота (§1). Резервные и запасные части этих шести корпусов были расформированы (§2).

В мирное время планировалось содержать на службе 4-е резервные батальоны, которые должны были служить основанием для формирования, в военное время, резервных полков 1-6-го армейских корпусов

(§3). 4-е действующие батальоны полков исключались из состава действующих войск и переводились в резервные войска (§9).

В таком виде 6-й армейский корпус просуществовал еще целых 20-ть лет, вплоть до милютинских реформ начала 60-х годов, когда началось упразднение корпусов: **6 июля 1862 года** – 1-го, 2-го и 3-го (вместо них образованы Управления войск в Царстве Польском, Виленского и Киевского военных округов²⁵); **1 сентября 1862 года** – Гвардейского резервного кавалерийского Корпуса²⁶; **10 декабря 1862 г.** – 5-го армейского и Сводного резервного кавалерийского (вместо них образовано управление Одесского военного округа²⁷); **13 января 1864 г.** – Гренадерского²⁸, **6 августа 1864 г.** – Отдельного Гвардейского, 4-го и 6-го армейских, внутренней стражи и Отдельного Оренбургского и Сибирского²⁹.

Высочайше утвержденным «Положени-

ем о Военно-Окружных Управлениях» от 6 августа 1864 г. был образован **Московский военный округ**. Округ охватывал часть губерний, в которых ранее дислоцировался 6-й армейский корпус: Московская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская и Тамбовская³⁰.

Однако преимущества корпусной организации в деле подготовки войск и усиления их боевой готовности привели к воссозданию армейских корпусов в 1874-1879 годах. Каждый корпус включал в себя две или три пехотных и одну кавалерийскую дивизии с артиллерией.

Вновь формирование армейских корпусов началось 1 ноября 1876 года. Согласно «Докладной записке по мобилизационному комитету» 18 января 1877 года в Киевском военном округе был создан 14-й армейский корпус, куда вошли, в частности, 17-я и 18-я пехотные дивизии Московского военного округа³¹.

В 1877 году при новой организации корпусов пехотные полки, входившие ранее в состав 6-го пехотного корпуса, были перераспределены между корпусами, дислоцированными уже на территории **Варшавского военного округа**³².

Так, пехотные полки 16-й пехотной дивизии (61-й Владимирский, 62-й Суздальский, 63-й Углицкий и 64-й Казанский) были перечислены в **6-й армейский корпус**; 17-й пехотной дивизии (65-й Московский, 66-й Бутырский, 67-й Тарутинский и 68-й лейб-пехотный Бородинский) – в **19-й армейский корпус**; 18-й пехотной дивизии (69-й Рязанский, 70-й Рязский, 71-й Белевский и 72-й Тульский) – в **14-й армейский корпус**³³.

Привязка к местностям по дивизиям и корпусам

Армейские реформы Николая I привели к тому, что во второй трети XIX века пехотные полки были сгруппированы по дивизиям, по возможности, с учетом «географии» их названий.

Так, например, в 6-й пехотный корпус входили: в 16-ю дивизию – *Владимирский, Суздальский, Углицкий и Казанский* полки (**Северное и Северо-Восточное направле-**

ния от Московской губернии); в 17-ю – *Московский, Бутырский, Тарутинский и Бородинский* полки (**Западное и Юго-Западное направления от Московской губернии**); а в 18-ю – *Рязанский, Рязский, Белевский и Тульский* полки (**Южное и Юго-Восточное направления от Московской губернии**).

Как видно, весь 6-й корпус был сформирован из полков, получивших названия по близлежащим к Московской губернии (т. е. историческому Центру) землям.

Замечу, что существовавшая в XVIII веке, система была не столь привязана к географии. К примеру, 10 мая 1763 года Высочайше утвержден доклад Военной коллегии о полковых знаменах, в котором полки были расписаны по дивизиям³⁴. Уже упоминаемый выше Рязанский пехотный полк вошел в состав ... Финляндской дивизии (!), с квартирой в г. Фридрихсгаме³⁵, наряду с Тобольским, Псковским, Шлиссельбургским, Выборгским полками и Финляндским егерским батальоном. Сибирский же полк попал в состав Лифляндской дивизии, Вятский и Казанский – Эстляндской, Пермский и Апшеронский – Смоленской.

Группирование корпусов и дивизий из полков с названиями близлежащих местностей началось ЛИШЬ ПО ОКОНЧАНИИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН, т. е. во второй период царствования Императора Александра I.

Так, 1 июля 1817 года был создан Отдельный Литовский корпус, в состав которого вошли 27-я и 28-я пехотные дивизии. Первую составили Брестский, Белостокский, Литовский и Виленский пехотные полки; вторую – Волынский, Минский, Подольский и Житомирский пехотные полки³⁶.

Примечательно, что корпус и входящие в его состав полки представляли **Западный край Российской империи**, а именно территории Белорусского и Литовского генерал-губернаторств, образованных на землях бывшего Великого княжества Литовского. Все эти земли вошли в состав Российской империи по 2-му и 3-му разделу Речи Посполитой (1793 и 1795 годы).

В 27-й пехотной дивизии были собраны полки, представлявшие центральный участок этих земель: город Брест-Литовск с уездом, Белостокскую область, отошедшую к

России в 1807 году по Тильзитскому миру и Литовско-Виленскую губернию.

28-я пехотная дивизия представляла три южных участка: губернии Минскую, Волынскую (с центром в Житомире) и Подольскую. И отдельно был представлен Житомирский пехотный полк³⁷.

Однако не весь Северо-Западный край был представлен в Литовском корпусе. Самый западный его участок (не считая Царства Польского), Гродненская губерния, был удостоен отдельной почести: *Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк* вошел в состав Отдельного Гвардейского корпуса!

Земли же, расположенные чуть восточнее и северо-восточнее, были представлены полками **3-го пехотного корпуса**, 7-й пехотной дивизии: *Витебским, Смоленским, Могилевским и Полоцким*.

Отдельный Литовский корпус служил, за исключением гвардейских частей, резервом для польской армии, расположенной в пределах Царства Польского.

Итог. За время правления Императора Александра I территория Российской империи значительно расширилась: в российское подданство перешли Восточная и Западная Грузия, Мингрелия, Имеретия, Гурия, Финляндия, Бессарабия, большая часть Польши (образовавшая Царство Польское).

Российская империя после Наполеоновских войн была совсем другой, нежели при Петре I или Екатерине II. Российский император достиг вершины своего могущества. Монарх изменяет свой краткий титул: «Божьей милостью Мы, Александр I, Император и Самодержец Всероссийский» – это то, что досталось ему от бабки, а далее – его собственные приобретения: «Царь польский, Великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая». В полном титуле – 55 наименований. В этом перечислении субъектов империи самодержец отдельно именуется «Государь грузинский, имеретинский и мингрельский», вплоть до районов и даже сельсоветов, и оптом – «Царь сибирский»!

В России была лучшая армия мира, только что сокрушившая антихриста (Наполеона), и прошагавшая через всю Европу – от Москвы до Парижа!

Если при Петре выбор имен полков диктовался необходимостью представить

в рядах армии все регионы страны, то в эпоху Александра I, к этому добавилась и необходимость прибавить значимости вновь приобретенным территориям.

Польша и Финляндия после присоединения к России получили колоссальные привилегии. Так, Польское королевство связывалось с Российской империей общностью царствующей династии. Александр I стал польским королем и вступил на польский трон в соответствии с российским порядком наследования престола. Но власть российского монарха в Польше ограничивалась в известной мере местным представительным органом с законодательными функциями – сеймом.

Главкомандующим польской армией и фактическим наместником Царства Польского стал наследник престола, младший брат Императора Константин Павлович (наместником же был его доверенное лицо князь Иосиф Зайончек).

Дарование Царству Польскому конституции Александр I рассматривал как первый шаг к введению представительной формы правления в Российской империи. Соответствующий намек был сделан им в марте 1818 года в речи, произнесенной на открытии польского сейма. Однако, дальше этого дело не пошло.

Вхождение Финляндии в Россию, по сути, было актом по созданию национального государства, которого у финнов до этого не было – на Боргоском сейме в 1809 году Александр пообещал сохранить в неизменном виде основной закон страны, «конституцию», как он ее назвал, принятый еще в 1772 году. На императора России этим сеймом были возложены функции, которые до этого выполнял король Швеции, накануне отстраненный от власти.

Таким образом, Царство Польское стало не просто буферным государством между Россией и Западной Европой.

В 1815-1830 годах польские и литовские (т. е. национальные) войска были ОСНОВОЙ РУССКИХ СИЛ на западе империи!

ЭТО В ОПРЕДЕЛЕННОЙ СТЕПЕНИ ПОДРЫВАЛО ПРИНЦИПЫ АРМЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ, ПОСТРОЕННОЙ ПЕТРОМ I.

До Николая I российская армия укомп-

лектовывалась на 90 % великорусским крестьянством. При этом по национальному признаку (полностью или частично) освобождались от службы ряд народностей Сибири, жители Кавказа, Башкирии (последним было дано право денежной замены), Бессарабии, крымские татары, а также армяне и татары Астраханской губернии.

По территориальному признаку освобождались все жители отдаленных районов Сибири, жители Архангельской губернии (дано право денежной замены) и др. Сюда же относились изъятия по правам переселения. Этим правом пользовались переселенцы из Западной Европы – немцы в Поволжье, на Украине и на Кавказе, а также многочисленные переселенцы с Балкан (сербы, болгары, греки).

Нельзя сказать, что Александр I прибег к уже уходящей в историю тактике принятия на военную службу наемников. Туземцы на военной службе – это далеко не редкость. Еще в средневековой Европе, начиная с XIV века, были популярны швейцарские наемные войска. С распространением их славы стал расти спрос на их службу, особенно в XV веке. В 1444 году в битве у Сент-Якоба Карл VII узнал отчаянное мужество этих наемников, вследствие чего постоянной целью французской политики стало привлечение их на службу Франции.

Несмотря на воинственность своих солдат и офицеров, Швеция длительное время сохраняла нейтралитет. Считается, что знаменитый швейцарский нейтралитет существовал с XVI века – после заключения мирного договора с Францией 29 ноября 1516 года, в котором был провозглашен «вечный мир».

Но лишь государства со значительными материальными ресурсами могли позволить себе содержать такие огромные армии. Например, в конце XVII века в России на содержание армии уходило 60% государственных доходов в мирное время и 90 % – во время войны³⁸.

В этот период все основные европейские страны перешли к армии к армии регулярного образца вместо наемников, которые раньше обеспечивались богатыми предпринимателями, хотя частные компании, такие как Британская Ост-Индия еще сохраняли свои армии в колониях.

Попытка завести национальные войска на западных границах империи в итоге провалилась, хотя на Руси прецеденты имелись (достаточно вспомнить башкирские или калмыцкие воинские формирования).

После подавления польского восстания польская армия, Литовский и Финляндский корпуса были распущены.

В начале 30-х годов правительством Николая I были проведены армейские реформы, в результате которых корпусная система почти на 30 лет приобрела неизменный вид.

Так, по Положению о Преобразовании армейской пехоты от 28 января 1833 года в состав **1-го пехотного корпуса** вошли полки, представлявшие Северо-Западную часть России (Санкт-Петербургская, Новгородская, Псковская и Эстляндская губернии):

– Невский и Софийский пехотные полки, Нарвский и Копорский егерские полки (1-я пехотная дивизия);

– Пехотный принца Вильгельма Прусского полк (1818-1840, затем до 1857 – пехотный принца Прусского полк) и Пехотный принца Карла Прусского полк (1822-1857)³⁹, Ревельский и Эстляндский егерские полки (2-я пехотная дивизия);

– Староингерманландский, Новоингерманландский, Фельдмаршала Князя Кутузова-Смоленского и Великолуцкий егерские полки (3-я пехотная дивизия).

Во 2-м пехотном корпусе – представлявшие Северные губернии (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии), и родственную им Костромскую (ранее, Галицкий уезд Костромской губернии входил в состав Архангелогородской губернии):

– Белозерский и Олонецкий пехотные, Шлиссельбургский и Ладужский егерские полки (4-я пехотная дивизия);

– Архангелогородский и Вологодский пехотные, Костромской и Галицкий егерские полки (5-я пехотная дивизия);

– Муромский и Нижегородский пехотные, Низовский и Симбирский егерские полки (6-я пехотная дивизия).

В 3-м пехотном корпусе – представлявшие города Западной и Юго-Западной Руси:

– Фельдмаршала Герцога Веллингтона (ранее – Смоленский) и Могилевский пехотные, Витебский и Полоцкий егерские полки (7-я пехотная дивизия);

– Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканского (ранее – Черниговский) и Полтавский пехотные, Алексопольский и Кременчугский егерские полки (8-я пехотная дивизия);

– Елецкий и Севский пехотные, Брянский и Орловский егерские полки (9-я пехотная дивизия).

В 4-м пехотном корпусе – полки носили названия городов Центральной России (или, как принято называть эти земли в историографии – Северо-Восточной Руси):

– Владимирский и Суздальский пехотные, Фельдмаршала Князя Сакена (ранее – Углицкий) и Казанский егерские полки (10-я пехотная дивизия);

– Московский и Бутырский пехотные, Бородинский и Тарутинский егерские полки (11-я пехотная дивизия);

– Рязанский и Ряжский пехотные, Белевский и Тульский егерские полки (12-я пехотная дивизия).

В 5-м пехотном корпусе была «сборная солянка» – в 13-й и 14-й дивизии были представлены Урал и Сибирь, а в 15-й дивизии – Украина:

– Екатеринбургский и Тобольский пехотные, Томский и Колыванский егерские полки (13-я пехотная дивизия);

– Селенгинский и Якутский пехотные, Охотский и Камчатский егерские полки (14-я пехотная дивизия);

– Азовский и Днепровский пехотные, Украинский и Одесский егерские полки (15-я пехотная дивизия).

И, наконец, **в 6-м пехотном корпусе** – полки носили названия городов и местечек Западных губерний:

– Брестский и Белостокский пехотные, Литовский и Виленский егерские полки (16-я пехотная дивизия);

– Волынский и Минский пехотные, Подольский и Житомирский егерские полки (17-я пехотная дивизия);

– Модлинский и Прагский пехотные, Люблинский и Замосцкий егерские полки (18-я пехотная дивизия).

С рождения записанный на военную службу, воспитанный генералом М. Н. Ламз-дорфом, любивший порядок и дисциплину, Николай I, как видно, и в реформах старался придерживаться определенной системы.

Как уже отмечалось, в 1835 году номерами поменялись три корпуса (4-й пехот-

ный корпус был переименован в 6-й, 5-й – в 4-й, а 6-й – в 5-й) и корпусная организация приняла свой окончательный вид.

«Кузница кадров»

6-й пехотный корпус в 30-50-е годы играл роль стратегического резерва (в военное время), а в мирное выступал своеобразной «кузницей кадров» для Действующей армии.

Так, 30 ноября 1836 года последовало Высочайше утвержденное положение об укомплектовании 1-го и 4-го пехотных корпусов. Приказано было из полков всего 6-го корпуса приготовить к отправлению туда 3-ю, 6-ю, 9-ю и 12-ю мушкетерские роты. В результате, 21 января 1837 года 3-я мушкетерская рота Московского пехотного полка, войдя в состав 2-го маршевого батальона (3 обер-офицера, 10 унтер-офицеров, 6 музыкантов и 182 рядовых) отправлена на укомплектование 1-го пехотного корпуса; 23 января – 6-я, 9-я и 12-я мушкетерские роты (1 штаб-офицер, 8 обер-офицеров, 3 унтер-офицера, 3 музыканта и 517 рядовых), составив 8-й маршевый батальон, – на пополнение 4-го пехотного корпуса. Т. о., батальоны полка остались в 3-х ротном составе⁴⁰.

Из отчета о действиях Военного министерства за 1836 года:

«...Войска 1-го и 4-го пехотных корпусов укомплектованы в 1836 году старослужащими нижними чинами 6-го пехотного корпуса. Сих последних поступило на укомплектование: 1-го корпуса – 2217 чел., 4-го – 6502, всего – 8719 человек. Взамен старослужащих, 6-й пехотный корпус предполагается укомплектовать рекрутами»⁴¹.

В 1846 году на укомплектование 3-го пехотного корпуса отделены от полков 6-го пехотного корпуса все 1-е, 4-е и 7-е мушкетерские и егерские роты каждые в составе: унтер-офицеров – 10, рядовых – 250. Таким образом, отчислено от 6-го корпуса 36 рот, в которых: унтер-офицеров – 360, рядовых – 9000. Всего 9360⁴².

В 1852 году из 6-го пехотного корпуса отправлено на укомплектование:

- 1) 1-го пехотного корпуса – 5035 чел.
- 2) 13-й пехотной дивизии – 1667 чел.
- 3) 2-го пехотного корпуса – 10939 чел.⁴³

В 1853 году во 2-й пехотный корпус отправлено из 6-го 11652 чел. (маршрут – из Москвы в Санкт-Петербург, а затем в

Варшаву)⁴⁴.

К особенным мерам укомплектования относилось назначение старослужащих в войска Отдельного Кавказского корпуса.

Во 2-й четверти XIX века приоритетным для российской внешней политики было южное направление. Именно в этом направлении шла в этот момент территориально-политическая экспансия России.

Так, в 1840 году в корпус были направлены 17600 старослужащих. В состав этого укомплектования поступили вся резервная дивизия 3-го пехотного корпуса и 48 мушкетерских и егерских рот полков 6-го пехотного корпуса. А, сверх того, из 13-го и 15-го пехотных дивизий 5-го корпуса 1270 человек вместо рекрут в Черноморские линейные батальоны⁴⁵.

В 1841 году были командированы на черноморскую береговую линию – вторые батальоны 13-й пехотной дивизии и на Кавказ – все 4 полка 14-й пехотной дивизии⁴⁶.

Ранее (до 1842 года) артиллерия Кавказского корпуса (состоя из 3-х бригад – Кавказской гренадерской, 19-й и 20-й) получала для пополнения убыли в людях старослужащих нижних чинов из прежних резервных батарей 4-й и 5-й артиллерийских дивизий. С 1842 года было повелено рекрут на укомплектование артиллерии Кавказского корпуса направлять с мест набора в резервную дивизию сего корпуса⁴⁷.

В 1842 году на Кавказ для пополнения убыли в полках повелено обратить 200 человек рекрут набора 1842 года, предназначенных для Владикавказского и бывшего 1-го Малороссийского казачьего полка и, сверх того, 800 старослужащих из Воронежского, Тамбовского, Орловского, Саратовского, Пензенского и Рязанского гарнизонных батальонов⁴⁸.

В 1843 году на Кавказ для пополнения убыли назначены с первых 3-х батальонов каждого полка 6-го пехотного корпуса – по 48 унтер-офицеров, 12 барабанщиков, 12 горнистов и 720 рядовых и от легких №6 и 7 батарей 18-й артиллерийской бригады 37 фейерверкеров, 8 музыкантов и 272 рядовых. Всего нижних чинов – 9821⁴⁹.

Один Отдельный Кавказский корпус по составу был больше, чем любой пехотный⁵⁰: – в пехоте – 70 пехотных, 47 линейных батальонов и 15 батальонов в резервной дивизии корпуса и 3-й резервный саперный бата-

льон против 50-ти пехотных батальонов;

– в артиллерии – 23 батареи против 14 батарей;

– в кавалерии – 11 эскадронов драгун против 32 эскадронов.

Кавказский корпус пополнялся не только старослужащими нижними чинами. Так, в конце 20-х - 30-х годов в ссылку на Кавказ, в «Южную Сибирь», как горько шутили в то время, были отправлены причастные к событиям 14 декабря 1825 года, в частности:

– Б. А. Бодиско, лейтенант Гвардейского Экипажа – в Тифлисский пехотный полк (1826);

– А. О. Корнилович, штабс-капитан Гвардейского Генерального Штаба – в Ширванский пехотный полк (1832);

– К. Г. Игельстром, капитан Литовского пионерного батальона – в Кавказский саперный батальон (1836);

– А. Е. Розен, поручик Лейб-гвардии Финляндского полка – в Мингрельский егерский полк (1837);

– М. А. Назимов, штабс-капитан Лейб-гвардии конно-пионерного эскадрона-рядовым в Кабардинский егерский полк (1837);

– А. И. Одоевский, корнет Лейб-гвардии Конного полка – в Нижегородский драгунский полк (1837).

При этом их направляли искупать свою вину по собственным прошением, но с высочайшего разрешения Императора.

Кроме декабристов на Кавказ были также отправлены: А. И. Якубович, корнет Лейб-гвардии Уланского полка, в Нижегородский драгунский полк – за участие в «четверной дуэли» с Грибоедовым (1818); а в 1837 году – и М. Ю. Лермонтов, корнет Лейб-гвардии Гусарского полка, в Нижегородский драгунский полк – за стихотворение «Смерть поэта».

Служить на Кавказе довелось не только дворянам-офицерам. Так, 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге среди бунтарей было 3000 нижних чинов (670 солдат преимущественно 2-го батальона Лейб-гвардии Московского полка⁵¹, около 1250 солдат Лейб-гвардии Гренадерского полка и около 1100 матросов Гвардейского морского экипажа)⁵². После ареста и суда «прощенным» гвардейским солдатам была предоставлена возможность

реабилитировать себя: из вторых батальонов Московского и Гренадерского полков сформировали Лейб-гвардии Сводный полк для участия в боевых действиях на Кавказе⁵³. Этот полк отличился при осаде крепости Эривань⁵⁴.

Немного из истории полка в 30-е годы XIX века

Московский пехотный полк с 1829 года

Потери	Всего	%	В среднем в год
Убито в сражениях	30 233	1.6%	1 209.32
Умерло	1 062 839	57.5%	42 513.56
Уволено от службы	451 713	24.4%	18 068.52
Безало	155 857	8.4%	6 234.28
Убыло рекрут смертью, до зачисления в войска, и нижних чинов с назначением в разные ведомства	146 894	8.0%	5 875.76
ВСЕГО	1 847 536	100.0%	73 901.44

Как видно, 65 % убыли нижних чинов пришло на естественные смерти, в то время как в сражениях было убито чуть более 1,5 %!

А ЧЕМ ВООБЩЕ ЗАНИМАЛСЯ ПОЛК В ЭТО ВРЕМЯ?

Как явствуют полковые истории, его нередко использовали как военно-строительное формирование, а также для подавления различных мятежей.

Так, в сентябре – декабре 1836 г. 3-й батальон полка был командирован в Юхновский уезд, Смоленской губернии для «водворения между жителями должного порядка и повиновения властям», а, кроме того, из полка было отправлено еще несколько команд на экзекуцию в Медынский уезд, «для побуждения экономических крестьян к уплате недоимок и податей»⁵⁶.

С апреля по сентябрь 1837 г. – 1-й батальон (из Калуги), 2-й (из Малоярославца), 3-й (из с. Кольцово), 4-й (из дер. Аристово), были направлены на государственные работы по прорытию соединительного канала между рр. Москвой и Волгой, к селу Солнечная гора, Клинского уезда, Московской губернии.

В 1838 году вся 17-я пехотная дивизия была назначена на государственные работы для проведения Ярославского губернского шоссе. При этом на долю Московского полка пришелся участок между гг. Пе-

реяславль-Залесский и Ростовом⁵⁷.

В течение четырех лет пребывал на Кавказе, а затем 20 лет (с 1833 по 1853 годы) не принимал никакого участия в сражениях. В этот период Россия не вела никаких войн на Западном и Юго-Западном направлениях, а была лишь сосредоточена на Кавказском направлении.

Любопытные цифры об убыли нижних чинов за период с 1826 до конца 1850 года приводит «Обозрение военно-сухопутного управления 1825-1850 гг.»⁵⁵.

реяславль-Залесский и Ростовом⁵⁷.

В апреле – июне 1839 года полк находился на государственных работах по устройству Тульского шоссе.

В апреле 1840 году полк был командирован на государственные работы по проведению соединительного канала р. Москвы с Волгой.

В июне-августе 1842 года полк был направлен на государственные работы по проведению Брест-Литовского шоссе.

С сентября 1844 года до февраля 1845 года 1-й батальон полка располагался на временных квартирах в Тамбовской губернии, для удержания казенных и помещичьих крестьян от порубки казенных лесов.

Получается, что своим истинным предназначением, т. е. собственно боевой подготовкой, полк либо НЕ ЗАНИМАЛСЯ ВОВСЕ, либо УДЕЛЯЛ ЭТОМУ МИНИМУМ ВРЕМЕНИ!

Увы, но это так! Полковой летописец из соседней дивизии, Рязанского пехотного полка, свидетельствует⁵⁸: «... Устав был весьма сложен; он заключал в себе указания о правилах построения разнообразнейших и замысловатых форм строя.

Эта сложность устава заставляла начальников добиваться основательного изучения всех построений, тщательно проверяемых на смотрах высшим начальством.

Рассыпным строем почти не занимались, надеясь на несокрушимую силу действия сомкнутых масс.

Для успешного действия массы необходимо полнейшее подчинение воли всех одному лицу начальника, который бы по своему усмотрению мог быстро и легко направить ее, куда необходимо, а это обстоятельство и привело обучение масс одной лишь маршировке, стрельбе залпами холостыми патронами, ружейным приемам, идеальной чистоте и образцовой стойке.

Обучение фехтованию и гимнастике не имело места. Стрельбою почти не занимались. Многие солдаты в течение нескольких лет службы не делали ни одного боевого выстрела, хотя на боевую стрельбу ежегодно каждому солдату отпускалось по 10 патронов. Из гладкоствольных ружей в среднем выпускали не более 3-5 пуль, весь же остаток шел на обучение штуцерных, которые действительно отличались большим искусством в стрельбе.

Постоянные успехи против турок, персиян и кавказских горцев, действовавших исключительно холодным оружием, как бы подтверждали господствовавшее мнение о малом значении огня...»

ВОТ!

Последний абзац полкового летописца таит в себе важнейшую информацию: оказывается, ДА МЫ ПРОСТО ВОЕВАЛИ НЕ С ТЕМИ!

Точнее, воевали с тем, у которых в военном плане НЕЧЕМУ БЫЛО НАУЧИТЬСЯ! Это все равно, что гордится победами над аборигенами в джунглях!

Да, были громкие победы в Семилетней войне и над наполеоновской Францией, но с этих времен уже утекло много воды. Но к 50-м годам XIX века уже была изобретена и принята на вооружение прусской армии винтовка Дрейзе, увеличившая скорость стрельбы в 4-5 раз! Это оружие сыграло видную роль в битве при Садовой с австрийцами в 1866 году. В России же ружья Дрейзе были признаны неудобными.

Пуля – дура, штык – молодец!

Этим суворовским принципом, которому к тому моменту насчитывалось уже более полувека, продолжали руководствоваться русские генералы!

Цивилизация, которая в своем развитии стоит хотя бы на одну ступень выше, в ито-

ге победит своего противника. Так, успешное покорение испанцами империй ацтеков и инков в 1500-е годы продемонстрировало то, что заменяло европейцам истинную военную доблесть – стальное оружие и беспощадность в войне. Лошади, доспехи и порох обеспечили европейцам явное военное превосходство над всеми народами, которые встречались им на пути, вооруженными деревянными топорами, палицами или мечами.

Да, при покорении других народов встречаются определенные сложности. Типичный пример. 22 января 1879 года в битве при Изандлване 20-тысячная армия зулусов под командованием Нчингвайо Кхозы уничтожила британский отряд 1-го батальона 24-го полка из 1700 человек под командованием подполковника Генри Пуллейна.

Зулусы провели типичную дисциплинированную атаку на британский лагерь в традиционном построении «голова и рога буйвола». Хотя зулусы и были вооружены некоторым количеством винтовок, а качестве основного оружия они полагались на свои копья-ассегаи и дубинки. Несмотря на потерю 2000 человек от ружейного огня и штыков, за счет только численного превосходства зулусы в конце концов взяли лагерь и перебили всех британцев⁵⁹.

Крупное поражение Британии в колониальной войне вызвало интерес к событиям в Южной Африке во многих странах Европы (в том числе, в Российской империи).

Победа при Изандлване стала для зулусов пирровой, и не только из-за понесенных ими тяжелых потерь. Как и боялся Кечвайо, даже те в Лондоне, кто не хотел войны, стали поддерживать «ястребов» в правительстве Натала и согласились предоставить все необходимые для победы над зулусами ресурсы.

Тому было несколько причин. Первой была империалистическая гордость: НИКТО НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ПОБЕЖДАТЬ БРИТАНИЮ, а особенно «дикари», рассматривавшиеся как низшая раса; тем самым войну нужно было довести до победного конца. Во-вторых, необходимо было помнить об интересах империи: если бы британцы не покорили зулусов окончательно, это означало бы, что пора-

жение британской армии в битве может изменить имперскую политику.

В исследуемый нами период господствовала линейная тактика подготовки и ведения боя, существовавшая с XVII века, при которой войска для ведения боя располагались в линию, состоящую из нескольких шеренг (их количество определялось в зависимости от скорострельности оружия), что позволяло одновременно вести огонь из наибольшего количества ружей. Тактика войск сводилась в основном к фронтальному столкновению. Исход сражения во многом решался мощью пехотного огня.

Наемные солдаты удерживались в сомкнутых линиях с помощью палочной дисциплины, а при нарушении строя убежали с поля боя.

Прусский король Фридрих II, жесточайшей муштрой довел боевую скорострельность каждой линии до 4,5-5 залпов в минуту (это стало возможным после внесения новшеств в конструкцию ружья – таких, например, как односторонний шомпол). А, чтобы устранить недостатки линейной тактики, Фридрих II ввел косой боевой порядок (батальоны наступали уступом), состоявший из 3 линий батальонов, имевших по 3 шеренги. Конница строилась в 3 линии. Артиллерия размещалась в интервалах между батальонами, вводились легкие орудия двигавшиеся за кавалерией, на флангах и впереди боевого порядка. Применялось каре. Несмотря на вводимые новшества, линейная тактика войск Фридриха II продолжала оставаться шаблонной и негибкой

Тактика эта и ее разновидности эта была единственно верной до тех пор, пока не появилось скорострельное оружие!

Вернемся к теме Россия на Кавказе, который империи был в общем-то не нужен. Участник кавказских войн генерал-майор Ростислав Фадеев, состоящий при главнокомандующем князе А. И. Бяратинском, отмечал:

«... Страны, составляющие Кавказское наместничество, богатые природой, поставленные в удивительном географическом положении для высокого развития в будущем, все-таки, с чисто экономической точки зрения, независимо от других соображений, не могли вознаградить понесенных для обладателей ими жертв. На Кавказе решался воп-

рос не экономический... Понятно, что для большинства общества этот вопрос, необъяснимый прямой перспективой, оставался темным...»⁶⁰.

Но, включив в себя Закавказье, Россия должна присоединить и Кавказ. Неспорно единственный путь – Военно-Грузинская дорога. Горцы жили по законам военной демократии: ни государств, ни даже аристократии, с которой можно вести переговоры. Грабить соседей, угонять людей в неволю здесь полагали удалью и возможностью прокормиться на скудных каменных землях.

Назначенный кавказским наместником с практически неограниченными полномочиями герой Бородина генерал Ермолов представил Императору Александру проект покорения Кавказа за 2 (!) года! В итоге Кавказская война будет самой продолжительной в истории России и продлится 40 с лишним лет.

Ермолов легко перенимает местные обычаи – русские теперь сами берут заложников в каждом ауле, а холостой Ермолов заведет себе несколько наложниц «из азиатцев».

На Кавказе шли в основном карательные экспедиции. Горцы уклонялись от прямых боевых действий, совершая набеги, отражать которые русские так и не научились. Наносить ответный удар некуда: захватив добычу, горцы как ни в чем не бывало разбредались по домам. И сколько не выставляй блокпостов, наступление сумерек грозило новой вылазкой.

В итоге русским так и не удалось продемонстрировать на Кавказе свою боевую удачу – знаменитую штыковую атаку.

Как показала русско-иранская война 1826-1828 годов, «... в горных условиях было невозможно применять плотные боевые построения, рекомендуемыми так называемыми «Нормальными боевыми порядками» (1825 г.). На первый план выдвинулся бой в стрелковой цепи, завершаемый штыковой атакой. Успех боя при этом полностью зависел от умелого использования полевой артиллерии, довершающей маневр, главным образом, колесами. Попытка Паскевича навести «порядок» и заставить войска действовать по примеру маневров в Царскосельском лагере потерпели неудачу.

«Я опять водил войска на позицию, – докладывал он Николаю I, – сегодня уже всем отрядом делал движение вправо, влево, вперед и обратно... Я примечаю, что начальники находят сие ненужным, но я принудил сие исполнить. Слепое повиновение им не нравится, они к этому не привыкли».

Да, трудно было заставить войска, имеющие значительное количество «провинившихся» и проштрафившихся солдат и офицеров, отбывающих ссылку на Кавказе, «слепо повиноваться».

Преподаватель Военной академии имени М. В. Фрунзе, доктор исторических наук, профессор Любомир Григорьевич Бескровный в своем знаменитом труде «Русская армия в XIX веке» отмечал: «... В 1-й половине XIX века ведущим способом войны и боя была глубокая, или как тогда ее называли, перпендикулярная тактика колонн и рассыпного строя, пришедшая на смену линейной тактике. На Западе ее носителем явилась французская армия. Начало складывания ее относится к 60-м годам XVIII века, оформилась же она в период революционных и наполеоновских войн...»⁶¹.

Главное в одиночной подготовке состояло в выработке «чувства локтя» у солдат, доведенных до такого состояния, чтобы они смотрели на себя, как на составную часть общего механизма, что было характерным для линейной тактики и являлось уже анахронизмом в тактике глубокой. Прусский взгляд на солдата, как на «механизм, артикулом предусмотренный», продолжал господствовать в русской армии до середины XIX века. «О фридриховской тактике обыкновенно говорят, что она погребена была на полях сражений при Йене и Ауэрштедте. Да, там погребена ее внешняя оболочка, ее формы, но дух ее продолжал жить, по крайней мере, в нашей армии, еще и в 50-х годах», – писал начальник Академии Генерального штаба, генерал от инфантерии Г. А. Леер⁶².

Не удалось продемонстрировать русскую военную доблесть и спустя четверть века, в Крыму, против тогдашних сильнейших европейских армий – английской и французской. Офицер Владимирского пехотного полка так описывал эпизод сражения при реке Альме 8 сентября 1854 года, где полк столкнулся с английской пехотой:

«Войска бывшего 6-го корпуса были настоящими войсками парадными, отличались выправкой, выбором людей, молодцеватостью и тонким знанием всех эволюции и мелочей устава.

Грозная атака наших батальонов, эта стальная движущаяся масса храбрецов, чрез несколько шагов воображавшая исполнить свое назначение – всадить штык по самое дуло ружья, – каждый раз была неожиданно встречаема убийственным батальным огнем...

Схватиться с неприятелем нашим солдатам не удавалось. Неудача повторявшихся несколько раз наступлений привела нас в состояние остервенения: солдаты массы, без команды, бросались вперед и без толку... гибли»⁶³.

«Русский паровой каток» всегда оказывал на густонаселенную Европу колоссальное влияние. Огромные территории и нескончаемые людские резервы страны имели самый большой вес. Однако это всегда играло злую шутку с властителями России и их собственным народом. Зачем беречь солдат, если всегда можно набрать новых? Апофеозом такого геноцида (иного слова я не нахожу) можно считать знаменитое изречение генерала Кирьякова, командира 17-й пехотной дивизии, произнесенное им в преддверии битвы на Альме: «Не беспокойтесь, Ваше сиятельство. Шапками закидаем неприятеля!»

Прошло много лет с того момента, но мало что изменилось. Точно также Россия не жалела своих солдат и в русско-японской и в первой мировой войнах. А про Великую Отечественную уж и говорить не приходится.

Как нельзя более кстати сюда подходит знаменитое шекспировское выражение – food for powder (пушечное мясо)!

Как вы думаете, насколько России пошло на пользу поражение в Крымской войне? Может сразу же научились стрелять?

Вот данные со стрельб 72-го пехотного Тульского полка 14 мая 1862 года – смотр генерал-адъютантом бароном Врангелем. Процент попавших в цель пуль с дистанции 200 шагов⁶⁴: 1-я линейная рота – 6 %, 2-я линейная рота – 5 %, 3-я линейная рота – 8 %, 4-я линейная рота – 8 %.

Ну, хорошо – это линейные пехотинцы,

основное предназначение которых идти в штыковую (т.е. вступать в рукопашный бой). А как же стрелки? Стреляли они ничуть не лучше: 1-я стрелковая рота – 8%, 2-я стрелковая рота – 16%, 3-я стрелковая рота – 8%.

Комментарии, как говорится, излишни. Спустя 10 лет с начала войны мало что изменилось! Если специалисты (т.е. собственно стрелковые подразделения) стреляют также, как и линейные, то, что, тогда спрашивать с последних?

Спустя 4 года, 31-го августа 1866 года, на смотре генерал-адъютанта Рямзя были показаны более-менее приемлемые результаты: 3-я линейная рота – 14%, 4-я линейная рота – 17%, 1-я стрелковая рота – 37%, 2-я стрелковая рота – 34%, 3-я стрелковая рота – 38%.

Выводы

До середины 60-х годов XIX века русские солдаты практически НЕ УМЕЛИ СТРЕЛЯТЬ! ПОТОМУ, ЧТО ЕГО ЭТОМУ НЕ УЧИЛИ! ИМ НЕ ЗАНИМАЛИСЬ!

Обратимся еще раз к полковому летописцу⁶⁵: «... Вооружение полка состояло из ружья 7-ми линейного калибра с трехгранным штыком и тесака. Ружье имело кремниевый замок и заряжалось с дула шаровидной пулей весом около 10 золотников (42.65 грамма), прицела не было. Для красоты ружье снабжалось множеством медных принадлежностей, а стволы и железные части не покрывались краской; они должны были блестеть, а потому чистка ружья производилась песком, кирпичем и т. п. средствами. Изогнутые стволы и поломанные замки были не редкость. Меткость с такого ружья на расстоянии 100-200 шагов (80-160 метров) была достаточна, но начиная с 200 шагов, она быстро уменьшалась. В минуту из ружья делали один выстрел и то в хорошую погоду, так как во время дождя насыпаемый на полку замка порох или совсем не загорался, или загорался не сразу. Заряжание с дула не давало солдату возможности в бою укрываться лежа, стрелять с колена или в каком-либо другом положении, потому что после выстрела приходилось вставать для заряжания. Потеря или поломка шомпола ставили солдата в невозможность действовать огнестрельным оружием.

Лишь начиная с 1842 года в России впер-

вые вводится нарезное оружие, т.н. стрелковые (литтихские) ударные штуцера, калибром 7 линий, с 2 нарезами, весом в 10,5 фунта (4,76 кг), дальность стрельбы которых составляла 500-600 шагов (400-480 метров). Однако штуцера в полку получали по 2 унтер-офицера и по 24 рядовых на батальон; они назывались штуцерными и назначались из отменных стрелков. Штыков штуцерные не имели, а взамен их были снабжены прямым обоюдоострым тесаком, примыкавшим к штуцеру в момент надобности. Вместе с тесаком штуцер весил около 13 фунтов (5,9 кг). В начале 50-х появились цилиндрическо-конические пули с двумя выступами, что давало возможность поражать из штуцеров на расстоянии 1200 шагов (960 метров).

Со 2-й половины 40-х годов началась переделка кремниевых ружей в нарезные, но работа шла очень медленно, т. к. **действию пехоты огнем не придавали большого значения...**»

ЭТО СЛОВА НЕ НЫНЕШНЕГО ИСТОРИКА, А СОВРЕМЕННОГО!

Зато большое внимание уделяли внешнему виду. Так, распределение людей по взводам и ротам велось в соответствии с их внешним видом (как в Гвардии). Накануне Императорского смотра, который состоялся 15 ноября 1837 года, вышел приказ командира 6-го корпуса, который гласил: «... 1-й гренадерский взвод подобрать из людей рослых, не из молодых, собою видных, с усами и бакенбардами, 2-й гренадерский взвод – из людей не выше 8-ми вершков, широкоплечих, с густыми усами и бакенбардами; 3-й гренадерский взвод – из таких же людей, как и 2-й, но белокурых; 4-й взвод – из людей молодых и с небольшими усами; стрелков подобрать из людей молодых и расторопных, при этом в 1-м и 2-м батальонах – из темнорусых, а в 3-м и 4-м – из белокурых.

Затем в 1-й, 4-й, 7-й и 10-й ротам люди должны быть белокурые, в 3-й, 6-й, 9-й и 12-й совершенно смуглые, а во 2-й, 5-й, 8-й и 11-й – темнорусые; по росту 1-й батальон – из людей самых высоких, за ним – 4-й батальон, потом 2-й и, наконец, самого малого роста 3-й батальон и в особенности

средние роты...»

Офицеры также распределялись соответственно с указанным разбором, причем им подтверждалось о ношении волос и усов по форме⁶⁶.

Вернемся к событиям полковой истории. 28-го января 1833 года к Московскому полку был присоединен Пермский пехотный полк: 1-й и 2-й батальоны Пермского полка были переименованы в 3-й и 4-й батальоны Московского полка, а нестроевая рота 1-го вошла в состав нестроевой роты последнего⁶⁷.

Т. о., полк приведен в состав **четырёх действующих и двух (5-го и 6-го) резервных батальонов**.

6-е батальоны в итоге были упразднены в феврале 1834 года. С 1835 года резервные батальоны стали именовать 4-ми (в 4-х батальонных полках) и 5-ми (в 5-ти батальонных).

Согласно того же положения (28 января 1833 года) 3-й резервный батальон Пермского полка 24-го Мая прибыл в Новоекатеринославскую слободу и здесь присоединился со всем имуществом к 3-му резервному батальону Московского полка, причем они составили Сводный резервный батальон Московского полка, с 2-мя нестроевыми отделениями, с переводом его в резервную бригаду 11-й пехотной дивизии.

В военное время этот батальон должен был разделяться на два батальона: 5-й и 6-й, но уже Высочайшим приказом 25-го Февраля 1834 года 6-й резервный батальон, со своим нестроевым отделением, был окончательно упразднен⁶⁸.

В мае 1834 года Сводный резервный батальон, переименованный в 5-й резервный батальон Московского полка, перешел на бивуак в Слободско-Украинскую губернию, Змиевского уезда, округа военных поселений, Борисоглебского уланского полка, при сл. Ново-Борисоглебске, где помогал в работе военным поселениям; а отсюда 2-го Сентября батальон выступил в Нижний Новгород, куда прибыл 4-го Ноября.

После этого, до 1842 года, 5-й резервный батальон переменял много стоянок, будучи командирован для различных работ и для занятия караулов; а в этом году, согласно Высочайшему приказу от 25-го Января, был окончательно расформирован⁶⁹.

Личный состав полка в 1850-1854 гг.

Согласно Положению от 22 февраля 1811 года «О новом устройстве тяжелой и легкой пехоты, и о переименовании Мушкетерских полков Пехотными»⁷⁰, пехотный полк должен состоять из 3-х батальонов:

1-й батальон – из 1-й Гренадерской роты, 1-й, 2-й и 3-й Мушкетерских рот;

2-й батальон – из 2-й Гренадерской роты, 4-й, 5-й и 6-й Мушкетерских рот;

3-й батальон – из 3-й Гренадерской роты, 7-й, 8-й и 9-й Мушкетерских рот.

Итак, к началу царствования Императора Николая I все пехотные полки имели 3-х батальонный состав, но в военный поход выступали только два батальона. 3-й же служил кадром для формирования новых частей и пополнения убыли в действующих батальонах. Никакого различия в организации, обучении или вооружении гренадерских и мушкетерских рот не существовало. Они различались только мелочами в форме обмундирования и ростом нижних чинов.

По «Положению о Преобразовании армейской пехоты» от 28 января 1833 года часть пехотных полков была расформирована, а остальные получили в свой состав: все пехотные полки первых 5-ти корпусов – 4 действующих и 2 резервных батальона, а полки 6-го корпуса – 2 действующих и 2 резервных батальона (в мирное время составлявших один батальон: Сводный Резервный), с двумя нестроевыми отделениями (в мирное время составлявшими одно отделение: Сводное Нестроевое). Все резервные батальоны были совершенно отделены от действующих и образовали 6 резервных дивизий (по одной на корпус).

Деление войск на две армии было отменено еще в 1829 году. Пехотные корпуса получили состав 3-х пехотных дивизий, каждая в две бригады, четыре полка одной легкой кавалерии (уланской или гусарской) и одной артиллерийской из 3-х бригад, каждая в три батареи.

По данным метрических книг (1850-1854 годы) удалось частично восстановить состав нижних чинов полка по батальонам и даже ротам. Список офицерам приведен по полковой истории – Приложению №21⁷¹.

Источники: Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Метрические кни-

ги сел Рязанского уезда.

1850 год –

Ф. 627. оп. 249. д. 196 св. 134.

Ф. 627. оп. 249. д. 198 св. 136.

1851 год –

Ф. 627. оп. 249. д. 213 св. 141.

Ф. 627. оп. 249. д. 214 св. 142.

Ф. 627. оп. 249. д. 215 св. 143.

1852 год –

Ф. 627. оп. 249. д. 221 св. 146.

Ф. 627. оп. 249. д. 222 св. 147.

Ф. 627. оп. 249. д. 225 св. 149.

1853 год –

Ф. 627. оп. 249. д. 227 св. 150.

Ф. 627. оп. 249. д. 228 св. 151.

Ф. 627. оп. 249. д. 229 св. 152.

1854 год –

Ф. 627. оп. 249. д. 230 св. 153.

Ф. 627. оп. 249. д. 231 св. 154.

Ф. 627. оп. 249. д. 232 св. 155.

Сразу отмечу, что это – чуть ли не единственный случай в российской историографии. До этого никому и в голову не приходило составлять полковые списки нижних чинов. Как правило, всегда повышенное внимание уделяли генералам и офицерам, а из нижних чинов – в лучшем случае георгиевским кавалерам. Какая несправедливость!

ТАК БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО!

Нижние чины, солдаты – вот подлинные герои, незаслуженно забытые или вовсе вычеркнутые из истории! И я хочу восстановить справедливость – поименный список ниже:

Δ 1-й батальон (майор Иван Граль)

• 1-й гренадерской роты (**капитан Михаил Саварский**)

• Алексей Васильев (Канищево)

• Дмитрий Яковлев (Спас-Клепики)

• 1-й мушкетерской роты (**штабс-капитан Николай Федоров**)

• Филипп Терентьев (Солотча)

• 2-й мушкетерской роты (**штабс-капитан Павел Зоркин**)

• Александр Петров (Александрово)

• Матвей Абрамов (Александрово) (в 1852 году – 9-й роты)

• Иван Никитин (Мервино)

• 3-й мушкетерской роты (**штабс-капитан Дмитрий Гурбалов**)

Δ 2-й батальон (майор Ипполит Попялковский)

• 2-й гренадерской роты (**штабс-капитан Александр Федосеев**)

• 4-й мушкетерской роты (**поручик Тимофей Михайлов**)

• Иван Трифонов Капитанов (Долгиново)

• Абрам Афанасьев (Кузьминское)

• Антип Григорьев (Мервино/Подвьязье)

• 5-й мушкетерской роты (**штабс-капитан Александр Исленьев**)

• Петр Гуров (Долгиново)

• 6-й мушкетерской роты (**поручик Александр Нейгард**)

• Никита Васильев (Дашкова Песочня)

• унтер-офицер Филипп Ерастов (Поляны) (в 1853 году – в 8-й)

• Зиновий Силантьев (Поляны) (в 1850 году – в 11-й)

Δ 3-й батальон (полковник Павел Соловьев)

• 3-й гренадерской роты (**капитан Василий Рыбалов**)

• Абрам Александров (Вольнь)

• 7-й мушкетерской роты (**штабс-капитан Александр Орлов**)

• Яков Михайлов (Аграфенина пустынь)

• Николай Антонов (Канищево)

• Василий Балакирев (Канищево)

• Филат Игнатов (Канищево)

• унтер-офицер Нестер Михеев (Канищево)

• унтер-офицер Иван Антонов (Солотча)

• Кондратий Акимов (Спас-Утешенье)

• 8-й мушкетерской роты (**поручик Иван Тютчев**)

• унтер-офицер Филипп Ерастов (Поляны) (в 1850 году – в 6-й)

• Сергей Петров Алешин (Мурмино)

• 9-й мушкетерской роты (**капитан Павел Заварзин**)

• унтер-офицер Матвей Абрамов (Александрово)

• квартирмейстер Иван Лаврентьев (Канищево)

• Матвей Абрамов (Александрово) (в

1851 году – 2-й роты)

Δ **4-й батальон (майор Яков Гусев)**

• 4-й гренадерской роты (**капитан Игнатий Бойковский**)

• Павел Обухов (Мервино)
• Максим Прокофьев Мазепов (Сельцы)

• Дмитрий Федоров Колунков (Федякино/Сельцы)

• Карп Емельянов (Федякино)

• Николай Филиппов (Федякино)

• 10-й мушкетерской роты (**штабс-капитан Федор Жохов**)

• Иван Старший (Вольнь)

• Николай Осипов (Мервино)

• фельдфебель Кузьма Тимофеев Фурев (Новоселки)

• Андрей Герасимов (Пощупово)

• 11-й мушкетерской роты (**поручик Бенедикт Цибович**)

• Тимофей Федоров (Дашкова Песочня)

• Родион Архипов (Дашкова Песочня/Мервино)

• Максим Иванов (Коростово)

• Михаил Андреев Каштымов (Коростово)

• Василий Федоров (Мервино)

• Тимофей Федоров Пирогов (Новоселки)

• Зиновий Силантьев (Поляны) (в 1853 году – в 6-й)

• Егор Алексеев (Рыкова Слобода)

• Александр Петров (Солотча)

• Семен Анисимов Быковский (Солотча)

• Александр Емельянов Колышкин (Солотча)

• Онуфрий Андреев Бразгунов (Солотча)

• унтер-офицер Василий Степанов (Солотча)

• Анисим Константинов Гвоздев (Солотча)

• 12-й мушкетерской роты (**поручик Емельян Яловский**)

• фельдфебель Егор Фокиев Тришкин (Алеканово)

• Петр Вавилов Римский (Алеканово/Глебово)

• Иван Максимов Фокин (Алеканово)

• унтер-офицер Панфил Васильев (Дашкова Песочня)

• Тихон Никифоров (Дашкова Песочня/Константиново)

• Архип Иванов Кандауров (Мурмино)

• унтер-офицер Герасим Васильев (Мурмино)

• Максим Григорьев Зверев (Мурмино)

• Иван Максимов Кузнецов (Мурмино)

• Федот Иванов (Мурмино)

• унтер-офицер Ефим Васильев Юриков (Мурмино)

• унтер-офицер Федор Петров (Мурмино)

• Осип Григорьев (Польное)

Δ **6-го резервного батальона**

• 18-й мушкетерской роты

• унтер-офицер Евсей Абрамов (Казарь)

Мы видим, что в 12-й мушкетерской роте в этот период проходило службу семь выходцев из одного села (Мурмина), в 11-й – шесть человек из Солотчи, в 4-й гренадерской – 3 из Федякина.

Рекрутский устав 1831 года отдельно выделяет «круговую поруку»⁷²:

«...§398. Рекруты, к присяге приведенные, разделяются на артели, так, чтобы в каждой, до времени препровождения их к месту назначения, было не менее 10 чел.

§399. Рекруты, к одной артели принадлежащие, обязываются КРУГОВОЙ ПОРУКОЙ смотреть за поведением друг друга и за тем, чтобы никто из них не убежал...»

Автор фундаментального труда «Русская армия и флот в XVIII веке» Л. Г. Бескровный отмечал: «...В крестьянских общинах сложился определенный порядок: рекруты выставлялись по очереди, начиная с тех семейств, которые имели большее число работников. Этот порядок был закреплен законом.

Выдвижение рекрут общиной привело к тому, что в армии с самого начала ее формирования стремились создать артели по территориальному признаку и связать их порукой, чтобы исключить побег и облегчить ведение солдатского хозяйства...»⁷³.

Крымская кампания

Закончить статью я бы хотел описанием хроники жизни Московского пехотного полка на фоне сложной международной обста-

новки времен Крымской кампании.

1 июня 1853 года Николай I разорвал дипломатические отношения с Турцией и приказал русским войскам (80 тыс.) занять подчиненные султану дунайские княжества Молдавию и Валахию «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». В свою очередь английское правительство приказало средиземноморской эскадре идти в Эгейское море.

Московскому полку было приказано отправить первые 3 батальона по Николаевской железной дороге в Петербург, для занятия там караулов; имелась также и другая цель: легко могло быть, что неприятельский флот мог появиться у столицы, следовательно, надо было собрать сюда защитников более, чем обыкновенный гарнизон Петербурга.

10-го июня полк двинулся в путь и 13-го вступил в столицу и расположился казарменным порядком в Михайловском манеже. В течении мая и июня от холеры в полку умерло 137 человек.

21 июня русские войска вступили в дунайские княжества.

К 23-му августа выяснилось, что опасность с моря не так велика, поэтому полк, награжденный полугодовым жалованием за содержание караулов, был отправлен через Москву и Рязань на зимние квартиры, куда прибыл в сентябре. Отсюда батальоны разошлись на зимние квартиры: 1-й батальон – в г. Спасск, 2-й батальон – в Михайлов, 3-й – в Зарайск, а штаб полка с 4-м батальоном оставались в Рязани.

Но международная обстановка к этому моменту уже сильно накалилась. В Вене была созвана конференция уполномоченных Англии, Франции, Австрии и Пруссии, результатом которой стала Венская нота, компромиссная для всех сторон, потребовавшая от России эвакуации из Молдавии и Валахии, но дававшая России номинальное право защиты православных в Османской империи и номинальный контроль над святыми местами в Палестине.

Венская нота позволяла России выйти из ситуации без потери лица, и была принята Николаем I, но отвергнута османским султаном, надеявшимся на обещанную англичанами военную поддержку. Порта предложила различные изменения в упомянутой

ноте. На изменения эти согласия со стороны русского государя не последовало.

Пытаясь использовать благоприятную возможность «проучить» Россию руками западных союзников, османский султан Абдул-Меджид I 27 сентября потребовал очищения дунайских княжеств в двухнедельный срок, а после того, как Россия не выполнила это условия, – 4 октября объявил России войну.

20 октября аналогичным заявлением ответила Россия.

При развертывании сил стало понятно, что Действующую армию И. Ф. Паскевича придется дробить: для действий против турок на Дунае и для формирования войск в Крыму. А в мае 1855 года из войск армии была выделена Средняя армия, а войска, оставшиеся в Царстве Польском, получили название Западной армии.

Спустя два дня после объявления войны, 22 октября, Император Николай пишет Паскевичу⁷⁴:

«... Ежели флоты Английский и Французский появятся в Черном море, то положение наше будет трудное, ибо лишимся сообщений с Кавказом морем, да и часть фортов наших придется бросать. Но я объявил, что подобное движение флотов приму за объявление войны нам.

Ежели до весны турки не образуются, тогда время будет перейти Дунай и приступить к объявлению независимости княжеств, Сербии и Булгарии.

Для сего нужно будет двинуть и 3-й корпус, взамен которого подведу и подчиню тебе **6-й корпус**, которого резервы я уже собираю...»

Как видно, изначально 6-й корпус предполагалось направить на усиление западных границ. Однако спустя месяц, 21 ноября, в письме Паскевичу Император Николай сообщает о своих планах направить 18-ю пехотную дивизию из состава 6-го корпуса на Кавказ⁷⁵:

«... Во многим мысли наши слились. Решась держаться основной мысли нашей – покуда держаться в Европе оборонительной войны, но наступать в Азии, первой моей заботой должно было состоять приведение сил наших с обеих сторон в соединение с целью наших предположений, равно как с силой неприятеля. Для этого дви-

нуть 3-й корпус и драгунский на Дунай, а **18-ю дивизию** и бригаду драгун на Кавказ. Эти войска прибывают не ранее конца марта, частью и позднее...»

Зайончковский пишет: «... Уже в сентябре 1853 года военным министром разрабатывался вопрос об усилении Кавказского корпуса, сверх назначенной туда 13-й дивизии, еще одной пехотной дивизией и одной кавалерийской бригадой из войск Европейской России.

Для этой цели были намечены 14-я или 18-я пехотные дивизии с их артиллерией. Назначение 14-й дивизии представлялось более удобным в том отношении, что она входила в состав одного корпуса с 13-й дивизией, но для этого ее необходимо было заменить в окрестностях Одессы другими войсками (предполагалось резервной дивизией 3-го пехотного корпуса). Сосредоточение к Шуше этой дивизии требовало был при движении сухим путем четыре месяца марша, а при перевозке из Одессы и Севастополя морем – 52 дня от Сухума. К этим срокам надо было прибавить еще два месяца на приведение дивизии на военное положение, а, принимая во внимание, что дороги в Абхазии, Мингрелии и Имерети для артиллерии и обоза ранее апреля были почти непроходимы, можно было рассчитывать на прибытие дивизии к границе Персии не ранее конца мая 1854 года.

Назначение 18-й дивизии давало то преимущество, что не требовало смены ее другими войсками; прибыть же к границе она могла бы, считая 170 дней марша и два месяца на приведение ее на военное положение, одновременно с 14-й...»⁷⁶.

29 ноября князь Горчаков представил Царю очередную записку, в которой определял места двух оставшихся дивизий 6-го корпуса. По его мнению, **16-я пехотная дивизия** со второй бригадой 6-й легкой кавалерийской дивизией должна появиться в Одессе к марту 1854 г., а в Крыму к этому же времени – **17-я пехотная дивизия** с первой бригадой 6-й легкой кавалерийской дивизией⁷⁷.

Направление войск на полуостров было вызвано как просьбами князя Меншикова, так и отсутствием здесь достаточного количества войск. Таким образом, части корпуса рассредоточивались.

Успокаивая Меншикова, Николай писал: «Ежели точно англичане и французы войдут в Черное море, с ними драться не будем, а пусть они отведают наших батарей в Севастополе, где ты их примешь салютом, иного они может и не помышляют. Высадки не помышляю, и ежели бы попытка и была, то, кажется, теперь отбить их можно: в апреле будешь иметь всю **16-ю дивизию** с ее артиллерией, бригаду гусар и конные батареи, более, чем нужно, чтобы заставить их дорого поплатиться»⁷⁸.

К этому времени (23-го и 24-го ноября 1853 г.) полк, двумя эшелонами, согласно маршрута, уже направлялся в Тамбов, Воронеж, Новочеркасск и Ростов⁷⁹. В первом эшелоне шли 3-й и 4-й батальоны, а во 2-м – полковой штаб, 1-й и 2-й батальоны.

За 2,5 месяца полк прибыл в Ростов-на-Дону, где было предписано остановиться и ждать дальнейших распоряжений.

В середине марта 1854 года Московский полк двинулся на Черноморскую кардонную линию, к г. Тамань. 18 апреля 1-й эшелон остановился в карантине Бугаз, а второй – 20-го числа при г. Тамань, поступив оба в ведение начальника Юго-Восточного отряда, наказного атамана Донского казачьего войска, генерала от кавалерии Хомутова.

6-й корпус появился в Закавказье и Крыму к апрелю 1854 г., когда война уже началась. Это событие завершило развертывание российской армии на основных направлениях. Оформились четыре стратегические группировки:

- 1) войска в Финляндии и Петербургском регионе вместе с Балтийским корпусом;
- 2) на западном направлении – действующая армия, разделенная на Западную и Среднюю армии;
- 3) на юго-западном направлении – Южная армия и войска, размещенные в Крыму;
- 4) Отдельный Кавказский корпус, который наряду с войсками, действующими против Шамиля и охраняющими Черноморское и Азовское побережья, включал в себя и действующий корпус на турецкой границе.

Вне сферы боевых действий остались лишь Оренбургский и Сибирский корпуса. Численность войск каждой из четырех группировок к 1855 г. составляла от 200 до 300

тысяч человек⁸⁰.

Когда же наконец последовал решительный разрыв России с Францией и Англией (15-16 марта 1854 г. союзные державы объявили России войну), то в Крыму начали усиливать сухопутные войска, направляя туда последовательно: 6-й саперный батальон, для производства необходимых инженерных работ, войска 17-й пехотной дивизии, 6-й стрелковый батальон, 1,5 полка дон-ских казаков и, наконец, уже перед самой высадкой, 16-ю пехотную дивизию; часть ее прибыла почти прямо на поле сражения, которым открылась крымская кампания⁸¹.

Московцы, по распоряжению Хомутова, были расставлены по берегу Черного моря в следующих местах: 1-й батальон майора Грааль был переправлен через Керченский залив и поставлен гарнизоном в Керчи, присоединившись к отряду генерал-майора Серебрякова, имевшему назначение охранять пролив от входа в него союзного англо-французского флота; 2-й батальон майора графа фон Зео – на посту Новогеоргиевском (к юго-западу от Екатеринодара), присоединившись к отряду полковника Кржижановского, охранявшего спокойствие между горцами; 3-й батальон полковника Соловьева – в Николаевской станице, близ крепости Анапа, в отряде генерал-майора Вагнера, имевшего назначение охранять эту крепость от горцев, а равно и от союзных войск, – и наконец, 4-й батальон майора Гусева остался с полковым штабом в Тамани⁸².

К середине мая 2-й батальон перешел к г. Керчи, а 3-й и 4-й возвратились к Тамани и все расположились лагерем.

Вскоре 1-й батальон вышел из Керчи в лагерь к селу Аргин, а 3-й и 4-й батальоны переправлены на судах через Керченский пролив и также стали лагерем близ Аргина. Отсюда 4-й батальон майора Гусева был командирован к крепости Арабату для исправления укреплений, а 3-й батальон полковника Соловьева переведен к селению Парнач⁸³.

18 июля 1854 года Император писал Меншикову: «Спешу тебя уведомить, любезный Меншиков, что со всех сторон подтверждается, что скоро тебе предстоит ожидать сильной атаки на Крым, что сегодня

еще телеграфической депешей от Хрептовича вновь подтверждено и что будет об том послано решительное приказание адмиралам. Как эта атака последует, – вовсе не знаю; вероятно, высадкой у Феодосии, ежели прежде замышлявшаяся у Евпатории на Перекоп не сбыточна. Хомутов⁸⁴ весьма дельно предупредил мои желания, переправив в Крым Московский полк, конную казачью батарею и один казачий полк. Писано, чтоб и остальной полк **17-й дивизии** и обе пеши батареи туда же переправил. Кажется, этих сил с твоими должно быть достаточно, чтоб не только отбиться в Севастополе, но даже и защитить Крым...»⁸⁵

1 сентября 1854 г. союзный флот (389 судов, вмешавших 63 000 человек) прошел мимо Севастополя, а на следующий день, подойдя к Евпатории, начал высадку на берег. У русской армии было всего 51 000 человек, которые были разделены на две части: одна, в 38 тысяч, под начальством князя Меншикова, была расположена в Юго-Западной стороне Крыма, а другая, под начальством генерала Хомутова – в Юго-Восточной части полуострова.

Теперь ввиду высадки неприятеля, приказано было войскам стягиваться с разных концов на левый берег реки Альмы. 4 сентября все части Московского полка получили приказание от начальника Юго-Восточного отряда идти форсированным маршем к деревне Бурлюк, для присоединения к главным русским силам, сосредоточенным на р. Альме. Полк выступил 5-го числа⁸⁶.

Вечером 7-го числа первым достиг позиции на Альме 4-й батальон; поздно ночью сида прибыл и 3-й батальон.

Уже рассвело, а 1-й и 2-й батальоны с командиром полка и бригадным генералом Гриббе все еще тянулись к назначенному пункту...

Остановлюсь в шаге от драматических событий. Не стану подробно описывать участие Московского пехотного полка в этом сражении – это уже не входит в рамки данного исследования.

Мы кратко рассмотрели историю полка и его значение для Рязанской губернии с начала 30-х годов XIX века до Крымской войны. Московский полк, уйдя на войну, в губернию больше не возвращался.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ РИ). Т. IV (1700-1712). СПб, 1830. С. 590. № 2319.
- ² Там же. С. 619-620.
- ³ Там же. С. 620-621.
- ⁴ История 22-го пехотного Нижегородского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Веры Константиновны полка (1700-1800). Составил В. Зимин. СПб. 1900. С. 13.
- ⁵ На 3 000 гарнизонных человек = 2 полка и 120 чел.
- ⁶ На 5 000 гарнизонных человек = 3 полка и 680 чел.
- ⁷ На 27 000 гарнизонных человек = 18 полков и 1080 чел.
- ⁸ На 2 000 гарнизонных человек = 1 полк и 560 чел.
- ⁹ На 10 000 гарнизонных человек = 6 полков, 2 батальона и 160 чел.
- ¹⁰ На 6 000 гарнизонных человек = 4 полка и 240 чел.
- ¹¹ На 3 000 гарнизонных человек = 2 полка и 120 чел.
- ¹² На 2 000 гарнизонных человек = 1 полк и 560 чел.
- ¹³ Шавенков Павел. Российская регулярная кавалерия в 1698-1917 гг. Справочник. Ч. I. Наименования регулярных полков Российской армии в конце XVII - начале XX вв. ВИК «Ахтырские гусары» – <http://www.gusa.ru/pasha2.html>
- ¹⁴ ПСЗ РИ. Т. XXXI (1810-1811). СПб, 1830. С. 395. № 24386.
- ¹⁵ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. IV. СПб, 1830. С. 667. № 3178.
- ¹⁶ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. IV. СПб, 1830. С. 160. № 4354.
- ¹⁷ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. VIII. Отделение первое. СПб, 1834. С. 55-56. № 5943.
- ¹⁸ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. X. Отделение второе. СПб, 1836. С. 372. № 8088.
- ¹⁹ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XVII. Отделение первое. СПб, 1843. С. 49. № 15228.
- ²⁰ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Николаевичу. Изд. 2-е. Т. XI. СПб. 1856. С. 187.
- ²¹ Памятка для дядьки новобранцев. Изд. В. Березовский. СПб. 1899. С. 8.
- ²² ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XVII. Отделение первое. СПб. 1843. С. 61-62. № 15237.
- ²³ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XXXI. Отделение первое. СПб. 1856. С. 155. № 30305.
- ²⁴ Там же. С. 727. № 30869.
- ²⁵ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XXXVII. Отделение первое. СПб. 1865. С. 660. № 38452.
- ²⁶ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XXXVII. Отделение первое. СПб. 1865. С. 5. № 38625.
- ²⁷ Там же. С. 476. № 39021.
- ²⁸ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение первое. СПб. 1867. С. 46. № 40487.
- ²⁹ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение первое. СПб. 1867. С. 698. № 41162.
- ³⁰ Там же. Отделение третье. С. 261.
- ³¹ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 11. Издание Военно-исторической комиссии Главного Штаба. СПб. 1898. С. 175.
- ³² Новицкий В. Ф. Военная энциклопедия / Новицкий В. Ф., Шварц А. В., Апушкин В. А. и др. Т. V. СПб. 1911. С. 247.
- ³³ Краткое росписание сухопутных войск. Исправлено по 1-е июля 1903 года. СПб. 1903. С. 13, 15, 17.
- ³⁴ ПСЗ РИ. Т. XVI (1762-1765). СПб, 1830. С. 236. № 11811.
- ³⁵ Ныне – г. Хамина в Финляндии
- ³⁶ ПСЗ РИ. Т. XXXIV. СПб, 1830. С. 438, № 26950. С. 779-780. № 27066.
- ³⁷ В дальнейшем, с упразднением Отдельного Литовского корпуса, дивизии и полки, его формировавшие, попали в стратегический резерв Действующей армии – 5-й пехотный корпус.
- ³⁸ Грант Р. Г. Сражения. Незабываемое путешествие сквозь 50 веков сражений / пер. с англ. С. О. Махарадзе. М.: АСТ, Астрель, 2009. С. 127.
- ³⁹ В 1857 году первый стал именоваться Калужским, а второй – Либавским.

- ⁴⁰ История Московского полка. С. 388-389.
- ⁴¹ Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Главный Штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование Императора Николая I. Ч. II. Кн. I. Отд. II. СПб. 1907. С. 81.
- ⁴² Там же. С. 119.
- ⁴³ Там же. С. 152.
- ⁴⁴ Там же. С. 156.
- ⁴⁵ Там же. С. 99.
- ⁴⁶ Там же. С. 104.
- ⁴⁷ Там же. С. 106.
- ⁴⁸ Там же. С. 107.
- ⁴⁹ Там же. С. 109-110.
- ⁵⁰ Тотлебен Э. Описание обороны г. Севастополя. Ч. I. СПб, 1863. С. 10.
- ⁵¹ Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. М. 1975. С. 153.
- ⁵² Нечкина М. В. Декабристы. М. 1982. С. 110.
- ⁵³ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота. Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. Т. 2 (1801-1855). М. 1996. С. 140.
- ⁵⁴ Лейб-гвардии Московский полк. 1811-1936. С. 8.
- ⁵⁵ Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г. СПб. 1850. С. 40.
- ⁵⁶ История Московского полка. С. 386.
- ⁵⁷ История Московского полка. С. 393.
- ⁵⁸ История 69-го пехотного Рязанского полка. Т. II (1805-1904). Составил капитан И. И. Шеленговский. Люблин. 1910. С. 421.
- ⁵⁹ Война. 5000-летняя история: От Древнего Египта до наших дней / Переводчики: В. Есина, А. Кулаков, П. Липатов, Г. Махарадзе. Редактор: Саул Давид. М.: АСТ. 2011. С. 247.
- ⁶⁰ Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис. 1860. С. 2.
- ⁶¹ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Воениздат, 1973. С. 102.
- ⁶² Там же. С. 109.
- ⁶³ Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу, о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. 1. СПб. 1872. С. 57-58.
- ⁶⁴ История 72-го пехотного Тульского полка. 1769-1901. Составил штабс-капитан Ф. Д. Соседко. Варшава. 1901. Приложения. Таблица смотровых стрельб 1863-1875 гг.
- ⁶⁵ История Рязанского полка. Т. II. С. 416.
- ⁶⁶ История Московского полка. С. 391.
- ⁶⁷ История Московского полка. С. 381.
- ⁶⁸ История Московского полка. С. 382.
- ⁶⁹ История Московского полка. С. 398-399.
- ⁷⁰ ПСЗ РИ. Т. XXXI (1810-1811). СПб. 1830. С. 555-556. № 24526.
- ⁷¹ Список гг. офицерам Московского пехотного полка к 1 декабря 1853 года. История Московского полка. XXVIII.
- ⁷² ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. VI. СПб, 1832. С. 550. № 4677.
- ⁷³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке: Очерки. М. 1958. С. 301.
- ⁷⁴ Зайончковский А. М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Том II. Приложения. СПб. 1912. С. 154. Приложение № 67.
- ⁷⁵ Там же. С. 280. Приложение №129.
- ⁷⁶ Там же. Т. II. Ч. 1. С. 217.
- ⁷⁷ Там же. Т. II. Приложения. С. 290. Приложение № 131.
- ⁷⁸ Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М.: Наука. 1974. С. 249-250.
- ⁷⁹ История Московского полка. С. 410.
- ⁸⁰ Кухарук А. В. Мнимый больной. Была ли бессильна николаевская армия. Родина. 1995.

№ 3-4. С. 26.

⁸¹ Тотлебен Э. Описание обороны г. Севастополя. Ч. I. СПб. 1863. С. 133.

⁸² Там же. С. 411.

⁸³ Там же. С. 412.

⁸⁴ Хомутов Михаил Григорьевич (1795 - 1864) – генерал от кавалерии, наказной атаман Донского казачьего войска

⁸⁵ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. I. СПб. 1900. С. 124.

⁸⁶ Там же. С. 413.

REFERENCES

¹ Полное собрание законов Rossijskoj imperii s 1649 goda (PSZ RI). Т. IV (1700-1712). SPb, 1830. S. 590. № 2319.

² Там же. S. 619-620.

³ Там же. S. 620-621.

⁴ Istorija 22-go pehotnogo Nizhegorodskogo Ee Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knjagini Very Konstantinovny polka (1700-1800). Sostavil V. Zimin. SPb. 1900. S. 13.

⁵ Na 3 000 garnizonnyh chelovek = 2 polka i 120 chel.

⁶ Na 5 000 garnizonnyh chelovek = 3 polka i 680 chel.

⁷ Na 27 000 garnizonnyh chelovek = 18 polkov i 1080 chel.

⁸ Na 2 000 garnizonnyh chelovek = 1 polk i 560 chel.

⁹ Na 10 000 garnizonnyh chelovek = 6 polkov, 2 batal'ona i 160 chel.

¹⁰ Na 6 000 garnizonnyh chelovek = 4 polka i 240 chel.

¹¹ Na 3 000 garnizonnyh chelovek = 2 polka i 120 chel.

¹² Na 2 000 garnizonnyh chelovek = 1 polk i 560 chel.

¹³ Shavenkov Pavel. Rossijskaja reguljarnaja kavalerija v 1698-1917 gg. Spravochnik. Ch. I. Naimenovanija reguljarnyh polkov Rossijskoj armii v konce XVII - nachale XX vv. VIK «Ahtyrskie gusary» – <http://www.gusa.ru/pasha2.html>

¹⁴ PSZ RI. Т. XXXI (1810-1811). SPb, 1830. S. 395. № 24386.

¹⁵ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. IV. SPb, 1830. S. 667. № 3178.

¹⁶ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. IV. SPb, 1830. S. 160. № 4354.

¹⁷ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. VIII. Otdelenie pervoe. SPb, 1834. S. 55-56. № 5943.

¹⁸ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. X. Otdelenie vtoroe. SPb, 1836. S. 372. № 8088.

¹⁹ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. XVII. Otdelenie pervoe. SPb, 1843. S. 49. № 15228.

²⁰ Voennyj jenciklopedicheskiy leksikon, izdavaemyj Obshhestvom voennyh i literatorov i posvjashhenyj Ego Imperatorskomu Velichestvu Gosudarju Imperatoru Aleksandru Nikolaevichu. Izd. 2-e. Т. XI. SPb. 1856. S. 187.

²¹ Pamjatka dlja djad'ki novobrancev. Izd. V. Berezovskij. SPb. 1899. S. 8.

²² PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. XVII. Otdelenie pervoe. SPb. 1843. S. 61-62. № 15237.

²³ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. XXXI. Otdelenie pervoe. SPb. 1856. S. 155. № 30305.

²⁴ Там же. S. 727. № 30869.

²⁵ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. XXXVII. Otdelenie pervoe. SPb. 1865. S. 660. № 38452.

²⁶ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. XXXVII. Otdelenie pervoe. SPb. 1865. S. 5. № 38625.

²⁷ Там же. S. 476. № 39021.

²⁸ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. XXXIX. Otdelenie pervoe. SPb. 1867. S. 46. № 40487.

²⁹ PSZ RI. Sобрание vtoroe. Т. XXXIX. Otdelenie pervoe. SPb. 1867. S. 698. № 41162.

³⁰ Там же. Otdelenie tret'e. S. 261.

³¹ Sbornik materialov po russko-tureckoj vojne 1877-78 gg. na Balkanskom poluostrove. Vyp. 11. Izdanie Voенно-istoricheskoi komissii Glavnogo Shtaba. SPb. 1898. S. 175.

³² Novickij V. F. Voennaja jenciklopedija / Novickij V. F., Shvarc A. V., Apushkin V. A. i dr. Т. V. SPb. 1911. S. 247.

³³ Kratkoe rospisanie suhoputnyh vojsk. Ispravleno po 1-e ijulja 1903 goda. SPb. 1903. S. 13, 15, 17.

- ³⁴ PSZ RI. T. XVI (1762-1765). SPb, 1830. S. 236. № 11811.
- ³⁵ Nyne – g. Hamina v Finljandii
- ³⁶ PSZ RI. T. XXXIV. SPb, 1830. S. 438, № 26950. S. 779-780. № 27066.
- ³⁷ V dal'nejšem, s uprazhneniem Otdel'nogo Litovskogo korpusa, divizii i polki, ego formirovavshie, popali v strategicheskij rezerv Dejstvujushhej armii – 5-j pehotnyj korpus.
- ³⁸ Grant R. G. Srazhenija. Nezabyvaemoe puteshestvie skvoz' 50 vekov srazhenij / per. s angl. S. O. Maharadze. M.: AST, Astrel', 2009. S. 127.
- ³⁹ V 1857 godu pervyj stal imenovat'sja Kaluzhskim, a vtoroj – Libavskim.
- ⁴⁰ Istorija Moskovskogo polka. S. 388-389.
- ⁴¹ Stoletie Voennogo Ministerstva. 1802-1902. Glavnyj Shtab. Istoricheskij ocherk. Komplektovanie vojsk v carstvovanie Imperatora Nikolaja I. Ch. II. Kn. I. Otd. II. SPb. 1907. S. 81.
- ⁴² Tam zhe. S. 119.
- ⁴³ Tam zhe. S. 152.
- ⁴⁴ Tam zhe. S. 156.
- ⁴⁵ Tam zhe. S. 99.
- ⁴⁶ Tam zhe. S. 104.
- ⁴⁷ Tam zhe. S. 106.
- ⁴⁸ Tam zhe. S. 107.
- ⁴⁹ Tam zhe. S. 109-110.
- ⁵⁰ Totleben Je. Opisanie oborony g. Sevastopolja. Ch. I. SPb, 1863. S. 10.
- ⁵¹ Nechkina M. V. Den' 14 dekabrja 1825 goda. M. 1975. S. 153.
- ⁵² Nechkina M. V. Dekabristy. M. 1982. S. 110.
- ⁵³ Leonov O. G., Ul'janov I. Je. Reguljarnaja pehota. Boevaja letopis', organizacija, obmundirovanie, vooruzhenie, snarjazhenie. T. 2 (1801-1855). M. 1996. S. 140.
- ⁵⁴ Lejb-gvardii Moskovskij polk. 1811-1936. S. 8.
- ⁵⁵ Istoricheskoe obozrenie voenno-suhoputnogo upravljenja s 1825 po 1850 g. SPb. 1850. S. 40.
- ⁵⁶ Istorija Moskovskogo polka. S. 386.
- ⁵⁷ Istorija Moskovskogo polka. S. 393.
- ⁵⁸ Istorija 69-go pehotnogo Rjazanskogo polka. T. II (1805-1904). Sostavil kapitan I. I. Shelengovskij. Ljublin. 1910. S. 421.
- ⁵⁹ Vojna. 5000-letnjaja istorija: Ot Drevnego Egipta do nashih dnei / Perevodchiki: V. Esina, A. Kulakov, P. Lipatov, G. Maharadze. Redaktor: Saul David. M.: AST. 2011. S. 247.
- ⁶⁰ Fadeev R. A. Shest'desjat let Kavkazskoj vojny. Tiflis. 1860. S. 2.
- ⁶¹ Beskrovnyj L. G. Russkaja armija i flot v XIX veke. Voенно-jekonomicheskij potencial Rossii. M.: Voenizdat, 1973. S. 102.
- ⁶² Tam zhe. S. 109.
- ⁶³ Sbornik rukopisej, predstavennyh Ego Imperatorskomu Vysochestvu Gosudarju Nasledniku Cesarevichu, o Sevastopol'skoj oborone sevastopol'cami. T. 1. SPb. 1872. S. 57-58.
- ⁶⁴ Istorija 72-go pehotnogo Tul'skogo polka. 1769-1901. Sostavil shtabs-kapitan F. D. Sosedko. Varshava. 1901. Prilozhenija. Tablica smotrovyh strel'b 1863-1875 gg.
- ⁶⁵ Istorija Rjazanskogo polka. T. II. S. 416.
- ⁶⁶ Istorija Moskovskogo polka. S. 391.
- ⁶⁷ Istorija Moskovskogo polka. S. 381.
- ⁶⁸ Istorija Moskovskogo polka. S. 382.
- ⁶⁹ Istorija Moskovskogo polka. S. 398-399.
- ⁷⁰ PSZ RI. T. XXXI (1810-1811). SPb. 1830. S. 555-556. № 24526.
- ⁷¹ Spisok gg. oficeram Moskovskogo pehotnogo polka k 1 dekabrja 1853 goda. Istorija Moskovskogo polka. XXVIII.
- ⁷² PSZ RI. Sobranie vtoroe. T. VI. SPb, 1832. S. 550. № 4677.
- ⁷³ Beskrovnyj L. G. Russkaja armija i flot v XVIII veke: Ocherki. M. 1958. S. 301.
- ⁷⁴ Zajonchkovskij A. M. Vostochnaja vojna 1853-1856 gg. v svjazi s sovremennoj ej

politicheskoj obstanovkoj. Tom II. Prilozhenija. SPb. 1912. S. 154. Prilozhenie № 67.

⁷⁵ Tam zhe. S. 280. Prilozhenie №129.

⁷⁶ Tam zhe. T. II. Ch. 1. S. 217.

⁷⁷ Tam zhe. T. II. Prilozhenija. S. 290. Prilozhenie № 131.

⁷⁸ Beskrovnyj L. G. Russkoe voennoe iskusstvo XIX v. M.: Nauka. 1974. S. 249-250.

⁷⁹ Istorija Moskovskogo polka. S. 410.

⁸⁰ Kuharuk A. V. Mnimyj bol'noj. Byla li bessil'na nikolaevskaja armija. Rodina. 1995. № 3-4. S. 26.

⁸¹ Totleben Je. Opisanie oborony g. Sevastopolja. Ch. I. SPb. 1863. S. 133.

⁸² Tam zhe. S. 411.

⁸³ Tam zhe. S. 412.

⁸⁴ Homutov Mihail Grigor'evich (1795 - 1864) – general ot kavalerii, nakaznoj ataman Donskogo kazach'ego vojska

⁸⁵ Dubrovin N. F. Istorija Krymskoj vojny i oborony Sevastopolja. T. I. SPb. 1900. S. 124.

⁸⁶ Tam zhe. S. 413.

**LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
GLOBALISTICS DEPARTMENT OF THE FACULTY OF GLOBAL STUDIES**

UDC 94(47).07
National History

**CHILDHOOD AND STUDY YEARS OF D. A. MILYUTIN
(The 200th anniversary of birth)**

Doctor of Historical Sciences V. A. Zmeev

Abstract. Dmitry Alekseyevich Milyutin – a great statesman, an outstanding Minister of War (1861 – 1881 gg.), the reformer of the Russian army, a military historian, a prominent representative of the Russian liberalism, the last Generalfeldmarschall of the Russian Empire (1898), the older brother of Vladimir and Nikolay Milyutins, a nephew of Count P. D. Kiselev (closest associate of Emperor Nicholas I Pavlovich). The article attempts to show the role of a noble family, the Moscow Provincial Gymnasium, a boarding-school for noblemen, a Brigade of Guards artillery and Military Academy in the shaping personality of a Russian patriot. In preparation for publication, the author has used a wide range of historical sources and literature, including the memoirs of Count D. A. Milyutin.

Keywords: parents and relatives of Dmitry Milyutin, his study at home, in the provincial gymnasium, in the boarding-school of Moscow University, in the Guards training unit and in the Military Academy.

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

УДК 94(47).07
Отечественная история

**ДЕТСТВО И ГОДЫ УЧЁБЫ Д. А. МИЛЮТИНА
(к 200-летию рождения)**

Доктор исторических наук В. А. Змеев

Реферат. Дмитрий Алексеевич Милютин – крупный государственный деятель, выдающийся военный министр (1861-1881 гг.), реформатор русской армии, военный историк, видный представитель отечественного либерализма, последний генерал-фельдмаршал Российской империи (1898 г.), старший брат Владимира и Николая Милютиных, племянник по матери ближайшего сподвижника императора Николая I Павловича графа П. Д. Киселева. В статье предпринята попытка показать роль дворянской семьи, Московской губернской гимназии, Благородного пансиона, бригады гвардейской артиллерии и Военной академии в формировании личности русского патриота. При подготовке публикации автор использовал широкий круг исторических источников и литературы, включая воспоминания графа Д. А. Милютина.

Ключевые слова: родители и родственники Дмитрия Милютина, его учёба дома, в губернской гимназии, Благородном пансионе Московского университета, учебном гвардейском подразделении и Военной академии.

Введение. 28 июня 1816 г. в московской дворянской семье родился Дмитрий Милютин, которого вскоре крестили по православному обряду. Его предки по отцов-

кой линии получили дворянское достоинство при царе Петре I Алексеевиче за устроительство в Москве первой шелковой фабрики. Алексей Яковлевич Милютин (прадед

Дмитрия) был пожалован императрицей Анной Иоанновной титулом потомственного дворянина с личным гербом [9, л. 1-2]. Родители Дмитрия: действительный статский советник Алексей Михайлович Милютин (1780-1846) и Елизавета Дмитриевна Киселёва (1794-1838), родная сестра графа П. Д. Киселёва, реформатора эпохи императора Николая I Павловича, сторонника освобождения крестьян. 22 августа 1815 г. состоялась свадьба, после которой молодая семья поселилась в родительском доме в Милютинском переулке в центре Москвы.

Основная часть. Детство и юность Дмитрия прошла в Москве, где он рос и воспитывался вместе с младшими братьями и сёстрами – Николаем, Алексеем, Владимиром (умер в 1825 г.), Марией, Софьей (умерла в 1825 г.) и Владимиром. Летнее время многочисленная семья обычно проводила в поместье отца – селе Титове, находившемся в 20 верстах от города Алексина Тульской губернии. В своих воспоминаниях, после отставки с государственной службы, Д. А. Милютин писал: «В селе Титове хозяйство было заведено в широких размерах со всеми барскими прихотями. Со всех окрестностей, близких и дальних, съезжались в Титово соседи и живали по несколько дней среди разлитого моря угощений и развлечений. Конский завод, псовая охота, всякого рода мастерские, в том числе даже каретная, – всё это содержалось на славу и всё это считалось совершенно необходимым для приличия, для поддержания достоинства и в особенности – кредита. Чем хуже шли дела денежные, тем более нужно было прикрывать это наружным блеском обыденной жизни» [5, с. 56].

Родственники Елизаветы Дмитриевны систематически оказывали помощь молодой семье материально, предпринимали попытки уладить вопросы с долгами Алексея Михайловича. К примеру, граф П. Д. Киселёв письменно обращался к министру юстиции князю Д. И. Лобанову-Ростовцеву, директору Департамента мануфактур С. С. Уварову по вопросу выдачи ссуды из банка для поддержания и развития Титовской суконной фабрики, которая принадлежала отцу Дмитрия Милютина. В 1823 г. А. М. Милютин получил банковскую ссуду на 200 тысяч рублей, что позволило снять остроту по долговым вопросам. В личном архиве

семьи Милютиных имеются многочисленные документы и письма, которые говорят о реальной помощи их родственников [12].

Родители, особенно мать, очень любили своего первенца Дмитрия, уделяя много внимания его воспитанию. В своих воспоминаниях Д. А. Милютин писал: «В первые годы моего детства я рос на руках моей матери в буквальном смысле слова. Она лелеяла меня как первенца, баловала более чем младших детей, которые были любимцами нашей общей няни («мамушки»), старушки Прасковьи Терентьевны. Отец был всегда так занят делами и часто в отсутствии, что занимался нами мало. Находясь неотлучно при матери и слыша постоянно разговоры на французском языке, почти исключительно употреблявшемся в тогдешнем русском обществе, я рано начал лепетать на этом языке. Даже азбуке французской выучился прежде русской. Сколько помнится, уже в пятилетнем возрасте я читал довольно свободно французские детские книжки. Русской же грамоте первоначально обучал меня в Титове наш «конторщик», крепостной человек; он же давал первые уроки письма, а сельский наш священник – уроки веры» [5, с. 65].

Мать постоянно читала Дмитрию детскую литературу на русском и французском языках, приучала первенца и других детей к чтению книг из большой домашней библиотеки. К десяти годам Дмитрий Милютин смог самостоятельно прочитать почти полностью 12 томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и много других книг. Отец учил старшего сына арифметике, основам физики с элементами механики. В кабинете Алексея Михайловича Милютина было много книг, атласов и различных физических приборов. С 1821 г. он состоял членом Императорского Московского общества сельского хозяйства, а в 1828 г. издал небольшую книжку «Руководство к построению водяных мельничных колёс». Помощь родителям в воспитании и обучении всех сыновей оказывал гувернёр Николай Матвеевич Заржицкий, который хорошо знал русский язык, историю и математику.

В мае 1827 г. семья Милютиных вновь переехала в Москву из Титова, что было вызвано материальными затруднениями отца. За долги родовое имение было выс-

тавлено на торги, а в Москве А. М. Милютин имел возможность зарабатывать средства лишь на обеспечение скудной жизни всего семейства. Дмитрий и младшие братья получали домашнее образование у родителей, но оно было недостаточным. Плохое материальное положение семьи не позволяло нанять квалифицированных учителей, которых приходилось часто менять. В 1827 г. семья Милютиных снимала небольшую квартиру на улице Поварской, но затем (в 1828 г.) переехала на Пресню [1, с. 26] в большой деревянный дом за меньшую плату. На руках у матери, Елизаветы Дмитриевны, которая стала часто болеть, было тогда шестеро детей.

В июне 1828 г. для помощи в воспитании трёх резвых сыновей отец нанял пожилого гувернёра венгра Яничека, который отличался грубостью. Уроки русского и латинского языков, географии и математики братьям Милютиным давал учитель Петропавловский, человек знающий, но не умевший донести свои знания до детей. Е. Д. Милютина в письме от 16 сентября 1828 г. писала своей матери и брату: «Обстоятельства наши так изменились к худшему, что самое существование наше ничем не обеспечено. Имение должно быть продано за 183 тысячи рублей... У нас шесть человек детей малолетних...» [14, л. 37]. В сложившейся ситуации родители приняли решение отдать Дмитрия и Николая на учёбу в губернскую гимназию, единственную тогда в Москве. Это давало сыновьям возможность получить официальные документы об образовании и сократить расходы на домашних учителей.

В упомянутых выше воспоминаниях Д. А. Милютин писал о себе и брате Николае: «На основании произведённого нам вступительного экзамена, мы поступили в 3-й и 2-й классы, но по некоторым предметам я посещал уроки 4-го класса. Учение шло очень плохо. Для меня более всего требовалось труда на латинский язык, которому начал я учиться незадолго до поступления в гимназию. Преподавателем этого языка был старичок Лейбхрехт, который половину классного времени занимался молча чинкою перьев на всех учеников. Учитель математики Терюхин был человек желчный и с наружностью отгалкивающей, отличался особенной суровостью и привычкой к фи-

зической расправе. К счастью для меня, из всех предметов учения лучше всего я был подготовлен в математике, и потому уроки Терюхина сходили мне весьма легко. Историю преподавал Добровольский, которого все ученики особенно боялись: он по общепринятой тогда методе, ограничивался тем, что задавал уроки по книжке или по писанным тетрадам, от такой-то строки до такой, и в классе проверял твёрдо ли выучен урок каждым учеником. Остальные учителя не оставили даже никакого впечатления в моей памяти» [5, с. 83].

Во время обучения братьев Милютиных в губернской гимназии их отец находился в Петербурге, но в письмах интересовался их успехами в науках. В ответных письмах дети писали правду о нравах, которые царили в этом учебном заведении, а Дмитрий просил отца перевести их в Благородный пансион при Московском университете. Алексей Михайлович в письмах требовал от старшего сына быть примером для младших, а особое внимание обратить на изучение иностранных языков. Родители начали хлопотать о переводе сыновей в Благородный пансион через графа А. А. Закревского и князя А. Н. Голицына – друзей графа П. Д. Киселёва. Эти обращения привели к положительному результату; среди учебного года братьев Милютиных перевели для продолжения учёбы в Московский благородный пансион.

Три брата Милютины весьма успешно учились в Благородном пансионе Императорского Московского университета. Старший брат был примером для младших и помогал им в учёбе. Дмитрий посещал занятия в качестве полупансионера с 1829 по 1832 г., изучая в старших классах под руководством ведущих профессоров и преподавателей университета: математику, механику и физику (Д. М. Перевозишкова), естественную историю (М. А. Максимовича), римское право (Л. А. Цветаева), русское законоведение (Н. Н. Сандунова), русскую словесность (М. Т. Каченовского). Он любил словесность, особенно внеклассную работу; читал многие классические произведения. Интерес у молодого человека вызывали романы М. Н. Загоскина, поэмы А. С. Пушкина, В. А. Жуковского и К. Ф. Рылеева. Обучение и содержание Дмитрия Милютина в пансионе обеспечивал граф

П. Д. Киселёв [11, с. 8].

Директором пансиона тогда был Александр Дмитриевич Курбатов (1800-1858), его воспитанник, начальник университетской типографии. О будущем директоре пансиона позже вспоминал его товарищ по учёбе крупный чиновник и писатель М. А. Дмитриев. Он вспоминал, что в годы учения А. Д. Курбатова отличали «неистощимая и неисчерпаемая весёлость, добродушие, живость и острота ума... Вдруг начали мы замечать в нём совершенную перемену. Он удалялся от нашего весёлого общества... Все его разговоры... обращались теперь на одни важные и религиозные предметы... Это подаёт мне случай сказать несколько слов о масонстве. Его благотворное действие на человека обнаружилось вполне над Курбатовым, который хотя никогда не был дурным человеком, но был до излишества предан удовольствиям чувств и удовлетворению своих природных наклонностей» [6, с. 341-342].

При переходе в шестой класс пансиона Дмитрий Милютин задумался о своей будущей профессии. У него открылись возможности для быстрого получения офицерских эполет, но отец посоветовал своему старшему сыну не спешить, завершить обучение в пансионе. Во время каникул перед последним учебным годом пятнадцатилетний Дмитрий начал публиковать свои сочинения «Опыт литературного словаря», «Руководство к съёмке планов» и переведённый им роман «Якарей Уасу». Летом 1831 г. Дмитрий Милютин близко сошёлся с Константином Аксаковым. Они подолгу беседовали и нашли много общего в мировоззренческих, философских и литературных вопросах. По настоянию отца Дмитрий много занимался иностранными языками, но немецким языком в это время не овладел. Но в последующем он серьёзно занимался английским, французским и немецким языками [11, с. 9].

Братья Милютины очень дорожили возможностью учиться в пансионе. Вот, что писал о нём Дмитрий спустя много лет: «Заведение это пользовалось в то время прекрасной репутацией и особыми преимуществами. Оно помещалось на Тверской и занимало всё пространство между двумя Газетными переулками (Старым и Новым, ныне Долгоруковским), в виде большого

карэ, с внутренним двором и садом. Пансион назывался университетским только потому, что в двух старших классах, в V и VI, преподавали большей частью университетские профессора; но заведение это имело отдельный, законченный курс и выпускало воспитанников с правами на 14-й, 12-й и 10-й классы по чиновному производству. Учебный курс был общеобразовательный, но значительно превышал уровень гимназического. Так, в него входили некоторые части высшей математики (аналитическая геометрия, начало дифференциального и интегрального исчисления, механики), естественная история, римское право, русские государственные и гражданские законы, римские древности, эстетика. Из древних языков преподавали один, латинский; но несколько позже, уже в бытность мою в пансионе, по настоянию министра Уварова, введён был греческий. Наконец, в учебный план пансиона входил даже курс «военных наук»! Это был весьма странный, уродливый набор отрывочных сведений из всех военных наук, проходимый в пределах одного часа в неделю, в течение одного учебного года. Такой энциклопедический характер курса, конечно, не выдерживал строгой критики с нынешней точки зрения педагогики; но в то время, когда гимназии у нас были в самом жалком положении, Московский университетский пансион вполне удовлетворял требования общества и стоял наравне с Царскосельским лицеем» [5, с. 87-88].

Дмитрий Милютин участвовал в литературных собраниях пансиона, редактировал рукописный журнал «Улей», писал небольшие стихотворения. Увлечение русской литературой сочеталось с глубоким изучением математики. С товарищами по учёбе был выдержан; больше всего сблизился с пансионерами И. П. Арапетовым, С. С. Строевым и Б. А. Перовским. 29 сентября 1830 г. присутствовал при посещении пансиона императором Николаем I Павловичем. На Торжественном акте Благородного пансиона 2 ноября 1832 г. молодой дворянин произнёс речь как первый по уровню личной подготовки выпускник, которой доказывал, что обучение не заканчивается после ухода из стен учебного заведения [10, с. 444-445].

Курс обучения в Московском универ-

ситетском пансионе (с 1830 г. называвшегося гимназией) Д. А. Милютин окончил 31 октября 1832 г. с вручением аттестата [7, л. 1-2]. Он также получил права на чин 10-го класса Табели о рангах, а за успехи в науках был награждён серебряной медалью. Для лучшего выпускника пансиона логичным было бы поступление на один из факультетов Московского университета, но материальное положение семьи не позволили этого сделать. Вместе с тем следует отметить, что научные и культурные связи Д. А. Милютина с Московским университетом продолжалась и в последующие годы через его товарищей по учёбе и преподавателей.

В поиске своего места в жизни Дмитрию Милютину оказал помощь знакомый отца генерал В. Н. Майков. Он предложил Дмитрию продолжить учёбу в артиллерийской бригаде, после которой открывалась возможность поступить в Военную академию, а затем продолжить службу в Гвардейском генеральном штабе. 1 марта 1833 г. молодой дворянин добровольно поступил на службу фейерверкером 4-го класса в батареиную роту лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (С.-Петербург).

О начале своей службы Д. А. Милютин вспоминал следующее: «20 марта в первый раз облёкся я в военную форму и явился во 2-ю батареиную роту, куда я был зачислен. Командиром её был полковник Штаден, хороший человек, дельный начальник, обходившийся с подчинёнными по-человечески, без обычных в те времена грубостей и суровости. Полковник передал меня на ближайшее попечение фельдфебеля Семёнова – старого служаки, с внушительной наружностью, державшего роту в ежовых рукавицах. Семёнов благосклонно принял меня под свою опеку; озаботился, прежде всего приведением в безукоризненный порядок моего обмундирования и амуниции; занялся вразумлением меня относительно обязанностей моих, обращения с начальством, с офицерством, порядка отдания чести, даже походки и военной осанки; одним словом, он был для меня тем, что «дядька» для новобранца. Что касается строевого обучения, то все юнкера бригады состояли в этом отношении под общим руководством капитана Иеронима Михайловича Симборского – типичного фронтвика тех времён. Ежед-

невно юнкера собирались в утренние часы в казармы (на Литейной) на уроки стойки, маршировки, приёмов при орудиях и приёмов с тесаками (тогдашним ручным оружием пеших артиллеристов). Непосредственно обучал нас один фейерверкер, под надзором капитана Симборского, который относился к своим ученикам строго и сухо. Тогдашнее фронтное учение было дело нешуточное: чего стоила одна маршировка «тихим учебным шагом», в три приёма по команде (т. е. по голосу обучавшего, протяжно возглашавшего: раз – два – три!). Сколько приходилось биться с приёмами при орудиях, по темпам, «по команде» и «без команды». Кроме утренних занятий юнкера несли службу на дежурстве по роте и по конюшне и назначались в состав караула во дворец Великого Князя Михаила Павловича» [5, с. 114-115].

Неизбежные трудности начального периода военной службы Дмитрий Милютин переносил стойко, о чём свидетельствуют его письма родителям и братьям. Отец и мать, по мере сил, помогали своему первенцу укрепиться в новых жизненных условиях, не падать духом. В конце марта отец провёл обстоятельный разговор с Дмитрием, дал ему необходимые наставления и уехал в Москву к семье. Затем началась переписка, которая даёт достаточно полное представление об учёбе и службе будущего офицера в артиллерийской бригаде. Из писем стало известно, что родители прислали в Петербург своему сыну большую посылку с множеством полезных вещей и домашних лакомств; это поручение выполнил их крепостной крестьянин Фёдор. Дмитрий горячо благодарил за это мать и отца в очередном письме [13, л. 6].

15 мая 1833 г. гвардейская артиллерия переместилась из петербургских казарм в Красное Село для занятий практической стрельбой. В первый раз Дмитрию Милютину пришлось совершить поход в строевом составе батареи протяжённостью 30 вёрст. Этот переход был для него утомительным, но весьма полезным для формирования необходимых навыков походной жизни и строевой службы. В Красном Селе Дмитрий находился ровно месяц; каждый день был насыщен учениями, смотрами, стрельбами и манёврами. В лагере будущий офицер увидел реальные действия подраз-

делений различных родов войск и их вооружение, практически осуществлял стрельбы из артиллерийских орудий разного калибра, лично командовал подразделениями. Важно заметить, что в Красном Селе одновременно находились подразделения ряда элитных полков, в том числе лейб-гвардии Егерского и Московского. За ходом боевой подготовки войск в лагере наблюдал великий князь Михаил Павлович, а сбор полков по тревоге провёл император Николай Павлович. 23 мая прошло общее учебное сражение всех войск, в котором артиллерийская бригада действовала под командованием полковника Г. Ф. Козлянинова. Успешные действия на лагерном сборе в Красном Селе дали основание командованию 8 июня присвоить Д. А. Милютину воинское звание юнкера.

Служба Дмитрия Милютин в артиллерийской бригаде завершилась осенью 1833 г. сдачей комплексного экзамена, который 5 октября принимала комиссия в составе трёх артиллерийских генералов Эйлера, Зварковского и Эбергардта. Члены комиссии задавали вопросы по математике, механике, артиллерии и фортификации. Кроме того, испытуемый представил чертежи полевой пушки и топографический план. Комиссия высоко оценила теоретические знания и практические навыки юнкера Милютин; с учётом положительной аттестации командира артиллерийской бригады, сделала заключение о возможности присвоения ему офицерского звания. После экзамена Д. А. Милютин был представлен великому князю Михаилу Павловичу, который вынес окончательное решение. 8 ноября 1833 г. был подписан приказ о производстве его в прапорщики [23, с. 464].

Прапорщик Милютин был зачислен в 1-ю лёгкую батарею гвардейской артиллерии, но вскоре на него возложили обязанности по обучению нижних чинов фейерверкерской школы по обучению их арифметике и элементарным сведениям в области материальной части оружия. Эта школа находилась в так называемых Аракчевских казармах за Таврическим садом на окраине города. Полуграмотные солдаты с трудом усваивали учебный материал, поскольку были приучены к механическому его запоминанию. Занятия продолжались по 8 часов в день, что весьма утомля-

ло молодого офицера. Однако Д. А. Милютин успешно сочетал службу офицера-артиллериста с научной работой, отдавая ей свободное время. Круг его научных интересов был весьма широк: математика, механика, физика, артиллерия, фортификация, геодезия, топография и военная история. Благодаря широкому научному кругозору и природным склонностям к педагогике прапорщик Милютин смог усовершенствовать учебный процесс с нижними чинами фейерверкерской школы, что было замечено и одобрено бывшим начальником гвардейской артиллерии генералом И. О. Сухозанетом.

Военная служба прапорщика Д. А. Милютин продолжалась весьма успешно в 1834-1835 гг. в прежней должности командира взвода лейб-гвардии артиллерийской бригады. Его постоянные занятия с нижними чинами сочетались с караульной службой, различными гарнизонными мероприятиями и выходами в лагерь под Красное Село. Молодой офицер быстро обретал служебный опыт и сочетал его с научной работой. В частности, генерал Сумароков поручил прапорщику Милютину заниматься вопросами улучшения баллистических свойств снарядов, гранат и бомб для различных типов орудий. Такого рода сложные поручения закрепили за самым молодым офицером артиллерийской бригады Д. А. Милютиным прозвище «учёный». К нему с уважением относились и помогали в службе более опытные офицеры: капитаны Н. Г. Попов и П. П. Корнилов, прапорщики А. А. Баранцов и А. И. Чарьков.

В мае 1835 г., после парада, артиллерия столичного гарнизона вновь передислоцировалась в Красное Село и его окрестности. Батарея, в которой служил прапорщик Милютин, расположилась в деревеньке Наголово. Здесь для молодого офицера представилась хорошая возможность заняться практической подготовкой к поступлению в Военную академию. Д. А. Милютин решил поступать сразу во второй, практический класс академии, сдав перед этим все экзамены первого, теоретического класса. Для решения этой очень сложной задачи ему пришлось полностью сосредоточиться на занятиях.

В своих воспоминаниях Д. А. Милютин писал: «Из всех учебных предметов пред-

стоящего мне экзамена наиболее затрудняли меня строевые уставы пехоты и кавалерии, так как я должен был заучить их книжным способом, не проходя строевого учения в натуре. Затем главным предметом изучения была тактика, которая проходила вся в первый год академического курса. Прочие предметы были сравнительно не трудны, кроме разве военной истории, которой значительная половина проходила в теоретическом классе и требовала весьма напряжённой работы памяти. Что же касается курса геодезии, составлявшего камень преткновения для большинства учащихся, то я был уже настолько к нему подготовлен, что для меня он был даже не трудом, а скорее отдохновением и развлечением от массы тактических сведений, которые приходилось заучивать на память, по наукам военным» [5, с. 138].

В 1829 г. генералы русской армии А. А. Жomini и А. И. Хатов подготовили предложения по созданию Центральной стратегической школы. Император Николай Павлович создал комиссию по рассмотрению этих предложений под председательством генерал-адъютанта барона А. А. Жomini. В состав комиссии вошли: граф П. К. Сухтелен, генерал-лейтенант А. И. Хатов и генерал-майор Ф. Ф. Шуберт. Комиссия пришла к выводу, что новое высшее военно-учебное заведение должно иметь статус академии. Члены комиссии считали, что в проектируемой академии необходимо создать обстановку не только учебного заведения, но и ученого учреждения с академическим советом, почетными членами и членами-корреспондентами из числа окончивших курс офицеров, «дабы академия и по выпуску их на службу, могла следить за их учеными занятиями» [3, с. 7]. Это предложение было поддержано императором России и получило быструю практическую реализацию.

Император Николай Павлович утвердил Устав Военной академии, который был опубликован 4 октября 1830 г. Этот документ начинался такими словами: «Для образования офицеров к службе Генерального штаба и для вящего распространения военных познаний, учреждается в Санкт-Петербурге, при Главном штабе его императорского величества, Военная академия» [2, с. 140]. В уставе определялись цель уч-

реждения Академии, порядок приема в нее слушателей, последовательность и содержание обучения, обязанности профессорско-преподавательского состава и учащихся, также вопросы материального, технического и иного обеспечения.

26 ноября 1832 г. в Петербурге состоялось торжественное открытие Императорской военной академии [4, с. 91]. Задача этого высшего военно-учебного заведения состояла в подготовке лучших офицеров для службы в Генеральном штабе и распространении передовых взглядов в русской армии. Академия давала своим слушателям фундаментальное образование и широкую командно-штабную специальность. Слушатели академии обучались два года и разделялись на отделения: младшее (теоретическое) и старшее (практическое). Академическая программа часто изменялась и уточнялась, в зависимости от существовавших в армии взглядов на военное дело и политической ситуации.

Первым начальником академии, со званием директора, был крупный военачальник, известный своей разумной строгостью, герой Полоцка, Лейпцига и Браилова генерал-адъютант И. О. Сухозанет. Боевой артиллерийский офицер сумел за короткий срок на высоком уровне наладить работу военного вуза Российской империи, ставшего вскоре её гордостью. Большой вклад в становление Военной академии внёс её вице-директор генерал Л. И. Зедделер (1832-1834), который отличался боевым опытом и широким кругозором.

Штатными преподавателями в академию назначали офицеров русской армии со значительным опытом военной службы. Профессора академии полковники А. А. Иванов, Н. В. Медем, майор П. Я. Языков, капитан А. П. Болотов и другие, разработали первые курсы по стратегии, тактике, военной истории, географии, фортификации, артиллерии, основам топографии и геодезии. По этим учебным курсам читались лекции и проводились практические занятия. Слушатели первых наборов изучали военную литературу, русскую словесность, иностранные языки, обязанности и должности офицеров Генерального штаба [3, с. 31].

Трудолюбие, настойчивость и обширные знания по многим наукам позволили прапорщику Милютину поступить сразу в

практическое (высшее) отделение Военной академии. Здесь вели учебно-научную работу крупные военные учёные и опытные военачальники русской армии. Главным учебным курсом академии являлась тактика, занятия по которой вели: профессор, флигель-адъютант И. Ф. Веймарн, который занимал должность обер-квартирмейстера Гвардейского корпуса, а также адъютант-профессор капитан Гвардейского генерального штаба И. С. Фролов. И. Ф. Веймарн участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и делился со слушателями академии своим боевым опытом. И. С. Фролов являлся выпускником Царскосельского лицея; его отличало умение аккуратно оформлять топографические карты.

Важная роль в учебном процессе академии отводилась курсам военной истории и стратегии, которые преподавал артиллерийский генерал-майор, барон Н. В. Медем; его адъютантом был полковник Генерального штаба, князь Н. С. Голицын. Геодезию и топографию преподавал полковник А. П. Болотов, который хорошо знал математику. Лекции по военной географии читал подполковник путей сообщения М. А. Языков, а практические занятия вёл подполковник Генерального штаба Г. Ф. Стефан. Интересный практический курс «Обязанности офицеров Генерального штаба» преподавал полковник Генерального штаба А. А. Иванов, большой знаток штабной работы. Лекции и практические занятия по артиллерии проводил полковник Е. Х. Весель, а по фортификации – инженер-капитан Ф. Ф. Ласковский. Для проведения занятий по общеобразовательным предметам приглашались профессора и адъютанты Императорского Петербургского университета.

Летом 1836 г. Д. А. Милютин вместе с другими слушателями академии находился на полевой учебной практике под Петербургом, в окрестностях малых населённых пунктов Ропша и Гостилицы. Здесь офицеры занимались съёмкой местности. Применяя геодезические приборы. Кроме того, слушатели академии занимались решением тактических задач и участвовали в манёврах войск столичного гарнизона. Полевые занятия закончились 20 августа.

В период со 2 по 17 октября 1836 г. в Военной академии проходили экзамены в

виде различных испытаний по основным предметам обучения. В конце всего цикла испытаний проводился публичный экзамен в присутствии военного министра, директора академии и большого числа знатных особ, включая членов императорской фамилии. Публичный экзамен успешно прошёл 12 и 13 ноября в присутствии наследника престола цесаревича Александра Николаевича, которому тогда было 19 лет от роду. Д. А. Милютин отвечал на следующие вопросы: по тактике – о свойствах и видах пехотного строя; по военной истории – военная кампания А. В. Суворова в Польше (в 1769 г.). Об этом экзамене император Александр II вспоминал спустя много лет в разговоре с военным министром генералом Милютиным. Конференция и Совет академии признала пятерых лучших офицеров, из числа 16 выпускников, достойными присвоения очередного воинского звания [5, с. 160].

Заключение. 12 декабря 1836 г. талантливый офицер Милютин завершил обучение в Императорской военной академии. Ещё 29 марта 1836 г. ему был присвоен чин подпоручика. По окончании Военной академии, за отличные успехи в учёбе и службе Д. А. Милютину был присвоен чин поручика, с причислением к Генеральному штабу, и награждением малой серебряной медалью и занесением его имени на мраморную доску Академии. 28 октября 1837 г. он был переведён в Гвардейский генеральный штаб. В период обучения в Военной академии и службы в Гвардейском генеральном штабе Д. А. Милютин продолжил научно-исследовательскую работу. Он написал более 150 оригинальных статей по военному и математическому отделам в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плющара и «Военном энциклопедическом лексиконе» Л. И. Зедделера. Молодой офицер перевёл с французского на русский язык записки Сен-Сира («Военная библиотека» И. А. Глазунова, 1838), а также напечатал статью «Суворов как полководец» («Отечественные записки», 1839, № 4 и 5) [8, с. 587]. Обширная научная и публицистическая работа русского офицера Д. А. Милютина способствовала его профессиональному становлению, что ярко проявилось в последующие годы военной службы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бокова В. М. Милютин Дмитрий Алексеевич. Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 3. М.: Фонд «Московские энциклопедии», 2010. С. 26.
2. Гейсманс П. А. Учреждение Императорской военной академии. Военный сборник. 1908. № 12. С. 140.
3. Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 7, 31.
4. Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.). Словарь-справочник. Кн. 1. М.: Наука, 1996., С. 91.
5. Милютин Д. А. Воспоминания. Книга 1. 1816-1843. М.: Студия «ТРИТЭ». Российский архив. 1997. С. 56, 65, 83, 87-88, 114-115, 138, 160.
6. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 341-342.
7. Копия аттестата Д. А. Милютина об окончании Благородного пансиона при Московском университете. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 84. Ед. хр. 37. Л. 1-2.
8. Кровский П. О. Милютин Дмитрий Алексеевич. Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года: Энциклопедия. Редкол.: Янин В. Л. и др. М.: Большая Российская энциклопедия. Т. 3. 2000. С. 587.
9. Личное дело Д. А. Милютина. ОР РГБ. Ф. 169 (Милютины). Карт. 84. Ед. хр. 18. Л. 1-2.
10. Милютин Дмитрий Николаевич. Императорский Московский университет: 1755-1917: энциклопедический словарь / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 444-445.
11. Петелин В. В. Жизнь графа Дмитрия Милютина. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. С. 8, 9.
12. Письма Е. Д. Милютиной П. Д. Киселёву. ОР РГБ. Ф. 129 (Киселёвы). Карт. 10. Ед. хр. 1. Л. 5; Ед. хр. 57. Л. 3-4; Ед. хр. 69. Л. 1-1об; Карт. 11. Ед. хр. 16. Л. 16; Л. 20-21; Л. 22-23.
13. Письмо Д. А. Милютина родителям от 9 апреля 1833 г.. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 77. Ед. хр. 64. Л. 6.
14. Письмо Е. Д. Милютиной матери и брату от 16 сентября 1828 г.. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 17. Ед. хр. 57. Л. 37.
15. Шилов Д. Н. Милютин Дмитрий Алексеевич. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Биобиблиографический справочник. Изд. второе, исправ. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 464.

REFERENCES

1. Bokova V. M. Miljutin Dmitriy Alekseevich. Moskovskaja jenciklopedija. T. 1. Lica Moskvj. Kn. 3. M.: Fond «Moskovskie jenciklopedii», 2010. S. 26.
2. Gejsmans P. A. Uchrezhdenie Imperatorskoj voennoj akademii. Voennyj sbornik. 1908. № 12. S. 140.
3. Glinoeckij N. P. Istoricheskij ocherk Nikolaevskoj akademii General'nogo shtaba. SPb., 1882. S. 7, 31.
4. Gosudarstvennost' Rossii (konec XV v. – fevral' 1917 g.). Slovar'-spravochnik. Kn. 1. M.: Nauka, 1996., S. 91.
5. Miljutin D. A. Vospominanija. Kniga 1. 1816-1843. M.: Studija «TRITJE». Rossijskij arhiv. 1997. S. 56, 65, 83, 87-88, 114-115, 138, 160.
6. Dmitriev M. A. Glavy iz vospominanij moej zhizni. M., 1998. S. 341-342.
7. Kopija attestata D. A. Miljutina ob okonchanii Blagorodnogo pansiona pri Moskovskom universitete. Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (OR RGB). F. 169. Kart. 84. Ed. hr. 37. L. 1-2.
8. Krovskij P. O. Miljutin Dmitriy Alekseevich. Otechestvennaja istorija: Istorija Rossii s drevnejshih vremjon do 1917 goda: Jenciklopedija. Redkol.: Janin V. L. i dr. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. T. 3. 2000. S. 587.

9. Lichnoe delo D. A. Miljutina. OR RGB. F. 169 (Miljutiny). Kart. 84. Ed. hr. 18. L. 1-2.
10. Miljutin Dmitrij Nikolaevich. Imperatorskij Moskovskij universitet: 1755-1917: jenciklopedicheskij slovar' / sost. A. Ju. Andreev, D. A. Cygankov. M.: ROSSPJeN, 2010. S. 444-445.
11. Petelin V. V. Zhizn' grafa Dmitrija Miljutina. M.: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2011. S. 8, 9.
12. Pis'ma E. D. Miljutinoj P. D. Kiseljovu. OR RGB. F. 129 (Kiseljovy). Kart. 10. Ed. hr. 1. L. 5; Ed. hr. 57. L. 3-4; Ed. hr. 69. L. 1-1ob; Kart. 11. Ed. hr. 16. L. 16; L. 20-21; L. 22-23.
13. Pis'mo D. A. Miljutina roditeljam ot 9 aprelja 1833 g.. OR RGB. F. 169. Kart. 77. Ed. hr. 64. L. 6.
14. Pis'mo E. D. Miljutinoj materi i bratu ot 16 sentjabrja 1828 g.. OR RGB. F. 169. Kart. 17. Ed. hr. 57. L. 37.
15. Shilov D. N. Miljutin Dmitrij Alekseevich. Gosudarstvennye dejateli Rossijskoj imperii. Glavy vysshih i central'nyh uchrezhdenij. 1802-1917. Biobibliogaficheskij spravochnik. Izd. vtoroe, isprav. i dop. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2002. S. 464.

MOSCOW STATE REGIONAL UNIVERSITY

UDC 94(47).083

National history, philology

**COMMODORE NICHOLAI NIKOLAEVICH GOBYATO:
WAY OF LIFE AND MILITARY MERIT****V. P. Nagornov****Doctor of History B. V. Gorbunov**

Abstract. The article describes the life and feats of arms remarkable naval officer, who was born in the seaside town of Taganrog, but had spent all of his childhood and youth in the family estate Morozovs Boriki Sapozhkovskogo county Ryazan province, Nicholai Nikolaevich Gobyato. A graduate of the Ryazan 1st gymnasium entered the Moscow Imperial University and in 1897 completes it. While serving military service, forever linked his fate with the Russian Navy. He served in the Black, Baltic and Pacific fleets. An active participant in the Russian-Japanese War of 1904-1905, the First World War, where he showed himself a brave and courageous officer. His military achievements are marked by the Russian awards. He has made a significant contribution to the re-ships of the Baltic Fleet.

Key words: Gobyato Nicholai Nikolaevich, Commodore, Ryazan gubernia, Ryazan nobleman, Ryazan first men's gymnasium, Moscow Imperial University, Navy officer, Russian-Japanese War, World War I, Black Sea Fleet, The Baltic fleet, Sobolev novel «Overhaul».

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 94(47).083

Отечественная история, филология

**КАПИТАН I РАНГА НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГОБЯТО:
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ВОЕННЫЕ ЗАСЛУГИ****В. П. Нагорнов****Доктор исторических наук Б. В. Горбунов**

Реферат. Статья посвящена описанию жизненного пути и боевым подвигам замечательного морского офицера, родившегося в приморском городе Таганроге, но проведшим всё своё детство и юность в родовом имении Морозовы Борки Сапожковского уезда Рязанской губернии, Николая Николаевича Гобято. Выпускник Рязанской 1-ой мужской гимназии поступает в Московский императорский университет и в 1897 г. заканчивает его. Отбывая воинскую повинность, навсегда связывает свою судьбу с российским флотом. Служил на Чёрном, Балтийском и Тихоокеанском флотах. Активный участник русско-японской войны 1904-1905 гг., первой мировой войны, где проявил себя отважным и мужественным офицером. Его боевые заслуги отмечены российскими наградами. Внёс значительный вклад в перевооружение кораблей Балтийского флота.

Ключевые слова: Гобято Николай Николаевич, капитан I ранга, Рязанская губерния, рязанский дворянин, Рязанская 1-я мужская гимназия, Московский императорский университет, офицер флота, русско-японская война, первая мировая война, Черноморский флот, Балтийский флот, роман Л. Соболева «Капитальный ремонт».

Введение. В России широко известно имя генерал-лейтенанта, видного теоретика артиллерии (изобретателя русского миномета), героя Порт-Артура и первой мировой войны, георгиевского кавалера Леонида Николаевича Гобято (6.02.1875, Таганрог –

21.05.1915, Перемышль)[1, 3]. Но значительно меньше известно о его старшем брате, блистательном морском офицере, герое русско-японской и первой мировой войн, капитане I ранга Николае Николаевиче Гобято. Попытку написать его биографию ав-

торы предпринимаю т в данной статье.

Основная часть. Николай Николаевич ГОБЯТО родился **25 мая 1971 г.** (по ст. ст.) в г. Таганроге Екатеринославской губернии. Согласно метрическому свидетельству Екатеринославской духовной консистории [2] и записи в метрической книге г. Таганрога крещен 6.06.1871 г. в Соборной Успенской церкви. Восприемниками его были – лекарь, коллежский советник Леонид Иванов Рагозин и жена штабс-ротмистра Анна Никифорова Стороженко, присяжный поверенный Степан Константинов Гобято и жена генерал-майора Наталия Иванова Пущина.

Отец – статский советник Николай Константинович Гобято (р. 06.05.1842) – 24.04.1886 внесен в VI ч. Дворянской родословной книги Рязанской губернии. Род Гобято внесен в Дворянскую родословную книгу и по Курской губернии.

Мать – Ольга Всеволодовна Гобято (дочь генерал-майора Сипягина) (р. 30.11.1848).

Н. Н. Гобято был причислен к дворянскому роду отца Рязанским дворянским депутатским собранием 5 декабря 1988 г.

Н. Н. Гобято – старший брат известного русского артиллериста, генерал-майора Леонида Николаевича Гобято (1875 - 1915).

Его братьями и сестрами (по старшинству) были Александра Николаевна Маслова (р. 25.10.1869), Степан Николаевич Гобято (31.07.1872), Борис Николаевич Гобято (25.10.1873), вышеупомнутый Леонид Николаевич Гобято (6.02.1875), Ольга Николаевна Гобято (30.04.1876), Наталья Николаевна Гобято (30.01.1878), Всеволод Николаевич Гобято [3].

Обучался в Таганрогской, 4-й Московской и Рязанской гимназиях. В 1892-1893 г. окончил Рязанскую 1-ю мужскую гимназию [4]. Проживал в с. Морозовы Борки Сапожковского уезда Рязанской губернии, где находилось родовое имение Гобято. Поскольку выпускники Рязанской 1-ой мужской гимназии имели привилегию без экзаменов поступать в Московский императорский университет, Николай Николаевич **17 июля 1893 г.** поступает на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. 2 сентября 1893 г. переходит на математическое отделение этого же университета, которое заканчивает в 1897 г. Выпускное свидетельство получает **1 мая 1897 года.** После окончания университета Н. Н. Гобято имеет диплом 2-ой степени.

Николай Гобято изъявил желание отбыть воинскую повинность на правах вольноопределяющегося. Отдел личного состава Главного морского штаба Морского Министерства 26 июля 1899 зачисляет Н. Н. Гобято **юнкером флота.** С этого дня начинается нелегкая военно-морская служба молодого рязанского дворянина. 12.10.1899 г. после сдачи экзаменов за курс Морского кадетского корпуса произведен в **мичманы** с назначением в Черноморский флот. 14.10.1899 г. зачислен в 28-й Флотский экипаж. Служил на пароходе Добровольного флота «Москва» (1900-1901), крейсере I ранга «Владимир Мономах» (1901), эскадренном броненосце «Петропавловск» (1901-1902). 18.10.1902 г. зачислен слушателем в Артиллерийский офицерский класс (АОК), 06.12.1902 г. произведен в **лейтенанты** за отличие по службе [5]. 06.09.1903 г. зачислен в артиллерийские офицеры 2-го разряда. 15.09.1903 г. переведен на Балтийский флот. 12.06.1904 г. назначен младшим артиллерийским офицером крейсера I ранга «Громобой». За героическое морское сражение в Корейском проливе 01.08.1904 с японской эскадрой адмирала Камимуру, когда была предпринята попытка Владивостокского отряда крейсеров («Громобой», «Россия», «Рюрик») прийти на помощь осажденному Порт-Артуру, Г. был награжден **орденом Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.** Когда в критический момент боя на «Громобое» были подбиты два 152-мм орудия, невзирая на смертельную опасность, он быстро ввел их в строй. Во время этого боя крейсер получил 20 пробоин, выпустил 1054 снаряда и остался в строю [6-8]. За этот бой награжден орденом Владимира 18.08.1904 г., награждение утверждено 27.09.1904 г. Ранее за крейсерство в Японском море с 15 по 20.06.1904 г. и отражение минной атаки 18.06.1904 г. был награжден **орденом Станислава 3-й степени с мечами и бантом** 30.06.1904 г., награждение утверждено 02.08.1904 г. 28.07.1905 г. назначен артиллерийским офицером крейсера II ранга «Алмаз». 29.05.1906 г. зачислен в артиллерийские офицеры 1-ого разряда. По состоянию на 08.06.1906 г. состоит старшим артиллерийским офицером на эскадренном броненосце «Слава» [10]. 06.12.1907 г. произведен в **старшие лейтенанты.** 12.03.1909 г. назна-

чен и. д. флагманского артиллерийского офицера штаба начальника 2-ой минной дивизии Балтийского флота. 17.05.1910 г. назначен командующим эскадренным миноносцем «Достойный». 15.10.1910 г. назначен командующим миноносцем «Послушный». 21.07.1911 г. отчислен от должности. 23.02.1912 г. назначен наблюдающим по артиллерийской части за постройкой линкоров «Полтава» и «Гангут». 06.12.1912 г. произведен в **капитаны II ранга**. 14.04.1913 г. награжден **орденом Станислава 2-й степени**. 26.08.1913 г. назначен постоянным членом комиссии для наблюдения за постройкой кораблей на Балтийском море. 30.07.1915 г. награжден **орденом Анны 2-й степени**. 30.07.1916 г. произведен в **капитаны I ранга** за отличие по службе. 03.08.1916 г. зачислен в береговой состав флота. 16. 05. 1917 г. уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией [9]. Умер от ран, полученных в годы русско-японской войны, в **мае 1918 г.** Похоронен рядом с братом Леонидом в семейном склепе возле Покровской церкви в с. Морозовы Борки

Сапожковского района Рязанской области.

Капитан I ранга Н. Н. Гобято стал **литературным прообразом** гардемарина Морского корпуса Юрия Левитина и его старшего брата, лейтенанта Николая Левитина в культовом морском романе советской эпохи «**Капитальный ремонт**» известного писателя-мариниста Леонида Соболева [11].

В дополнение к вышеизложенному хочется добавить ряд сведений о дяде Н. Н. Гобято – присяжном поверенном Степане Константиновиче Гобято (р. 2.03.1834 г.), который являлся восприемником нашего персонажа, т. е. крестным отцом. С. К. Гобято имел гражданский чин коллежского регистратора [3]. Помимо этого у него были предпринимательские наклонности. Так он являлся владельцем чугунолитейного завода в г. Рязани, в Московской части, во 2-ом квартале (1874 г.) [12].

Заключение. На основании архивных и литературных источников удалось полностью воссоздать жизненную и боевую биографию капитана I ранга Н. Н. Гобято – славного офицера Русского императорского флота.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Старов Н. В. Генерал Гобято: Историческая повесть. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1988. 112 с. [о Н. Н. Гобято – С. 87, 110].
2. ЦИАМ 418-307-190.
3. ГОБЯТО Николай Николаевич. С. 290. Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 2. ВАГИНЫ - ГЮЛЛИНГИ / Под ред., с доп. проф. Б. В. Горбунова. Рязань: Узорочье, 2007. 520 с.
4. Историческая записка Рязанской 1-й мужской гимназии 1804-1904 / Предисл. И. П. Попова. Репринтное изд. Рязань: Изд-во РГПУ, 1995. 360 с. [С. 216]. С. 216.
5. Список офицерских чинов русского императорского флота. Царствование императора Николая Второго. Составитель В. Ю. Грибовский. – www.petergen.com
6. Каданцев П. С. Ордена России. Рязань: Новое время, 1993. С. 93-94.
7. Нагорнов В. П. ГОБЯТО Николай Николаевич. С. 59. Российский флот и Рязанский край. Опыт историко-энциклопедического словаря. / Под ред. проф. Б. В. Горбунова. Рязань: Пресса, 2011. 448 с.: ил.
8. Нагорнов В. П. ГОБЯТО Николай Николаевич. С. 61-62. Российский флот и Рязанский край. Опыт историко-энциклопедического словаря. / Под ред. проф. Б. В. Горбунова. Рязань: Узорочье, 2011. 448 с.: ил.
9. Гобято Николай Николаевич. Предоставлено О. В. Чистяковым (Москва). С. 1562. Рязанская книга памяти Великой войны 1914-1918 годов. Т. 2. Сост.: Григоров А. И., Григоров А. А. Разд. 12: Рязанцы на службе в военно-морском флоте в Великой войне 1914-1918 гг.
10. РГА. ВМФ. Ф. 418. Оп. I. Д. 3488. Л. 35.
11. Соболев Л. С. Капитальный ремонт: Роман / Вступ. ст. Вс. Сурганова. М.: Худож. лит., 1989. 431 с. (Б-ка советского романа). [Гардемарин Морского корпуса Юрий Левитин и его старший брат, лейтенант Николай Левитин].
12. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1229. 1874 г. Л. 36. Ведомость о литейном заводе, состоящем в г. Рязани Московской части 2-го квартала, принадлежащего г. С. К. Гобято за 1874 год.

REFERENCES

1. Starov N. V. General Gobjato: Istoricheskaja povest'. Rostov-na-Donu: Rostovskoe kn. izd-vo, 1988. 112 s. [o N. N. Gobjato – S. 87, 110].
2. CIAM 418-307-190.
3. GOBJATO Nikolaj Nikolaevich. S. 290. Ryndin I. Zh. Materialy po istorii i genealogii dvorjanskikh rodov Rjazanskoj gubernii. Vyp. 2. VAGINY – GJuLLINGI / Pod red., s dop. prof. B. V. Gorbunova. Rjazan': Uzoroch'e, 2007. 520 s.
4. Istoricheskaja zapiska Rjazanskoj 1-j muzhskoj gimnazii 1804-1904 / Predisl. I. P. Popova. Reprintnoe izd. Rjazan': Izd-vo RGPU, 1995. 360 s. [S. 216]. S. 216. Gobjato Nikolaj okonchil Rjaz. 1-uju muzhskuju gimnaziju v 1892-1893 gg.
5. Spisok oficerskih chinov russkogo imperatorskogo flota. Carstvovanie imperatora Nikolaja Vtorogo. Sostavitel' V. Ju. Gribovskij. – www.petergen.com
6. Kadancev P. S. Ordena Rossii. Rjazan': Novoe vremja, 1993. S. 93-94.
7. Nagornov V. P. GOBJATO Nikolaj Nikolaevich. S. 59. Rossijskij flot i Rjazanskij kraj. Opyt istoriko-jenciklopedicheskogo slovarja. / Pod red. prof. B. V. Gorbunova. Rjazan': Pressa, 2011. 448 s.: il.
8. Nagornov V. P. GOBJATO Nikolaj Nikolaevich. S. 61-62. Rossijskij flot i Rjazanskij kraj. Opyt istoriko-jenciklopedicheskogo slovarja. / Pod red. prof. B. V. Gorbunova. Rjazan': Uzoroch'e, 2011. 448 s.: il.
9. Gobjato Nikolaj Nikolaevich. Predostavleno O. V. Chistjakovym (Moskva). S. 1562. Rjazanskaja kniga pamjati Velikoj vojny 1914-1918 godov. Tom 2. Sostaviteli: Grigorov A. I., Grigorov A. A. Razdel 12: Rjazancy na sluzhbe v voenno-morskom flote v Velikoj vojne 1914-1918 gg.
10. RGA. VMF. F. 418. On. I. D. 3488. L. 35.
11. Sobolev L. S. Kapital'nyj remont: Roman / Vstup. st. Vs. Surganova. M.: Hudozh. lit., 1989. 431 s. (B-ka sovetskogo romana). [Gardemarin Morskogo korpusa Jurij Levitin i ego starshij brat, lejtenant Nikolaj Levitin].
12. GARO. F. 5. Op. 3. D. 1229. 1874 g. L. 36. Vedomost' o litejnom zavode, sostojashhem v g. Rjazani Moskovskoj chasti 2-go kvartala, prinadlezhashhego g. Stepanu Konstantinovichu Gobjato za 1874 god.

URAL FEDERAL UNIVERSITY, YEKATERINBURG

UDC 94(47).084

National History, the history of industry

MODERNIZATION OF THE URAL METALLURGY
UNDER THE NEW ECONOMIC POLICY

Doctor of History V. V. Zapariy

Abstract. The paper describes the processes of recovery of ferrous metallurgy of the Urals in the new economic policy. We consider the strengths and weaknesses of the process, as well as its results - the restoration of the metallurgical complex of the Ural.

Key words: iron and steel industry of the Urals, the new economic policy, the economy recovery.

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, г. ЕКАТЕРИНБУРГ

УДК 94(47).084

Отечественная история, история промышленности

МОДЕРНИЗАЦИЯ УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Доктор исторических наук В. В. Запарий

Реферат. В статье дается характеристика процессов восстановления черной металлургии Урала в период новой экономической политики. Рассмотрены сильные и слабые стороны этого процесса, а так же его результаты – восстановление металлургического комплекса Урала.

Ключевые слова: черная металлургия Урала, новая экономическая политика, восстановление народного хозяйства

К началу восстановительного периода промышленность Урала находилась в тяжелом положении. Основные производственные фонды отрасли за годы мировой и гражданской войн значительно сократились. Оборудование уральских предприятий практически не обновлялось. Заводы, фабрики, рудники, многие из которых находились в зоне боевых действий, понесли значительный ущерб. Отступая, колчаковцы выводили из строя промышленные предприятия, многие агрегаты и оборудование демонтировались и вывозились ими на восток страны. После изгнания Колчака выплавка чугуна на Урале осуществлялась только на 2-3 заводах из 97,

работало лишь 3 % агрегатов. Бездействовало большинство металлургических заводов и рудников. Ущерб, нанесенный экономике края гражданской войной, по неполным данным, оценивался в сумму более 600 млн золотых руб.¹⁻²

Металлургические заводы сильно пострадали от войны. Кроме того, полное и быстрое восстановление их требовало столь больших средств, какие были чрезмерными для молодого советского государства. Именно поэтому восстановление и развитие черной металлургии заметно отставало от общего процесса восстановления промышленности.

Для того чтобы в условиях голода сохра-

¹ Разгром колчаковщины на Урале. Сб.ст. Свердловск, 1939. С. 13.

² Челябинская губерния в период военного коммунизма (июнь 1919 - декабрь 1920 г.). Документы и материалы. Челябинск, 1960. С. 217.

нить основные кадры рабочих и не допустить остановки важнейших предприятий, ВСНХ и СТО издали в начале 1922 г. ряд постановлений, в соответствии с которыми предприятия были оставлены на государственном снабжении. Только благодаря непрерывным государственным поставкам в течение 1921 - 1922 гг. уральская промышленность, хотя и в сокращенном объеме, могла давать стране металл и другую продукцию. В эти годы заводы уральской металлургии действовали крайне неравномерно и нерегулярно. Непрерывно в течение года, за исключением летних месяцев, работал только Надежденский завод, который выпускал половину всей продукции уральской металлопромышленности.

Важными задачами в процессе восстановления уральской металлургии явилось осуществление в 1922 г. концентрации производства и выявление нерентабельных предприятий. После проведения организационных мер, работа металлургической промышленности Урала была сосредоточена на 52 заводах, а 44 были законсервированы или подготовлены к ликвидации. Концентрация производства не сократила, а увеличила объем выпускаемой продукции. С 1923 г. начинается реальное восстановление металлургии. Запускают потухшие домы, расплавляют «козлы» в мартеновских печах, вновь начинают работать прокатные станы. Для ремонта и восстановления разрушенного в годы войны оборудования пускаются литейные и механические цехи. Только за 1924 - 1925 гг. стоимость валовой продукции существенно увеличилась и составила 155,7 %, а средняя выработка на одно действующее предприятие металлургической промышленности возросла до 174,5 % [2. С. 234-235].

Правительство заботилось о создании благоприятных условий для скорейшего возрождения металлургической промышленности. Несмотря на топливные и продовольственные трудности металлургические заводы обеспечивались углем в первую очередь. Вместе с производственной программой заводам утверждался твердый план снабжения продовольствием. Потребности металлургии учитывались и в планах импорта. Государство шло на большие затраты валюты, чтобы форсировать восстанов-

ление черной металлургии. В первые годы восстановительного периода (1921 - 1924 гг.) капитальные вложения в черную металлургию были сравнительно невелики. Однако в дальнейшем размеры вложений быстро растут. Так, в 1924 г. они увеличились в 1,5 раза, в 1925 г. в 2 раза, в 1926 г. в 2,4 раза.

Основные средства шли на капитальные ремонты, выполнялась главная задача – вернуть к жизни «замороженные» агрегаты, ускорить ввод в строй действующих предприятий. Заводы восстанавливались на базе старого оборудования. В последующие годы капитальный ремонт стал сочетаться с реконструкцией. Из общей суммы капиталовложений в черную металлургию было направлено на реконструкцию и расширение предприятий в 1926 г. 60 %, в 1927 г. 75 % и в 1928 г. 82 %. Взамен доменных печей устарелого типа сооружались более современные, увеличивался полезный объем, частично осуществлялась их механизация. Были реконструированы старые доменные печи на Чусовском, Белорецком и других заводах, построены новые, более мощные на Кушвинском, Нижнетагильском и Нижнесалдинском заводах [7. С. 22-23].

Для подъема эффективности промышленности было необходимо увеличить число заводов с полным металлургическим циклом. К таким предприятиям относились Надежденский, Нижнетагильский, Алапаевский, Нижнесергинский заводы. Предполагалось завершить перестройку Златоустовского, Белорецкого и Аша-Балашовского заводов. Введение полного цикла значительно сокращало непроизводительные перевозки от домы к мартену и от мартена к станам. Уже осенью 1922 г. на Златоустовском метзаводе приступили к постройке нового прокатного цеха, перестройке двух домен и трех мартенов. После реконструкции агрегаты существенно увеличили свою производительность, а завод превратился в одно из крупных по тем временам предприятий. Важные работы велись на Нижнетагильском и Алапаевском заводах.

С 1923 г. в металлургической промышленности Урала наступило оживление – увеличились объемы металлургической продукции и изделий из металла, значительно изменился сортимент продукции. Ряд ураль-

ских предприятий приступил к выпуску предметов массового потребления, необходимых для крестьян. Почти достиг довоенного уровня выпуск сортового и кровельного железа. Производство этой продукции не требовало больших материальных и финансовых затрат. Сбыт ее на крестьянском рынке не представлял труда. Выплавка же чугуна, едва достигавшая половины довоенного уровня при остром дефиците железной руды и топлива на устаревшем и изношенном оборудовании, была связана с большими трудностями.

Важное значение для бесперебойной выплавки металла имело наличие достаточного количества сырья, в первую очередь железной руды. Вплоть до 1924 г. уральская металлургия работала на запасах руды, добытой еще до 1914 г. Шел быстрый процесс концентрации железорудного дела. До 1917 г. железорудная промышленность Урала представляла собой несколько тысяч разбросанных на большом пространстве мелких рудников, в которых работы производились открытым способом вручную, так называемых «закопашек», где в крайне тяжелых условиях трудилось небольшое количество рабочих с самым примитивным

оборудованием. Как правило, закопашки находились недалеко от металлургических заводов, и подвоз руды к ним не требовал больших затрат.

В годы гражданской войны эта отрасль уральской промышленности пострадала особенно сильно. Большинство рудников было затоплено и засыпано, многие рабочие их покинули. Были проведены работы по укреплению горнорудной базы металлургической промышленности Урала. Одной из важнейших особенностей развития уральской металлургии в этот период являлось укрупнение горнорудных предприятий. В течение 1921 - 1924 гг. мелкие рудники были закрыты, а добыча была сконцентрирована на крупных, с большими запасами руды в Бакальском, Тагило-Кушвинском, Надежденском и Алапаевском районах. Вместо 300 мелких железорудных рудников, которые представляли собой крошечные карьеры, было создано 11 рудных баз с 22 рудниками, объединенными двумя железорудными трестами – Уральским и Бакальским. За счет некоторой механизации и обогащения руды был увеличена добыча. В 1923 - 1924 гг. добыто 28 млн пуд. руды, а в 1924 - 1925 гг. – уже 44 млн пуд. (157 %)³.

Таблица 1

Добыча железной руды. в тыс. т [5 С. 252]

Год	Урал	% к 1913 г.	Всего	% к 1913 г.
1913	1802,0	100	9214,6	100
1921\22	54,0	3,0	178,5	1,9
1922\23	213,9	11,9	427,2	4,6
1923\24	439,0	24,3	913,1	9,9
1924\25	866,4	48,0	2 206,7	23,9
1925\26	913,1	50,7	3 306,6	35,9
1926\27	1 954,4	58,5	4 803,5	52,1

Однако это не могло в достаточной мере обеспечить сырьем растущую металлургическую промышленность. Необходимо было провести работы по реконструкции и техническому перевооружению железорудного производства, построить новые подъездные пути на всех крупных рудниках, обогатительных и агломерационных фабриках. Это требовало больших капитальных затрат. Все это стало возможно только в последующие годы.

Нашлись средства для решения другой сложной проблемы уральской металлургии, которая подрывала конкурентоспособность уральского металла на мировом и российском рынке, – работа на древесном угле. Очень важной для дальнейшего развития уральской металлургии был перевод ее с древесного топлива на минеральное. Базирование черной металлургии края почти исключительно на древесном угле в течение двух с лишним веков привело к истреб-

³ Уральское хозяйство в цифрах. 1927. Свердловск, 1927. С. 254.

лению лесов. Лесное хозяйство в дореволюционное время эксплуатировалось хищнически. Древесину заготавливали сезонные рабочие, вывозили гужевым транспортом.

Древесный уголь выжигался кучным способом в печах Шварца с применением ручного труда сезонных рабочих, как и заготовка древесины. Вывозка древесины и угля к заводам осуществлялась на лошадях. В силу этого себестоимость древесного топлива еще в дореволюционные годы росла и продолжала расти, что увеличивало себестоимость продукции металлургических заводов. Например, для того чтобы выплавить 900 тыс. т чугуна в год, было необходимо привлечь только к лесозаготовкам и на лесовывозке 150 тыс. чел., в том числе не менее 20 тыс. возчиков. Найти такое количество рабочих было затруднительно. Приходилось более 30 тыс. чел. привлекать из отдаленных от заводов районов Кировской области, Коми-Пермяцкого округа и Башкирии [2. С. 237].

Топливное хозяйство весьма трудно было обеспечить постоянными кадрами. В течение всего периода восстановления народного хозяйства лесозаготовки проводились главным образом за счет сезонной рабочей силы. Лесное хозяйство имело крайне низкий технический уровень. При заводах создавались лесные отделы, которые занимались лесозаготовками и углежжением. Таким образом, металлургические заводы Урала представляли собой предприятия, комбинированные с лесной промышленностью.

Минерализация топливного хозяйства уральской черной металлургии велась одновременно с восстановлением заводов. Вначале на каменный уголь переводились энергетические установки, нагревательные печи, мартеновские газогенераторы, а затем, начиная с 1924 г. стали переводиться на сибирский кокс доменные печи.

Первая пробная выплавка чугуна на кузнечном коксе была проведена на Нижне-Салдинском заводе 13 июня 1924 г. Она знаменовала начало решения проблемы создания второй основной угольно-металлургической базы на востоке страны. Большую роль в этом сыграл известный специалист-доменщик профессор И. А. Соколов. Вслед за этим доменные печи Кушвинского, Ниж-

нетагильского и других заводов постепенно переходят на сибирский каменный уголь. В 1925 г. начал плавить чугун на коксе и крупнейший в то время на Урале Надеждинский завод. К 1926 г. в крае 37 % всего чугуна выплавлялось на минеральном топливе: каменном угле, коксе и нефти (против 7,7 % в 1913 г.). К концу восстановительного периода удельный вес минерального топлива в топливном балансе уральской металлургии достигал почти 50 %. Таким образом, первая плавка коксового чугуна, выпущенная 13 июня 1924 г. на Нижне-Салдинском заводе, знаменовала собой начало практического разрешения Урала – Кузнечной проблемы – проблемы создания второй основной угольно-металлургической базы на Востоке страны [3 С. 83].

Вместе с тем в связи с трудностями доставки и дороговизной кузнечного кокса развернулась работа по исследованию и использованию местных кизеловских углей. В 1926 г. опытами, проведенными в лабораторном и полужаводском масштабе, было установлено, что некоторые угли Кизеловского бассейна коксующихся в смеси с сибирскими. Первая пробная батарея коксовых печей начала работать при шахте им. Калинина в Губахе в 1928 г.

В январе 1924 г. состоялась 13-я партконференция, отметившая необходимость сосредоточения внимания на металлургии. Металлургическую промышленность в ближайший период предполагалось выдвинуть на первый план и получить от государства большую, чем раньше, всестороннюю поддержку. Состоявшийся в мае 1924 г. 13-й съезд партии подтвердил установку на подъем металлургии. В результате за пять лет (1922/1923 - 1926/1927 гг.) общая сумма капиталовложений в черную металлургию СССР составила 240,7 млн руб., в том числе в уральскую 75,5 млн (31,4 %). Велась активная работа по восстановлению доменных печей на старых заводах. В 1925 г. были введены в строй печи на Пашийском, Майкорском, Верхнетуринском, Верхнесинячихинском, Староуткинском заводах. Осуществлялась концентрация производства. Выплавка чугуна была сосредоточена на 20 заводах с тремя десятками действующих домен. Эти заводы в 1928/29 гг. дали 770 тыс. т чугуна вместо 425 тыс. т в 1913

г., в том числе 175 тыс. т было получено на минеральном топливе. Несмотря на вывод из эксплуатации свыше половины всех доменных заводов общая выплавка чугуна в 1928\29 гг. близко подошла к максимальному довоенному уровню. Выплавка стали увеличилась с 776 тыс. т в 1925/26 г. до 912 тыс. в 1928\29 г. [4. С. 199].

Высокое качество уральского металла позволило организовать выплавку и прокат специальных сортов стали и железа. В связи с острым недостатком в стране качественной стали на Урале была начата электроплавка трансформаторной стали на Верхисетском заводе и инструментальной – на Златоустовском. Вошли в строй реконструированные цехи динамного железа и трансформаторной стали на ВИЗе, жестепрокатный и штамповочный в Лысьве, цех рельсового скрепления в Нижней Салде, доменная печь Кушвинского металлургического завода.

На Урале за пять лет к 1926 г. были полностью или частично восстановлены 60 доменных, но работало 28 и из 61 мартеновских печей 49. Была проведена серьезная реконструкция прокатного производства. На Нижнетагильском металлургическом заводе был сооружен новый листопрокатный цех. В сутуночном цехе маломощный двигатель заменили электромотором в тысячу лошадиных сил, была пущена новая методическая печь. Новые печи были построены также в листопрокатном цехе. На Верхисетском заводе в 1926 г. был пущен новый цех прокатки динамного железа, установлены второй и третий прокатные станы, построены две обжигательные печи. На Лысьвенском заводе сдан в эксплуатацию жестекатальный цех, а на Нижнесалдинском заводе построен цех для производства железнодорожных накладок.

Выделенные государством средства направлялись в основном на реконструкцию металлургической промышленности. Большинство заводов имели крайне устаревшее оборудование, использовали древесное топливо. В 1927 - 1928 гг. началась их реконструкция. Реконструкция старых уральских предприятий изменила лицо горных заводов Урала. Старые строгановские и демидовские заводы превратились в новые по тому времени современные металлургические пред-

приятия. В итоге реконструкции число предприятий сократилось. Выплавка чугуна была сосредоточена на 20 наиболее крупных заводах вместо 83, действовавших ранее. Восстановление и реконструкция уральских заводов позволили увеличить производство металла и к 1927 г. выйти от уровня довоенного 1913 г. на 98% по прокату, 94% по стали и 65% по чугуну [6. С. 25].

Однако металла не хватало. Относительное отставание черной металлургии объяснялось тем, что ее полное возрождение было более сложным процессом и проходило медленнее, чем восстановление других отраслей промышленности. Поэтому дефицит металла устойчиво держался на протяжении ряда лет. Особенности развития черной металлургии в восстановительный период налагали свой отпечаток и на организацию производства. Восстановление металлургических заводов было связано не только с увеличением выпуска металла, но и с изменением его сортамента, что требовало реконструкции оборудования, развития строительства и создания новых топливно-сырьевых баз. Учитывая сложность этой задачи, государство приняло ряд важных решений по вопросам организации и специализации металлургического производства.

Восстановление промышленности осуществлялась не только как реставрация старых заводов. При реконструкции производилась концентрация производства, перестройка энергетического хозяйства, механизация и электрификация процессов. Важной задачей было укрупнение заводов, что давало возможность организовать массовое производство и повысить производительность труда. Поэтому в первую очередь восстанавливались наиболее жизненно необходимые и крупные предприятия черной металлургии. Строились более мощные печи, ремонтировались и устанавливались новые энергетические устройства. Число заводов по сравнению с довоенным 1913 г. в 1927 г. сократилось с 96 до 60, однако число рабочих выросло с 58 до 76 тыс. чел. Несколько выросло и валовой выпуск металлопродукции – с 158 до 174 млн руб. Существенно сократилось число действующих доменных печей – с 73 до 30, как и мартеновских – с 65 до 49, хотя выплавка стали на одну печь возросла с 18 до 34 тыс. т в год. Таким об-

разом, по количеству рабочих и по валовому выпуску на один завод, размер предприятий увеличился почти в два раза. Укрупнены были и основные металлургические агрегаты. Годовая производительность доменных печей увеличилась в 3,3 раза, мартеновских в 1,3 раза [6. С. 27].

В восстановительный период, внедрялись и более передовые формы организации производства. Вводились в эксплуатацию в первую очередь предприятия с полным металлургическим циклом. На этих заводах уже тогда выплавляли 56,5 % чугуна и 57 % стали к объему производства на Урале. Однако к 1927 г. оставалась еще значительная заводов (36 из 60) с разорванным металлургическим циклом. Вместе с тем, от металлургии обособливаются 14 заводов метизного и механического производства, что послужило началом образования новых отраслей промышленности [2. С. 241].

Укрупнение предприятий и усиление комбинирования на основе последовательной переработки сырья и полуфабрикатов явились важными условиями для организации массового производства продукции. Для того чтобы полнее использовать преимущества концентрации и комбинирования, требовалось рациональное проведение сортаментной специализации. С этой целью был проведен ряд организационно-технических мероприятий.

На уральских заводах до войны работало только два крупносортных стана на Надежденском и Нижнесалдинском заводах. В ходе восстановления промышленности крупносортный стан Надежденского завода был переоборудован для прокатки рельсов. На этом предприятии сосредоточился весь уральский прокат рельсов. Нижнесалдинский стан был специально оборудован для проката полосы, идущей на изготовление рельсовых скреплений, балок и швеллеров. Производство кровельного железа было сосредоточено на 13 заводах вместо 35. В среднем производительность предприятия увеличилась по сравнению с дореволюционным периодом более чем в два раза. Прокат жести был сконцентрирован на Лысьвенском заводе, котельного листа – на Нижнесергинском, железных труб – на Первоуральском, проволоки – на Белорецком. Верхисетский завод вместо кровельного

железа начал выпускать динамную и трансформаторную сталь. Концентрация и специализация не только позволили поднять производительность прокатных станов, но и расширить сортамент продукции.

Одновременно со специализацией прокатных станов началась специализация метизного производства. Произошло выделение метизной промышленности в самостоятельную отрасль, что положило начало созданию на Урале крупного производства металлических изделий. Выпуск главных видов металлических изделий был сконцентрирован на нескольких заводах. Вместо обособленных цехов, были созданы самостоятельные предприятия, такие, как Белорецкий канатно-проволочный завод, Атигский гвоздильный, Юрюзанский конно-подковных гвоздей и подков, Артинский и Павловский косные, Кусинский, Каслинский и Александровский чугунолитейные, Миасский напилочный и др. На Лысьвенском заводе был организован выпуск оцинкованной, эмалированной и луженой посуды. Здесь к 1926 г. были созданы поточные линии, что позволило увеличить производство в шесть раз. На Кусинском заводе развернуто литье чугунной хозяйственной посуды, печного литья. На Артинском и Павловском заводах создали крупное производство кос и серпов, на Златоустовском – производство пил, топоров, лопат и прочих инструментов, на Атигском – изготовление гвоздей.

Обособление механических производств в самостоятельные заводы послужило началом создания на Урале новой отрасли промышленности – машиностроения. Выделение метизного и механического производств уже в период восстановления позволило значительно углубить специализацию предприятий. Усть-Катавский завод превратился в предприятие вагоностроения и другого оборудования для транспорта. В уральской металлургии определялась дифференциация цехов, происходила специализация отдельных агрегатов и более четкое разделение труда.

Восстановление наиболее жизнеспособных предприятий, сосредоточение производства на крупных заводах, улучшение организации металлургических процессов дало возможность не только увеличить вы-

пуск металла, но и в короткий срок значительно поднять производительность труда. Месячная выработка на одного рабочего в металлургии Урала в 1913 г. составила 93 руб., а в 1927 г. 126 руб. Улучшилось использование основных фондов. В действующих цехах заводов треста «Уралмет» производство чугуна в 1927/28 г. возросло по сравнению с 1913 г. на 16 %, стали на 26 %. Если в 1913 г. коэффициент использования полезного объема доменных печей был 3,2 - 4, то в 1927/28 г. он улучшился и составил на Надежденском заводе 1,81, Нижнетагильском – 1,86, Кушвинском 1,64. Съем стали с одного квадратного метра площади пода маргеновских печей с 1,1 - 1,6 поднялся до 2,69 - 3,21 т. [6. С. 34]

Несмотря на сдвиги, достигнутые в черной металлургии Урала в первые годы индустриализации, она продолжала отставать от передовых металлургических районов страны и развитых капиталистических стран. На большинстве предприятий Урала не имелось полного цикла производства. Из 35 заводов, объединенных трестом «Уралмет», лишь 6 имели полный производственный цикл. Средняя суточная производительность домны на заводах Урала составляла 76 т на древесноугольном топливе и 103 т на минеральном. Даже на самом современном и крупном заводе Урала – Надежденском, производство было небольшим по сравнению с южным районом. [4. С. 200]

Объем продукции черной металлургии региона, да и всей страны в целом к началу первой пятилетки не удовлетворяла возросших потребностей машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Это делало настоятельно необходимой коренную реконструкцию черной металлургии Урала. В результате подъема промышленности численность рабочих в металлургии и металлопромышленности в 1926 г. превысила довоенный уровень, достигнув 561 тыс. чел. [3. С. 83]. По количеству рабочих и служащих металлургия и металлообработка оставались важнейшими отраслями на Урале. В них было сосредоточено около половины всей рабочей силы крупной промышленности региона. Далее шла горнодобывающая, где было сосредоточено почти треть всех рабочих края.

Важной проблемой оставалась подго-

товка квалифицированных кадров рабочих. За годы войны и разрухи число квалифицированных рабочих значительно сократилось. В процессе восстановления народного хозяйства стали постепенно возвращаться старые кадры квалифицированных рабочих. В течение 1921 - 1924 гг. на Урале была создана сеть профессионально-технического обучения, включавшая ФЗУ, профтехшколы, курсы, бригадное и индивидуальное ученичество. В 1924 г. в таких формах обучалось до 10 тыс. чел. при ежегодном выпуске в 2-3 тыс. Сначала этого было достаточно, но когда начался быстрый рост производства и строительство новых заводов, потребность в квалифицированных кадрах сильно возросла. Понадобилось перестроить всю систему подготовки так, чтобы обеспечить новыми кадрами быстро развивающуюся промышленность [2. С. 245].

В 1921 - 1922 гг. рабочие проводили субботники, создавали группы ударного труда, налаживали и пускали в действие заводы, шахты и рудники. В 1923 г. трудовая активность рабочих Урала проявилась в создании производственных совещаний. Они появились на Златоустовском, Надежденском, Верх-Исетском и других заводах. Эти совещания создавали на предприятиях обстановку нетерпимости к нарушителям трудовой дисциплины и прогульщикам, привлекали рабочих к участию в решении производственных вопросов.

В целом восстановление промышленности Урала завершилось к концу 1926 г. К этому времени объем валовой продукции промышленности края достиг 93 % довоенного уровня. Но не все проблемы были решены. Серьезно отставало топливное хозяйство металлургической промышленности, которое продолжало в основном базироваться на дровах и древесном угле. Выплавка чугуна достигла в крае только половины довоенного уровня, что сдерживало развитие других отраслей. В результате больших усилий уже в 1928 г. уровень производства на Урале не просто достиг довоенного. Обновление и реконструкция металлургических агрегатов дали возможность увеличить выплавку на одну домну в 2,3 раза, а на одну маргеновскую печь почти в 2 раза по сравнению с 1913 г. [1. С. 44].

Таблица 2

Выплавка чугуна и мартеновской стали (млн. т) [5. С. 252]

Год	всего по СССР	Урал	всего по СССР	Урал
	Чугун		мартеновская сталь	
1913	4 216,3	913,5	4 246,9	906,6
1921\22	171,6	71,2	317,9	104,0
1922\23	300,3	138,8	615,0	212,1
1923\24	600,6	246,3	992,7	311,3
1924\25	1 291,5	357,4	1 873,0	579,6
1925\26	2 202,6	481,6	2 906,9	776,3
1926\27	2 961,3	582,7	3 591,6	855,9
1927\28	3 280,6	687,5	4 157,6	948,2

В это время ставится вопрос о дальнейшем расширении металлургического производства. Идет интенсивная разработка вопроса о создании на Востоке страны второго крупного угольно-металлургического центра. Это ставит по-новому проблему размещения новых заводов отрасли.

Все указанные обстоятельства имели своим последствием сравнительно замедленный темп восстановления выплавки черных металлов. Восстановление мартенов-

ского производства шло более высокими темпами по сравнению с доменным. В то время как выплавка чугуна в 1927/28 г. составила 77,8 % довоенного уровня выплавки стали достигла 97,9 % довоенной [2. С. 246]. Производство стали, ввиду недостатка в чугуне, пополнялось запасами старого железа и лома. Развитие прокатного производства в течение всего восстановительного периода находилось в зависимости от производства мартеновской стали.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горшков А. А. Основные этапы в развитии уральской черной металлургии за два с половиной века ее существования. Из истории черной металлургии Урала. Труды Уральского политехнического института им. С. М. Кирова. Сб. 40. Свердловск, 1957. С. 7-49.
2. Запарий В. В. Черная металлургия Урала в XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2001. 496 с.
3. История народного хозяйства Урала. В 2-х ч. Ч. 1. Свердловск, 1988. 254 с.
4. История Урала. В 2-х тт. Т. 2. Пермь, 1965. 544 с.
5. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994.
6. Осинцев А. С. Черная металлургия Урала. Свердловск, 1960. 222 с.
7. Черная металлургия СССР. 1917 – 1967. М., 1967. 260 с.

REFERENCES

1. Gorshkov A. A. Osnovnye jetapy v razvitanii ural'skoj chernoj metallurgii za dva s polovinoj veka ee sushhestvovanija. Iz istorii chernoj metallurgii Urala. Trudy Ural'skogo politehnicheskogo instituta im. S. M. Kirova. Sb. 40. Sverdlovsk. 1957. S. 7-49.
2. Zaparij V. V. Chernaja metallurgija Urala v XVIII – XX vv. Ekaterinburg, 2001. 496 s.
3. Istorija narodnogo hozjajstva Urala. V 2-h ch. Ch. 1. Sverdlovsk, 1988. 254 s.
4. Istorija Urala. V 2-h tt. T. 2. Perm', 1965. 544 s.
5. Kafengauz L. B. Evolution of industrial production in Russia (the last third of the nineteenth century – .30 years of the twentieth century.). Moscow, 1994.
6. Osincev A. S. Chernaja metallurgija Urala. Sverdlovsk, 1960. 222 s.
7. Chernaja metallurgija SSSR. 1917 – 1967. M., 1967. 260 s.

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
FACULTY OF GLOBAL PROCESSESUDC 325.14
Politology

THE MIGRATION POLICY OF FRANCE IN THE EUROPEAN UNION

A. A. Moiseev

Abstract. Article is devoted to the emergence of modern European migration crisis, its main reasons, the influence of its effects on the socio-cultural, economic and political reality in France. The tragic events that took place in Paris in 2015, caused a powerful public response both in France and around the world. At the same time, they again strained the debate on terrorism and counter-terrorism, as well as on the problems of integration and social adaptation of immigrant population.

Key words: European Union, European migration crisis, illegal immigration, terrorist act, segregation.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВУДК 325.14
Политология

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. А. Моисеев

Реферат. Статья посвящена вопросам возникновения современного европейского миграционного кризиса, его основным причинам, влиянию его последствий на социокультурную и экономико-политическую действительность Франции. Трагические события, произошедшие в Париже в 2015 г., вызвали мощнейший общественный резонанс, как во Франции, так и во всём мире. Одновременно они вновь обострили дискуссию по вопросам терроризма и борьбы с ним, а также по проблемам интеграции и социальной адаптации иммигрантских слоёв населения.

Ключевые слова: Европейский союз, европейский миграционный кризис, нелегальная иммиграция, террористический акт, сегрегация.

Введение. «Проблема миграции в современном мире длительное время не теряет своей актуальности. А для европейского континента она стала задачей, требующей взвешенного, продуманного и сбалансированного решения, ведь иностранцы, иммигрирующие в ту или иную страну, оказывают значительное влияние на экономическую, социальную и политическую ситуацию, на настроения, преобладающие в общественном мнении, а также на её культурный фон» [1. С. 78]. Современные мигран-

ты из Ближнего и Среднего Востока, Африки и Азии относятся к другой цивилизационной базе, с совершенно отличной языковой основой, значительно затрудняющей языковое обращение, с другим психологическим складом, шкалой ценностей, с другими традициями и навыками, связанными с их политическим опытом. Вот эти различия, относящиеся к современной массе мигрантов, известных в то же время их родственными связями и многодетностью семей, если так можно сказать, плодovitос-

тью, вызывают беспокойство и даже страх из-за того, во что это всё со временем может вылиться.

Основная часть. Председатель Европейской комиссии ЕС Жан Клод Юнкер в этом отношении предостерегает: «Европа проиграет, если здесь верх возьмет страх». Принципы, лежащие в основе французской политики интеграции иммигрантов, восходят к идеям французской революции и отождествлению понятий национальности и гражданства. «Французское гражданство предоставляется на основе так называемого права почвы, а не права крови, то есть любые этнические, расовые, культурно-лингвистические, религиозные идентичности не принимаются во внимание и считаются частным делом. Подразумевалось, что получая французское гражданство, иммигрант автоматически признавал базовые республиканские ценности (идеалы «свободы, равенства, братства», принцип секуляризма и пр.) и на этой основе мог успешно «вписаться» во французское общество» [2. С. 154]

Теоретики французской модели европейской интеграции особо подчёркивают, что Франция является страной этичности, а не этничности. Соответственно, французское право признаёт и защищает права только отдельного гражданина, невзирая на его принадлежность к какой-либо этнической группе или обществу. Понятие этнического меньшинства не признаётся, так как французская республика, согласно конституции страны, представляет собой «единое и неделимое» сообщество граждан.

«Корень озабоченности населения Франции состоит в неверии в то, что мигранты из этих уголков мира будут способны интегрироваться в нормальную жизнь страны. Эта неуверенность подпитана и основана долгосрочными и не совсем успешными результатами усилий, положенных на интеграцию этноса в жизнь страны, несмотря на то, что его члены во Франции родились и имеют все предпосылки для обучения в школах и включения в активную трудовую жизнь. Надежду даёт то, что в их среде всё-таки выросла прослойка интеллигенции, падающая пример своим соплеменникам» [3. С. 14].

Среди причин, которые обуславливают увеличение миграционных потоков, можно

выделить такие, как последствия экономической глобализации, явление «размывания границ» между государствами, недостаток трудовых ресурсов в развитых странах, вызванный демографическим спадом и старением населения (что особенно актуально для европейского континента и объясняет, почему Западная Европа стала своеобразным центром притяжения иммигрантов из разных уголков света) и так далее.

«Франция является одной из старейших иммиграционных стран в Европе и мире, принимая иммигрантов практически со времен Великой Французской революции. Этому также есть и историческое обоснование, ведь нельзя забывать, что некогда Франция была одной из крупнейших колониальных держав. И даже несмотря на то, что колониальная система распалась в XX веке и уже больше не существует, данный фактор оказал большое влияние на характер и состав иммиграционного процесса. Кроме того, бывшие колонии, а также заморские территории Франции являются объектами французского культурного влияния, являющегося важной частью внешней культурной политики Франции» [4. С. 42].

«Тем не менее, сам процесс иммиграции вызывает на территории Франции оживлённые дискуссии, и зачастую вопросы о выдворении нелегалов из страны, сложный процесс интеграции пребывающих иностранцев, в особенности иммигрантов-мусульман и тех, кто не разделяет европейские ценности и принципы, провоцируют общественные скандалы. Это ещё раз подтверждает особый характер данной проблемы во французском обществе» [5. С. 23].

Нельзя не упомянуть и о другой особенности французской модели интеграции, связанной со своеобразной трактовкой понятия «иммигрант». Так, согласно французской статистике, под иммигрантом понимается лицо, родившееся от родителей-иностранцев за пределами Франции и приехавшее затем на постоянное место жительства в страну. Даже если это лицо получило в дальнейшем французское гражданство (процедура натурализации), оно всё равно продолжает считаться иммигрантом.

В силу этих обстоятельств во французской статистике и средствах массовой информации фигурируют данные по количеству как иммигрантов (40% из которых имеют

французское гражданство), так и иностранцев, что зачастую приводит к пуганице и двойному счёту. «Так, по данным Национального института статистики и экономических исследований (INSEE), на 2012 г. в стране проживало 5,5 млн иммигрантов, среди которых 3,2 млн были иностранцами, а 2,3 млн – натурализованными французами. При этом в расчёт не принимали 0,6 млн лиц без французского гражданства, родившихся во Франции» [6. С. 15].

Таким образом, общее количество иностранцев, проживавших в стране, составляло 3,8 млн. В процентном отношении это составляло, соответственно, 8,5% и 5,9% от общей численности населения (64,6 млн чел.). Для лучшего понимания проблем интеграции иммигрантов во Франции необходимо также принять во внимание и ещё одну, третью особенность – количественную оценку прямых потомков иммигрантов (2-3-4 поколения, считающихся уже «настоящими французами»). К ним относятся, по некоторым оценкам (этническая статистика в стране запрещена), примерно 6,7 млн человек.

Власти Пятой республики предприняли усилия по борьбе с дискриминацией во французском обществе. Этому способствовало принятие 10 декабря 2002 г. «Закона Лелюша», ужесточившего наказания за расистские и антисемитские акты, учреждение Высокого представителя по борьбе с дискриминацией и вопросам равенства (HALDE), Национального агентства по социальному сплочению и равенству шансов (ACSE) – в 2006 г., а также открытие Национального центра истории иммиграции (CNHI).

Одним из главных вдохновителей и исполнителей новой политики в области интеграции и миграции был Н. Саркози, занимавший в то время пост министра внутренних дел. Его жёсткая позиция в отношении незаконных мигрантов, эффективное руководство полицией в трудный период «французской интифады» осенью 2005 г., несомненно, способствовали победе Саркози на президентских выборах 2007 г.

«Шестой президент Пятой республики ещё более энергично взялся за реализацию перехода от «массовой» к «выборочной» миграции и модернизацию французской модели интеграции. Намеченные планы

предстояло осуществить новому министерству с нестандартным названием – «министерство по делам иммиграции, интеграции, национальной идентичности и соразвитию», которое было учреждено 18 мая 2007 г. Произошло и объединение разных организаций, занимающихся приёмом и социальной адаптацией мигрантов, в одну структуру – Французскую службу по иммиграции и интеграции. Её обязанностью являлось – отслеживать «интеграцию во Франции мигрантов в течение первых пяти лет» [7. С. 24].

Более 33 млн иностранных граждан жили в 27 государствах-членах ЕС в 2011 г. Такие данные приводит Статистическое бюро Европейского Союза (Евростат). Согласно опубликованным данным, это составило 6,6 % населения ЕС. В это число вошли 12,8 млн. граждан ЕС, проживающих в другом государстве-члене, т. е. 2,5 % населения ЕС27, и 20,5 млн. лиц, имеющих иностранное гражданство, то есть 4,1% населения ЕС. По информации Евростата, в 2011 г. наибольшее количество иностранных граждан было зарегистрировано в Германии (7,2 млн человек или 9 % от общей численности населения), Испании (5,7 млн или 12 %), Италии (4,6 млн человек или 8 %), Великобритании (4,5 млн или 7%) и Франции (3,8 млн или 6 %). В общей сложности, более 75 % иностранных граждан в ЕС жили в этих пяти государствах-членах.

Вызывает не меньшее удивление причина, по которой президент Франции Н. Саркози в 2011 г., практически в унисон с А. Меркель и Д. Камероном, констатировал провал политики мультикультурализма во Франции. Ведь официально эту политику никто и не проводил, если учесть приверженность французских властей идеалам республиканской модели. Однако удивление проходит, если вспомнить, что тот же Саркози в ходе президентской кампании 2007 г. заметил, что Франция из «синя-бело-красной» превратилась в «жёлто-бело-чёрную» (beur-blanc-black). Кстати сказать, он сам предложил создать в начале прошлого десятилетия Совет мусульманских культур Франции. Цель последнего состояла не только в том, чтобы формировать цивилизованный, французский ислам (в противоположность «исламу во Франции»), но и

взрастить новое авторитетное руководство, представляющее интересы значительного по численности исламского сообщества Франции. Разве в этом не проглядываются контуры политики коммунитаризма – антипода французской модели?

Многие эксперты пророчат возможный раскол в Европейском Союзе из-за несогласованности действий в отношении к приему невероятной волны мигрантов в 2015 г. По данным на октябрь, количество мигрантов, прибывших в ЕС в 2015 г. составило 630 тысяч человек. Наплыв мигрантов ложится тяжелым бременем на экономику ЕС, а также вызывает рост националистических настроений, об этом свидетельствуют недовольства в Польше, Германии и Франции. Вследствие этого, появилось множество точек зрения относительно решения данной проблемы. Некоторые эксперты считают, что необходимо закрыть границы и прекратить бесконечный поток мигрантов, а другие в корне не согласны с данным утверждением и считают, что это кощунственно – не предоставлять приют людям-жертвам войны, а также жертвам террористических актов, которые проводит ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в России) на территории Сирии, женщинам и детям.

Согласно заявлению премьер-министра Франции Манюэля Вальса, он убежден, что некоторые из террористов, совершившие атаки на французских граждан 13 ноября 2015 г., использовали миграционный кризис в ЕС, чтобы незаметно проникнуть на территорию Франции. «Эти лица – некоторые из них – воспользовались кризисом беженцев, особенно в момент наибольшего хаоса, чтобы протиснуться», – сказал премьер-министр в эфире телеканала France 2. Также, премьер-министр республики высказал необходимость реформирования законодательства Шенгенской зоны. «Каждая граничащая с Францией страна должна играть свою роль, выполнять свои обязанности, – добавил он. – Если ЕС не сможет справиться со своей ответственностью, тогда, действительно, вся Шенгенская система окажется под вопросом» [8. С. 32].

События во Франции в 2015 г. еще раз продемонстрировали, что рот идей исламистского интегризма и религиозного экстремизма делает труднореализуемой задачу

успешной интеграции слабо адаптирующейся и одновременно одной из самых многочисленных частей французского населения – выходцев из стран Северной Африки. Конечно, многое можно объяснить экономическими и социальными проблемами, с которыми сталкиваются иммигранты, дискриминацией или плохим образованием; однако цивилизационно-религиозные факторы, наверное, доминируют. Вряд ли традиционные меры – такие, как улучшение городской среды обитания, жилищных условий, увеличение пособий, позитивная дискриминация – смогут в корне изменить ситуацию.

Согласно заявлению президента Франсуа Олланда, Франция не останется в стороне от европейского миграционного кризиса и в последующие два года примет 24 тысячи мигрантов. «Это долг Франции, где предоставление права на убежище является неотъемлемой частью французской души» [9. С. 5].

Более двухсот тысяч человек обратились в Евросоюз с просьбой о предоставлении им статуса беженца за второй квартал 2015 г. Такие данные статистической службы ЕС Евростат, которая опубликовала доклад о мигрантах.

Число беженцев стремительно растёт. «Статистика говорит сама за себя: если сравнить первый и второй квартал 2015 г., то число мигрантов возросло на 15%. В то же время если сравнить второй квартал прошлого года и нынешнего, то разница уже 85 %. То есть, беженцев стало почти вдвое больше. Большинство людей – беженцы из Сирии, где уже пятый год идёт война. Сирийцы составляют пятую часть всех мигрантов ЕС во втором квартале. Еще 13 % составляют беженцы из Афганистана. Далее, по статистике, следуют мигранты из Албании, Ирака, и Косова» [10. С. 14]. В докладе также говорится и о беженцах из России: их 2 % от общего числа мигрантов.

Но пока что нет официальных данных за третий квартал – периода с июля по сентябрь – пика нынешнего миграционного кризиса.

«Главной целью мигрантов была и остаётся Германия – во втором квартале 2015 года туда приехали искать лучшей жизни более 80000 человек. Это 38 % от общего числа прибывших в ЕС мигрантов. Далее

следуют Венгрия, Австрия, Италия, Франция и Швеция» [11. С. 25].

Заключение. Таким образом, для понимания основных направлений иммиграционной политики Французской республики в последние десятилетия необходимо учитывать следующие факторы. Во-первых, развитие иммиграционной деятельности Франции в рамках Европейского Союза, решения которого необходимо принимать во внимание в проведении собственной поли-

тической линии. Во-вторых, внутриполитическую борьбу в собственной стране, где традиционно существует ярко выраженное противостояние «левых» сил, занимающих более либеральное положение по отношению к иммигрантам, и «правых», которые традиционно проводят по отношению к ним достаточно жесткую политику. В-третьих, необходимо учитывать также настроения общественности по каждому конкретному миграционному вопросу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Андреева Т.* Основные направления иммиграционной политики Великобритании и ЕС. *Мировая экономика и международные отношения.* 2011. № 9. С. 78.
2. *Даргель В.* Наднациональная составляющая в иммиграционной политике Евросоюза *Власть.* 2011. № 12. С. 154-158.
3. *Бацлар Ладислав.* Далеко ли видно с Валдая? *Советская Россия.* 2015. С. 14.
4. *Потемкина О.* Иммиграционная политика ЕС: от Амстердама до Лиссабона. *Мировая экономика и международные отношения.* 2010. № 4. С. 42.
5. *Макарычев М.* «ДНК преткновения». Интернет-портал Российской газеты. Федеральный выпуск №4489. 11.10. 2007. С. 23.
6. Официальный сайт МВД Франции (дата обращения 03.02.14) С. 15.
7. *Снисаренко К.* Миграционная политика французских правительств в конце XX – начале XXI века. *Журнал международного права и международных отношений.* 2012. № 4. С. 24.
8. http://www.skifnews.com/news-monitor?_id=204134 (дата обращения: 21.12.15 г.).
9. *Гоник Т.* Франция принимает беженцев: радость и сомнения. *Русская служба Би-би-си* (дата обращения: 10.09.15 г.). С. 5.
10. A Common Immigration Policy for Europe: principles, actions and tools, Brussels, 2015 <<http://www.uni-mannheim.de/edz/pdf/sek/2015/sek-2015-2026-en.pdf> С. 14.
11. Decision n°675 DC November 15th 2015. <<http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil> С. 25.

REFERENCES

1. *Andreeva T.* Osnovnye napravlenija immigracionnoj politiki Velikobritanii i ES. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija.* 2011. № 9. S. 78.
2. *Dargel' V.* Nadnacional'naja sostavljajushhaja v immigracionnoj politike Evrosojuza Vlast'. 2011. № 12. S. 154-158.
3. *Baclar Ladislav.* Daleko li vidno s Valdaja? *Sovetskaja Rossija.* 2015. С. 14.
4. *Potemkina O.* Immigracionnaja politika ES: ot Amsterdama do Lissabona. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija.* 2010. № 4. С. 42.
5. *Makarychev M.* «DNK pretkovenija». Internet-portal Rossijskoj gazety. Federal'nyj vypusk №4489. 11.10. 2007. С. 23.
6. Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Francii (data obrashhenija 03.02.14) S. 15.
7. *Snisarenko K.* Migracionnaja politika francuzskih pravitel'stv v konce XX – nachale XXI veka. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij.* 2012. № 4. S. 24.
8. http://www.skifnews.com/news-monitor?_id=204134 (data obrashhenija: 21.12.15 g.).
9. *Gonik T.* Francija prinimaet bezhencev: radost' i somnenija. *Russkaja sluzhba Bi-bi-si* (data obrashhenija: 10.09.15 g.). S. 5.
10. A Common Immigration Policy for Europe: principles, actions and tools, Brussels, 2015 <<http://www.uni-mannheim.de/edz/pdf/sek/2015/sek-2015-2026-en.pdf> S. 14.
11. Decision n°675 DC November 15th 2015. <<http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil> S. 25.

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA, MOSCOW

UDC 94(470): 94(460)
Historical sciences

**COOPERATION OF RUSSIA AND SPAIN IN THE SPHERE OF DEVELOPMENT
OF NATIONAL LANGUAGES AND LITERATURES. 1991 – 2014**

Gadzhieva Khanym

Abstract. The article is devoted to the activity of the educational centers and cultural and educational organizations created in 1990 - 2000th in Russia and Spain for support of linguistic education and the Russian-Spanish cultural dialogue. The author comes to a conclusion that growth of interest of Russians in Spanish and advance of Russian in Spain is an important component of cooperation of two countries.

Keywords: the Russian-Spanish cooperation, Spanish in Russia, Cervantes Institute, Russkiy Mir Fundanation, Russian compatriots in Spain.

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ, МОСКВА

УДК 94(470): 94(460)
Исторические науки

**СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ИСПАНИИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР. 1991 – 2014 ГГ.**

Гаджиева Ханым Давид кызы

Реферат. В статье освещается деятельность образовательных центров и культурно-просветительных организаций, созданных в 1990 - 2000-е гг. в России и Испании в целях поддержки лингвистического образования и российско-испанского культурного диалога. Автор приходит к выводу, что рост интереса россиян к испанскому языку и продвижение русского языка и литературы в Испании является важным компонентом сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: российско-испанское сотрудничество, испанский язык в России, Институт Сервантеса, Фонд «Русский мир», российские соотечественники в Испании.

Введение. Российско-испанское сотрудничество в области науки и культуры в 1990 - 2000-е гг. обогатилось новыми формами взаимодействия, развивавшимися на основе глубоких историко-культурных и литературных связей между нашими народами. Существенную роль в этом процессе играли государственные и общественные структуры, деятельность которой была направлена на глобальное продвижение испанского и русского языков.

Основная часть. В 1991 г. при Министерстве иностранных дел и сотрудничества Испании был открыт Институт Сервантеса (в русском переводе также – «Институт имени Сервантеса»), целью которого стало распространение в мире испанского языка, ис-

панской и латиноамериканской культуры. Главные офисы Института разместились в Мадриде и в Алькала-де-Энарес – родном городе великого писателя. К настоящему Институтом Сервантеса открыто около 80 образовательно-культурных центров на пяти континентах, в которых работают специалисты из Испании и стран Латинской Америки. Слушатели лингвистических курсов Института Сервантеса имеют возможность изучать не только испанский, но также баскский, каталанский и галисийский языки. Институт Сервантеса занимается организацией курсов испанского языка в различных странах, в том числе в России, участвует в реализации культурных проектов [4].

Основным направлением деятельности Института является подготовка к экзамену для получения «Диплома о знании испанского языка как иностранного» (DELE). Это право Институт Сервантеса получил в 2002 году по указу короля Испании. На основе соглашений с университетами и другими образовательными учреждениями в России Институт осуществляет контроль за проведением экзаменов и обеспечивает оформление дипломов, которые присваиваются Министерством образования и культуры Испании.

В 2002 г. Институт Сервантеса начал работу в Москве. Здесь была открыта библиотека имени писателя Мигеля Делибеса, лауреата Премии Сервантеса 1993 года, с книжным фондом около 15.000 томов, которая входит в сеть государственных публичных библиотек Королевства Испания. Услуги библиотеки как центра распространения в России информации об испанском языке и литературе были востребованы российскими читателями: ежегодно ее сотрудники обрабатывали более 15, 5 тысяч запросов. Для российских пользователей был открыт доступ к услугам Виртуального класса имени Сервантеса по изучению испанского языка и Виртуального центра имени Сервантеса, который предоставлял материалы и услуги испанцам, преподавателям испанского языка, переводчикам, студентам, журналистам и всем россиянам, заинтересованным в изучении испанского языка и культуры

С целью обеспечения высокого качества преподавания испанского языка специалистами Института Сервантеса была разработана система аккредитации иностранных образовательных учреждений, ведущих обучение испанскому языку, которым предоставлялась возможность получить статус «Ассоциированного центра Института Сервантеса» и соответственно войти в международную сеть ассоциированных центров, созданную Институтом Сервантеса по всему миру.

С 2002 года Институт Сервантеса развивал сотрудничество с российскими научными и культурными учреждениями в области проведения конференций, концертов, выставок, и других культурных проектов, направленных на продвижение в информационном пространстве России испанского

языка и культуры. Широкий круг различных мероприятий при участии института был осуществлен в связи с 400-летием романа Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот». Институт также оказывал организационное содействие петербургскому Фонду имени Сервантеса в проведении ежегодных Дней Сервантеса и т. п.

В 2000-е гг. в продолжающиеся «Программы сотрудничества между Королевством Испания и Российской Федерацией в области культуры и образования» неизменно включались позиции по расширению языкового обмена и лингвистического образования. В том числе, успешно развивались программы подготовки и повышения квалификации преподавателей испанского языка в России, которые разрабатывались и осуществлялись при участии испанской стороны. Так, летом 2004 года в Москве были проведены два курса по методике преподавания испанского языка как иностранного, на которых прошли обучение 60 преподавателей испанского языка. Аналогичный курс для 30 преподавателей испанского языка был организован в 2005 году. В том же 2005 году преподавателям из России было предоставлено 13 стипендий для прохождения курса повышения квалификации в университетах испанских городов – Саламанки, Гранады и Сантьяго-де-Компостела [3].

Программа на 2005-2007 гг. предусматривала «придание импульса изучению русского и испанского языков и культур в соответствующих странах путём подписания соглашений между университетами и с помощью Института Сервантеса и культурных центров, которые будут учреждены Российской Федерацией в Испании с целью распространения своего языка и культуры» [3]. Кроме того, Программа включала мероприятия, направленные на поддержку школ и различных государственных и частных организаций, которые содействуют изучению языков и культур обеих стран.

В 2008 году предполагалось открытие Института Сервантеса в Санкт-Петербурге, но сокращение бюджетных расходов, принятое правительством Испании в условиях мирового финансового кризиса, привело к замораживанию данного проекта на неопределенный срок. В значительной степени эта задержка компенсировалась дея-

тельностью Центра испанского языка и культуры Adelante, который был организован в Петербурге в 2003 г., а в 2008 единственный в России получил аккредитацию Института Сервантеса. Центр Adelante, согласно информации на его сайте, занимался обучением испанскому языку и распространением культур Испании и Латинской Америки в Санкт-Петербурге.

На сайте Центра Adelante подчеркивалась роль испанского языка как инструмента, значительно расширяющего возможности познания, общения, творческой и профессиональной реализации, в том числе Центр выдвигал следующие тезисы: «Испанский – твой ключ к культурам народов, живущих на территории от Калифорнии в США до Огненной земли в Чили, от острова Пасхи в Тихом океане до Майорки в Средиземном море»; «Испаноговорящие страны – это новые рынки и интересные возможности для бизнеса. 500 миллионов человек с 4-х континентов завтра могут стать твоими выгодными деловыми партнерами или клиентами» и др. Обучение в Центре вели квалифицированные преподаватели-носители языка из Испании и Латинской Америки. Структура Центра включала помимо непосредственно курсов, Отдел культуры, Клуб общения и библиотеку [6]. Его организаторы поставили перед собой задачу «создать самый современный образ испанской и латиноамериканской культур и сделать Центр Adelante местом встречи с культурами Испании и Латинской Америки, уголком подлинного, живого испаноязычного мира в Санкт-Петербурге» [6]. Подготовка к экзаменам (DELE) в Санкт-Петербурге проводилась также представительством Университета Саламанки в сотрудничестве с Испанским отделением Факультета иностранных языков СПбГПУ им. Герцена.

Еще в 1995 г. в Санкт-Петербурге был создан Фонд «Сервантес», который специализировался на издании научной литературы, отражавшей российско-испанские связи, и переводной серии «Библиотека испанской литературы», а также содействовал публикации в Испании произведений русской литературы. Фонд выступал в качестве организатора ежегодных Сервантесовских чтений и международных форумов по проблемам российско-испанского культурного

взаимодействия.

Процесс развития аналогичных образовательно-просветительных структур в 2000-е гг. происходил и в ряде других городов России, причем лингвистические курсы и школы стремились повышать уровень изучения испанского языка, а также истории и культуры Испании и испаноязычных стран Латинской Америки. В феврале 2014 года был открыт Центр испанского языка «Энора Буэна» (Enhorabuena) во Владивостоке, выпускники которого получали международный сертификат. Работа Центра была направлена на популяризацию испанской и латиноамериканской культуры. В частности, при нем действовали «Разговорный клуб», киноклуб и клуб «Общение за едой», привлекавший студенческую молодежь и многих жителей Владивостока, интересующихся испанской культурой.

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период испанский язык в России был гораздо более востребован, чем русский язык в Испании. Согласно данным «Испанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы» в 2014 году в Испании русский язык изучало около 70 тысяч человек, из них примерно 7 тысяч – в высшей школе; в России в это же время обучалось испанскому языку около 100 тысяч студентов вузов, значительная часть которых была ориентирована на профессиональную деятельность, связанную как с Испанией, так и со странами Латинской Америки, а также с российской испанистикой как наукой. Данная тенденция определялась не только объективно большей распространенностью и востребованностью в мире испанского языка по сравнению с русским, но и высокой активностью Испании в сфере глобального продвижения испанского языка. Данное направление внешнеполитической активности Испании стало одним из ведущих компонентов испанско-русского сотрудничества. Так, содействие изучению россиянами испанского языка входило в круг задач посольства Королевства Испания в Москве, в структуре которого был представлен «Центр дидактических ресурсов испанского языка». Аналогичную работу проводит также испанское консульство в Санкт-Петербурге. Чрезвычайный и полномочный посол Королевства Испания в Российской Федерации Хуан

Антонио Марк Пужол, выступая на открытии III Международной конференции испанистов России, подчеркнул: «Язык Сервантеса по сути своей универсален, на нем говорят десятки миллионов человек и в Европе, и в Латинской Америке. Российские испанисты вносят значительный вклад в развитие коммуникационной универсальности испанского языка» [1].

В то же время в Испании в 1990 - 2000-е гг. расширяется пространство русского языка и культуры, главным символом которых стал А. С. Пушкин. 1990-е гг. активизировались миграционные потоки из России и других постсоветских государств на Запад, включая Испанию, Португалию, государства Латинской Америки. Многие россияне, постоянно проживавшие в испаноязычных странах, сохраняли личные и деловые связи с родиной, а также проявляли заинтересованность к созданию в рамках русскоговорящих сообществ в Испании общественных организаций – русских клубов, воскресных школ, различных культурных ассоциаций и т.п., значительная часть которых стала площадками для российско-испанского культурного диалога. Общественная активность российских соотечественников в Испании, а также расширение сферы культурной деятельности учреждений МИД России, развитие международных контактов российских вузов, музеев, творческих союзов способствовали росту интереса испанцев к русскому языку и культуре. Важная роль в поддержке этой инициативы принадлежала «Российскому центру международного научного и культурного сотрудничества при МИД Российской Федерации» (Росзарубежцентр), с 2008 г. преобразованному в «Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству» (Россотрудничество).

В 1991 г. группой энтузиастов во главе с ректором Мадридского политехнического университета Рафаэлем Портаэнкасой, при содействии посольства Российской Федерации в Мадриде и Росзарубежцентра был основан Фонд «Александр Пушкин», российско-испанская некоммерческая организация, которую возглавил представитель Росзарубежцентра историк А. А. Черношвилов. Фондом были открыты в Мадриде кур-

сы русского языка и русская школа, развернута разнообразная культурную работу. Работа Фонда дала новый импульс российско-испанскому культурному сотрудничеству, прежде всего, сохраняя присутствие русского языка и культуры в Испании в 1990-е годы. Уникальной миссией Фонда «Александр Пушкин» заключалась в поддержке и распространении русского языка и знаний об исторической родине среди российских детей, усыновленных испанцами. Фонд «Александр Пушкин» успешно продолжал свою просветительную деятельность в XXI веке: за двадцать лет работы им было проведено более 1300 концертов, десятки выставок, организованы многочисленные обмены делегациями между Россией и Испанией и т. п.

Большинство коллектива сотрудников Фонда составляют испанцы, увлеченные русским языком и культурой, что сближает его по характеру и стилю деятельности с действующими в России образовательными центрами и клубами любителей испанского языка и культуры. В 1999 г. к 200-летию А. С. Пушкина в Мадриде было осуществлено издание уникального сборника из сорока поэтических произведений поэта, переведенных испанцами-слушателями русских курсов при Фонде «Александр Пушкин». Над подготовкой переводов трудились 22 человека – представители разных профессий и возрастов, объединенные стремлением донести до испанского читателя свою любовь к России и пушкинской поэзии. Издание было осуществлено параллельно на русском и испанском языках, что позволяло оценить качество перевода и, в то же время, подчеркивало идею диалога двух культур – классической русской и современной испанской [2].

В 2011 г. в рамках перекрестного года России в Испании и Испании в России было осуществлено открытие Российского центра науки и культуры (РЦНК) в Мадриде. (Аналогичные центры, создающиеся под эгидой Россотрудничества и Фонда «Русский мир», представляют отечественную культуру и русский язык во многих странах мира). В ходе церемонии открытия РЦНК и столице Испании состоялась презентация виртуальных залов Государственного Эрмитажа и Государственного Русского музея и читального зала Президентской библиоте-

ки имени Бориса Ельцина. РЦНК в Мадриде стал организатором художественных выставок, концертов, встреч с известными деятелями искусства и других мероприятий в рамках российско-испанского культурного диалога, неизменно привлекавших внимание представителей русскоговорящего сообщества в Испании и испанцев, интересующихся русским языком и культурой.

Существенную роль в распространении в мире, включая пространство испанской цивилизации, русского языка и культуры играет деятельность Фонда «Русский мир», который в 2000-е гг. становится неформальным лидером в развитии культурного диалога России с сообществом зарубежных соотечественников во всем мире и, тем самым, проводником отечественной культуры в глобальном измерении. В значительной степени к деятельности Фонда «Русский мир», главной задачей которого является поддержка русского языка за рубежом, близка миссия Института имени Сервантеса, который осуществляет продвижение испанского языка и культуры по всему миру, в том числе, в России (с 2002 г.). В Испании Фонд «Русский Мир» курирует школы и курсы русского языка в Мадриде и Барселоне, поддерживает работу Русского центра в Университете Гранады и др.

Организации российских соотечественников в Испании и странах Латинской Америки в 2000-е гг. принимали все более активное участие в популяризации за рубежом русского языка и культуры, а также других языков и культур народов России и постсоветских государств. Еще более широкое культурно-информационное поле составляют сетевые структуры российских соотечественников в Испании. При этом в деле организации российско-испанского культурного взаимодействия сохранялось ведущее значение структур МИД Российской Федерации в Испании.

Следует отметить, что аналогичную функцию выполняют культурные общества и клубы, объединяющие носителей испанского языка из различных стран, живущих и работающих в России. Как правило, повседневная и нередко и профессиональная деятельность россиян в Испании и представителей испанских и латиноамериканских диаспор в России складывается на основе двуязычия, в контексте диалога и синтеза

цивилизаций.

Таким образом, испанский язык в 1990 - 2014 гг. явился одним из важных элементов процесса глобализации культурно-информационного пространства России. Благодаря традиционной любви и интересу россиян к испанской и европейской культуре, продвижение испанского языка и литературы в российском культурно-информационном и образовательном пространстве представляло широкое поле деятельности для реализации курса внешней культурной политики Испании. В то же время для многих российских школьников и студентов, молодых специалистов, предпринимателей знание испанского языка стало ключом к миру науки, культуры и бизнеса Латинской Америки.

Одним из ведущих центров российско-испанского диалога в системе высшей школы является Российский университет дружбы народов (РУДН), где на высоком уровне ведется изучение испанского языка, профессорско-преподавательским коллективом и аспирантами РУДН осуществляются научные исследования по проблемам истории и культуры, внешней политики, экономики Испании и стран Латинской Америки. Одновременно РУДН предоставляет образовательные услуги испаноязычным студентам, сотрудничает с научными центрами и университетами Испании и Латинской Америки. Все это позволяет рассматривать РУДН как уникальную систему культурно-языкового взаимодействия России, Испании и Иберо-Америки. Российско-испанский информационно-культурный обмен развивается, в том числе в сетевых структурах университета (Студенческий форум РУДН, Сайт Всемирного форума выпускников и др.), а также в рамках других информационных систем, которые соединяют сообщество преподавателей и студентов РУДН с другими вузами, научными учреждениями, семьями студентов, молодежными и профессиональными объединениями в различных странах мира. Интерактивная среда значительно расширяет возможности обучения и неформального общения в рамках испанской тематики. Так, например, научно-педагогический коллектив Испанской секции Гуманитарно-социального факультета РУДН создал в социальной сети «В Контакте» открытую группу «Испанистика».

В 1991 г. в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) был создан Центр Иbero-Американских программ, который успешно сотрудничал с Мадридским, Гранадским, Аликантским и Вальядолидским университетами. Развитию сотрудничества МГЛУ с Гранадским университетом способствует тот факт, что это один из старейших в Испании центров изучения русского языка. В 2000 г. в МГЛУ при содействии Гранадского университета был открыт Центр испанского языка и культуры, предоставлявший студентам и преподавателям доступ к испанскому телевидению, а также имевший собственную библиотеку, электронные средства обучения и др. Испанский язык в МГЛУ преподавался также в рамках инновационной образовательной программы «Лингвапарк», которая реализуется с 2007 г. под девизом «Система формирования языковой компетентности – важный фактор инновационного развития России» [5]. С 2000 г. МГЛУ является базовой образовательной организацией по языкам и культуре для стран СНГ.

Заключение. Овладение испанским языком способствует вхождению российской молодежи в мир Испанидад, в рамках которого существовала возможность выбора одной или нескольких стран в качестве сферы профессиональных и культурных интересов. В то же время, испанский язык, особенно в сочетании с английским или каким-либо другим европейским языком, являлся эффективным средством личностной

реализации молодых российских специалистов в общеевропейском цивилизационном и деловом пространстве.

Международное сообщество лингвистики и обучения языкам является одной из главных площадок российско-испанского диалога в сфере языков и культур. Представители российских, испанских и латиноамериканских структур высшей школы и академических учреждений совместно участвуют в деятельности «Международной федерации ассоциаций испанистов и преподавателей испанского языка» и других аналогичных объединений.

В 2000-е гг. рост числа россиян, знающих испанский язык, создавал условия для более динамичного и многоаспектного взаимодействия носителей испанского языка с российскими научно-исследовательскими, образовательными и культурными организациями, промышленными структурами и коммерческими фирмами, стимулировал развитие международных сетевых структур, формирование международных научно-культурных, экономических и гуманитарных связей на региональном и глобальном уровне.

Таким образом, растущий взаимный интерес россиян и испанцев к языку и культуре друг друга, выразившийся в развитии систем лингвистического образования, а также различных форм общения на испанском и русском языках, стал значимым компонентом российско-испанского культурного диалога на рубеже XX - XXI веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мехонцев В. Российская испанистика: с уверенностью в будущее. Вузовский Вестник. 2008. 16-31 мая. № 10 (58).
2. Посвящается юбилею. Дуэль: Газета общественных идей. 1999. 29 июня. № 26 (117).
3. Программа сотрудничества между Королевством Испания и Российской Федерацией в области культуры и образования на 2005-2007 годы. Подписана в Москве 29 сентября 2005г. Президент России. Официальный сайт. URL: archive.kremlin.ru/text/docs/2009/03/213562.shtml
4. Сайт Института Сервантеса в Москве URL: moscu.cervantes.es/ru/o_nas_ispanskiy.htm
5. Сайт Московского государственного лингвистического университета / <http://www.linguanet.ru/collaboration/spain/>
6. Сайт Центра испанского языка и культуры ADELANTE (Санкт-Петербург). URL: www.centroadelante.ru/

REFERENCES

1. Mehoncev V. Rossijskaja ispanistika: s uverennost'ju v budushhee. Vuzovskij Vestnik. 2008.

16-31 maja. № 10 (58).

2. Posvjashhaetsja jubileju. Dujel': Gazeta obshhestvennyh idej. 1999. 29 ijunja. № 26 (117).

3. Programma sotrudnichestva mezhdru Korolevstvom Ispanija i Rossijskoj Federaciej v oblasti kul'tury i obrazovanija na 2005-2007 gody. Podpisana v Moskve 29 sentjabrja 2005g. Prezident Rossii. Oficial'nyj sajt. URL: [archive.kremlin.ru>text/docs/2009/03/213562.shtml](http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/03/213562.shtml)

4. Sajt Instituta Servantesa v Moskve URL: moscu.cervantes.es/ru/o_nas_ispanskiy.htm

5. Sajt Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta / <http://www.linguanet.ru/collaboration/spain/>

6. Sajt Centra ispanskogo jazyka i kul'tury ADELANTE (Sankt-Peterburg). URL: www.centroadelante.ru/

**MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION ON VY KIKOTYA¹
RYAZAN BRANCH
RYAZAN HIGHER AIRBORNE COMMAND SCHOOL
NAMED AFTER VF MARGELOV²**

UDC 612.821 (BBC 88.23)
Psychophysiology

**SOME ASPECTS OF MATHEMATICAL FORECASTING SUCCESSFUL LEARNING
(ON THE EXAMPLE OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF POWER
STRUCTURES OF RUSSIA)**

**MD SV Bulatetskiy¹
PhD in Psychology AS Markov²**

Abstract. The article analyzes the features of the system of organization and efficiency of psycho-physiological processes in students of higher educational institutions of power structures of Russia: Russian Interior Ministry, Defense Ministry and the Russian Federal Penitentiary Service of Russia. We give hronogennye change system adaptation mechanisms as a result of the dynamic changes in the actual needs of students with different duration of study in high school. Prospects of the possible use of mathematical methods of forecasting the success of vocational training in the formation of professionally important qualities of students.

The basic indicators of nonspecific adaptive mechanisms that detect physiological «price» of activity, assess the effectiveness of adaptation to the learning process and to predict the success of the training. Analyzed the activity of the physiological mechanisms of regulation from the standpoint of the theory of self-organizing nonequilibrium thermodynamic systems.

Noted specific characteristics obtained by applying mathematical analysis of heart rate and the method of correlation pleiades in assessing changes in the productivity of psycho-physiological processes in the conditions of emotional stress at the intellectual load to the students with different success of training and level of intelligence. With the adaptation of products addresses the problem of the emergence of cadets during training sociogenic, psychogenic and fiziogennyh loss of identity with the formation of different types of psychological defenses.

Key words: adaptation, heart rate variability, hemodynamics, mental stress, a method of correlation of the Pleiades, the success of vocational training, functional state.

**МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РФ ИМЕНИ В. Я. КИКОТЯ¹
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ
РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ
ИМЕНИ В. Ф. МАРГЕЛОВА²**

УДК 612.821 (ББК 88.23)
Психофизиология

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ СИЛОВЫХ СТРУКТУР РОССИИ)**

**Доктор медицинских наук С. В. Булатецкий¹
Кандидат психологических наук А. С. Марков²**

Реферат. В статье анализируются особенности системной организации и продуктивности психофизиологических процессов у курсантов высших образовательных учреждений силовых структур России: МВД России, МО России и ФСИН России. Приводятся хроно-

генные изменения системных механизмов адаптации по результатам динамических изменений актуальных потребностей курсантов с разной длительностью обучения в вузе. Рассматриваются перспективы возможного использования методов математического прогнозирования успешности профессионального обучения в формировании профессионально важных качеств у курсантов.

Установлены основные показатели неспецифических адаптивных механизмов, позволяющие определять физиологическую «цену» деятельности, оценивать эффективность адаптации к процессу обучения и прогнозировать успешность профессиональной подготовки. Проанализирована деятельность физиологических механизмов регуляции с позиций теории самоорганизующихся термодинамических неравновесных систем.

Отмечены специфические особенности, полученные при применении математического анализа ритма сердца и метода корреляционных плеяд в оценке изменений продуктивности психофизиологических процессов в условиях эмоционального напряжения при интеллектуальной нагрузке у курсантов с разной успешностью профессионального обучения и уровнем развития интеллекта. С позиций адаптации рассматривается проблема возникновения у курсантов за время обучения социогенных, психогенных и физиогенных потерь личности с формированием различных типов психологических защит.

Ключевые слова: адаптация, вариабельность сердечного ритма, гемодинамика, ментальный стресс, метод корреляционных плеяд, успешность профессионального обучения, функциональное состояние.

Введение. Профессиональная подготовка курсантов в высших образовательных учреждениях силовых структур России отличается от обучения в гражданских вузах, так как учебная деятельность совмещена с выполнением служебных обязанностей, жестко регламентируется распорядком дня, принципами подчинения и субординации, связана с большими умственными и физическими нагрузками, высоким психоэмоциональным напряжением, высокой социальной и профессиональной ответственностью. Повышение требований к качеству профессиональной подготовки, интенсификация учебного процесса, увеличение темпа жизни, нарастание объема получаемой информации и др. часто приводят к социальной дезадаптации, снижению адаптивных возможностей организма и индивидуального здоровья. Биосоциальная адаптация к процессу обучения в вузе зависит от многих факторов, среди которых выделяют психологические (интеллектуальная и творческая активность, потребность в познании, мотивация, стрессоустойчивость и т. п.), физиологические (тип высшей нервной деятельности, состояние индивидуального здоровья, уровень физического развития, особенности протекания психических процессов и т. п.), социальные и культурные (привычные социальные роли, гендерная специфика, этнические особенности и т. п.), педагогические и др. [6, 7, 9]. В свою очередь

успешность профессионального обучения определяется многими факторами: базовым уровнем знаний, умений и навыков, мотивированностью к восприятию новой информации, заинтересованностью получения образования по будущей специальности, чувством долга, эмоциональной и стрессовой устойчивостью, состоянием индивидуального здоровья, физическим развитием и др.

Анализ актуальных потребностей курсантов с разной длительностью обучения в вузе позволил оценить хроногенные изменения системных механизмов адаптации. Учебная деятельность первокурсников характеризовалась низкой эффективностью параметров достигаемого результата: невысокий уровень обеспечения социально-детерминированных потребностей (уровень физического развития, выполнение учебных нормативов и др.) при достаточном напряжении деятельности физиологических систем (высокая «цена» адаптации), то есть, по существу, в рамках механизмов стресс-реакции. Долговременная адаптация к учебно-тренировочному процессу сопровождалась изменениями потребностно-мотивационной сферы курсантов, что проявлялось, прежде всего, ростом заинтересованности у старшекурсников к результатам обучения (рост потребности в более высоком уровне достижений, повышение результативности выполнения профессиональных нормативов деятельности и т. д.). При этом

существенно снижалась напряженность работы системных механизмов адаптации к биосоциальным стрессорам. В процессе долговременной адаптации также актуализировалась потребность функциональной минимизации за счет уменьшения работы ведущих эффекторов, которая удовлетворялась работой многочисленных системных механизмов, и, в итоге, обеспечивала существенное снижение напряженности адаптации [5].

Для изучения процесса адаптации, эффективности и успешности обучения в вузах использовались как различные традиционные методы (изучение и оценка антропометрических и физиологических показателей, состояния физической подготовленности, адаптационного потенциала сердечно-сосудистой и дыхательной систем, психофизиологических характеристик, показателей успеваемости, показателей заболеваемости, медико-социальные данные и др.), так и достаточно современные (например, предложены методы оценки функциональных резервов у курсантов по показателям вариабельности сердечного ритма [8], математико-статистическими методами изучения взаимосвязей доказано, что успешность освоения образовательных программ первокурсниками можно спрогнозировать по значению интегрального критерия [10] и др.).

Целью настоящего исследования был анализ особенностей системной организации и продуктивности психофизиологических процессов курсантов высших образовательных учреждений силовых структур России с оценкой перспектив возможного использования методов математического прогнозирования успешности профессионального обучения в формировании профессионально важных качеств.

Материалы и методы. В исследовании участвовали курсанты 1-5 курсов высших образовательных учреждений МВД России, МО России, ФСИН России. В работе использованы: методы оценки антропометрических характеристик; традиционные общепринятые методы функциональной диагностики сердечно-сосудистой системы; математический анализ ритма сердца аппаратно-программным комплексом «Варикард-1.41»; методика исследования особенностей мышления (МИОМ); метод стандартизированной

многофакторного исследования личности (СМИЛ); методы конституциональной и социопсихофизиологической защиты личности. Для моделирования ментального стресса использовался зачет по учебной дисциплине и интеллектуальная нагрузка при решении задач теста «Количественные отношения» в условиях ограниченного времени. Математическая обработка полученных результатов включала исследование внутригрупповых статистических свойств. Для определения степени связи между исследуемыми показателями использовался непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Оценивались направление и сила корреляционной связи, а также изменение количественных и качественных показателей плеяд в группах курсантов с разной успешностью профессионального обучения.

Основная часть. В ходе исследования проанализированы результаты оценки успешности учебной и служебной деятельности курсантов образовательных учреждений, готовящих своих выпускников к государственной и военной службе в силовых структурах России: МВД России, МО России, ФСИН России.

При изучении различий в вегетативном и миокардиально-гемодинамическом гомеостазе у курсантов с разными фенотипическими особенностями и функциональным состоянием при ментальном стрессе [11] были выявлены критериальные отличия, касающиеся изменения уровня функционирования системы кровообращения, активности регуляторных систем и суммарного эффекта вегетативной регуляции кровообращения на стресс. Результаты показали, что перед зачетом в группах курсантов с разной успешностью обучения имелись отличия в активности регуляторных систем организма, что проявилось и разным смещением показателей миокардиально-гемодинамического гомеостаза при ментальном стрессе – у курсантов с преобладанием симпатической активации в регуляции системы кровообращения ментальный стресс вызвал более выраженные изменения, направленные на восстановление нарушенного вегетативного баланса, повышение функциональных резервов. Результатами дальнейших исследований [12] установлено, что предстоящая интеллектуальная нагрузка в

группе курсантов с «высокой» успеваемостью вызвала более выраженные изменения амплитуды и диапазона регуляторных влияний, и, как следствие, суммарный эффект вегетативной регуляции кровообращения. Следовательно, в группе курсантов с «высокой» успеваемостью («хорошисты») преобладают эрготропные функции, а функциональное состояние организма характеризуется более высоким адаптационным потенциалом. Различия в сравниваемых группах, по-видимому, обусловлены не только индивидуальными особенностями в интеллектуальной, личностной и эмоциональной сфере, но и разницей в уровне функциональных резервов организма и его адаптационных возможностей.

Проведенный анализ особенностей системной организации и продуктивности психофизиологических процессов при ментальном стрессе (интеллектуальная нагрузка) по корреляционным плеядам физиологических показателей и критерию успешности профессионального обучения [3] показал, что интеллектуальная нагрузка в группе «хорошистов» вызвала увеличение числа и силы корреляционных связей, а в группе «троечников» – при том же количестве снижение силы корреляционных связей. Это свидетельствует, с одной стороны, об оптимальном регулировании мыслительной деятельности при интеллектуальной нагрузке в группе «хорошистов», с другой, – о более высокой пластичности функциональных систем, обеспечивающих регуляцию гомеостаза в процессе умственной деятельности. Также была выявлена еще одна особенность – в отличие от группы «хорошистов» в группе «троечников» умственная нагрузка вызвала увеличение числа и силы корреляционных связей, что свидетельствует о более выраженном психоэмоциональном напряжении в процессе интеллектуальной нагрузки.

Аналогичные результаты были получены у курсантов и при исследовании особенностей мышления с последующей оценкой уровня интеллекта. Анализ продуктивности психофизиологических процессов в условиях психоэмоционального напряжения осуществлялся по результатам динамики показателей вариабельности сердечного ритма при решении курсантами задач теста «Количественные отношения» ограни-

ченного (5 мин) по времени [4]. У курсантов с высоким уровнем развития интеллекта между спектральными параметрами сердечного ритма и уровнем развития интеллекта выявлено большее число степеней свободы (более низкая энтропия системы), чем в группе с низким уровнем развития интеллекта, что соответствует более высокому уровню организации живых систем, так как мозг здорового бодрствующего человека является предельно неустойчивой хаотической системой, а аналогом хаоса в когнитивных процессах является разнообразие элементов знания, составляющих креативное поле поиска. Следовательно, в условиях предстоящей умственной деятельности в группе с высоким уровнем развития интеллекта функциональные системы более пластичны, а результат деятельности наиболее экономичен и оптимален. При нагрузочном психофизиологическом тестировании распределение ранговых коэффициентов корреляции Спирмена существенно изменялось. У испытуемых с высоким уровнем интеллекта при реализации психофизиологической нагрузки (решение задач теста в условиях ограничения времени) увеличение мощностных показателей ритма сердца напрямую связано с ростом интеллектуального показателя. Рост числа корреляционных связей приводит к увеличению энтропии, которая определяет уровень структурирования системы. В свою очередь уменьшение числа степеней свободы показывает, что в системе происходит самоорганизация и у нее появляются свойства, которыми не обладает ни одна из подсистем [13]. Таким образом, у курсантов с высоким уровнем интеллекта умственная деятельность совершается с повышением сложности структур и порядка, с формированием диссипативных структур (в режиме минимизации диссипативной функции), а из хаотической массы элементов более активно строятся действующие функциональные системы, что характеризует адаптивность процессов, протекающих в системе.

Человек является сложной системой, преобразующей детерминированную и хаотическую составляющую внешней среды в детерминированную и хаотическую составляющую своего организма. Наиболее чувствительным звеном этого организма является сердечный ритм, обе компоненты

которого, как периодическая, так и хаотическая, легко поддаются математическому анализу. Вариабельность сердечного ритма представляет собой особую специфическую биологическую форму движения, связанную с процессами регуляции, приспособления и компенсации. Медленные колебания гемодинамики являются самостоятельным биологическим автоволновым физико-химическим процессом, при котором спектральные характеристики кардиоритма, с одной стороны, отражают уровень и характер метаболических процессов, а с другой – особенности нейровегетативной их регуляции. При функциональных нагрузках выявляется определенный рисунок траектории трехкомпонентного спектра, который может быть рассмотрен как паттерн функционального состояния организма, где спектральные показатели медленных колебаний гемодинамики коррелируют с метаболическими и иммунными процессами и, таким образом, являются важным звеном адаптивной регуляции и адаптивного поведения человека. Ранее было показано, что математическое моделирование методами дисперсионного анализа при проведении кардиографических исследований является весьма информативным способом диагностики уровня неспецифических адаптационных механизмов и в сочетании с другими методами может применяться в оценке функционального состояния [2]. При изучении характера и структуры корреляционных взаимосвязей спектрально-волновых характеристик ритма сердца в фоновых условиях и при психоэмоциональном тестировании в группах курсантов с разным уровнем развития интеллекта была выявлена та же динамика, что и при исследовании особенностей мышления: в группе курсантов с высоким уровнем развития интеллекта умственная деятельность совершалась с повышением сложности структур и порядка, с формированием диссипативных структур, т.е. в режиме минимизации диссипативной функции [1].

В завершение следует отметить интересные результаты, которые были получены при рассмотрении с позиции теории адаптации социопсихофизиогенных потерь личности при обучении в стандартных условиях методами диагностики стандартизованного многофакторного исследования

личности и конституциональной и социопсихофизиологической защиты личности [14, 15]. Установлено, что к пятому году обучения без методов коррекции происходит переход личности из нормального психического состояния в пограничное. Переход сопровождается социогенными, психогенными и физиогенными потерями, результатом чего является появление типов психологических защит. Применение методов коррекции свидетельствует о возможности снижения психогенных потерь во время пятилетнего обучения в вузе. Выявленные коды типов психологических защит рекомендуется присваивать каждому курсанту для снижения риска получения психогенных потерь в чрезвычайных обстоятельствах и ситуациях.

Заключение. Эффективность прогнозирования успешности обучения может быть повышена за счёт использования комплексного подхода, включающего предварительный анализ эндогенных показателей функционального состояния и адаптационного потенциала обучающихся, характеристику экзогенных показателей процесса профессионального обучения, оценку успешности обучения на основе анализа взаимоотношений психического и физиологического уровней обеспечения учебной и служебной деятельности.

Выводы:

1. В группах с разной успешностью профессионального обучения интеллектуальная нагрузка вызывает отличительные особенности изменений физиологических показателей, что обусловлено различным состоянием функциональных резервов организма и умственных возможностей курсантов при котором осуществляемая деятельность имеет разную психофизиологическую «цену».

2. Нагрузочное психофизиологическое тестирование выявило особенности активации регуляторных систем в зависимости от функциональных резервов организма в группах с разной успешностью выполнения интеллектуальной нагрузки.

3. Физиологические особенности достижения высокого результата обучения связаны с исходным состоянием метаболической и вегетативно-сосудистой системой обучающихся, особенностью реакции на интеллектуальную нагрузку и с вегетативным

обеспечением деятельности.

4. Структурные особенности системной организации курсантов с высоким уровнем развития интеллекта в фоновом состоянии характеризуются неизбирательностью внутрисистемных отношений, большим количеством степеней свободы. Внутрисистемные отношения курсантов с низким уровнем развития интеллекта носят избирательный характер с уменьшением степеней свободы. При интеллектуальной нагрузке характеристики системной организации курсантов с разным уровнем развития интеллекта меняются на противоположные.

5. Характерной особенностью структурных взаимоотношений между спектральными параметрами сердечного ритма и уровнем развития интеллекта является наличие положительных коэффициентов ранговой корреляции у курсантов с высоким уровнем развития интеллекта и отрицательных – у курсантов с низким уровнем развития интеллекта. Психоэмоциональная нагрузка не меняет знак связей.

6. Снижения психогенных потерь за время обучения в вузе можно достигнуть путем использования методов коррекции психического состояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Булатецкий С. В. Корреляционные взаимосвязи спектральных параметров ритма сердца при проведении психоэмоциональной пробы у лиц с различным уровнем интеллекта / С. В. Булатецкий, Ю. Ю. Бяловский. Вестник новых медицинских технологий. 2003. Т. X. № 1-2. С. 20-22.

2. Булатецкий С. В. Некоторые аспекты анализа variability сердечного ритма в изучении адаптивных процессов у спортсменов / С. В. Булатецкий, Ю. Ю. Бяловский. Вестник новых медицинских технологий, 2000. Т. VII. № 1. С. 129-132.

3. Булатецкий С. В. Применение метода корреляционных плеяд в изучении особенностей системной организации и продуктивности психофизиологических процессов у курсантов с разной успешностью профессионального обучения / С. В. Булатецкий, А. С. Марков. Российский научный журнал. 2015. № 6(49). С. 150-156.

4. Булатецкий, С. В. Психофизиологические аспекты успешности профессионального обучения / С. В. Булатецкий. Российский научный журнал. 2012. № 6(31). С. 101-106.

5. Булатецкий, С. В. Психофизиологические механизмы системной организации биосоциальной адаптации курсантов образовательного учреждения МВД России к профессиональному обучению / С. В. Булатецкий. Российский научный журнал. 2013. № 1(32). С. 101-107.

6. Булатецкий, С. В. Системный анализ процесса адаптации к обучению курсантов образовательного учреждения МВД России: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Рязань, 2001. 23 с.

7. Воронин, Р. М. Физиологические аспекты оценки здоровья и адаптации к военной службе лиц призывного возраста: Дис. ... д-ра мед. наук. Рязань, 2012. 287 с.

8. Глушкова, Е. П. К вопросу о методах оценки и прогнозирования функциональных резервов организма по результатам математического анализа ритма сердца / Е. П. Глушкова, С. В. Булатецкий. Российский научный журнал. 2015. № 3(46). С. 299-304.

9. Ивашко, Н. Н. Адаптация курсантов к образовательной среде вуза ФСИН России: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2009. 20 с.

10. Купцов, М. И. О некоторых вопросах адаптации курсантов первого курса к обучению в ведомственном вузе / М. И. Купцов. Вестник Кузбасского института. 2016. № 1. С. 179-186.

11. Марков, А. С. Особенности гемодинамики у курсантов образовательного учреждения МО РФ при ментальном стрессе в процессе профессионального обучения / А. С. Марков, С. В. Булатецкий. Российский научный журнал. 2015. № 5(48). С. 115-121.

12. Марков, А. С. Успешность профессионального обучения курсантов образовательного учреждения МО РФ: физиологический аспект / А. С. Марков, С. В. Булатецкий. Российский научный журнал. 2015. № 6(49). С. 185-191.

13. Садыхов, Р. А. Системная организация процессов мышления: самоорганизация и физиология человека при принятии удовлетворительных решений / Р. А. Садыхов, И. Э.

Владимирский, У. С. Мамедова. Вестник новых медицинских технологий. 2001. Т. VIII. № 1. С. 12-18.

14. Серов, В. И. Психология потери. Типы психологических защит. Адаптивность у девушек-психологов, обучающихся на пятом курсе Академии ФСИН России, до и после коррекции / В. И. Серов. Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 12(42). С. 28-37.

15. Серов, В. И. Психология потери. Типы психологических защит, адаптивность у юношей-психологов, обучающихся на пятом курсе Академии ФСИН России, до и после коррекции / В. И. Серов. Глобальный научный потенциал. 2014. № 12(45). С. 45-53.

REFERENCES

1. Bulateckii S. V. Korrelyacionnye vzaimosvyazi spektral'nyh parametrov ritma serdca pri provedenii psihoemocional'noi proby u lic s razlichnym urovnem intellekta / S. V. Bulateckii, Yu. Yu. Byalovskii. Vestnik novykh medicinskih tehnologii. 2003. Т. X. № 1-2. С. 20-22.

2. Bulateckii S. V. Nekotorye aspekty analiza variabel'nosti serdechnogo ritma v izuchenii adaptivnyh processov u sportsmenov / S. V. Bulateckii, Yu. Yu. Byalovskii. Vestnik novykh medicinskih tehnologii. 2000. Т. VII. № 1. С. 129-132.

3. Bulateckii S. V. Primenenie metoda korrelyacionnyh pleyad v izuchenii osobennosti sistemnoi organizacii i produktivnosti psihofiziologicheskikh processov u kursantov s raznoi uspešnost'yu professional'nogo obucheniya / S. V. Bulateckii, A. S. Markov. Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2015. № 6(49). С. 150-156.

4. Bulateckii, S. V. Psihofiziologicheskie aspekty uspešnosti professional'nogo obucheniya / S. V. Bulateckii. Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2012. № 6(31). С. 101-106.

5. Bulateckii, S. V. Psihofiziologicheskie mehanizmy sistemnoi organizacii biosocial'noi adaptacii kursantov obrazovatel'nogo uchrezhdeniya MVD Rossii k professional'nomu obucheniyu / S. V. Bulateckii. Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2013. № 1(32). С. 101-107.

6. Bulateckii, S. V. Sistemnyi analiz processa adaptacii k obucheniyu kursantov obrazovatel'nogo uchrezhdeniya MVD Rossii: Avtoref. dis. ... kand. med. nauk. Ryazan', 2001. 23 s.

7. Voronin, R. M. Fiziologicheskie aspekty ocenki zdorov'ya i adaptacii k voennoi sluzhbe lic prizyvnoy vozrasta: Dis. ... dokt. med. nauk. Ryazan', 2012. 287 s.

8. Glushkova, E. P. K voprosu o metodah ocenki i prognozirovaniya funkcional'nykh rezervov organizma po rezul'tatam matematicheskogo analiza ritma serdca / E. P. Glushkova, S. V. Bulateckii. Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2015. № 3(46). С. 299-304.

9. Ivashko, N. N. Adaptaciya kursantov k obrazovatel'noi srede vuza FSIN Rossii: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Novokuzneck, 2009. 20 s.

10. Kupcov, M. I. O nekotorykh voprosakh adaptacii kursantov pervogo kursa k obucheniyu v vedomstvennom vuze / M. I. Kupcov. Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2016. № 1. С. 179-186.

11. Markov, A. S. Osobennosti gemodinamiki u kursantov obrazovatel'nogo uchrezhdeniya MO RF pri mental'nom stresse v processe professional'nogo obucheniya / A. S. Markov, S. V. Bulateckii. Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2015. № 5(48). С. 115-121.

12. Markov, A. S. Uspeshnost' professional'nogo obucheniya kursantov obrazovatel'nogo uchrezhdeniya MO RF: fiziologicheskii aspekt / A. S. Markov, S. V. Bulateckii. Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2015. № 6(49). С. 185-191.

13. Sadyhov, R. A. Sistemnaya organizaciya processov myshleniya: samoorganizaciya i fiziologiya cheloveka pri prinyatii udovletvoritel'nykh reshenii / R. A. Sadyhov, I. E. Vladimirskii, U. S. Mamedova. Vestnik novykh medicinskih tehnologii. 2001. Т. VIII. № 1. С. 12-18.

14. Serov, V. I. Psihologiya poteri. Tipy psihologicheskikh zashit. Adaptivnost' u devushek-psihologov, obuchayushih na pyatom kurse Akademii FSIN Rossii, do i posle korrekcii / V. I. Serov. Nauka i biznes: puti razvitiya. 2014. № 12(42). С. 28-37.

15. Serov, V. I. Psihologiya poteri. Tipy psihologicheskikh zashit, adaptivnost' u yunoshei-psihologov, obuchayushih na pyatom kurse Akademii FSIN Rossii, do i posle korrekcii / V. I. Serov. Global'nyi nauchnyi potencial. 2014. № 12(45). С. 45-53.

V. F. MARGELOV RYAZAN AIRBORNE COMMANDING HIGHER SCHOOL

UDC 159.9 : 81.373
Psychology, linguistics

**ANALYSIS OF TERMS 'SUBJECT' AND 'AGENCY':
PROBLEMS AND THE WAYS OF SOLVING¹**

Candidate of Psychological Sciences M. V. Selezneva

Abstract. The article analyzes foreign literary sources on the problem of agency in postmodernism period. The author gives philosophical origins and methodological prerequisites of the concepts of 'subject' and 'agency'. The study aims at confirmation of V. I. Panov's idea about overcoming methodological barriers when studying the problem of subject and agency from the position of linguistics.

Key words: subject, agency, personality, activity.

**РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ В. Ф. МАРГЕЛОВА**

УДК 159.9 : 81.373
Психология, лингвистика

**АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «СУБЪЕКТ» И «СУБЪЕКТНОСТЬ»:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ¹**

Кандидат психологических наук М. В. Селезнева

Реферат. В работе дан анализ зарубежных литературных источников по субъектной проблематике в постмодернистский период. Приводятся философские истоки и методологические предпосылки к рассмотрению понятий субъекта и субъектности. С позиции лингвистических учений ведется поиск в подтверждение идеи В. И. Панова о преодолении методологических барьеров в изучении проблемы субъекта и субъектности.

Ключевые слова: субъект, субъектность, личность, активность, деятельность.

Введение. В последние два десятилетия резко возрос интерес психологов и педагогов к проблеме субъекта и субъектности. Это объясняется тем, что в современном постиндустриальном обществе человек выступает активным субъектом, свободно распоряжающимся своим капиталом – своей квалификацией. В современных условиях на первое место выходят такие требования к человеку, как самостоятельность, решительность, ответственность за принятое решение, умение учиться и переучиваться. Это порождает необходимость формирования у молодых людей активной жизненной и профессиональной позиции, культуры

межличностных отношений, навыков самообразования, самореализации личности. Данные качества связывают с феноменом субъектности [15].

Понятие субъектности в последнее десятилетие все чаще стало применяться для обозначения способности быть субъектом. Истоки понятия субъекта в отечественной науке лежат в учении С. Л. Рубинштейна и его последователей К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского. Еще в середине 1930-х гг. С. Л. Рубинштейном были предложены идея «субъекта жизни» и понятие жизненного пути как два различных отношения личности к своей жизни: «существующий»

¹ Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект «Развитие субъектности курсантов военного вуза» (грант № 14-06-00575).

и «осознаваемый». В отличие от первого, осознаваемый способ жизни связан с появлением рефлексии, которая как бы мысленно выводит человека за ее пределы, провоцирует философское осмысление жизни, выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней [13].

В настоящее время в отечественной психологии существуют некоторые проблемы в субъектной тематике. Они связаны, прежде всего, с отсутствием единых методологических позиций в изучении психических реальностей, связанных с понятиями «активность», «деятельность», «субъект», «субъектность» [9].

Для того чтобы в полной мере оценить специфику категории субъектности в отечественной психологии, обратимся к ее зарубежному аналогу.

Таким образом, цель настоящей работы – выполнить анализ понятия субъектности в зарубежной психологии с тем, чтобы, сравнив его с отечественной традицией, наилучшим образом уяснить его специфику. На современном этапе для доказательства каких-либо гипотез требуются подчас удостоверяющие факты из различных, смежных научных направлений. Поэтому в своей работе мы использовали междисциплинарный подход.

Основная часть.

Философские истоки изучения субъекта и субъектности

Современные западные психологи опираются на философские учения представителей раннего немецкого романтизма с их идеей «абсолютного субъекта» – Г. В. Ф. Гегеля, И. Г. Фихте, Ф. В. Дж. Шеллинга и Фр. фон Гарденберга; иррациональность Ф. Ницше; экзистенциальный анализ Ж.-П. Сартра; экзистенциализм С. Кьеркегора и М. Хайдеггера; психоанализ К. Юнга и структурный психоанализ Ж. Лакана; концепцию М. Фуко о самореализации человека; феномен «телесного субъекта» М. Мерло-Понти; герменевтическую интерпретацию Г.-Г. Гадамера [16].

Зарубежные авторы (Р. Фри, Дж. Мартин, Дж. Шугарман, Ж. Томпсон и др.) подчеркивают, что хотя понятия субъекта и субъектности в психологии имеют под собой философские основания, однако они не

сводимы к ним, и философские и психологические исследования по субъектной проблематике имеют определенные различия. На это указывают и отечественные психологи Д. А. Леонтьев [5] и В. И. Панов [10].

Анализ зарубежных источников в трудах отечественных психологов

Аналізу категорий субъекта и субъектности в зарубежной психологии посвятили свои научные труды Н. В. Богданович, О. В. Киреева, Д. А. Леонтьев, А. В. Никольская, М. В. Селезнева, О. Д. Черкасова. Они подчеркивают резкие отличия в практике использования понятий субъекта и субъектности в русскоязычной и англоязычной научной литературе, а также отсутствие однозначности в толкованиях понятия субъекта и наполнении его содержанием.

В отечественной психологии в зависимости от различных подходов субъектность чаще всего рассматривается как одна из системных характеристик *деятельности* либо *личности*. Существует противоположная и одновременно дополнительная к категории деятельности категория рефлексии, фундаментальное философское понятие, и соответствующая психологическая реальность, не выводимая и не сводимая к деятельности [19]. Согласно философским словарям, рефлексия выступает высшим уровнем самосознания. Внимание личностно-деятельностных теоретических концепций направлено вовне, в то время как в свете психологического изучения рефлексии оно обращено больше вовнутрь – на внутренний мир человека, его самосознание и самопознание. Зарубежные психологи, придерживаясь в изучении субъекта и субъектности рефлексивной традиции, выходят, таким образом, на понимание субъектности как человеческой субъективности [22]. В отечественной науке трактовка субъектности как центрального образования человеческой субъективности принадлежит В. И. Гинецинскому и В. И. Слободчикову.

О. Д. Черкасова [20] рассматривает представления зарубежных ученых о категории субъекта / субъектности на предмет основания для анализа субъекта учения. В результате она приходит к выводу, что почти все рассмотренные ею авторы склонны в субъектности видеть активность и инициативность, не стимулированную извне. Это и самость Юнга, и бытийная мотивация

Маслоу, и проприативная функциональная автономия Оллпорта, и самоэффективность А. Бандуры, имеющая в основе веру человека в свои силы, способность самоактуализироваться и вершить свою жизнь.

Опираясь на исследование В.А. Татенко (1996), Н. В. Богданович выполнила сравнительный анализ понимания субъекта в отечественной науке и в зарубежной философии и психологии. Это позволило автору описать семантическое поле категории субъекта в западной психологии через понятийные оппозиции: сознательное – бессознательное, настоящее – прошлое, свобода – ответственность, коллективный – индивидуальный. В отличие от отечественной науки, в зарубежной психологии бессознательное признается в качестве субъектной координаты. В западной психологии не существует общего понятия коллективного субъекта, зато имеет место временное рассмотрение субъекта [2]. В отечественной же науке субъект мыслится как категория, связанная с психологическим настоящим, в то время как понятие личности выводит рассмотрение за рамки настоящего (Д. А. Леонтьев, Н. И. Сарджвеладзе, Ю. К. Стрелков, Ш. Н. Чхартишвили).

Главное различие Н. В. Богданович видит в понимании целостности субъекта: «Хотя и отечественная и зарубежная психология стремятся к познанию целостного человека как к идеалу, отечественная наука идет к этому через полисубъектность, то есть выделение различных субъектов активности, а зарубежная – через дробление сущности человека» [2, с. 94], опираясь, например, на аргументы Ж.-П. Сартра о разделенной природе субъекта [22].

В то же время, и в западной психологии, начиная с 80-х гг. прошлого столетия, начинают появляться научные труды, которые выходят за рамки данной традиции. Так, работа Д. Н. Стерна [29] в отличие от Ж.-П. Сартра показывает нам путь, при котором взаимодействие с другими позволяет познанию самого себя развернуться уже на стадии младенчества. Модель субъекта в интерпретации Д. Н. Стерна предполагает наличие некой субъективности индивида, но в отличие от других зарубежных психологов вместо того, чтобы брать автономию индивида в качестве главной критериальной характеристики, Д. Н. Стерн счита-

ет, что человек существует в контексте продолжающихся отношений с другими. И тогда, проблема заключается не в том, как мы отделяем себя от других, а скорее, как мы участвуем с другими в отношениях, которые поддерживают и развивают нашу индивидуальность. Р. Фри обозначил эту проблему как субъективность и межсубъектность [21].

В своем анализе зарубежных литературных источников по субъектной проблематике Д. А. Леонтьев [5] ссылается на научные труды Р. Мэя, Р. Харре, Дж. Ричлака, А. Бандуры, Х. Р. Маркуса и Ш. Китаюми. В основе моделей субъектности, разработанных представителем социального конструктивизма Р. Харре (модель автономной субъектности) и социальным психологом и пионером в области культурной психологии Х. Р. Маркусом (модель разъединенной субъектности и модель соединенной субъектности – разработаны совместно с Ш. Китаюми) лежит автономия субъекта. В завершение своего анализа Д. А. Леонтьев делает вывод, что подлинной психологической проблемой выступает не столько проблема субъекта, сколько проблема субъектности.

М. В. Селезнева [16] знакомит отечественных ученых с позицией Д. Н. Стерна, чрезвычайно важной для понимания развития субъектности в онтогенезе. Д. Н. Стерн полагает, что младенец начинает осознавать самого себя с момента рождения. В размышлении о природе человеческой субъектности Стерн приписывает младенцам «простое не рефлексивное осознание самого себя» [29, р. 7]. Стерн пишет, что «некое осознание самого себя действительно существует задолго до самосознания и языка. Оно включает в себя чувство поддержки, физического единства, непрерывности времени, учитывания намерений... Саморефлексия и язык появляются позднее, чтобы развиваться на этих довербальных экзистенциальных чувствах субъекта и, таким образом, не только способствовать их продолжающемуся существованию, но и трансформировать их в новые образования» [ibid, р. 6].

Для Стерна осознание младенцем самого себя представляет собой основу субъективного опыта социального развития. Стерн признает данную форму субъектности до-рефлексивной и утверждает, что развитие

младенца посредством его взаимодействия с матерью и другими возможно благодаря этой форме дорефлективного самосознания.

Позиция Д. Н. Стерна близка идее Е. А. Сергиенко: «Для описания развития понимания себя и других как агентов, наделенных психическим, необходимо проанализировать виды опыта взаимодействий, доступных младенцам» [18].

А. В. Никольская приходит к выводу, что некоторые европейские и американские ученые (Pogue-Geile, Rose, 1985; McAdams, 2009; Santrock, 2008) подменяют понятие субъекта понятием личности, вкладывая в него набор характеристик, которыми обладает человек и которые индивидуальным образом влияют на когниции, эмоции, побуждения и поведение человека в различных ситуациях [8, с. 139].

Из данного вывода следует проблема дифференциации понятий субъекта и личности, существующая и в отечественной психологии.

Проблема соотношения понятий личности и субъекта «по Е. А. Сергиенко»

Соотношение между категориями «субъект» и «личность» до сих пор трактуется неоднозначно. За последние 20 лет в стране не прошло ни одной научной конференции, посвященной субъектной проблематике, на которой не поднимался бы вопрос: что «раньше» – личность или субъект / субъектность? Вопрос о соотношении этих понятий рассматривался в научных трудах К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко, В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунова, В. И. Слободчикова, В. А. Татенко, Н. В. Богданович, Н. Я. Большуновой, О. И. Моткова, М. А. Щукиной и др.

При всем многообразии в понимании субъекта и личности и их соотношений Е. А. Сергиенко, основываясь на критериальный принцип, выделяет два крупных подхода. Первый подход – акмеологический, в котором субъект постулируется как вершина развития личности. Большинство отечественных психологов придерживаются данного подхода (К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, В. В. Знаков, В. А. Петровский, З. И. Рябикина и др.). Второй подход – эволюционный, при котором развитие человека как субъекта происходит постепенно

(Л. И. Божович, А. Л. Журавлев, В. И. Слободчиков, Е. А. Сергиенко и др.). Данные подходы основываются на разных философских традициях: антропоцентрической и эволюционно-генетической. При акмеологическом подходе субъект – достаточно позднее образование в развитии человека, рассматриваемое как новообразование в развитии личности. При эволюционном подходе, напротив, субъект развивается с самых ранних этапов психического становления человека, тогда как личность может также развиваться вместе с субъектом или на более поздних его этапах [17, с. 6].

Методологические предпосылки к рассмотрению понятий субъектной проблематики «по В. И. Панову»

В. И. Панов [9] объясняет такое многообразие подходов разными методологическими предпосылками к изучению психики: гносеологические (в западной психологии чаще употребляется термин «эпистемологические») и онтологические. Атрибут психики в рамках гносеологической парадигмы – это познание (гнозис), исследователь психики имеет дело с феноменологической данностью продуктов психического процесса, в то время как сам психический процесс порождения этих продуктов остается скрытым от наблюдения. В рамках онтологической парадигмы атрибут психики – это становление, т. е. порождение действительной формы своего существования, поэтому она рассматривается не как качество или функция человека, а как явление, обретающее свое бытие в процессе и посредством взаимодействия человека с окружающей средой.

Об онтологических и эпистемологических соображениях в психологии личности, в теоретических вопросах понимания индивидуальности и субъектности пишут Дж. Мартин и Дж. Шугарман со своими коллегами [24; 26].

Согласно В. И. Панову, онтологическое представление психики (как формы бытия) позволяет рассматривать психические реальности, обозначаемые понятиями «активность», «деятельность», «субъект», «субъектность», как разные проявления единой по своей природе психики, а именно, в отличие от гносеологической парадигмы, в рамках онтологической понятия «активность», «деятельность», «субъект» и «субъектность» представляют не разные психические реаль-

ности, а разные этапы обретения психикой действительной формы своего существования. При этом «активность», с одной стороны, и «деятельность» – с другой, фиксируют границы континуума становления психики в индивидуальной форме как способности индивида быть субъектом психической активности, обретающей форму конкретного действия. Понятие «субъектность» обозначает при этом способность индивида быть субъектом психической активности в форме того или иного действия (деятельности) [9, с. 220].

В качестве одного из вариантов решения проблемы преодоления методологических барьеров в изучении субъектности В. И. Панов предлагает использовать основные положения экпсихологического подхода к развитию психики: психика как форма бытия, отношение «человек – среда» (внешняя, внутренняя) и типы взаимодействия между компонентами этого отношения [там же, с. 214].

Междисциплинарный подход к анализу понятий субъектной проблематики

В психологических и междисциплинарных исследованиях есть прецедент лингвистического анализа языковых явлений, связанных с субъектной проблематикой. Так, С. Д. Дерябо [4], опираясь на морфологический анализ прилагательных «субъектный» и «субъективный» в русском языке, делает попытку объяснить причину разделения терминов «субъектность» и «субъективность». Д. А. Леонтьев [5] ссылается на исследование выдающегося польского лингвиста Анны Вежбицкой [3]. Она делает вывод, что наиболее концентрированным выражением русского национального характера выступает неагентивность, то есть ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь.

А. Вежбицкая [там же] выделяет неагентивность как семантический универсум русского языка, одна из его ярко выраженных особенностей, существенно отличающих от других европейских языков. Лексически неагентивность выражается пациентивной

ориентацией, которая проявляется в языке. В грамматических категориях неагентивность представлена безличными конструкциями с дативными формами, характерными для русского языка.

Особенно неагентивность просматривается в такой черте русского характера, как ответственность. Склонность к авторитарности и страх перед ответственностью находят в тесном взаимодействии. Призыв к «сильной руке», которая возьмет на себя всю ответственность, является одновременно и желанием освободить себя от собственной ответственности.

Таким образом, существует возможность рассматривать неагентивность в семантических категориях русского языка как показатель бессубъектности.

Данные синтаксической типологии языков, как указывает А. Вежбицкая [там же], говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль. Можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, «что делаю я», т. е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, «что случится со мной», следуя пациентивной (пассивной, связанной с пациентом) ориентации.

Данные размышления заставляют еще раз вспомнить положение С. Л. Рубинштейна [13] о двух жизненных способах существования человека: существующем и осознаваемом.

Лингвистический анализ *activity* и *agency*

В рамках данной работы у нас возникло предположение, которое базируется на лингвистических учениях и может служить теоретическим подтверждением идеи В. И. Панова [9], связанной с обозначением понятиями «активность», «деятельность», «субъект» и «субъектность» не разных психических реальностей, а разных этапов обретения психикой действительной формы своего существования.

Выдающийся отечественный филолог, ученик Фортунатова, М. М. Покровский писал, что «семасиология какого-либо отдельного языка немыслима без сравнения его с другими языками» [цит. по 1, с. 148]. В отечественной психологии неологизм «субъектность» впервые был использован А. Н. Леонтьевым в 1977 г. в научной работе «Де-

тельность. Сознание. Личность». Эквивалентами понятию субъектности в англоязычной литературе выступает понятие «agency», вошедшее в психологический лексикон с 80-х годов [5] и понятие «subjectivity». Слово «agency» многозначно: это и деятельность, и субъектность. В то время как понятием «subjectivity» обозначают чаще субъективность, феномен, имеющий отношение к самосознанию, чувствительности, восприимчивости человека [22]. Неологизм *agency* в значении субъектности появился относительно не так давно и отсутствует в большинстве современных английских одноязычных и двуязычных словарей.

Рассмотрим семантику, или семасиологию, ономасиологию и этимологию английских слов *activity* и *agency*. Семантика включает в себя значения слова, содержание понятий, внутреннюю сторону. Ономасиология дает ответ на вопрос: как, при помощи каких понятий обозначается явление. Этимология – наука о происхождении, соотношении слов.

В ходе лингвистического анализа мы опирались на принцип семасиологической ассоциации, или аналогии, разработанный М. М. Покровским. Суть данного принципа заключается в том, что в основе ассоциаций лежит общность психофизической деятельности человека, которая одинаковым образом проявляется и в морфологических явлениях, и в семасиологических. История новообразований по аналогии во многом сходна с историей значения слов. Благодаря этому принципу в семасиологи-

ческих явлениях, кажущихся прихотливыми и хаотичными, возможно усмотреть некую закономерность.

В английском языке слова *activity* и *agency* многозначны (рис. 1, 2). В различных словарях зафиксировано разное количество значений, максимально – 13. На рисунках 1 и 2 отражены, естественно, не все значения, а только те из них, которые интересуют нас в рамках заявленной темы. Полисемия предполагает, что каждое из этих слов имеет несколько различных денотатов (указывают на предмет или явление – феномен) и различных сигнификатов (понятий о предмете или явлении). Однако эти различные значения объединены общим семантическим компонентом, на основе этого общего семантического компонента в момент возникновения мотивированной потребности для обозначения какого-либо нового предмета или явления в психофизической деятельности человека и появляются неологизмы.

Для того чтобы выявить общий семантический компонент для слова *activity*, а затем и *agency*, обратимся к одноязычному электронному Оксфордскому словарю [27]. В нем помимо сигнификатов находим также ссылку на этимологию. Так, слово *activity* в английском языке происходит изначально от латинского *act*, от глагола *agere*, что в современном английском языке имеет то же значение, что и *done* – страдательное причастие глагола *to do*.

Слово *agency* также пришло в английский язык в середине XVII века из латыни

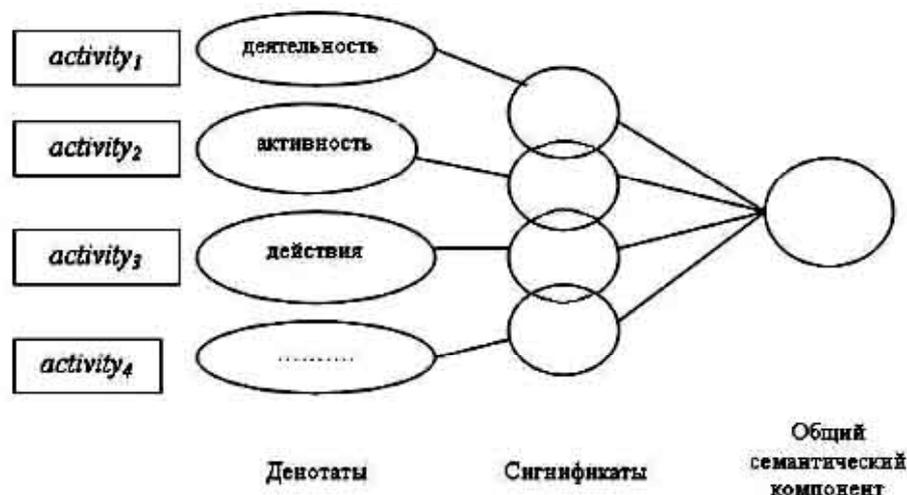

Рисунок 1. Полисемия слова *activity* в английском языке

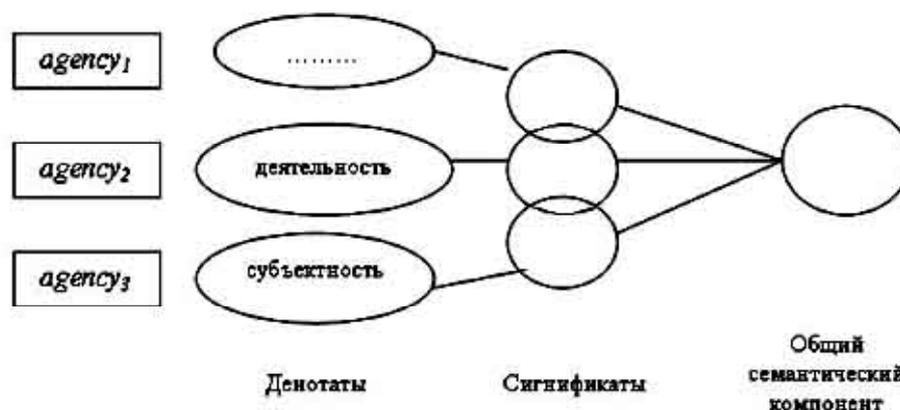

Рисунок 2. Полисемия слова *agency* в английском языке

от *agentia*, *agent-*, что в современном английском языке означает то же, что и *doing* – действительное причастие глагола *to do*, или причастие настоящего времени, а также герундий. Таким образом, опираясь на этимологические основания, мы можем констатировать, что слова *activity* и *agency* произошли от глаголов, имеющих общий корень *ag-*. Следуя идеи системности в лексике (М. М. Покровский), можно сказать, что *agere* и *agentia / agent-*, а значит и *activity* и *agency* принадлежат к одной и той же сфере представлений, связанной с действием, условием для осуществления действия (активность), деятельностью и тем, кто представляет результаты или осуществляет это действие / деятельность. На базе общего семантического компонента для *agency* (рис. 2), который может быть обозначен как «действовать», в зазоре между взаимодействием сигнификатов возникает неологизм *agency* в новом значении «субъектность» для выражения появившейся в постмодернистский период потребности человека обозначить способность быть субъектом деятельности.

Таким образом, общие этимологические корни слов *activity* и *agency* в английском языке и принадлежность их к одной сфере представлений может служить с позиции лингвистических учений подтверждением идеи В. И. Панова [9] о том, что понятия «активность», «деятельность», «субъект» и «субъектность» в рамках онтологической парадигмы представляют не разные психические реальности, а разные этапы обретения психикой действительной формы своего существования.

Универсальность понятия субъектности

В отечественной психологической традиции субъектность обладает высокой степенью универсальности. «Субъектность, – пишет В. И. Панов, – представляет собой универсальное психическое образование (точнее, систему психологических структур)...» [10, с. 120]. Такая универсальность понятия позволила В. А. Петровскому [11] разработать принцип отраженной субъектности; В. И. Панову [10] и М. В. Селезневой [15] выстроить экпсихологическую модель становления субъектности обучающихся и их педагогов; Д. А. Леонтьеву [5] измерить личностный потенциал; А. С. Маркову и Ш. Р. Хисамбееву [6] исследовать способность к разрешению конфликтов; С. А. Мудрак и А. В. Гагарину [7] изучить психологические взаимодействия человека с природой.

Большинство зарубежных психологов также придерживается идеи об универсальности субъектности. В то же время Маркус и Китаяма [23] подвергают критике идею субъектности как универсального антропологического свойства человека. Подтверждением универсальности субъектности в западной психологической литературе является широта и многогранность контекстов, в которых рассматривается проблема субъектности. Это и социокультурный контекст (H. R. Markus, S. Kitayama, 2003; Roger Frie, 2008; Adelbert H. Jenkins, 2008), включая сферу образования [14; 16], и политический контекст (Roger Frie, 2008; Jeff Sugarman, 2008), и клиническая психология (Jill Gentile, 2008; Pascal Sauvayre, 2008), и гендерная идентичность (Wendy Hollway,

1989; Linda Pollock, 2008).

В отличие от зарубежной традиции в отечественной психологической литературе Д. А. Леонтьев [5] пишет о необходимости существенного расширения контекстов изучения проблемы субъектности.

Современные теории субъектности в зарубежной психологии постмодернистского периода

В настоящее время в западной психологии пока еще не разработана непротиворечивая последовательная концепция субъектности. В анализе зарубежных источников по субъектной проблематике за последнее десятилетие автором данной публикации была дана критика современных подходов к изучению субъектности в психологии, рассмотрены альтернативные теории и пути решения проблемы противопоставления субъектности детерминизму [16].

Еще более 40 лет тому назад Л. К. Науменко критиковал представителей новоевропейской философии за выделение субъекта из мира и противопоставление его в своей исключительности этому миру так, словно весь мир для него лишь «предмет» [цит. по 12, с. 374]. Спустя многие десятилетия Шугарман и Мартин, словно реагируя на критику российского философа, пишут о бесполезности противопоставлений *человек – мир и детерминизм – субъектность* [30].

Субъектность не тождественна свободе воли и не стоит в оппозиции к детерминизму. Скорее, субъектность – это развивающаяся эволюционным путем, т. е. постепенно, самодетерминация человека, который стремится быть деятелем со своими намерениями, Я-позицией, опытом и возможностями. При таком подходе самодетерминация осуществляется тогда, когда факторы, которые детерминируют выбор (потребности, убеждения, мотивы), исходят от самого человека, который этот выбор делает [30].

Субъектность имеет сложную компонентную структуру. В вопросах развития субъектности в онтогенезе Дж. Шугарман и Дж. Мартин выступают против метафизической иерархии, когда становление субъектности мыслится «как нечто, так или иначе становящееся все выше и выше» [ibid, p. 321]. В отличие от данной позиции они пишут об онтологических различиях и выступают за идею эволюционного развития субъектности в онтогенезе.

Автор психологической теории ситуативно обусловленной субъектности Р. Фри [28] рассматривает субъектность как потенциал субъекта, позволяющий предусматривать и действовать новыми, отличными от других способами, которые приводят к изменениям самого субъекта и его жизни. Таким образом, здесь мы видим приближение зарубежных теорий субъектности к одной из главных понятийных оппозиций в поле значений категории субъекта в отечественной психологии: сохранение – изменение.

На основе теоретического анализа литературных источников Р. Фри [ibid] выделяет параметры психической реальности, имеющие отношение к субъектности: активность, телесность индивида, эмоциональную саморегуляцию, рефлексивность, интеллект, творческое воображение. Субъектность понимается им не как данность, а как способность человека, которая развивается в течение долгого времени.

В своей книге «Психология и проблема субъектности» Дж. Мартин, Дж. Шугарман и Дж. Томпсон [24] представляют детально разработанную теорию формирования субъектности из дорефлективной формы деятельности в реальном мире и социуме. Опираясь на философские предпосылки конструктивизма, авторы исследуют исторически и социокультурно обусловленную способность человека делать выбор и действовать способами, в полной мере не детерминированными факторами культуры и / или биологическими факторами. Они подробно аргументируют мысль о недопустимости сведения субъектности только к социокультурным, биофизическим или каким-либо другим детерминантам, которые исключают собственно самодетерминацию субъекта.

В представлениях А. Моделла, Э. Л. Джуриста, Дж. Шугармана [28] хотя бытие человека и зависит от биофизических и социокультурных факторов, субъектность однако не полностью детерминирована этими уровнями реальной действительности.

Данная мысль перекликается с позицией Маркуса и Китаямы: «Хотя любая субъектность конституируется социокультурно, социокультурное конституирование не тождественно социокультурной детерминации: индивидуальность и чувство личной субъектности могут реализовываться по-

разному» [цит. по 9, с. 151]. О соотношении понятий субъектности и индивидуальности Шугарман и Мартин [30] пишут, что субъектность выступает экзистенциальным условием индивидуальности.

Мартин и Гилеспи [26] вносят свой вклад в разрешение давних научных споров о дилемме между детерминизмом и субъектностью в понимании как свободы воли. Они разрабатывают теорию развития субъектности в онтогенезе, в которой субъектность представлена как самоопределение человека, т. е. развивающийся процесс, осуществляющийся в биофизически и социо-культурно детерминированном мире, как хронологически упорядоченная траектория, с все более усложняющейся структурой и независимыми от пространственно-временных рамок взаимодействиями, в которые развивающийся индивид вступает с референтными для него другими людьми и остальными, принимая во внимание их точку зрения.

Заключение

Итак, в рамках данной статьи проанализированы проблемы, связанные с субъектной тематикой в зарубежной и отечественной психологии: отсутствие единых методологических оснований и теоретических подходов к изучению субъекта и субъектности; отсутствие четкой дифференциации понятий «субъект» и «личность»; разное содержание понятия субъектность.

В качестве одного из вариантов решения проблемы преодоления методологических барьеров в изучении субъектности В.И. Панов предлагает использовать основные положения экпсихологического подхода к развитию психики: психика как форма бы-

тия, отношение «человек - среда» (внешняя, внутренняя) и типы взаимодействия между компонентами этого отношения [9, с. 214].

Семантический, ономастиологический и этимологический анализ английских слов *activity* и *agency* позволяет с позиции лингвистических учений утверждать правомерность идеи В. И. Панова [там же] о том, что понятия «активность», «деятельность», «субъект» и «субъектность» в рамках онтологической парадигмы представляют не разные психические реальности, а разные этапы обретения психикой действительной формы своего существования.

В постмодернистский период в отечественной и зарубежной психологии по-прежнему сохраняется традиция отсутствия однозначности в толкованиях понятия субъекта и наполнении его содержанием. В то же время, намечаются точки сближения в понимании субъектности. Это истоки развития субъектности в онтогенезе; универсальность понятия субъектности; неправомерность противопоставления человека – миру, детерминизма – субъектности; социальные взаимодействия как фактор развития субъектности в онтогенезе.

Давняя проблема в изучении субъектности западными учеными заключается в вечной дилемме между детерминизмом и свободой воли. Решение этой проблемы предположено Мартином и Гилеспи [26]. Они трактуют субъектность как самодетерминацию. Идея о том, что детерминация человека должна включать в себя и его собственные возможности самоопределения, в состоянии разрешить тупиковую ситуацию с противопоставлением субъектности детерминизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Березин, Ф. М. История лингвистических учений. М.: Высш. школа, 1975. 304 с.
2. Богданович, Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2004. 170 с.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Дерябо, С. Д. Личность: от субъективности к субъектности. Развитие личности. 2002. № 3. С. 261-265.
5. Леонтьев, Д. А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности. Эпистемология & философия науки. 2010. Т. XXV. № 3. С. 136-153.
6. Марков А. С., Хисамбеев Ш. Р. Способность конструктивного разрешения конфликтов в воинских коллективах, как проявление субъектности офицеров. Российский научный журнал. 2014. № 4. С. 181-186.
7. Мудрак, С. А. Становление субъектности человека в психологических взаимодействиях

ствиях с природой / С. А. Мудрак, А. В. Гагарин. Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2014. № 4. С. 69-77.

8. Никольская, А. В. Изучение категории «субъект» в российской и зарубежной психологии. Человек, субъект, личность: материалы Межд. конф., посвященной 80-летию А. В. Брушлинского, 10 - 11 окт. 2013 г. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «ИП РАН», 2013. С. 137-140.

9. Панов, В. И. Экопсихологические предпосылки изучения психической активности. Изв. Саратов. ун-та. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. Вып. 3(11). С. 214-224.

10. Панов, В. И. Экопсихологическая модель становления субъектности курсантов военного вуза. Российский научный журнал. 2014. № 4(42). С. 110-122.

11. Петровский, В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Р. н/Д: Феникс, 1996. 512 с.

12. Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: сборник научных работ к 70-летию со дня рождения А. А. Леонтьева / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. 391 с.

13. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир. СПб.: ПИТЕР, 2012. 224 с.

14. Селезнева, М. В. Особенности развития субъектности курсантов военного вуза в ходе образовательного процесса. Российский научный журнал. 2008. № 4(5). С. 138-144.

15. Селезнева, М. В. Взаимодействие субъектов образовательной среды военного вуза как условие развития субъектности курсантов: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М., 2011. 219 с.

16. Селезнева, М. В. Сравнительный анализ понятий «субъект» и «субъектность» в зарубежной психологии. Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. 2015. № 2. С. 47-53.

17. Сергиенко, Е. А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности. Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5-16.

18. Сергиенко, Е. А. Природа субъекта: онтогенетический аспект [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/sovremennie-issl/sovremennie-issl-2/e-a-sergienko.html>. Загл. с экрана.

19. Слободчиков, И. М. Одиночество личности: природа, структура, содержание, механизм развития [Электронный ресурс]. Проф. интернет-издание. СПб.: Психологическая газета, 15.10.2014. Режим доступа: <http://www.psy.su/feed/4081/>, свободный. Загл. с экрана.

20. Черкасова, О. Д. Некоторые представления о субъекте психологии, как основании для анализа субъекта учения. Психолого-педагогический поиск. 2005. № 1(3). С. 87-97.

21. Frie, R. Subjectivity and intersubjectivity in modern philosophy and psychoanalysis: A study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas. Lanham MD: Rowman and Littlefield, 1997.

22. Frie, R. Subjectivity revisited Sartre, Lacan, and Early German Romanticism // Journal of Phenomenological Psychology. 1999. Vol. 30. Issue 2. PP. 1-13.

23. Markus H. R., Models of Agency: Sociocultural Diversity in the Construction of Action / H.R. Markus, S. Kitayama. Nebraska Symposium on Motivation. Vol. 49. Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln (NB), 2003.

24. Martin, Jack. Psychology and the question of agency / J. Martin, Jeff Sugarman, Jan Thompson. Published by State University of New York, 2003. 191 p.

25. Martin, J. Persons: Understanding psychological selfhood and agency / J. Martin, J. Sugarman, S. Hickinbottom. New York, NY: Springer, 2010. 196 p.

26. Martin, Jack. A Neo-Meadian Approach to Human Agency: Relating the Social and the Psychological in the Ontogenesis of Perspective-Coordinating Persons / Jack Martin, Alex Gillespie. Integrative Psychological & Behavioral Science. 2010. Vol. 44. Issue 3. PP. 252-272.

27. Oxford Dictionaries. Language matters [Электронный ресурс]. Электрон. словарь. Oxford University Press, 2014. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/activity>, свободный. Загл. с экрана.

28. Psychological agency: theory, practice, and culture / ed. by Roger Frie. A Bradford Book. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, 2008. 261 p.

29. Stern, D. N. The interpersonal world of the infant. New York: Basic Books, 1985.
30. Sugarman, Jeff. Theorizing Relational Agency: Reactions to Comments / Jeff Sugarman, J. Martin. Journal of Constructivist Psychology. 2011. Vol. 24. Issue 4. PP. 321-323.

REFERENCES

1. Berezin F.M. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. M. : Vyssh. shkola, 1975. 304 s.
2. Bogdanovich N.V. Subject kak kategoriya otechestvennoj psikhologii: dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. M., 2004.
3. Wierzbicka, A. Yasyk. Kultura. Poznaniye. M.: Russkiye slovari, 1996. 416 s.
4. Deryabo S. D. Lichnost: ot subjectivnosti k subjectnosti . Razvitie lichnosti. 2002. No 3. S. 261-265.
5. Leontjev D. A. Chto dajet psikhologii ponyatie subjecta: subjectnost kak izmerenie lichnosti. Epistemologiya & filosofiya nauki. 2010. T. XXV. No 3. S. 136-153.
6. Markov A. S., Khisambeyev Sh.R. Sposobnost konstruktivnogo razresheniya konfliktov v voinskikh kolektivakh kak proyavlenie subjectnosti ofitserov. Rossijsky nauchny zhurnal. 2014. No 4. S. 181-186.
7. Mudrak S. A. Stanovleniye subyektnosti cheloveka v psikhologicheskikh vzaimodeystviyakh s prirodoy / S.A. Mudrak, A.V. Gagarin. Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser. Psikhologiya I pedagogika. 2014. No. 4. S. 69-77.
8. Nikolskaya A. V. Izucheniye kategorii subyekt v rossiyskoy i zarubezhnoy psikhologii. Chelovek, subyekt, lichnost: materially Mezhd. konf., posvyashchennoy 80-letiyu A.B. Brushlinskogo, 10 - 11 okt. 2013 g. T. 1 / otv. red. A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. M.: Izd-vo IP RAN, 2013. S. 137-140.
9. Panov V. I. Ecopsikhologicheskkiye predposylki izucheniya psikhicheskoy aktivnosti. Izv. Sarat. un-ta. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. 2014. T. 3. Vyp. 3 (11). S. 214-224.
10. Panov V. I. Ecopsikhologicheskaya model stanovleniya kursantov voyennogo vuza. Rossijsky nauchny zhurnal. 2014. No 4 (42). S. 110-122.
11. Petrovsky V. A. Lichnost v psikhologii: paradigma subjectnosti. R. n/D: Feniks, 1996.
12. Psikhologiya, lingvistika i mezhdistsiplinarnyye svyazi : sbornik nauchnykh rabot k 70-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Leontyeva / pod. red. T.V. Akhutinoy, D.A. Leontyeva. M.: Smysl, 2008. 391 s..
13. Pubinshteyn S. L. Chelovek i mir. SPb.: PITER, 2012. 224 s.
14. Selezneva M. V. Osobennosti razvitiya subjectnosti kursantov voennogo vuza v hode obrazovatel'nogo protsesssa. Rossijsky nauchny zhurnal. 2008. No 4 (5). S. 138-144.
15. Selezneva M. V. Vzaimodeystviye subyektov obrasovatel'noy sredy voennogo vuza kak usloviye razvitiya subjectnosti kursantov: Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.17. M., 2011. 219 s.
16. Selezneva M. V. Sravnitel'nyy analiz ponyatiy subyekt i subjectnost v zarubezhnoy psikhologii. Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser. Psikhologiya I pedagogika. 2015. No. 2. S. 47-53.
17. Sergienko E. A. Problema sootnosheniya ponyatiy subyekt i lichnosti. Psikhologicheskyy zhurnal. 2013. T. 34. No 2. S. 5-16.
18. Sergienko E. A. Priroda subjecta: ontogenetichesky aspect [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/sovremennye-issl/sovremennye-issl-2/e-a-sergienko.html>. Zagl. s ekrana.
19. Slobodchikov I. M. Odinochestvo lichnosti: priroda, struktura, sodержaniye, mekhanizm razvitiya. [Elektronnyy resurs]. Prof. internet-izdaniye. SPb.: psikhologicheskaya gazeta, 15.10.2014. Rezhim dostupa: <http://www.psy.su/feed/4081>. Zagl. s ekrana.
20. Cherkasova O. D. Nekotoryye predstavleniya o subyekte psikhologii kak osnovanii dlya analiza subyektu ucheniya. Psikhologo-pedagogicheskyy poisk. 2005. No 1 (3). S. 87-97.
21. Frie, R. Subjectivity and intersubjectivity in modern philosophy and psychoanalysis: A study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas. Lanham MD: Rowman and Littlefield, 1997.
22. Frie, R. Subjectivity revisited Sartre, Lacan, and Early German Romanticism. Journal of Phenomenological Psychology. 1999. Vol. 30. Issue 2. P. 1-13.

23. Markus H. R., Models of Agency: Sociocultural Diversity in the Construction of Action / H. R. Markus, S. Kitayama. Nebraska Symposium on Motivation. Vol. 49. Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln (NB), 2003.
24. Martin, Jack. Psychology and the question of agency / J. Martin, Jeff Sugarman, Jan Thompson. Published by State University of New York, 2003. 191 pp.
25. Martin, J. Persons: Understanding psychological selfhood and agency / J. Martin, J. Sugarman, S. Hickinbottom. New York, NY: Springer, 2010. 196 p.
26. Martin, Jack. A Neo-Meadian Approach to Human Agency: Relating the Social and the Psychological in the Ontogenesis of Perspective-Coordinating Persons / Jack Martin, Alex Gillespie // Integrative Psychological & Behavioral Science. 2010. Vol. 44. Issue 3. P. 252-272.
27. Oxford Dictionaries. Language matters [Jelektronnyj resurs]. Jelektron. slovar'. Oxford University Press, 2014. Rezhim dostupa: http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/activity_svobodnyj. Zagl. s jekrana.
28. Psychological agency: theory, practice, and culture / ed. by Roger Frie. A Bradford Book. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, 2008. 261 p.
29. Stern, D. N. The interpersonal world of the infant. New York: Basic Books, 1985.
30. Sugarman, Jeff. Theorizing Relational Agency: Reactions to Comments / Jeff Sugarman, J. Martin. Journal of Constructivist Psychology. 2011. Vol. 24. Issue 4. P. 321-323.

**RYAZAN HIGHER AIRBORNE COMMAND SCHOOL
NAMED AFTER VF MARGELOV**

UDC 159.9 (BBC 88.4)
Pedagogical psychology

**DEVELOPMENT SUBJECTIVITY CADETS AS AN INDICATOR
OF PROFESSIONAL GROWTH FUTURE OFFICERS¹**

PhD in Psychology AS Markov

Abstract. The article analyzes the views of reputable local psychologists on the concept of professionalism and its development. Among them are considered understanding of professionalism EA Klimov as a specific organization of consciousness, the human psyche, and described by AK Markova path to professionalism through the levels, stages and professional level. We give dedicated IA Volodarskaya and AS Markov five basic steps in the process of formation of professionalism of students.

The concept of subjectivity as an individual quality of the individual. It has been shown that the development of the cadet subjectivity has its phases and stages. Analyzed the relationship the author's understanding of subjectivity cadet with professionalism by EA Klimov. It was noted that the development of the cadet of subjectivity takes place in parallel with the professional growth of future officers in military high school.

It is proposed to consider the development of subjectivity of students as an indicator of future professional development officer in the course of training in military high school.

Key words: cadets, military school, subjectivity, interpersonal relations, professional development, professionalism.

**РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ В. Ф. МАРГЕЛОВА**

УДК 159.9 (ББК 88.4)
Педагогическая психология

**РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНОСТИ КУРСАНТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА¹**

Кандидат психологических наук А. С. Марков

Реферат. В статье анализируются взгляды авторитетных отечественных психологов на понятие профессионализма и его развитие. Среди них рассматриваются понимание профессионализма Е. А. Климовым, как определенной организации сознания, психики человека, и описанный А. К. Марковой путь к профессионализму через уровни, этапы и ступени профессионализма. Приводятся выделенные И. А. Володарской и А. С. Марковым пять основных этапов в процессе формирования профессионализма у курсантов.

Рассматривается понятие субъектности как индивидуальное качество личности. Показано, что развитие субъектности курсанта имеет свои этапы и стадии. Проанализирована связь авторского понимания субъектности курсанта с профессионализмом по Е. А. Климову. Отмечено, что развитие субъектности курсанта происходит параллельно с профессиональным ростом будущего офицера в военном вузе.

Предложено рассматривать развитие субъектности курсантов как показатель профессионального роста будущего офицера в ходе обучения в военном вузе.

Ключевые слова: курсанты, военный вуз, субъектность, межличностные отношения, профессиональный рост, профессионализм.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект №14-06-00575

Введение. В настоящее время различные аспекты формирования профессионализма нашли свое отражение в работах ученых психологов А. Ф. Ануфриева, Д. В. Гандера, А. А. Деркача, Ю. М. Забродина, Е. А. Климова, Т. В. Кудрявцева, Ю. Г. Кузнецова, А. К. Марковой, В. А. Машина, О. А. Овсяник, Ю. П. Поваренкова, В. А. Пономаренко, Е. С. Романовой, Н. Ф. Талызиной, А. А. Толмачева, А. А. Тюкова, А. Р. Фонарева и др.

Исследования ученых педагогов, таких как В. М. Большов, В. В. Буткевич, Т. А. Венедиктова, Н. П. Волгина, И. А. Володарская, Т. А. Воробьева, Л. Е. Балаганов, В. В. Горбенко, М. Г. Ермолаева, В. С. Калита, М. Н. Карпетова, Н. Е. Костылева, И. О. Котлярова, И. Ф. Кривчанский, Н. В. Кузьмина, Т. А. Марина, В. Е. Морозова, В. А. Наперов, И. И. Проданов, А. В. Соложин, Е. Н. Старкова и других создали объективную основу для широкого развития процесса формирования профессионализма и оптимизации управления профессиональной подготовкой.

Вопросы профессиональной подготовки военнослужащих получили освещение в исследованиях И. А. Алехина, А. В. Барабанщикова, М. В. Бастрикова, К. С. Воробьева, А. А. Ворона, А. Д. Глоточкина, Д. В. Гандера, С. А. Голобородько, А. Н. Гостева, И. А. Гребенщикова, Б. Н. Друганова, Д. О. Иванченко, М. О. Калашникова, Л. А. Кандыбович, А. Г. Караяни, В. Н. Климовец, В. К. Коротич, Л. Ю. Кривцова, В. М. Крука, В. Г. Кузнецова, Б. Ф. Ломова, А. С. Маркова, В. А. Мельникова, Г. А. Мухиной, М. А. Паламарчук, В. А. Пономаренко, В. П. Рысева, В. И. Светличного, А. А. Семенова, Н. А. Сидорович, В. В. Соглаева, С. Ф. Ступницкой, И. В. Сыромятников, Г. И. Шпак и др. Вместе с тем исследований, которые бы непосредственно раскрывали проблему формирования профессионализма у курсантов командных вузов, недостаточно.

В своем исследовании мы постарались показать, что развитие субъектности курсанта можно рассматривать как показатель профессионального роста будущего офицера в ходе его обучения в военном вузе.

В исследовании использовался комплекс общенаучных методов: теоретический анализ, экспертный опрос, анкетирование, наблюдение и конкретные психодиагности-

ческие методики: тест ценностных ориентаций (М. Рокич); тест цветовых выборов (М. Люшер) для оценки психических состояний; методика диагностики направленности личности Смекала-Кучера; опросник Басса-Дарки для диагностики агрессивных и враждебных реакций; локус контроля по Д. Б. Роттеру; опросник К. Томаса для изучения личностной предрасположенности к конфликтному поведению; методика диагностики межличностных отношений Т. Лири и ряд других.

Основная часть.

Так как самореализация личности наиболее плодотворно осуществляется в профессиональной деятельности, то именно профессиональная деятельность дает максимальные потенциальные возможности одновременного и наиболее полного удовлетворения всех основных потребностей личности (потребности в социальном признании, самоуважении, безопасности и т.д.). Само формирование человеческой личности в значительной степени происходит в ходе профессиональной деятельности и под ее влиянием.

В настоящее время большинство специалистов склоняется к мнению, что личностный подход – это не просто учет индивидуальных особенностей личности в профессиональной деятельности, но, прежде всего, изучение путей становления целостной личности профессионала.

Таким образом, от того, какое определение профессионализма дает исследователь, какие отдельные черты или качества личности он выделяет, ставит на первый план, считает определяющими, с неизбежностью будут детерминированы пути формирования профессионализма конкретной личности.

Е. А. Климов отмечает: «Без ясности в вопросе о том, образ чего (какого результата деятельности) должен удерживать в сознании профессионал или обучающийся профессии, повышающий профессиональную квалификацию, мы не сможем рассчитывать ни на хорошую постановку профессионального образования, ни на хорошую организацию труда, ни на разумное проектирование каждым человеком своих очередных шагов на профессиональном жизненном пути, ни даже на хорошее взаимопонимание людей в обществе (одним может ка-

заться, что другие «ничего не делают», «сидят», «гуляют» и пр.)» [2, с. 47].

Это определяет предложение Е. А. Климова понимать профессионализм, «как определенную системную организацию сознания, психики человека, включающую, как минимум, следующие части, компоненты.

1. Свойства человека как целого (личности, субъекта деятельности):

а) образ мира,

б) направленность, мотивы, ...

в) отношение к внешнему миру, к людям, к деятельности,

г) отношение к себе, особенности саморегуляции,

д) креативность (творчество), ее особенности, проявления, ...» [2, с. 9].

Рассматривая проблему профессионализма, Н. В. Кузьмина выделяет профессионализм деятельности [3] и профессионализм личности [4].

«Профессионализм деятельности, – пишет Н. В. Кузьмина, – это качественная характеристика субъекта деятельности – представителя данной профессии, которая определяется мерой владения им современным содержанием и современными средствами решения профессиональных задач, продуктивными способами ее осуществления. Мера этого владения у разных людей различна – здесь можно говорить о высоком, среднем или низком уровне профессионализма деятельности представителей той или иной профессии. Есть отличные, хорошие и весьма посредственные руководители, врачи, учителя, рабочие, инженеры, преподаватели и мастера производственного обучения».

Профессионализм педагогической деятельности Н. В. Кузьмина видит в том, что педагог владеет искусством формировать у наличного состава учащихся готовность к продуктивному решению задач в последующей системе средствами своего предмета (специальности) за отведенное на учебно-воспитательный процесс время. Основная сложность педагогической деятельности, по мнению Н. В. Кузьминой состоит в том, что ее объект (учащийся) является субъектом общения, познания и труда, которого можно развить, преобразовать, лишь оставляя творческой личностью [3, с. 11].

Н. В. Кузьминой установлено, что главным системообразующим фактором про-

фессионализма личности является образ искомого педагогического результата, к которому стремится педагог, в том числе преподаватель и мастер производственного обучения. Потребность в его достижении, деятельность, связанная с его достижением, анализ меры продвижения в направлении к нему, поиск причин, содействующих и препятствующих его получению, и формируют профессионализм личности педагога. Только в том случае, когда образ результата связан с личностью учащегося, с потребностью педагога развить и сформировать в его личности способности, направленность, компетентность, способность к саморазвитию средствами владения умениями в области самообразования, самоорганизации, самоконтроля, когда этот образ регулирует поиск способов его достижения, он и формирует профессионально важные и продуктивные свойства в личности и деятельности самого педагога [4, с. 112].

Из данного определения следует, что профессионально-педагогическая компетентность представляет собой совокупность умений педагога как субъекта педагогического воздействия особым образом структурировать научное и практическое знание в целях лучшего решения педагогических задач.

Профессионально-педагогическая компетентность – сложное образование и в качестве основных элементов в ней выделены следующие:

1. Специальная и профессиональная компетентность в области преподаваемой дисциплины.

2. Методическая компетентность в области способов формирования знаний, умений у учащихся.

3. Социально-психологическая компетентность в области процессов общения.

4. Дифференциально-психологическая компетентность в области мотивов, способностей, направленности учащихся.

5. Аутопсихологическая компетентность в области достоинств и недостатков собственной деятельности и личности [4, с. 89-90].

Категории профессионализма и личностно-профессионального развития являются основополагающими категориями акмеологии (Деркач А. А., 2000).

Проблему профессионализма А. А. Дер-

кач рассматривает как систему, состоящую из двух взаимосвязанных подсистем – профессионализма личности и профессионализма деятельности.

«Профессионализм деятельности, – пишет А. А. Деркач, – качественная характеристика субъекта труда, отражающая высокую профессиональную квалификацию и компетентность, разнообразие эффективных профессиональных навыков и умений, в том числе основанных на творческих решениях, владение современными алгоритмами и способами решения профессиональных задач, что позволяет осуществлять деятельность с высокой и стабильной продуктивностью» (Деркач А. А., 2000).

Под профессионализмом личности А. А. Деркачом понимается качественная характеристика субъекта труда, отражающая высокий уровень профессионально важных и личностно-деловых качеств, акмеологических инвариантов профессионализма, высокий уровень креативности, адекватный уровень притязаний, мотивационную сферу и ценностные ориентации, направленные на прогрессивное развитие специалиста.

Как свидетельствуют акмеологические исследования, развитие профессионализма у специалистов различных профессий осуществляется по сходным закономерностям, которые связаны с формированием системы важнейших свойств и умений, названных акмеологическими инвариантами профессионализма.

Необходимо отметить, что акмеологические инварианты были выявлены при анализе психологических механизмов регуляции деятельности профессионалов, осуществляющих работу в различных сферах профессиональной деятельности, сравнения их личностно-профессиональных качеств на уровне общего и особенного. В результате было доказано, что профессионалы высокого класса, независимо от вида их профессиональной деятельности, обладают известным сходством, проявляющимся в особенностях регуляции деятельности, степени развитости определенных качеств, психологических механизмах стимулирования творческой активности. Иными словами, эти характеристики обладают свойством инвариантности, т. е. относительной независимости от специфики выполняемой профессиональной деятельности.

Основная сущность проблемы формирования личности профессионала, по мнению В. А. Бодрова, сводится к двум основным положениям:

– «личность проявляется в профессии» – в процессе выбора и овладения профессией, профессионального совершенствования и реализации личности профессионала, определения его места в обществе, достижения материальных и духовных ценностей, удовлетворения личных познавательных интересов;

– «развитие личности в деятельности» – формирование профессионально ориентированных качеств человека (его организма и личностных черт), расширение сферы познания окружающего мира и его смыслового содержания, развитие форм и содержания предмета общения [Бодров В. А., 2001, с. 173].

Проблема формирования личности профессионала, отмечает В. А. Бодров, является комплексной, и содержательно в ней можно выделить и рассматривать психологические, профессиональные, физиологические, медицинские, социальные и другие аспекты.

В психологическом плане эта проблема в основном связана с изучением закономерностей формирования операциональной структуры деятельности в процессе профессионализации и в зависимости от индивидуальных и групповых (всеобщих) особенностей личностной сферы, а также развития личности (мотивов и интересов, способностей, эмоционально-волевой сферы, профессионально важных качеств и т. д.) на различных этапах профессионального пути и в разных видах трудовой деятельности.

Профессиональный аспект проблемы характеризуется, главным образом, изучением причинно-следственных связей между эффективностью, надежностью, качеством деятельности, ее безопасностью и индивидуально психологическими особенностями субъекта деятельности в процессе становления и функционирования профессионала.

Проблема формирования личности профессионала, считает В. А. Бодров, имеет выраженные и самостоятельные аспекты теоретического и практического характера. В теоретическом плане эта проблема связана с разработкой и дополнением извест-

ных психологических концепций личности, ее структуры, развития и детерминации на разных этапах жизненного пути и т. д. Практический аспект проблемы направлен на разработку и решение задач профессиональной ориентации (и переориентации), психологического отбора (набора, подбора, комплектования, экспертизы и т. п.), распределения и расстановки кадров, трудового обучения, профессиональной подготовки (и переподготовки), производственной и социально-психологической адаптации, психологической поддержки и т. д.

Таким образом, формирование личности профессионала в процессе овладения трудовой деятельностью не сводится к развитию ее операционной сферы в виде накопления знаний, навыков и умений, а предполагает формирование сложных психических систем регуляции ее социального поведения.

Процесс обеспечения развития личности профессионала включает в себя конструирование способов овладения операционной стороной деятельности, которые своим содержанием формируют мотивы профессионального становления, а также комплекс мер, направленных на осознание субъектом деятельности социальной значимости своей профессии, иначе говоря, необходимо оптимальное сочетание так называемых содержательных (интерес к профессии, потребность в самореализации) и адаптивных (престиж профессии, величина заработной платы и т. п.) мотивов деятельности. Интеграция этих мотивов на основе определенного уровня развития психических (личностные черты, способности и т. п.) и предметных (знания, навыки и умения) компонентов структуры личности позволяет сформировать субъективные представления (образы) облика профессионала, которые выступают регуляторами развития личности.

По мнению А. К. Марковой, «профессионализм – это совокупность, набор личностных характеристик человека, необходимых для успешного выполнения труда» [8, с. 31]. Она выделяет две стороны профессионализма: состояние мотивационной и операционной сфер профессиональной деятельности человека.

При анализе мотивационной сферы профессиональной деятельности человека необходимо ответить на вопросы, какие мотивы побуждают человека, какой смысл

имеет в его жизни профессиональная деятельность, какие цели он лично стремится достичь, насколько он удовлетворен трудом и т. д.

Важно подчеркнуть, что одним из ведущих факторов и психологических механизмов профессионального развития является удовлетворенность трудом.

Анализируя состояние операциональной сферы профессиональной деятельности человека, необходимо определить, как, какими приемами он достигает поставленные цели, какие технологии использует, какие средства – знания, мыслительные операции, способности применяет.

Ключевым моментом в мотивационной сфере для высоких уровней профессионализма А. К. Маркова считает духовное наполнение профессии:

– увлеченность менталитетом, смыслом, направленностью профессии на благо других людей, стремление проникнуть в современные гуманистические ориентации, желание оставаться в профессии;

– мотивацию высоких уровней достижения в своем труде;

– стремление развивать себя как профессионала, побуждение к позитивной динамике профессионального роста, использование любого шанса для профессионального роста, сильное профессиональное целеполагание;

– гармоничное прохождение всех этапов профессионализации – от адаптации к профессии далее к мастерству, творчеству, к безболезненному завершению профессионального пути;

– отсутствие профессиональных деформаций в мотивационной сфере, кризисов;

– внутренний локус профессионального контроля, то есть поиск причин успеха/неуспеха в себе самом и внутри профессии;

– оптимальная психологическая цена высоких результатов в профессиональной деятельности, то есть отсутствие перегрузок, стрессов, срывов, конфликтов [8, с. 40-41].

Ключевым моментом в операциональной сфере для высоких уровней профессионализма является «технологическое» обеспечение духовного наполнения профессии:

– осознание в полном объеме черт и признаков профессионала, развитое профессиональное сознание, целостное видение об-

лика успешного профессионала;

– приведение себя в соответствие с требованиями профессии:

– реальное выполнение профессиональной деятельности на уровне высоких образцов и стандартов, овладение мастерством, высокая производительность труда, надежность и устойчивость высоких результатов;

– развитие человеком себя средствами профессии, самокомпенсация недостающих качеств, профессиональная обучаемость и открытость;

– внесение человеком своего творческого вклада в профессию, обогащение ее опыта, преобразование и оздоровление окружающей профессиональной среды;

– привлечение интереса общества к результатам своего труда, ибо общество может и не знать своих потребностей в результатах данного профессионального труда, этот интерес необходимо формировать [8, с. 42].

Вместе с тем, А. К. Маркова отмечает, что «человек становится профессионалом не сразу, проходит на этом пути много больших и малых этапов. Более того, в профессиональной, жизни каждого отдельного человека возможны повторы и возвращения («откаты»), на предыдущие уровни, а также зигзаги и кризисы. Траектории пути к профессионализму у разных людей могут очень отличаться друг от друга» [8, с. 49].

В связи с этим можно отметить, что в процессе формирования профессионализма у курсантов-артиллеристов И. А. Володарская и А. С. Марков предлагают «весь период обучения условно разделить на 5 основных этапов:

– адаптация (1 курс);

– критическое осмысление действительности (1-2 курс);

– окончательное определение профессионального выбора (3 курс);

– становление (3-4 курс);

– активное формирование профессионализма (4-5 курс)» [1, с. 62].

В диссертационном исследовании А. С. Маркова профессионализм офицера-артиллериста представлен тремя составляющими, как профессионализм деятельности, профессионализм личности и профессионализм общения. Однако формирование профессионализма курсанта-артиллериста, как будущего офицера, практически огра-

ничилось формированием у курсанта профессионального мышления и владения обобщенными приемами профессиональной деятельности.

В современных условиях решающее значение приобретает профессионализм личности: профессиональная мотивация, мотивация служения, любовь к Родине, верность присяге. Развитие таких личностных качеств выпускников военного вуза, как способности самостоятельно творчески мыслить, брать ответственность на себя за деятельность своих подчиненных, способности к самообразованию и самореализации, означают необходимость проектирования соответствующей образовательной среды [10, 11].

Образовательная среда определяется нами как совокупность условий и факторов, обеспечивающих возможность удовлетворения потребности обучающихся в получении высшего образования и обуславливающих изменения в их мотивации, смысловых ориентациях, системе значений и в когнитивном опыте. Для решения указанной проблемы нами вводится понятие «субъектность», под которым понимается способность курсанта военного вуза занимать и практически реализовывать активную личностную позицию при решении учебных и профессиональных задач. Исследование развития субъектности курсантов военного вуза рассматривается нами как основа создания системы их психолого-педагогического сопровождения [6, 7].

В отличие от гражданских вузов обучение в военном вузе представляет подготовку будущего офицера как субъекта военной профессии. При этом курсант проходит три этапа развития субъектности: как одиночный боец, отвечающий только за себя; как младший командир, руководящий малой социальной группой (отделением, расчетом, экипажем), и как офицер, командир и воспитатель, отвечающий за выполнение боевых задач и судьбу вверенных ему людей, большой социальной группы (рота, дивизион, полк). Каждый этап включает пять стадий. И, по нашему мнению, в ходе обучения и воспитания защитников Отечества на каждом этапе необходимо обеспечивать психолого-педагогическое сопровождение развития субъектности. Каждый этап включает в себя 5 стадий.

Первая стадия – это стадия восприятия готового образца предстоящей деятельности. На этой стадии курсант должен репрезентировать четкий образ конкретного действия, входящего в состав предстоящей военно-профессиональной деятельности. Критерием успешности прохождения этой стадии является демонстрация умения точно доложить, что и как необходимо делать, то есть навык экстерииоризации предстоящей деятельности (проговаривание вслух всех предстоящих действий). Если у курсанта не будет сформирован необходимый образ воинской деятельности, то, став командиром, он не сможет четко поставить задачу подчиненным, не сможет внятно объяснить, что от них требуется. Такой командир будет раздражаться на «бестолковость» своих подчиненных и кричать на них: «Не можете прочитать инструкции! Не хотите изучать приказы!?»

Следствием успешного прохождения этой стадии является развитие способности лучше понимать приказы, наставления, инструкции. Умелый командир способен осуществить декомпозицию любой деятельности, которой хочет обучить подчиненных. Он будет способен все разложить "по полочкам", разбить на элементарные команды: "Делай раз!", "Делай два!", «Делай три!» У такого командира солдатам учиться легко, поэтому необходимый навык формируется быстрее и прочнее. Кроме того, успешное усвоение каждой стадии является предпосылкой того, что эта стадия на следующем этапе будет пройдена с меньшим напряжением и тоже успешно. В ходе развития субъектности каждая предыдущая стадия представляет собой фундамент для прохождения последующей.

Вторая стадия – стадия подражания образцу. На этой стадии курсанту следует научиться копировать действия инструктора. Курсант на этой стадии является субъектом подражания, он учится выполнять действия за инструктором точно и качественно. Тот командир, который в свое время не прошел до конца стадию подражания, не сможет сказать, как принято в русской армии: «Делай, как я!». Он будет кричать на подчиненных: «Смотри в руководство! Смотри в альбом схем! Что, сам не можешь сообразить!»

Критерием освоения этой стадии служит умение четко продемонстрировать образец

исполнения. В начале этой стадии курсант копирует образец, который находится у него перед глазами, а в конце выполнение заданного действия идет по образцу, который удерживается в памяти. Это означает, что осуществлен переход действия во внутренний план: образца уже нет перед глазами, он находится в памяти. Инструктор для показа уже не нужен, так как обучающийся может извлечь из памяти, вспомнить образец выполнения заданного действия.

Офицер, умеющий лично демонстрировать образцы классного выполнения упражнений по вождению боевых машин, стрельбе из различных видов вооружения, искусству маскировки, десантирования и т.п., всегда пользуется большим авторитетом у подчиненных и добивается лучших результатов в обучении воинов, чем тот, кто учит по принципу: «Делай, как я сказал!»

Для рядового бойца этих двух стадий обучения обычно достаточно. В мирное время такой солдат в состоянии будет действовать только по заученному образцу. Однако у него отсутствует гибкость действий, и в нестандартной ситуации современного боя, где имеется много непредвиденных обстоятельств, он теряется. Военнослужащий, освоивший только две первые стадии, не может свободно применять усвоенный ранее образец к изменившимся условиям.

Третья стадия – стадия произвольной активности. На этой стадии при внешнем контроле со стороны преподавателя (инструктора) курсант становится субъектом произвольной активности при совместно-распределенной деятельности с преподавателем, то есть курсант становится со-субъектом произвольного контроля. Здесь происходит тот же процесс, что описан у Л. С. Выготского, когда в ходе обучения осуществляется помощь взрослого ребенку. Ту часть совместной деятельности, которую в данный момент не может сделать ребенок самостоятельно, берет на себя взрослый. Например, функции планирования и контроля деятельности.

В военном вузе так же на этой стадии преподаватель (инструктор) берет на себя функции планирования и контроля, которые курсант временно самостоятельно выполнить еще не может, но именно поэтому для формирования самоконтроля ему необходи-

ма помощь преподавателя (инструктора). Таким образом, в этой совместной учебной деятельности происходит трансляция опыта волевой регуляции. В начале этой стадии курсанту необходим внешний контроль преподавателя. В процессе обучения будущий офицер получает примеры внешнего контроля, а в конце стадии он уже осваивает функцию контроля. Теперь курсант оказывается готовым к переходу на четвертую стадию, где будет осуществляться внутренний контроль.

Выдающийся отечественный психолог Л. И. Божович отмечала, что для воспитания произвольности учебной деятельности необходимо формирование у обучающихся интереса к получаемым знаниям, привитие им любви к интеллектуальному напряжению и преодолению интеллектуальных трудностей (Божович Л. И., 1995).

Рубежный и итоговый виды контроля, осуществляемые преподавателем (инструктором), позволяют квалифицировать уровень достижения курсанта по тому или иному предмету и выступают в качестве предикторов уровня профессионализма будущего офицера, его возможности работать грамотно и самостоятельно в осваиваемых видах воинской деятельности.

Пройдя первые три стадии развития субъектности, воин может стать мастером своего дела, но это все еще одиночный боец. Для того чтобы стать хорошим командиром, прохождение первых трех стадий еще недостаточно. Ведь так как командир взвода лично обучает и воспитывает подчиненных, то для формирования твердых управленческих навыков ему необходимо пройти еще две стадии развития субъектности.

Четвертая стадия – стадия внутреннего контроля произвольной деятельности. На этой стадии курсант становится субъектом внутреннего самоконтроля (интериоризованной функции произвольной регуляции). Именно на этой стадии развития субъектности у курсанта как профессионального военного появляется возможность творческих вариаций выполнения воинской деятельности, проявляется и развивается креативность, которую в армейской среде принято называть «военной смекалкой». Успешное прохождение этой стадии способствует формированию творческой личности военного профессионала, и, напротив,

при низком уровне достижений на четвертой стадии, деятельность командира будет отличаться шаблонностью, скованностью и боязнью всякой инициативы как своей, так и тем более подчиненных. Если у будущего командира слабо сформирован внутренний контроль произвольной деятельности, то он не будет замечать и не захочет признавать собственных ошибок, а, следовательно, не сможет их исправлять. У такого офицера снижена критичность по отношению к себе и к своей профессиональной деятельности.

Пятая стадия – стадия контроля деятельности других лиц. На этой стадии у курсанта формируется способность контролировать правильность не только своей деятельности, но и деятельности, выполняемой другими (равными по должности и/или подчиненными). Именно на этой стадии курсант экстерииоризирует освоенную ранее функцию контроля, следя за правильностью выполнения деятельности другими военнослужащими, корректируя при необходимости и тем самым помогая молодым воинам актуализировать их зону ближайшего развития.

В своей профессиональной деятельности офицер регулярно осуществляет командирскую функцию контроля, в частности, проверяет состояние личного оружия подчиненных, порядок в казарме и караульном помещении и т.п., в его обязанности входит проверка, в ходе которой он указывает подчиненным на допущенные недостатки и предоставляет время на их устранение. Только тот офицер, который в своей профессиональной деятельности достиг высокого уровня на стадии внешнего контроля, может качественно обучать и воспитывать своих подчиненных. В случае несформированности на должном уровне функции военного управленца командир тяготится требовать что-либо с подчиненных. Ему проще выполнить работу самому, чем обучать солдат, руководить ими, контролировать профессиональную деятельность военнослужащих и отвечать за ее результаты. Такой командир не доверяет другим людям, потому что не научился, будучи курсантом, контролировать подчиненных. «Лучше я все сделаю сам!» Но так как все сделать один он не может, то даже при большом старании и невероятной трудоспособности, его, не прошедшего на хорошем уровне пятую

стадию, ждут нервные срывы и профессиональные неудачи. Офицер должен уметь управлять большим воинским коллективом. Он обязан уметь обучать подчиненных, планировать и организовывать их деятельность, делегировать часть своих функций солдатам, сержантам и младшим офицерам и, что субъективно тяжелее всего, отвечать за результаты воинского труда всего воинского коллектива. Не прошедший пятую стадию развития субъектности может быть хорошим специалистом, просто виртуозом своего дела, как боец-одиночка, асом-водителем боевых машин, непревзойденным снайпером, мастером-парашютистом, но при этом не станет хорошим офицером-командиром.

Заключение. Парадокс прохождения указанных стадий субъектности заключается в том, что если кто-то достиг наивысшего уровня на какой-либо стадии, то ему это может так понравиться, что дальше двигаться не захочется. Может пропасть мотивация переходить на следующую стадию. Такому офицеру всегда легче что-то мастерски сделать самому, получить удовлетворение и удовольствие от хорошо сделанной работы, заслужить одобрительные отзывы окружающих и благодарность начальства, чем обучать «тупых», заставлять и организовывать «ленивых» и отвечать за «нерадивых» подчиненных. Командная, воспитательная, организационная работа офицера требует большого напряжения эмоциональной, поведенческой и когнитивной сфер психики.

Курсанту необходимо вовремя переходить на следующую стадию развития субъектности. Для этого мы предлагаем технологию психолого-педагогического сопровождения, облегчающую преодоление указанных психологических барьеров на пути формирования субъектности будущих офицеров. Эта технология предполагает тесное и продуктивное взаимодействие военных психологов, командиров и преподавателей, с целью создания оптимальных условий для самообучения, самовоспитания и самосовершенствования курсантов как будущих офицеров. Командир совместно с психологом определяет, какие личностные качества и профессиональные компетенции должны формироваться у курсантов в каждый конкретный период обучения. Психолог выявляет психологические трудности, с которы-

ми сталкиваются молодые люди в это время. Преподаватель, учитывая пожелания командира и предупреждения психолога, подбирает соответствующий дидактический материал и педагогические технологии, обеспечивающие выполнение комплексной задачи по обучению и воспитанию достойных защитников Отечества.

Выводы

1. В ходе подготовки будущих офицеров курсант наряду со стадиями развития субъектности по отдельным видам осваиваемой воинской деятельности проходит три этапа развития собственной субъектности в соответствии с тремя различными Я-концепциями:

– 1-й этап (Я-концепция одиночного бойца) начинается с момента зачисления вчерашнего школьника в военный вуз и завершается, когда курсант полностью освоит военную специальность в качестве одиночного бойца;

– 2-й этап (Я-концепция младшего командира) связан с освоением сержантских обязанностей, умениями младшего командира руководить малой социальной группой (отделением, расчетом, экипажем), заканчивается освоением обязанностей заместителя командира взвода;

– 3-й этап (Я-концепция старшего командира) предполагает освоение обязанностей офицера, командира и воспитателя, отвечающего за выполнение боевых задач и судьбу вверенных ему людей, большой социальной группы (рота, дивизион, полк). Этот этап завершается получением выпускниками военного вуза первичного офицерского звания.

2. Рассматриваемая нами технология предусматривает оптимальный темп прохождения всех стадий развития субъектности. Перескакивание стадий, преждевременный переход на следующую или «застревание» на одной из них тормозит полноценное формирование командирских качеств будущего офицера.

3. Развитие субъектности курсанта происходит параллельно с профессиональным ростом будущего офицера в военном вузе.

4. Предложенная модель позволяет рассматривать развитие субъектности курсантов как показатель профессионального роста будущего офицера в ходе обучения в военном вузе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Володарская И. А., Марков А. С. Формирование профессионализма у курсантов-артиллеристов в процессе обучения электротехнике. Коломна, 2004. 152 с.
2. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1995. 224 с.
3. Кузьмина Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. М.: Высшая школа, 1989.
4. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990.
5. Крук В. М. Психологическое обеспечение личностной надежности специалиста силовых структур: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013. 502 с.
6. Марков А.С. Психолого-педагогическая модель профессионального становления курсанта военного вуза. Российский научный журнал. 2013. № 1(32). С. 160-165.
7. Марков А. С. Психолого-педагогическое сопровождение нравственного становления будущего офицера как подготовка к служению Родине. Российский научный журнал. 2012. № 3(28). С. 164-174.
8. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996. 308 с.
9. Маркова А. К. Психологические критерии и уровни профессионализма / Общая и прикладная акмеология. Учебное пособие. Ч. 1 / Под общ. ред. А. А. Деркача. М.: Изд-во РАГС, 2001.
10. Панов В. И. Психодиагностика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007. 352 с.
11. Панов В. И. Экopsихологическая модель становления субъектности курсантов военного вуза. Российский научный журнал. 2015. № 4. С. 110-122.

REFERENCES

1. Volodarskaya I. A., Markov A. S. Formirovanie professionalizma u kursantov-artilleristov v processe obucheniya elektrotehnike. Kolomna, 2004. 152 s.
2. Klimov E. A. Obraz mira v raznotipnyh professiyah: Ucheb. posobie. M.: Izd-vo MGU, 1995. 224 s.
3. Kuz'mina N. V. Professionalizm deyatel'nosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya proftehuchilisha. M.: Vysshaya shkola, 1989.
4. Kuz'mina N. V. Professionalizm lichnosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya. M.: Vysshaya shkola, 1990.
5. Kruk V. M. Psihologicheskoe obespechenie lichnostnoi nadezhnosti specialista silovyh struktur: Dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2013. 502 s.
6. Markov A. S. Psihologo-pedagogicheskaya model' professional'nogo stanovleniya kursanta voennogo vuza. Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2013. №1. S. 160-165.
7. Markov A. S. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie npravstvennogo stanovleniya budushego oficera kak podgotovka k sluzheniyu Rodine // Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2012. №3. S. 164-174.
8. Markova A. K. Psihologiya professionalizma. M., 1996. 308 s.
9. Markova A. K. Psihologicheskie kriterii i urovni professionalizma / Obshaya i prikladnaya akmeologiya. Uchebnoe posobie. Ch. 1 / Pod obsh. red. A. A. Derkacha. M.: Izd-vo RAGS, 2001.
10. Panov V. I. Psihodiagnostika obrazovatel'nyh sistem: teoriya i praktika. SPb.: Piter, 2007. 352 s.
11. Panov V. I. Ekopsihologicheskaya model' stanovleniya sub'ektnosti kursantov voennogo vuza. Rossiiskii nauchnyi zhurnal . 2015. №4. S. 110-122.

**ЧАНЧУНЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ЧАНЧУНЬ
КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА**

UDC 378

Педагогика, образование

**ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ С 1949 ГОДА****MA Wen-ying,
Xiao Ji**

Реферат. Политика играет важную роль в развитии высшего образования. Начиная с основания Китайской народной республики в 1949 году китайское высшее образование прошло два периода – 1949-1976 годы и с 1977 по настоящее время. В течение каждого периода государственная политика меняла направление развития высшего образования, цели обучения, вопросы зачисления студентов и университетской автономии. Исследование дает представление о формировании китайского высшего образования с точки зрения истории. Эта статья может помочь нам в понимании текущей политики и четко увидеть направление развития высшего образования и послужить маяком для будущего развития.

Ключевые слова: политика, развитие, китайский, высшее образование

CHANGCHUN UNIVERSITY, CHANGCHUN, CHINA

UDC 378

Pedagogy, education

**STUDY ON THE POLICIES IN THE DEVELOPMENT
OF CHINESE HIGHER EDUCATION SINCE 1949****MA Вэньин [MA Wen-ying]
СЯО Цзи [Xiao Ji]**

Abstract. Policies play an important role in the development of higher education. Since the establishment of People's Republic of China in 1949, Chinese higher education has passed two periods: the years of 1949-1976; the years of 1977 to the present. In each period, the central government's policies had changes in the direction of higher education, training objectives, student enrollment and university autonomy. The study provided insight into the formation of Chinese higher education from the perspective of the history. This paper may help us in well understanding the current policies and see clearly the direction of higher education and hopes to ignite a beacon for the future development of Chinese higher education.

Key words: policy, development, Chinese, higher education

Introduction

There have been 65 years since the establishment of People's Republic of China. Within these years, Chinese higher education has passed two main educational eras: the first spans the years from 1949 to the end of the Cultural Revolution in 1976; and the second, the years from 1977 to the present. In each period, Chinese higher education had great changes. These changes brought great

achievements and also taught us lessons. This study focuses on the policies in the development of higher education. It did research especially on the policies on the direction of higher education, training objectives, enrollment and university autonomy and hopes to help in well understanding in current policies. This study is theoretically and practically important to the development of Chinese higher education.

Main part**Education from 1949-1976**

Since the establishment of the PRC, Chinese society has been dominated by communism. In the first three decades of the history of the PRC, the Chinese Communist Party (CCP) was the only political party and controlled all aspects of society. Under the CCP led by Mao, «an ideologically based egalitarian social order» was established (Guthrie, 2008, p. 77). As a result of this ideology, educational policy advocated that studies should be integrated with labour on farms and in factories (Shirk, 1977) so that scholars and intellectuals would learn to embrace rather than to despise manual labour (Bergen, 1990). This politicized educational ideology was especially emphasised during the Cultural Revolution (1966-1976).

Under such a social context, the Chinese education was restructured in the 1950s. The main changes were carried out within three months. It was a radical educational transformation and reorientation of the educational system. The main targets were to «adapt higher education output to the urgent requirement of the industrialisation plan for skilled personnel» (Yang, 2000, p. 326). The restructuring in 1950s was nation-wide and directly controlled by the central government. The decrees and a definite plan were designed by the central government. The frame of reform was a mode of former Soviet Union from the subjects, specialities to the syllabus, teaching methods, textbooks and to the institutional and discipline names (Yang, 2000). Renmin University of China and Harbin Institute of Technology were the first two experimental schools. In the restructuring in the 1950s, private institutions were nationalised, comprehensive universities and specialised colleges were assigned clearly fixed tasks, and a strictly hierarchical administrative model was instituted.

Education from 1977 to the present

Since the economic reform and the «opening-up» policy embraced in 1978, the Chinese government has switched its focus from political ideology to economic reconstruction (Wang, 2010). During this era, the education system in China has undergone three distinct periods of reform (Wang, 2010). The first period, the restoration of the higher education system following its decimation

during the Cultural Revolution. In this period?guided by the focus on the economic construction, the centre of economy replacing the centre of politics became the main content of the development of higher education in China. The aim of education was to face modernization, the whole world and the future. The objectives of higher education were to culture students to having dreams, having morals, having knowledge and having discipline. In 1985, Decision by the Central Government on education system reform was passed. The fourth regulation in this document stated that the central government planned to increase the enrollment in students. Such policy can not only meet the various needs of the society, but also can satisfy students' own pursuits. The restoration in this period was characterised by an unprecedented expansion in higher education, including increases in student enrolment and the establishment of new institutions of higher learning.

The second period, from 1985 to 1992, saw the first wave of reform in education, including higher education. The Chinese government embarked on a series of educational reforms in basic education, vocational education and higher education including: (1) devolution of administrative power and financial responsibility from the central government to regional governments and to schools and universities; (2) establishment of new sources of funding to raise financing for education; and (3) transformation of the employment system of graduates. These reforms focussed mainly on the devolution of administration from central government to regional and local governments; a change of governance arrangements in institutions giving institutional leaders greater decision-making powers; curriculum change; and a stronger emphasis on improving the quality of education for all students.

The third period, from 1992 to the present, has been characterised by many policies focused on the structural and financial reform of higher education. The reforms were driven by international forces and designed to conform with the international higher education development when the higher education in the world is entering into an era of technological changes and increasingly intense competition for funding (Altbach & Peterson, 1999) and the 'management and market' were becoming the main focuses in the changing of higher

education institutions (Cowen, 1996). It was a self-remoulding and self-improvement of the educational system (Yang, 2000). The main purpose of the reform was to improve the operational efficacy and quality of output of the higher education system. The restructuring was also launched by the central government. However, different from the previous, there was no time limit for the adjustment in 1990s. The model of this reform in 1990s was after Western universities models especially the American model (Yang, 2000). The reforms were mainly in the following aspects: firstly, the increase in enrollment in students. As education reform unfolded, the number of newly enrolled students in China's universities has increased. According to Zhang (2007), there were 5,040,000 newly enrolled students in 2005. This was 4.7 times the number of new enrolments in seven years earlier. The total number of university students was 6430000 in 1998, but increased to 25,000,000 by 2006 (Mooney, 2006). At that time the teacher-student ratio was 1:40, far lower than the preferred standard of 1:18 (Ministry of Education, 2004). The number of students attending university was close to 35,500,000 in 2006 (Su & Xue, 2010). Nonetheless, at the Fourth National Education Conference which was held in July 2010, education planners hoped to increase the number of student enrolments in colleges and universities a further 40 percent by 2020 (Mooney, 2006).

Secondly, the building of key universities. In 1978, issued by the central government, China restored and re-set up 169 colleges and universities, which included 88 key universities. Till the end of 1981, there were 96 key universities. In March, 1985, the central government passed a decision on the educational reform stating that China would plan to set up some key academies. These key academies were both the education centre and research centre. In 1993, in the Outline of Chinese education reform and development, the central government pointed out that China planned to build 100 key universities when entering the 21st century, and tried to make these universities reach the international advanced level. This is the famous Project 211. And there is the same aim in the Project 985. In this document, the central government advocated that the main purpose of education reform and development is to raise the quality

of the whole nation; education must serve the social modernization construction; graduates in colleges and universities must grow in moral, knowledge and health.

Thirdly, the passing of the Higher Education Law. The establishment of the Higher Education Law in 1998 led to one significant progress in China's higher education sector. On the one hand, the Higher Education Law stipulated that the president in the university is the legal representative of the university and is in charge of the execution of administrative issues such as teaching, research and the employment of teachers; on the other hand, the Chinese Communist Party (CCP) has also a specific role in managing the university. That is, the university president functions under the leadership of the CCP Committee in contrast to a Senate or Council common in Western Universities. A section of the Higher Education Law details the duties of the university-level CCP Committee as follows: It carries out the guidelines, principles and policies of the CCP and follows the socialist way of university management. It directs the ideological, political and moral work of the university. It discusses and decides the setup of the internal organisations of the university and the selection of corresponding personnel. It discusses and decides the reform, development and basic management system of the university. It ensures the completion of various tasks that centre on the cultivation of specialised and talented human resources. (Chinese Communist Party, 1998) This Higher Education Law (1998) legitimised the roles of the leadership of the president and the leadership of the CCP Committee in university management. Organisational leadership in this system embodies the principle that the CCP governs teachers, students and administrative personnel in the university.

Fourthly, the Outline on National Education Reform and Development Plan Within Mid-term and Long term (2010-202). The Fourth National Education Conference was held in July 2010. The conference presented an outline of China's education reform and development with mid-term and long-term projections. The aim is to build a modern education system and to become a strong society through increasing the quality of education (Han, 2010). The core tasks for the development of Chinese education are to: guarantee appropriate funding to schools

and universities; transform the educational administrative system; enhance the capacity of educators; and improve the quality of education including moral education (Programme for Educational Reform and Development in China, 1993).

Conclusion

This study did research on the policies in the development of higher education since 1949. It analysed systemically the historical development of Chinese higher education and divided it into different periods. Since the establishment of PRC, Chinese higher education has passed from the restructuring in

1949-1976, and the restructuring from 1977 to the present. The study presented the policies on the direction of higher education, training objectives, enrollment and university autonomy. The Chinese higher education developed from the centralized system to restructuring with great changes. Within these profound changes, it is obvious that politics is more and more weak; «people-oriented» continues to heat up. Beyond the «self» and innovation --- the integration of internationalization and localization unified, coordinated development of man and society is the main element in higher education in China.

REFERENCES

1. Altbach, P.G. & Peterson, P.M. (eds.) (1999). *Higher Education in the 21st Century: Global Challenge and National Response*. Institute of International Education and Boston College Centre for International Higher Education.
2. Bergen, T. J. Jr. (1990). The influence of Mao Tse-tung on contemporary Chinese education. *Journal of Research and Development in Education*, 24 (1), 34-43.
3. Chinese Communist Party. (1998). *Higher Education Law of the People's Republic of China*. <http://www.moe.gov.cn/>.
4. Cowen, R. (1996). Performativity, post-modernity and education. *Comparative Education*, 32(2), 245-258.
5. Guthrie, D. (2008). *China and globalization: The social, economic and political transformation of Chinese society*. Hoboken: Taylor & Francis.
6. Han, B. (2010). Education programming: Monitoring fairness by reform. *Outlook Weekly*, 29, 21-24.
7. Ministry of Education of People's Republic of China. (2004). *Zhongguo putong gaodengjiaoyu gaikuang [Brief for China regular higher education]*. Retrieved on 8, October, 2008. From www.moe.edu.cn/edoas/website18/80/info4180.htm.
8. Mooney, P. (2006). The long road ahead for China's universities. *The Chronicle of Higher Education*, 52, 42.
9. Programme for Educational Reform and Development in China. (1993). Retrieved April, 2009, from <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/34/info3334.htm>
10. Shirk, S. L. (1977). Integrating work and study in Chinese education. *Liberal Education*, 63 (2), 271-283.
11. Su, J. & Xue, E. Y. (2010). Study on routine of China building education big country. *Xinhua Digest*, 11, 120-126.
12. Wang, X. (2010). A policy analysis of the financing of higher education in China: Two decades reviewed. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 23 (2), 205-217.
13. Yang, R. (2000). Tensions between the global and the local: A comparative illustration of the reorganisation of China's higher education in the 1950s and 1990s. *Higher Education*, 39, 319-337.
14. Zhang, L. F. (2007). Teaching styles and occupational stress among Chinese university faculty members. *Educational Psychology*, 27, 823-841.

CHANGCHUN UNIVERSITY, CHANGCHUN, CHINA

UDC 378

Pedagogy, education

**EDUCATIONAL STRATEGY FOR THE PREVENTION OF PHONETIC ERRORS
IN TRAINING CHINESE STUDENTS-NONPHILOLOGISTS RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE****SHAN Nina**

Abstract. The article addresses issues related to the causes of phonetic and phonological errors by contacting the native and studied languages (cool bilingualism) to the Chinese audience. According to the theory of pronunciation error types (phonetic and phonological) developed by AV Scherba and his followers VA Vasiliev et al., the student seeks to master the orthoepic pronunciation in training nonfilologists. This pronunciation would in these circumstances be the goal of training, if it came only phonetic inaccuracies and if the approximation itself would not lead to the emergence of phonological errors. The most effective exercises correcting phonetic and phonological errors as the analysis of the literature and our experience show, is an exercise in listening, designed to differentiate sound-distinguishing features that characterize the sound, due to the nature of its articulation, related to the place of its formation and the manner of its formation. Prevention of phonetic / phonological errors, as can be seen from the above, is the most effective teaching strategies and in many respects should be preceded by imitation, often dominant in the foreign language classroom.

Key words: prevention of phonetic and phonological errors, differentiation of sound- distinctive features, pedagogical strategy.

**ЧАНЧУНЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ЧАНЧУНЬ
КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА**

УДК 378

Педагогика, образование

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ФОНЕТИЧЕСКИХ
ОШИБОК ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ****ШАНЬ Нина**

Реферат. Статья затрагивает вопросы, касающиеся причин возникновения фонетических и фонологических ошибок при контактировании родного и изучаемого языков (классный билингвизм) в китайской аудитории. Согласно теории типов произносительных ошибок (фонетических и фонологических), разработанной А. В. Щербой и его последователями В. А. Васильевым и др., учащийся стремится овладеть орфоэпическим произношением в условиях обучения нефилологов. Такое произношение могло бы в этих условиях стать целью обучения, если бы дело касалось только фонетических неточностей и если бы аппроксимация сама по себе не вела бы к возникновению фонологических ошибок. Наиболее действенными упражнениями, профикирующими фонетические и фонологические ошибки, как показывает анализ литературы и наш опыт являются упражнения в аудировании, направленные на дифференциацию звуко-отличительных признаков, характеризующих звук, в связи с особенностями его артикуляции, связанной с местом его образования и способом его образования. Профилактика фонетических/фонологических ошибок, как видно из вышесказанного, является наиболее действенной педагогической стратегией и во многом должна предшествовать имитации, зачастую доминирующей на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: профилактика фонетических и фонологических ошибок, дифференциация звуко-отличительных признаков, педагогическая стратегия

Введение. Статья затрагивает вопросы, касающиеся причин возникновения фонетических и фонологических ошибок при контактировании родного и изучаемого языков (классный билингвизм) в китайской аудитории. Согласно теории типов произносительных ошибок (фонетических и фонологических), разработанной А. В. Щербой [1] и его последователями В. А. Васильевым [2] и др., учащийся стремится овладеть орфоэпическим произношением в условиях обучения нефилологов. Такое произношение могло бы в этих условиях стать целью обучения, если бы дело касалось только фонетических неточностей и если бы аппроксимация сама по себе не вела бы к возникновению фонологических ошибок.

Основная часть. Прежде чем говорить о профилактике возникновения фонетических и фонологических ошибок, необходимо выяснить, какие фонетические/фонологические ошибки являются наиболее типичными для студентов-китайцев. Однако сле-

дует оговорить, что определение типичных ошибок зависит от ряда условий, а, следовательно, и причин. Без описания условий изучения русского языка студентами-китайцами, выделяемая типология ошибок носит весьма приблизительный характер и, безусловно, нуждается в уточнении. Так, например, в работе Л. В. Чубаевой «Типичные ошибки в устной речи китайских студентов-русистов» [3] дается классификация типичных ошибок, но не выделяются условия, в которых студенты изучают язык (изучение русского языка в Китае, в иноязычной среде, или изучение языка в России, изучение языка филологами или нефилологами и т. д.). Автор работы также не отмечает, зависит ли частотность возникновения фонологических ошибок от количества часов, выделяемых на язык. Основной причиной возникновения типичных ошибок Л. В. Чубаева считает контактирование систем языков: фонетической, лексической и грамматической. Полагаем, что можно говорить о трех группах ошибок:

№	Фонетические ошибки	примеры
1	неправильное произношение согласных звуков	ректор вместо лектор
2	неправильное произношение гласных звуков	после [пэсли] вместо [посли]
3	неправильное произношение стыков гласных	диверь вместо дверь

В работе Л. В. Чубаевой не конкретизируется, какие именно ошибки возникают из-за различий систем гласных и согласных, а также из-за различий по месту образования звуков и по способу их образования.

Говоря о наиболее частотных ошибках, возникающих из-за нарушения постановки ударения в слове, автор не учитывает тот факт, что преподавателю приходится иметь дело со студентами, с детства использующими односложные/двусложные слова. Поэтому в слоговых языках минимальной смысловозначительной единицей является не фонема, а слог (силлабофонема). Каждая силлабофонема – это звуковая оболочка морфемы или одноморфемного слова [4].

Ошибки так же могут возникнуть при работе над фразовым ударением, вследствие особенностей ритма китайской фразы, базирующегося не столько на постановке фразового ударения, сколько на расстановке пауз. Если ошибка может быть вызвана межъязыковым или внутриязыковым сходством зву-

ков, очень важно, чтобы тренировка в различении на слух предшествовала тренировке в произношении звуков и слов.

Таким образом, «схожесть» можно использовать как базовый фактор при профилактике ошибок, так как, анализируя схожесть звуков, студент обращает внимание на тот факт, что «схожесть» не есть полная идентичность. В этом случае студенту приходится искать причины акцента в постановке органов речи. Так в работе Л. Л. Пришной «Профессионально ориентированное обучение фонетике китайских студентов-русистов» [5] отмечается тот факт, что в процессе профессионально-ориентированного обучения фонетике русского языка китайским студентам-русистам необходимо усвоить следующее:

В русском языке образуются различные модификации гласных фонем

Согласные звуки характеризуются дополнительной артикуляцией – твёрдость/мягкость, звонкость/глухость.

Китайский язык характерен тем, что все слоги имеют формулу: согласный + гласный. Сочетание согласных невозможно, следовательно, общее количество слогов в китайском языке ограничено. Поскольку количество слогов-морфем ограничено, то в китайском языке развилось смысловозначительное использование слоговой интонации. Четыре разных тона увеличивают количество слогов-морфем до 1324 единиц [6].

Выделенные ошибки в артикуляции могут остаться на фонетическом уровне (то есть просто создавать акцент) или стать фонологическими (то есть создавать смысловые ошибки: теплый вечер – теплый ветер). Кроме того, причинами фонетических/фонологических ошибок может являться отсутствие соответствующего эквивалента в китайском языке, например, замена [p] на [л]. Такая фонологическая ошибка представляет собой неверную аналогию по месту и способу образования. Мягкие согласные [p'] и [л'] произносятся китайскими студентами гораздо мягче и слабее, чем в русском языке. Некоторые согласные недоста-

точно оглушаются тогда, когда оглушение необходимо, и недостаточно озвончаются тогда, когда звонкость – необходимая характеристика звука. Некоторые глухие согласные произносятся недопустимо звонко, в то время как некоторые звонкие согласные произносятся глухо, т. е. происходит замена русских звуков китайскими. Из-за отсутствия мягких согласных в китайском языке возникают ошибки в произношении русских слов. Одна из особенностей китайского произношения состоит в том, что русские парные звуки [б-п, д-т, г-к] различаются по глухости – звонкости, а в китайском языке звонких звуков нет. При произношении китайских звуков [b, d, g] голосовые связки не вибрируют. Эти согласные называются «слабые глухие» (или «полувзвонкие»), в отличие от глухих [p, t, k], которые произносятся с придыханием. Если ко рту поднести узкую полоску бумаги, то при произнесении [p, t, k] полоска бумаги должна отклоняться. Всего в китайском языке насчитывается шесть пар, которые делятся по данному признаку.

b-p	d-t	g-k	j-q	zh-ch	z-c
-----	-----	-----	-----	-------	-----

В связи со слабой редукцией в китайском языке (речь идет о качестве безударных слогов в русских словах), студенты-китайцы не используют редукцию как таковую, зато в тех случаях, когда в русском языке редукция гласного звука отсутствует, то есть гласный под ударением, – в речи студентов она появляется. Это явление можно назвать «*сверхредукцией*».

Так как речь идет об обучении студентов-нефилологов в условиях, когда наличие часов, отводимых на отработку фонетических особенностей русского языка, крайне мало, профилактика ошибок играет большую роль. Здесь следует отметить, что ложная «экономия» времени, в конечном счете, становится причиной потери времени. Мы учитываем и фонетические, и фонологические трудности. Обучение студентов-нефилологов осложняется тем, что они обладают плохим фонологическим слухом и плохой артикуляцией, а также тем фактом, что у преподавателя нет возможности давать упражнения на постановку органов речи в связи с отсутствием времени. Неточная артикуляция ведет к возникновению фонологических ошибок. Так, вместо предложения

«Вчера я встал в шесть часов утра» китайские студенты произносят: «Вчера я устал в шесть часов утра». Трудность явно не только фонетическая, но и прежде всего фонологическая, вызванная отсутствием звука [в] в китайском языке, в связи с чем возникает интерференция. Еще раз подчеркнем, что упражнения в аудировании экономят время и экономят его.

Практика показывает, что студенты-нефилологи очень плохо улавливают межъязыковые и внутриязыковые различия как гласных, так и согласных звуков, без чего невозможна постановка правильного произношения.

Исходя из многолетнего опыта мы пришли к следующему выводу, что «схожесть» является наиболее сложным случаем при профилактике ошибок, ибо полной идентичности быть не может. Так для профилактики ошибок следует учитывать, что у китайских студентов есть тенденции сглаживать различие между глухими и звонкими согласными русского языка: глухие становятся более звонкими, а в звонких преобладает оттенок глухости.

Наиболее действенными упражнениями,

Причины возникновения фонетико-фонологических ошибок у китайских студентов, изучающих русский язык	примеры	Характер ошибок
Схожесть произношения согласных	т-д, к-г, п-б, с-з, ш-ж	Происходит озвончение или оглушение.
Отсутствие многосложных слов в китайском языке		Возникает «сверхредукция» как результат непропорционального распространения правил редукции на все слоги, как безударные, так и ударные.
Неправильная артикуляция при произнесении русских согласных	вставать-уствовать	Неправильная артикуляция

профикирующими фонетические и фонологические ошибки, как показывает анализ литературы и наш опыт являются следующие:

1. упражнения в аудировании, направленные на дифференциацию звуко-отличительных признаков, характеризующих звук, в связи с особенностями его артикуляции, связанной с местом его образования и способом его образования.

- Прослушайте пары звуков и поднимите красную карточку тогда, когда вы услышите звуки в пределах иностранного языка.

- Прослушайте ряд контрастных звуков, когда вы услышите придыхание в китайском языке. Произнесите слова контрастной пары.

- Поднимите синюю карточку, когда в словах есть глухой звук, поднимите красную, когда в словах звонкие звуки. Например: папа-баба, гость-кость, год-кот, ходят-хотят, том-дом,

- Поднимите синюю карточку, когда преподаватель произносит русские слова, поднимите красную, когда вы услышите китайские слова.

jì qì jiào qiao jìng qing точка дочка,
bù pǔ dù tū gù kǔ пар бар,
dé tè gē kè почка бочка

Подобных упражнений, должно быть выполнено достаточно, чтобы студенты могли на слух отличить звонкие звуки от глухих. При проведении подобных упражнений необходимо обратить внимание студентов на фонологическую разницу между произнесенными словами (различие по смыслу).

2. Упражнения в произнесении:

- Угадывание звука, который беззвучно

«произносит» преподаватель по его артикуляции: [о, а, у]и т. д.

- Произнесение контрастных пар: слов (кот-год, бил-пил и т. п.)

- Самостоятельный отбор контрастных пар слов, записанных вразбивку на доске. (был, там, дал, дам, даль, быть, пыл ...) Пары составляются по принципу одного контраста для пары, то есть по принципу привативной оппозиции, где одно и то же слово может входить в две оппозиции (или несколько), например, был-быль, был-пыл и т. д.

- Произношение контрастных пар во фразах, различающихся одним словом, после прочтения контрастных пар таких, как например: Не пей ее (воду)!/Не бей ее (собаку)! Учащиеся должны выбрать член пары, подходящий по смыслу к предложенному контексту и произнести его в этом контексте.

- * Мне нравится эта икра./Мне нравится эта игра. (... Она очень интересная.)

- * Шить надо красиво./Жить надо красиво. (... - работать, отдыхать и помогать другим!)

- * День становится длиннее и длиннее./Тень становится длиннее и длиннее. (... За это я люблю весну.)

Основной принцип при составлении упражнений:

Рецепция предшествует репродукции. Осознание способа произношения звуков предшествует произношению звуков. Упражнения должны быть построены с учетом работы над произношением к минимальных трудностей к одновременному преодолению нескольких трудностей, то есть, от произнесения одного слога, одного

слова к произнесению словосочетания во фразе и в контексте, большем, чем фраза.

Учитывая, что в статье идет речь о профилактике ошибок, следует сказать несколько слов об излюбленных преподавательских приемах, которые могут свести на нет все усилия по предупреждению ошибок. Так, например, хоровая работа – это «палка о двух концах». С одной стороны, она вовлекает всех учащихся в работу и позволяет менее уверенному учащемуся «подладить» свое произношение под стандарт, задаваемый хором. Но с другой стороны, отсутствие личной ответственности ведет к небрежности, а преподаватель не может расслышать индивидуальные ошибки в общем хоре. Поэтому хоровая работа должна следовать за индивидуальной отработкой произнесения звука, то есть за вышеописанной процедурой. Группы нефилологов при хоровой работе нужно делить на несколько подгрупп, то есть они произносят слова и словосочетания хором, но не 20 человек одновременно, а максимум 5-6. Длинные предложения хором произносить нельзя, но можно хором отработать отдельные синтагмы.

Для отработки произношения некоторые фонетисты используют метроном, позволяющий одновременно и задать ритм, и регулировать темп от замедленного до очень быстрого. Метроном может приносить как пользу, так и вред. Несмотря на то, что метроном задает эталон ритма и позволяет очень постепенно наращивать скорость

проговаривания, он вреден, когда им злоупотребляют.

Домашняя работа учащихся, связанная с отработкой произношения, должна тщательно градуироваться и непременно сопровождаться упражнениями в аудировании с ключами, например:

а) Какое из двух написанных слов (словосочетаний) прозвучало:

* быстро встал – быстро устал

* ходят заниматься – хотят заниматься

* трудно понимать – трудно запоминать

б) Прозвучали ли контрастные слова (словосочетания) ли одно и то же слово (словосочетание) дважды? и т. п.

Таким образом, прослушивание как часть домашней работы должно присутствовать не только в период становления звука, но и на протяжении всего курса. А поскольку в каждой учебной группе неизбежно возникают типичные ошибки, в процессе обучения необходимо разрабатывать дополнительные тренировочные задания и делать «рабочие» аудиозаписи.

Вывод. Профилактика фонетических/фонологических ошибок, как видно из вышесказанного, является наиболее действенной педагогической стратегией и во многом должна предшествовать имитации, зачастую доминирующей на занятиях по иностранному языку. Более того, такая работа может способствовать эффективному исправлению ошибок, если таковые, несмотря ни на что, все-таки возникают.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. Т. I. 182 с.

2. Васильев В. А. Обучение английскому произношению в средней школе. М.: Просвещение, 1979. 144 с.

3. Чубаева Л. В. Типичные ошибки в устной речи китайских студентов-русистов/Дальневосточный государственный университет Владивосток, Россия. – <http://rudocs.exdat.com/docs/index-144879.html>

4. Шарафутдинова Н. С. Лингвистическая типология и языковые ареалы: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 168 с.

5. Присная Л. Л. Профессионально ориентированное обучение фонетике китайских студентов-русистов.

6. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. Минск: Амалфея, 2000. 368 с.

REFERENCES

1. Shherba L. V. Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike. L.: Izd-vo LGU, 1958. T. I. 182 s.

2. *Vasil'ev V. A.* Obuchenie anglijskomu proiznosheniju v srednej shkole. M.: Prosveshhenie, 1979. 144 s.
3. *Chubaeva L. V.* Tipichnye oshibki v ustnoj rechi kitajskih studentov-rusistov/Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet Vladivostok, Rossija.– <http://rudocs.exdat.com/docs/index-144879.html>
4. *Sharafutdinova N. S.* Lingvisticheskaja tipologija i jazykovye arealy: uchebnoe posobie. 3-e izd., pererab. i dop. Ul'janovsk: UIGTU, 2012. 168 s.
5. *Prisnaja L. L.* Professional'no orientirovannoe obuchenie fonetike kitajskih studentov-rusistov.
6. *Mechkovskaja N. B.* Obshhee jazykoznanie: strukturnaja i social'naja tipologija jazykov / N. B. Mechkovskaja. Minsk: Amalfeja, 2000. 368 s.

**INGUSH STATE UNIVERSITY
REPUBLIC OF INGUSHETIA, MAGAS**

UDC 81'367: 811.351.43

Philology

**THE PROBLEM OF PERMANENT SEMANTIC NUCLEAR
OF PHRASEOLOGICAL UNITS****A. M. Lianova**

Abstract. The article deals with the problem of permanent semantic nuclear of phraseological units, and the leading linguists' opinion on the problem. The semantic nuclear of phraseological units is demonstrated on the vast practical material.

Key words: invariant, semantic nuclear, phraseological units, variant.

**ИНГУШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКА ИНГУШЕТИЯ, г. МАГАС**

УДК 81'367: 811.351.43

Филология

**ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОСТОЯННОГО СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО
ЯДРА В УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСАХ****A. M. Льянова**

Реферат. В статье рассматриваются: состояние проблемы существования постоянного содержательного ядра в языковых единицах, в том числе и в устойчивых словесных комплексах, а также точка зрения известных лингвистов по данной проблематике.

Ключевые слова: вариант, инвариант, содержательное ядро, фразеологические единицы.

Введение. Целью статьи являются: анализ состояния вопроса и попытка продемонстрировать на практическом материале русского, ингушского и немецкого языков, наличие стабильного содержательного ядра в устойчивых словесных комплексах (УСК).

Основная часть. Большинство ученых склоняются к тому, что описание стабильного содержательного ядра и его вариантов присутствуют во многих науках: математике, физике, педагогике и др.

Теория лингвистики тоже не пренебрегает этими важными понятиями, а потому, прежде чем провести исследование в практической части, обратимся к трактовке инварианта и варианта в лингвистике.

Термин «инвариант» трактуется О. С. Ахмановой как «элемент абстрактной системы языка в отвлечении от ее конкретных

реализаций» [2. С. 176]. В определении, данном О. С. Ахмановой, инвариант причисляется к сущностям, находящимся на уровне абстракции, которые в действительности не существуют, так как могут быть выделены лишь в ходе выявления общих черт вариантных проявлений. С большей долей вероятности это можно отнести к фразеологизмам.

В. М. Солнцев полагал, что инвариант это некоторый идеализированный предмет, отвечающий «классу однородных реальных объектов» [10. С. 38-39], и определятся им как «абстрактное обозначение одной и той же сущности, в отвлечении от ее конкретных модификаций-вариантов» [5. С. 80-81]

В обоих случаях в понятии инварианта воспроизводятся общие свойства классов изучаемых объектов. Инвариант является

метаязыковым обозначением содержания категориальной семы.

Инвариантность – одно из стержневых междисциплинарных понятий, которое позволяет извлечь из потока вариаций относительно инвариантную сущность. И если инвариант подвергать рассмотрению по отношению к варианту, то в этой закономерности термин *вариант* можно охарактеризовать как форму существования и функционирования языковых единиц в целом, а содержательное ядро будет при этом отображать сущностные свойства системы языка, выступая наравне с вариантностью в качестве одного из основных свойств языка [4. С. 119].

Т. В. Жеребило отмечает в своей работе, что есть несколько, вопреки противоположным взглядам осмысления лингвистического инварианта, периодов изысканий в истории языкознания, связанных с развитием теории инвариантности. Первые два были выделены еще Р. О. Якобсоном: первое – рассмотрение фонемы как содержательного ядра в плоскости звуковых вариаций; второе – выявление и трактовка вариантов с позиций грамматики. Третий этап был наиболее полно раскрыт в трудах А. В. Бондарко, где он указывает на существование последовательной связи в системе языка и системе речи, охватывающей все структурные и функциональные стороны.

Т. В. Жеребило выделяет четвертый этап, связанный с развитием идей постмодернизма и активизацией исследований в этом направлении.

Наряду с инвариантностью одним из основополагающих свойств системы языка является вариантность. В связи с чем, есть необходимость подробного анализа типичных свойств фразеологической вариантности, показывающих значительную разницу с вариантностью слова.

«Проблема существования вариативности значима в первую очередь для фразеологических единиц (ФЕ), так как в сравнении со словом они имеют более сложную структуру, в связи с чем увеличивается многообразие видов ее варьирования на лексическом и синтаксическом уровнях. Результатом проявления общих закономерностей: адаптация к определенным языковым нормам, наличие аналогии, способность передать колорит времени, создание эффекта

новизны, усиление эмоционально-экспрессивных тенденций, что типично для художественных текстов, и есть вариативность в области фразеологии» [6. С. 187].

Фундаментальную попытку решения этой задачи берет на себя В. Н. Телия [11. С. 195]. Уже изначально она подчеркивает качественную разницу морфологических вариантов слова и лексических вариантов идиом. Два слова могут рассматриваться в качестве вариантов, считает автор, если отличие в аффиксах с общей корневой морфемой не обнаруживает никакой лексико-семантической разницы (ср. лиса – лисица). Лексикологи имеют в виду парадигматические и синтагматические средства определения аффиксальных морфем как элементов морфологического уровня языка. Выделить аналог корневой морфемы в составе фразеологических единиц, т. е. смысловой, или иными словами, семантический центр либо семантически опорное слово довольно сложно, а порою просто невозможно. В. Н. Телия пытается доказать неубедительность данного суждения, а также выявить и определить эти понятия. А для подтверждения своей теории она обращается к Н. Н. Амосовой, которая придерживается мнения о неприменимости понятия *семантический центр* по отношению к идиомам, независимо от их мотивированности или немотивированности, из чего следует, что любой элемент, составляющий целостное значение идиомы, не может обладать иллюзорно повышенной семантикой [1. С. 15]. В. Н. Телия же настаивает на том, что составляющими плана содержания идиом следует называть не единицы содержания нижележащего уровня, как в случае со значениями аффиксальных морфем, которые следует называть составляющими плана содержания слова, поэтому они могут быть признаны единицами морфологического уровня. Единицами морфологического уровня являются элементы лексических значений слов, слившиеся в той или иной степени, в результате чего лексические составляющие идиом не могут быть обозначены как единицы лексико-семантического порядка [11. С. 195]. Варианты фразем, независимо от того, что корневую часть в них чаще всего невозможно выделить, а лексико-семантический стержень не определен, могут не совпадать по материальному составу (ср.

Dummheit machen, sich dumm stellen, Unsinn treiben, Mätzchen machen – валять дурака, Ваньку валять). В результате чего напрашивается вывод, что критерий материального единства как показателя лексико-семантической общности не является важнейшим характерным признаком фразеологического варианта. Кроме того синонимичные фразеологизмы могут иметь общность в лексическом составе, а в определенных контекстах и семантическую общность, при этом не являясь тождественными (ср. *ein blinder Schuss (ungezielter – выстрел в слепую, не прицеливаясь) und ein blinder Passagier – der unberechtigt mitfährt – безбилетный пассажир, заяц*).

По причине неоднородности самого процесса фразеологизации, объединения двух или более слов в одно означаемое фразеологической единицы, план содержания устойчивого выражения может сохранить определенную степень мотивированности. Таким образом, сохраняя двойную ассоциативную связь между элементами смысла и плана выражения. В случае мотивированности в составе появляется дифференциальная сема, оттенок значения, отличающий один фразеологизм от другого. Аналогичного рода выраженность смыслового различия по существу отличается от выраженности *заварить кашу и расхлебать кашу*, так как отражены различия:

- 1) не затрагивающие содержания обозначенной фразеологической единицы;
- 2) не совпадающие с различием между компонентами в их общеупотребительном значении.

В русском языке есть идиома – *заронить искру – сомнения/подозрения/надежды* со значением возбудить, вызвать какое-либо чувство или дать основание. В устойчивых выражениях *-j-m Hilfe/Unterstützung/Widerstand leisten – оказывать помощь/поддержку/сопротивление; Arger/Wut/Erregung/Entsetzen packt ihn – зло/досада/страх берет его* имеется различие в субстантивных составляющих, Этому соответствует смысловое различие по силе и яркости проявления чувства. Если сравнить вышеупомянутые ФЕ в их общеупотребительной форме, то будет сложно обнаружить оттенок различия по интенсивности проявления чувств, так как он проявляется за счет использования в означаемом ФЕ смысла на-

чало, основание в его ассоциативных связях с элементами означаемого. В. Н. Телия подчеркивает, что особенность ФЕ «*заронить искру*» заключается в том, что данный состав невозможно использовать в контексте, так как смысл основных слов несовместим с интенсивностью проявления чувств. Сравним неправильные сочетания *заронить искру скептицизма, непротивления, равнодушия*. Несмотря на кажущуюся схожесть и, являясь по структуре вариантами, они не имеют общего содержательного ядра.

Подобного рода модификация компонентов фразеологизма, делает допустимым существование различий и в плане выражения, и в плане содержания ФЕ при следующих условиях:

1) эти различия не сформируют независимой знаковой функции, так как это ведет распаду фразеологизма или снижению числа его компонентов;

2) эти различия не нарушают равенства знака и не меняют эталонной отнесенности языковой единицы и ее системной значимости.

Особенность фразеологических единиц обнаруживает, что определение вариантов слова неприменимо по отношению к фразеологическим вариантам без уточнений, это вызвано в первую очередь особенностями фразеологизмов как структурных единиц языка.

«Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [7. С. 48]. *Он хоть и еврей был, но дурак, каких свет не видывал. Отпетый дурак, круглый дурак – Er ist dümmer als die Polizei erlaubt (он дурак дураком)*.

Большинство лингвистов при исследовании вариантности фразеологических единиц выделяют три направления: вариантность и инвариантность, вариантность и тождественность, вариантность и синонимия. Инвариантностью считается разного рода устойчивость, обеспечивающая тождественность фразеологической единицы. А. В. Кунин разрабатывая теорию устойчи-

ности фразеологизмов, выделил пять видов микроустойчивости фразеологизмов:

- 1) стабильность употребления;
- 2) структурно-семантическая константность;
- 3) семантическая неизменяемость;
- 4) лексическая неизменяемость;
- 5) синтаксическая неизменяемость [7. С. 48]

В этом случае инвариант как термин употребляется и в отношении всего лексического состава фразеологизмов, и по отношению к грамматической структуре и значению, при этом тождество объясняется как совокупность инвариантов.

Например: «*Mätzchen machen*», «*валять дурака*» или «*Ваньку валять*» (бездельничать).

А. Д. Райхштейн считает противопоставление понятий инвариант и вариант излишним, а соотнесение изменяемости и вариантности как способности фразеологических единиц к значительному и незначительному изменению формы более подходящим. По представлениям ученого, «инвариант – это двусторонняя единица более высокой ступени абстракции, представленная всеми формами изменения, получаемая путем отвлечения от некоторых их формальных и смысловых признаков и обобщающая их по содержанию» [9. С. 59].

По определению Н. В. Куницкой, фразеологической единицей считается устойчивое сочетание слов целиком или с долей переосмысленного значения. Устойчивость, по ее мнению, есть один из основных признаков ФЕ. Она опирается на присущие ей всевозможные виды инвариантности (константность определенных элементов при всех нормативных модификациях) [8. С. 48]. Н. В. Куницкая выделяет следующие типы инвариантности:

1. Стабильность употребления. Основным признаком этого типа микроустойчивости является воспроизведение в готовом виде. Например: *Der Kampf gegen das Böse darf nicht ein Spiel mit dem Feuer sein. Mit dem Feuer spielen* (играть с огнем) [3. С. 161]

2. Структурно-семантическая константность: ФЕ состоящая из двух или более слов, и является раздельнооформленным образованием, не может служить эталонным для образования похожих по структурно-семантической модели ФЕ. Например:

Aber wir haben nicht gegen Windmühlen zu kämpfen wie der alte schäbige Ritter mit der blechernen Rüstung, mein Freund, es geht heute gegen gefährliche Riesen ins Feld, bald gegen Ungeheuer an Brutalität und Verschlagenheit, bald gegen wahre Riesensaurier, die seit jeher das Hirn eines Spatzen haben. gegen Windmühlen zu kämpfen (бороться с ветряными мельницами) [3. С. 160], «... , *mich wie eine Fliege in Ihrem Netz zappeln* (как муху в сеть поймать) *zu sehen, umso mehr als sie gleichzeitig in meinem Netz fangen*». *Im Netz fangen* (поймать в сеть) [3. С. 123].

3. Семантическая неизменность. Инвариантность всецело или отчасти переосмысленного фразеологического значения базируется:

а) на неизменности переосмысления значения: *Schlacht mit dem Tode*. (Борьба со смертью) [3. С. 188].

Die Kalte des Weltalls(холод вселенной). *Was treiben wir uns im Kreise herum? Im Kreise heruntreiben* (ходить по кругу или вокруг да около) [3. С. 187].

б) на присутствие тождественного значения и лексического инварианта во фразеологических вариантах: *keinen Finger für etw. rühren, nicht einen Finger für etw. krumm machen* – не пошевелить пальцем/ палец о палец не ударить. *In der Patsche sitzen/ stecken* – быть/находиться в затруднительном положении; *in die Patsche geraten/ kommen* – попасть/влипнуть в историю/ впутаться в неприятность.

в) наличие содержательного и лексического инварианта при всех вероятных различиях в структурных синонимах. *Darüber ist längst Gras gewachsen* – это давно забыто/ былем поросло; *in Vergessenheit geraten* – быть преданным забвению; «*Sich dumm stellen*», «*Mätzchen machen*», «*валять дурака*» или «*Ваньку валять*» (бездельничать) *Kъаьгга малх хъежача дийнахъа а, к1ерам а лотабийя мара ма де йоахий зоахалол*. Говорят, даже в яркий солнечный день, свататься нужно при зажженной свече (осторожность) [12. С. 2]. «*Не зная броду, не суйся в воду*» (осторожность).

4. Лексическая неизменность, т. е. невозможность замены компонентного состава в рамках фразеологической вариантности или структурной синонимии при обязательном сохранении семантического и лексического инвариантов.

5. Синтаксическая устойчивость, т. е. безусловное постоянство последовательности компонентов ФЕ или их трансформации в рамках вариантности.

Исходя из вышесказанного, все устойчивые словесные комплексы, в том числе и ФЕ, формируются на основе более мелких языковых единиц-лексем, являющиеся компонентами ФЕ.

Если вариант ФЕ – это разновидность устойчивых словосочетаний, образованных по форме фразеологической модели, с присущими и уже нам знакомыми структурными различиями, олицетворяющими одни и те же образы, инвариант в данных условиях будет необычной моделью, способной обеспечить объем вариантности в рамках идентичности ФЕ.

Значение устойчивых ФЕ не ограничивается только словарным значением, поскольку может часто указывать на сходные ряды фразеологических единиц и смысловых значений, а также обнаруживать отношение к словам, среди которых находится.

Варианты фразеологизмов обуславливают разновидность устойчивых словосочетаний, сформированных на базе инварианта, иными словами образованных по типу одной и той же модели фразеологизма, но имеющих известные структурные отличия

и воплощающих те же образы, взятые из реальной действительности.

Цох хьахинна дикадар долаш да хланз цун дега клал. (плод ее мольбы, ее надежда живет у нее под сердцем – быть беременной)

Sie fürchtete den schnüffelnden Forstleiven, und dabei pochten zwei Herzen in ihrem Leibe. (Она боялась вездесущего лесничего, и при этом два сердца билось в ней – быть беременной)

Blarga чу белла nlelg гургбоацаш бабде яр хьунагIа (в лесу темно – в глаз пальцем ткнуть, не увидишь) В русском языке – хоть глаз выколи или ни зги не видно (и в первом и во втором случае значит – темно, ничего не видно).

В русском языке устойчивый оборот *деньги куры не клюют*, в немецком имеет вариант *er hat Geld wie Heu*, и в том и в другом случае присутствует общий знаменатель – иметь много денег.

Заключение. Исходя из вышесказанного и проведя небольшой анализ по проблеме, напрашивается вывод, что инвариантность присуща всем ФЕ, поскольку фраземы, не имея полных эквивалентов, не всегда совпадая по своей лексико-грамматической структуре, имеют общее содержательное ядро в совершенно разных языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: ЛГУ, 1963. С. 156.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. С. 176.
3. Дюрренматт Ф. Подозрение. М.: Цитадель, 2000.
4. Жеребило Т. В. Инвариантно-вариативная парадигма в современной лингвистике и перспективы ее развития. *Lingua-universum*. № 1. С. 119.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 80-81.
6. Лянова А. М. Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка. Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 2013. С. 187.
7. Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964.
8. Куницкая Н. В., Мельник В. Ф., Данилов Б. С. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц. Кишенев, 1989. С.48.
9. Райхштейн А. Д. Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. С. 59.
10. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. С. 38-39.
11. Телия В. Н. Вариативность лексического состава идиом как структурных единиц: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. С. 195.
12. Чахкиев С. И. Бертий бийсаш. vk.com/ingbooks

REFERENCES

1. Amosova N. N. Osnovy anglijskoj frazeologii. L.: LGU, 1963. S. 156.
2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sov. jencikl., 1969. S. 176.
3. Djurrenmatt F. Podozrenie. M.: Citadel', 2000.
4. Zhrebilo T. V. Invariantno-variativnaja paradigma v sovremennoj lingvistike i perspektivy ee razvitija. *Lingua-universum*. № 1. S. 119.
5. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. V. N. Jarcevoj. M.: Sov. jenciklopedija, 1990. S. 80-81.
6. L'janova A. M. Frazeologicheskie varianty v idiomatike sovremennogo nemeckogo jazyka. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Groznyj, 2013. S. 187.
7. Kunin A. V. Osnovnye ponjatija anglijskoj frazeologii kak lingvisticheskoj discipliny i sozdanie anglo-russkogo frazeologicheskogo slovarja: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1964.
8. Kunickaja N. V., Mel'nik V. F., Danilov B. S. Funkcional'no-semanticheskaja dinamika somaticheskikh leksem v sostave frazeologicheskikh edinic. Kishenev, 1989. S.48.
9. Rajhshtejn A. D. Nemeckie ustojchivye frazy i ustojchivye predikativnye edinicy: Dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1974. S. 59.
10. Solncev V. M. Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. M.: Nauka, 1977. S. 38-39.

UNION OF REGIONAL STUDIES OF RUSSIA, MOSCOW

UDC 81'42: 821.161.1

Philology

BIRDS IN THE WORKS OF I. A. BUNIN

Doctor of Technical Sciences S. B. Nesterov
E. V. Belyaeva

Abstract. The great Russian writer, the Nobel prize winner Ivan Bunin is considered to be unsurpassed master in nature description. This paper depicts the world of birds in his poetry and prose. An attempt is made to collect all references to birds which can be found in his works. Bunin's specific manner to describe birds is analyzed. Special attention is paid to vocalization of birds. The frequency of birds references is given as well as the palette for bird description. The author's relation to concrete kinds of birds is presented. The information on 100 types of birds mentioned in his works can be viewed like a kind of encyclopedia.

Key words: birds, vocalization, frequency, imaginary birds, Bunin's works.

СОЮЗ КРАЕВЕДОВ РОССИИ, г. МОСКВА

УДК 81'42: 821.161.1

Филология

ПТИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА

Доктор технических наук С. Б. Нестеров
Е. В. Беляева

Реферат. Великий русский писатель, нобелевский лауреат Иван Алексеевич Бунин был непревзойденным мастером описания природы. Данная работа посвящена миру птиц в его поэзии и прозе. Сделана попытка собрать все ссылки на птиц, приведенные в произведениях И. А. Бунина. Рассмотрена особенность изображения птиц. Особое внимание уделено вокализации птиц – набору голосовых звуков, издаваемых птицами. Приведена частотность упоминания различных птиц. Описано использование цвета в изображении птиц. Особое внимание уделено отношению И. А. Бунина к конкретным птицам. В результате систематизации информации о 100 видах птиц, живущих в его произведениях, получилась своеобразная энциклопедия бунинских птиц.

Ключевые слова: птицы, вокализация, частотность, фантастические птицы, творчество И. А. Бунина.

Введение. В октябре 2015 г. исполнилось 145 лет со дня рождения русского писателя и поэта, нобелевского лауреата Ивана Алексеевича Бунина [1-4]. Иван Алексеевич прожил большую и насыщенную жизнь. Родился в Воронеже, жил в Ельце, Орле, Харькове, Полтаве. Много путешествовал. В мае 1918 г. уехал из Москвы в Одессу, а оттуда в январе 1920 г. эмигрировал сначала на Балканы, затем во Францию.

Будучи тонким лириком, И. А. Бунин любил и ценил окружающую природу, животных и птиц.

В 2009 г. издана книга «То душ преображенных несчислима рать», в которой анализируется мир птиц в творчестве С. А. Есенина [5]. В октябре 2015 г. исполнилось 120 лет со дня его рождения.

Настоящая работа посвящена миру птиц в поэзии и прозе И. А. Бунина.

Всего в произведениях И. А. Бунина птицы упоминаются около тысячи раз.

Сто разных видов птиц живут на страницах его книг.

В октябре 1948 г. в своем интервью газете «Русские новости» Иван Алексеевич

сказал: «Наша судьба вообще уже давно была связана с птицами. Вспомните-ка, в самом деле, каким страшным успехом пользовались у нас «Соколы и Вороны», альбатросы, кречеты, «Синяя птица», «Умирающий лебедь», «Дикая утка», «Чайка»! [6].

Писатель сравнивает себя с птицей: «Перелет птиц вызывается действием внутренней секреции: осенью недостатком гормонов, весной избытком его... возбуждение в птицах можно сравнить с периодами половой зрелости и «сезонными толчками крови» у людей...

Совсем как птица был я всю жизнь!» [1].

«Возьмите Брэма, как он может обогатить словарь. Какое описание окрасок птиц! – Вы и представить не можете» [7].

Сделана попытка собрать все ссылки на птиц, приведенные в произведениях И. А. Бунина. Построен график зависимости количества упоминаний птиц от года, приведены данные о частотности упоминаемости различных видов птиц, рассматриваются особенности изображения птиц И. А. Буниным.

Работа будет полезна всем, кому небезразлично наследие русского классика, нобелевского лауреата И. А. Бунина, а также школьникам как пособие по изучению истории и природы родного края.

Основная часть. Особенности изображения птиц И. А. Буниным

Русский писатель А. Куприн писал: «Бунин тонкий стилист, у него громадный багаж хороших, здоровых, метких, настояще-русских слов: он владеет тайной изображать, как никто, малейшие настроения и оттенки природы, звуки, запахи, цвета, лица; архитектура его фраз необычайно разнообразна и оригинальна; богатство определений, уподоблений и эпитетов умеряется у него строгим выбором, подчиненным вкусу и логической необходимости; рассказ его строен, жив и насыщен; художественные трудности кажутся доступными непостижимо легко... И многое, многое другое» [8].

Вокализация птиц

Вокализация птиц – набор голосовых звуков, издаваемых птицами. В орнитологии разделяется на длинное пение и короткие голосовые сигналы, различные по функциям – пение используется преимущественно в половом поведении и для защиты территории, голосовые сигналы предназначены преимущественно для коммуникации, например, призыва или сообщения об опасности.

Бунин И. А. хорошо знал повадки и голоса птиц, что подтверждает его трактовка их вокализмов.

Курсив относится к выдержкам из поэтических произведений, обычный шрифт – к прозе.

i>

Вирь – так жалостно поет, с такую нежностью глубокой, тоскливо стонет и рыдает

Воробьи – задорно зачиликают; сыпали веселым треском; осыпали оживленным треском; *крикливые*

Ворон – *каркает*

Ворона – хрипло орала к дождю и к вечеру; каркали еще жестко, круто

Галки – звонко и радостно сказали что-то друг другу; болтали в тишине

Голуби – заворковали; *воркует*

Горлицы – журчали; сладостно журчат; голос слышен; ворковали

Грачи – кагакали; кричали тонкими томными голосами; томно кричали; шумели; волнуящее карканье; тревожно орала; однообразно, важно и торжествующе, не нарушая кроткой тишины сада орала; разноголосый крик; зашипел, захрипел; неустанно, изнемогая от блаженной хлопотливости, так, как орут они только ранней весной; важный и томный крик; *кричит; шумит*

Гуси – гоготали; *металлически страшно, в дикой печали кричат*

Дергач – равномерный и как будто тоже сырой скрип

Дрозды – резкий крик; пели; выводят свои переливы слаще и милее; квохчут; хрипло трещат; с веселым, притворно-яростным взвизгиваньем и сытым квохтаньем перелетали; пели беззаботными переливами; *квохчет; кричит; поет*

Жаворонки – пели; заливались; сыплют трели; распевали; допевают в холодеющем воздухе свои вечерние трели; допевали свои кроткие песни; жалобною песнью пустынного жаворонка; заливались над степью

безотчетно-радостными трелями; *звонко трели льет*

Журавль – *отдаленный крик; друг друга окликающая; защелкает; крик журавлей. И дико и легко он прозвенел над тихими полями*

Зяблики – пели

Иволга – мягкими переливами звучал голос иволги; веселый и томный голос; вскрикивала резко и радостно; поет; вскрикивает; с блаженной беззаботностью, игриво и томно выводила свои флейтовые переливы; *болтает; распевает, как флейта; вскрикивает резко; окариною поет*

Индюшки – мирная перекличка; тихо переговариваясь

Канарейка – на все лады; как неживая, как заведенная, заливалась; сладко щебечут

Касатка – щебетунья; неизменно счастливое щебетанье; *щебечет*

Клесты – стали цыкать

Кобчик – писк

Колибри – *поют, ликут, спорят голосами*

Кондор – *долгий крик, звенящий крик тоски, вдруг раздается жалобно и властно и замирает*

Кукушка – хриплый хохот; куковала; глухо и настойчиво куковала; не смолкая куковала; с колдовской настойчивостью куковала; внезапно закуковала; гулко-полый голос; вдруг в ельнике что-то зашуршало, весело и злорадно захохотало, потом гулко раздались: «ку-ку! ку-ку!»; *вещун голосистый; медленно кукует; хохочет хриплым смехом*

Кулики – с жалобными стонами; с плачем; *кричат*

Куры – звонко и весело раздавалось кудаханье; вопросительно-растерянные восклицания; *непоет*

Лебедь – крик

Мухоловка – цокала

Овсянка – однообразно и хрустально звенела; горестно-нежно звенела; однообразно повышающийся и понижающийся звон: ти-ти-ти-ти-ти-ти-и; *звенит*

Орлы – скрыжут; кричат; *кричат; дико звонок их плач голодный*

Орленок – орлята мяукали; *шипят, как василиск*

Орлица – *кого-то кличет, бьется с лютым криком*

Павлин – *кричат*

Перепел – отчетливо выкрикивали «пять-паль-пять»; редкий крик; отчетливо

перекливаются; трюкающую; перекличка; ффрр!

Петух – крик; перекличка; заорал хриплым басом; сонно-певучая перекличка; пели; допевали; как неживые, поют; стали кричать реже, музыкальнее; опевают ночь, «кукареку!»; осторожно пели; отдаленными-отдаленными, протяжными стонами доносилась перекличка петухов; пели протяжно и осторожно; еще сквозь сон, несознательно, но уж задирчиво, с напрягающимся хриплым клекотом двух разных голосов; хрипло и как-то беспомощно-блаженно стали кричать; протяжно, истомно перекликались; *распевает; крик петухов; воспевают весну; кричат*

Попугай – четкий и резкий голос; резко вскрикивают; диким и мертвым голосом кричал; хищно, восторженно и неожиданно вскрикивали в мертвой тишине

Пустушка – стонет вдали; *как ребенок брошенный, кричала*

Рыбалка – скиглила

Селезень – шипел и крякал

Сизоворонка – вскрикивали

Синицы – посвистывали; *свищет; свистит; шуришит*

Скворцы – пели; сыплющие немолчным щебетом, точно каким-то солнечным дождем

Снегирь – холодное, зимнее гуканье; *звенит*

Сова – *дико захохочет; заплакала; визжит*

Совка – писк

Сокол – плаксиво и зло скулит

Соловей – дремотно щелкал; пробовали свои голоса; нежно и отчетливо выщелкивали по сторонам, звонко перекликаясь с эхо; пели; медленно щелкал; умолкли; томился своей сладкой песней; сладко и сильно цокал и рассыпался; пел песню томную; четко и сильно, со всей сладостью соловьиного самозабвения, щелкал; цокал; томное цоканье; осторожно, изнемогая от неги, пели; гремели; на весь лес раскатился торжествующим цоканьем и треском; счастливо щелкал; щелканье; сладко голосили и цокали; тщетный соловьиный восторг; таинственно и осторожно пели; пели ночные соловьи, состязаясь друг с другом в сладости и тонкости песен, в их чистоте, тщательности, звучности; с бессмысленно-жуткой радостью голосили; *пел; замолчал; соловь-*

иные песни; напевы; лились и отдавались в чаще песни; гремели соловьи; выводит трели; плачет; пробует цокать; трещит

Сорока – стрекотала

Страус – вопил; кричишь, уподобляя себя страусу

Стриж – сверлят полдневную тишину скрипучим врезжанием

Сыч – *оглашали стонами; крикнул*

Утка – низкое кряканье; с криком и страшным шумом кидаются по воде

Филин – сумеречное уханье; ухал и плакал; плач; испускал вопль изумленья, смолкал; внезапно принимался истерически ухать, хохотать и взвизгивать, опять смолкал – и раздражался стонами, всхлипываниями, рыданиями; болезненно вскрикивал; кричит: сперва лай, потом детский плач, хлопанье крыльев и клекотанье – с наслаждением, с мучительным удовольствием; кричал резко, отвратительно, вдруг опять залаял, захлебнулся; начинают орать хриплыми, блаженно-мучительными голосами филины, и в голосах этих есть что-то недосозданное, довременное, где любовный зов, жуткое предвкушение соития звучит и хохотом и рыданием, ужасом какой-то бездны, гибели

Цапля – таинственный крик

Цыпленок – писк; сиротливо пищал; *пища, залез на лавку*

Чайка – кричали слабо и странно; жалобно кричит; радостный крик; кричали страдальчески-блаженно; скиглит; *с воплями скользит; носится с криком; кого-то жалобно и звонко призывая, кричит; с криком; с двойным звенящим криком*

Чеканка – жалостное цоканье; *щебечет*

Чибис – звонкоголосые; *заплакал; плачет*

Щеглы – посвистывали; *поет; поет дурак щегол; их звон стеклянный, неживой; их хрустально-мертвый звон*

Сирена – *поют, мычати мрачно и темно*

Птицы вещие – *с голосами ангельскими*

Птицы – чисто и звонко щебетали; тысячеголосые крики хищных птиц; сладко звенят; радостно-хищный смех какой-то ночной птицы; резкий крик; карканье; возрыдали; сладко поющие; заливались; послеполуденное пенье; крикливая стая; поминутно заливаясь сладкими трелями; заливались сладко и беззаботно; взвивалась с радостной утренней песней над долиной; раз-

ноголосое пение

Характеристики и сравнения

Курсив относится к выдержкам из поэтических произведений, обычный шрифт – к прозе.

Аист – тревожно торчит, почерневший, похудевший, с подогнутым хвостом и обвислой косицей...негодую, волнуясь, подпрыгивая, крепко, деревянно стучит клювом

Баклан – *черный баклан; высокая шейка баклана*

Бекас – милая, своеобразная жизнь; *в траве перебегают грациозно*

Вальдшнеп – смугло-золотой; вырывался из-под кустов с треском; золотисто-рыжий

Вирь – *ее убор...серо-аспидного цвета, взор исполнен скорбного привета, головка в хохолке, тревожно вьется, в испуге бьется, поет...тем тоскливей, тем грустней, чем человек больней страдает, жалостно поет, с такою нежностью глубокой...лес молчаливый и унылый и скорбной песни красота полны неотразимой силы!*

Водяные пастушки – на высоких, тонких ногах

Воробей – стаям снялись; задорно чиликают; ливнем пересыпаются; осыпали сплошным треском; вечерним, уютным, веселым треском; зорко и бойко оглядывался; ливнем сорвавшихся; *шныряют; крикливою станицей проносятся*

Ворон – немало видел перемен на этом свете; спят, нахохлившись; боком подпрыгивали; мужики расселись, как вороны на срубленных деревьях; подняли гам; пал; вынырнул из волн; жадно клевал; отец...похож на ворона...невысокий, плотный, немного сутулый, грубо черноволосый, темный длинным бритым лицом, большеносый...в черном фраке, сутуло и крепко стоял...поводил большой вороньей головой, косясь блестящими вороньими глазами; черно-вороненое небо; злой; набирая в грудь воздух, надуваясь, высоко и с усилием поднимая правое плечо, и надувшись, приняв эту нелепую, напряженную позу, став похожим на злого ворона, медленно выпускал воздух; *чернокрылый; черный; синий; алый клюв; плавает, каркая; пьет глазки до донушка*

Ворона – глупая, каркающая, голодная;

серело воронье

Гагара – лето уплывем, как две гагары

Галка – нахоленные; черничка-галка; болтливые; возились; болтая, усаживались; низенькие черные монашенки, похожие на галок; синеваыми пятнами отражались в золотом куполе; вечно вившиеся вокруг него, нервные, оживленные, черные «хлопья» галок; *бойкие*

Голубь – белые; кружили и сверкали в ясном небе; сытые; сизые и «жаркие»; шумной стаей падают; гуртуют; трепещут крыльями, пригретые солнцем; больной облезлый; нахолившись, сбились под застреху; дружно пронеслись; заворковали спросонья; красиво взвивались; стаями перелетают сытые голуби, давая чувство счастливой осени, покоя, довольства; холятся против солнца; белоснежные; одинокий белый голубок; бегали; клевали целой стаей; комком сжавшийся застыл на снегу; ворковали, трепещи и свистя крыльями; падали; милые; плеск и свист голубиных крыльев; *испуганная стая поднялась и закружилась, крыльями блистая, сердце трепетало, точно голубь; рея, ворковали; комом упал; воркующие; кипящие; сизые; нежно жмутся; красный; белый*

Горлица – мелко и споро бежали; спинки с брусничным отливом; женственно, игриво семенили; легко взлетели, распутив серые хвосты с белой каемкой; затрепетал легкий свист крыльев; бегущие быстро и однообразно; блеснув крыльями, слетели; пали в рожь; сладко журчат; кроткие; дикие

Грач – блестящие черные; весело и важно кагакали; одиноко сидит; крылья блестящие и лоснились; с раскрытыми серебристыми клювами; молодые; несметные тысячи; шумят хорошо, приятно, молодо, но все-таки чересчур буйно; первые; слишком рано прилетевшие; только что прилетевшие; неприветливые дубы чернели грачиными гнездами; орали, изнемогая от блаженной хлопотливости; важно, победно и вместе с тем радостно, бестолково, нестройно; синий грач; ветер качал за окном черное весеннее дерево, на котором, как пьяный, мотался и тревожно орал грач; замер с ужасом в диком блестящем глазу, откинулся на сторону, прижался к земле, захрипел от злобы; по-осеннему стали собираться на советы, подумывать об отлете; важно и торже-

ствующе орали; непрерывный разногласный крик с буйным страдальческим упоением хлопочущих грачей; сидели в раздумье; боком на дороге сидит, бельма завел, закатил, огнем во весь зоб дышит; *кричали хлопотливо; кричат и весело, и важно; зашумят; важно гуляет*

Гриф – *глубоко в синеву уходит, ужасенный стрелой; потонул в бездонном небе*

Гусь – важно, по-гусиному, переваливаясь на ходу; ковыляли; бродил; плавали; важно переваливаясь, следовал за нею, *длинным караваном над лесом держат перелет*

Дрозд – сытые; веселые; убитые; окровавленные и еще теплые, сладко пахнущие дичью и порохом; беззаботными переливами, мирно грустными, сладкими, чуждыми всему нашему, человеческому миру, пели черные дрозды

Дятел – приостанавливаясь, приподнятая хохолок; быстро бежал вверх; красновато-серый; висел, прижавшись к стволу сосны

Жаворонок – весело и кротко распевают; хохлатые; кроткие; полусонные; поминутно взвивались; косо неслись и падали; грустит; невидимые в воздухе

Журавль – *осторожно тянутся гурьбою; грифельный; опущена косица, нога – как трость; пугаясь хора, защелкает, взвевается от забора – и ну плясать и стучать клювом*

Ибис – розовыми лилиями блистали тысячи длинноногих фламинго, ибисов и цапель

Иволга – зелено-золотистая; колом проносилась; веселый и томный голос; *беспечно болтают; за золотой, сверкающей птицей, скользящей, как стрела*

Индюшка – мирная перекличка; опустив мокрые хвосты, усаживались; сердито клевали цыплят; изодрали всю голову, замучили; гуляли смиренно, с опущенными хвостами, тихо переговариваясь; подпрыгивали, треща перьями

Канарейка – возилась в покачивающейся клетке; щебечут сладко; *птица вольная, изумрудная*

Касатка – какая милая, ласковая, чистая красота, какое изящество; молниеносный лет; с розово-белыми грудками, с черно-синие головками и такими же черно-синими, острыми, длинными... крылышками

и неизменно счастливым щебетаньем; черные, стрельчатые

Кобчик – сидят, совсем черные значки на нотной бумаге; писк, затерявшийся в лунном свете; *нахохлясь, спит покрытый пылью матовой росы*

Козодой – ворожба

Кондор – *тяжкий и усталый, гонимый темнотой; уродливо-плечистый, худой, медленно спускается на скалы; горный*

Коршун – *кофейные, с фарфоровой голловкой*

Кочет – огромный красный; «оборотный»

Кукушка – хриплый хохот; милостивая вещунья; глухо и настойчиво куковала; с колдовской настойчивостью куковала; внезапно закуковала, как бы убежденная в правоте своей одинокой, бездомной печали; тщетно весь свой век взыскующая какого-то заветного гнезда; все куковала и куковала, суля мне что-то бесконечное; *вещун голлосистый; медленно кукует, хохочет хриплым смехом*

Кулик – вырываются; метнулись

Курица – завозились, затрепыхали крыльями; нахохлившись, как куры в непогоду; ерошились; зарывались в золу; слетали; падали; наклоняясь вперед, засыпая на бегу; бежали куда попало; рябая; смиренно сидевшая; озабоченно бродят, раздирают лапами золу, приманивают цыплят; никогда ничего не думают; возились; дремали; усаживались на насест; хозяйственные; тревожатся; кудахчут сквозь дрему; жена наседкой квохчет; все, как говорится, на один и тот же вкус, подобно курице, – что черный, что белый хохол; вопросительно-растерянные восклицанья; умишко куриный

Ласточка – а в сердцах у нас было то, что должны испытывать в полете ласточки; мелькали; взвиваясь, тонули в небе; непрестанно сновали черными стрелами; лепили свои известковые гнездышки; *резво реют, чуть касаются влаги крылом*

Лебедь – положив руку в белой перчатке до локтя таким изгибом, который делал руку похожей на шею лебедя; тайные крики; серый снег порошил молодой, белый, нежный, как лебяжий пух; его «лебединая песня» пропета; *неслись паруса, лебединою грудью белели они*

Лунь – большие и белые, как лунь

Овсянка – однообразно и хрустально

звенела; кустовая; горестно-нежно звенела

Орел – кричит, как орел; парит; орлиный нос; грозное великолепие золотого орла; *седой, взмахнувший в пустоте, властно кричит; и, как орел, впервые взмахнувший из родимого гнезда над ширью океана, был я счастлив; тверже стали, орлиного когтя безнадежное сердце*

Орлица – *дивная, плещется крылами, красными, как камень, о белый камень бьется с лютым криком*

Орленок – *шипит, как василиск*

Павлин – цветистая, как хвост павлина, волна; *хвост блещет стоцветными алмазами*

Пеликан – надутый

Перепел – свежо и отчетливо переключаются; робкая перепелка; затаенная жизнь; крупный кургузый перепел тяжело и неловко вырывался; облысел, ударяясь в крышку клетки

Песочник – *грациозно в траве перебегают*

Петух – крик петуха нагонял на деревню тихую дрему; отдаленными-отдаленными протяжными стонами доносилась переключка; сильно и выпукло захлопав крыльями, поджимаясь, мелко убежал от нее; петухи опевают ночь; кричать петухом; пели протяжно и осторожно; петушиная гордость; первый рассветный; *беззаботно весну воспевают весь день; печальные напевы; распевают тонко, страшно*

Пингвин – несметные траурные, кружатся и дерутся, как чайки

Попугай – голос ее, четкий и резкий, как голос попугая, странно раздавался; клоуны вскрикивали резко, попугаями, вылетая на арену; крепкоклювые, горбоносые – радужные, рубиново-синие, золотые и зеленые

Пугач – *с безумным удивлением глядели сверкающие золотом зрачки, сорвался вниз, во мху блестят безумно круги зрачков лучисто-золотых; изломанные крылья; хищный взгляд дик и зол; сталь когтей с отчаяньем бессилья вонзается*

Пустушка – стонет грустно, нежно и звонко; *ушастая; как ребенок брошенный кричала*

Пчелоед – *в зелено-синих перьях*

Рыбалка – неожиданно вырывается; сверкает в воздухе острыми крыльями; белая; *блестит; лапка лучистая; белый караван; зашумели белые ряды и стоя машут*

длинными крылами

Рябчик – розовый; жареный

Сапсан – *стервятник космогоний, готовый взвиться каждый миг; седой, зобастый, круглоглазый; страшен, непонятен, таинственен*

Селезень – проснувшийся; хромой; радужные, выщипывая перья из хвоста

Скворец – дом унизан по карнизам скворцами и их щебетом; сыплющие немолчным щебетом, точно каким-то солнечным дождем; *играя, в небе промелькнет скворцов рассыпанная стая*

Снегирь – красногрудые; раздувавшиеся по ветру; толстые; зобастые; с красными грудками; взъерошенным комочком лежит на снегу; *съежился от стужи; сладко слушать, как звенят*

Сова – премилая; колом вынырнула большая, головастая; беззвучно описав дугу, пала вниз и плавно потонула в чаще ветвей; большекрылая; бесшумно, неожиданно взвизгивали; пучили глаза; сова ль моя, совка, сова ль моя, вдовка! желтые совиные глаза; «нощный вран»; *молчит, сидит и тупо из ветвей глядит; порою дико захохочет, сорвется с шумом с высоты, взмахнувши мягкими крылами; смотрит круглыми глазами, водя ушастой головой по сторонам, как в изумленьи*

Совка – мохнатая; плавно метнулась и с размаху села; просыпаясь, дернула ушастой головкой и уже зрячим оком глянула кругом; *трепетно парит*

Сокол – скулит плаксиво и зло соколом голодный; дивный «сокил-белозирец»; *зоркий; трепещет*

Соловей – дремотно щелкал; пробовали голоса; старательное выщелкивание; томился сладкой песней; сладко и сильно цокал; четко и осторожно отдавалось по саду чоканье; пели ночные соловьи, состязаясь друг с другом в сладости и тонкости песен, в их чистоте, тщательности, звучности; торжествующе, счастливо; тщетный соловьиный восторг; таинственно и осторожно пели; озорство соловьев; *напевы ранних соловьев; яркие песни; звучно доносились напевы; притихший; осторожней поют*

Сорока – *мелькает; сверкает; зоркая; качает длинным траурным хвостом; скачет; что-то прячет; летит; нагадала*

Стервятник – старый аравийский; голо-

ден так, как может быть только стервятник

Страус – буду вопить, как страусы; кричишь, уподобляя себя страусу; упоминание шакала и страуса внушают трепет и тоску; «Лица их, – думаю я словами Корана, – похожи на яйца страуса, сохраненные в песке»; бродили голенастые страусы, нося на своих лошадиных ногах кургузые туловища в атласно-белоснежных курчавых перьях и с глупым удивлением вытягивая лысые головки на голых шеях

Стриж – тысячи черных стрижей кружат; *скользят*

Сыч – лесной пугач; сижу, как сыч на бугре; лисица мышкует, сычует (ведь сычи и совы тоже за ними охотятся)

Трясогузка – серенькие трясогузки щеголевато и легко перебегают по их бережкам и оставляют на иле свои тонкие, звездообразные следы

Тупик – розовый; сладко щебечет

Турман – при входе людей поднимались тучей; *с шумом и свистом крыльев, стремлою мчится; снежным комом падает; головки кроткие; долго пьют из лазурной лужи; ходят, воркуя*

Утка – Настасья Петровна, ходившая по утинному, носками внутрь, переваливаясь; дикие утки; мужицкие утки; плавающие; висели; чутким сном спали, спрятав под крыло голову

Филин – сумеречное уханье; сидел, выбрав место посумрачнее, торчком подняв уши, выкатив желтые слепые зрачки – и вид у него был дикий, чортковский; неслышно носился, легко опускался на крышу, почти касался земли, плавно доносился до риги и, взмыв, садился на ее хребет; сидел, как будто что-то вспоминая, испускал вопль изумления, смолкал, внезапно принимался ухать, хохотать и взвизгивать, раздражался стонами, всхлипываниями, рыданиями; барин у нас... голова торчком, голая, наденет круглые очки – чистый филин; жалобно кричал; с наслаждением кричал; быстро и гулко забив крыльями; ушастый; сорвался и стих; сидит в черной ели, пучит янтарное око; в голосах этих есть что-то недосозданное, довременное, где любовный зов, жуткое предвкушение соития звучит и хохотом и рыданием, ужасом какой-то бездны, гибели.

Фламинго – розовыми лилиями блистали тысячи длинноногих фламинго, ибисов

и цапель; розовый; *алеют розами*

Цапля – таинственным казался крик; розовыми лилиями блистали тысячи длинноногих фламинго, ибисов и цапель; хохлатые тонкие; блистали тысячи одноногих цапель; *белеет*

Цесарка – неожиданно, но совсем просто, гуляючи, вошло в залу нечто пестренькое, вроде цесарочки

Цыпленок – сиротливо пищал, бродя по гостинной; за всю жизнь цыпленка не обидел; высокие, худые цыплята; дохлый цыпленок-пугало; холодный; жареный; *желтые; возятся в золе; спешит десяток крохотных цыплят; пестренький цыпленок, пища, залез на лавку*

Чайка – слабо и странно кричали; жалобно; бросилась между волнами; плавно скользя, выносилась и взлетала, вся в брызгах и пене; бессильно качается; белая; крылатая; бесприютная; низко и плавно скользнули над водою; блеснула мимо нас; метнулась в улицу; кричат страдальчески-блаженно; поднимается с дороги; бесцельно и скучно провожала пароход единственная чайка; летела, выпукло кренясь на острых крыльях, за самой кормой, то косо смывалась вдаль, в сторону, точно не зная, что с собой делать в этой пустыне; стая краснолапых чаек долго провожала нас, долго плыла на тугих острых крыльях; как картонные; как яичная скорлупа; как поплавки; белизна чаек; *острые крыла; с воплями над бездною скользят; носились над водою с криком; зоркие; косятся, взмывая, сверкают крыльями, кого-то жалобно и звонко призывая; блеснет; качаются с криками, падают в пену и тают; села как поплавок; струю серебристой сбегает с лапок розовых вода; с криком падают; тугие крылья; белую яичной скорлупой скользят; на снежных крыльях; закачалась чайка серая под скалой, как поплавок. Под крыло головку спрятала и забылась в полусне; как чайки на песках опять вперед я простираю руки; как крылья чаек, среди камней мелькает пена*

Чеканка – жалостно цокали; перелетали с места на место, с былинки на былинку; пестрокрылые; *пестрокрылые*

Чибис – вьются звонкоголосые

Щегол – *дурак*

Ястреб – взвывается... замрет на одном месте, трепеща острыми крылышками; вы-

катив ястребиные глаза; пустые ястребиные глаза; выскочат его ястребиные глаза; жуткая тень ястреба; очень велики и худы; дохлый; блаженно дремлют, сидят, нежно сливаются со снегом и туманом; неподвижное чучело ястреба; глазные впадины кажутся глубокими и придают лицу выражение ястреба; холодные ястребиные глаза; пестрокоричневые крылья; серебристый; золотисто-песочного цвета ястреба, реющие над нами, трепещущие своими острыми, в черных ободках крыльями: любят они эти скалы, любят сушь пустыни; высоко, высоко стоит в этом прелестном небе, повис, дрожит, распластав острые крылышки, весь трепещет, остро смотрит вниз; священный со сверкающими крыльями; высоко в небе парили

Птицы св. Петра (буревестники) – носились крикливыми стаями и по воде взбегали, распутив крылышки

Птица – реяли вокруг, визжа, как старый флюгер; всплывали снизу; неслышно падали вниз на своих мягких крыльях; чисто и звонко щебетали; дикие северные; сердце ее было отважно, как у молодой птицы; морские птицы; хищные птицы; остров, как снегом, белел птицами; сладко звенят; ночная птица; птицы небесные; птицы об раях не думают, замерзнуть не боятся; неторопливые крохотные птички; птушечки мои; птицы... небось, никогда ничего не думают! черноглазая птичка; грязно-серая; сутулая от карканья птица; бессонная; висящая на штанге; птица-Игра; вся белая с черными крыльями, вьется, кричит, хочет его крыльями насмерть затрепать; возрыдали, восскорбели о ней; лимонные солнечные птички; он, птицей пролетев через двор за ворота, опять пустился бежать; по-птичьему засвистала... орава мальчишек; больная тропическая птичка; весенние птицы; первые сладко заливающиеся птицы; заливались сладко и беззаботно; человек создан для счастья, как птица для полета; райские птицы; старому человеку много ли сна полагается? – как птице на ветке; птичьих глаза; птицы небесные; блаженно-беззаботные; и он, как птица, перемахивает на другую сторону; взвивалась с радостной утренней песней над долиной; слышно разноголосое пение; напоминающее весну; *кочующие; лесные; станции птиц; это сердце – сердце диких птиц; смолкшие птицы; нахохлясь,*

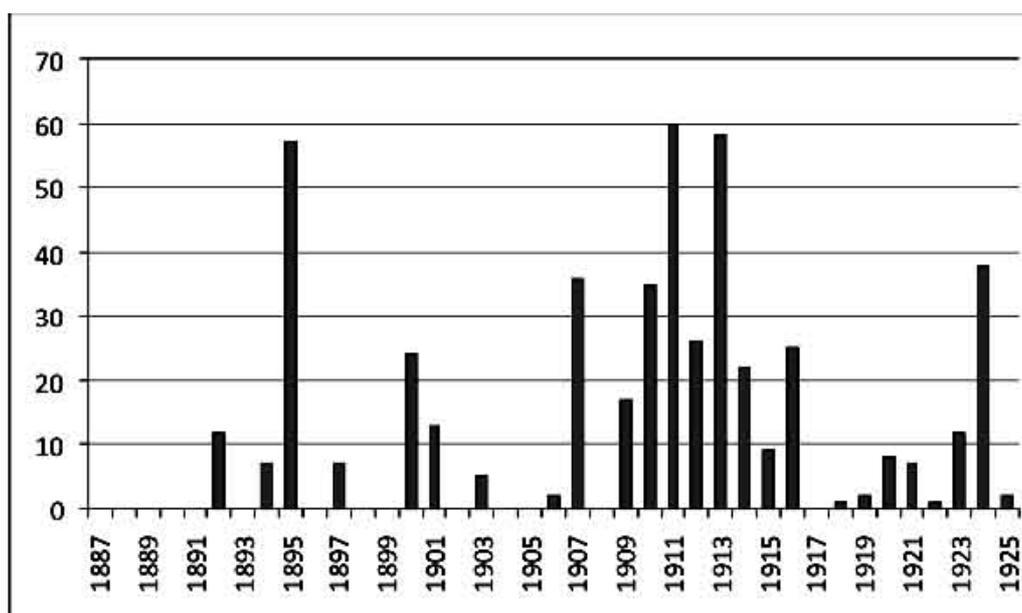

Рис. 1а. Частотность упоминания птиц в прозе

спят; вольная птица; ранние; а нам легко и весело, как птицам; божьи птицы; птиц испуганная стая; чернеет точкой птица; быстрые; черные

Жар-птица – солнце мутное Жар-птицей горит; костром гнездо Жар-птицы занялось и за сосною тонет вкось

Феникс – многоцветный; как феникс меркнешь, умираешь, сгораешь

Сирена – мычати мрачно и темно

Хумай – легендарная птица и ... тень ее приносит всему, на что она падает, царственность и бессмертие

Райская птица – дивная

Вещая птица – амулет, подобный вещей птице, птицы вещие с очами дивными и грозными, с голосами ангельскими, с красною женскою, на головках свечи восковые теплятся золотом-пламенем

Птица-Игра – вся белая, с черными крыльями, вьется, кричит, хочет его ... крыльями до смерти затрепать...

Фантастические птицы

Жар-птица – сказочная птица, персонаж русских сказок, обычно является целью поиска героя. Перья жар-птицы обладают способностью светить и своим блеском поражают зрение человека.

Феникс – мифологическая птица, обладающая способностью сжигать себя. Изве-

стна в мифологиях разных культур. Считалось, что феникс имеет внешний вид орла с ярко-красным оперением. Предвидя смерть, сжигает себя в собственном гнезде, а из пепла появляется птенец. По другим версиям мифа – возрождается из пепла.

Хумай – (хомай у башкир Умай, Май, Убай, Юмо у иранцев, киргизов, казахов и др.), покровительница домашнего очага и скота, охранительница детей в мифологии индо-иран., тюрко-монг., финно-угорских народов. Олицетворяет жен., земное начало и плодородие. Слово «Хумай» заимствовано от имени бога войны у древних тюрков. В своем творчестве Низами неоднократно обращается к птице Хумай (Феникс).

Вирь – персонаж мордовского эпоса; эрзянский язык: горлица – вирь гулька, клёст – вирь озьяка, козодой – вирь баран.

Райские птицы – в Древней Руси – Сирин, Алконост, Гамаюн, Феникс.

Вещая птица – Гамаюн – в славянской мифологии вещая птица, посланник бога Велеса, его глашатай, поющая людям божественные гимны и предвещающая будущее тем, кто умеет слышать тайное. Гамаюн всё на свете знает о происхождении земли и неба, богов и героев, людей и чудовищ, птиц и зверей. Когда Гамаюн летит с востока, приходит смертоносная буря. Первоначально образ пришел из восточной (персидской) мифологии. Изображалась с женской

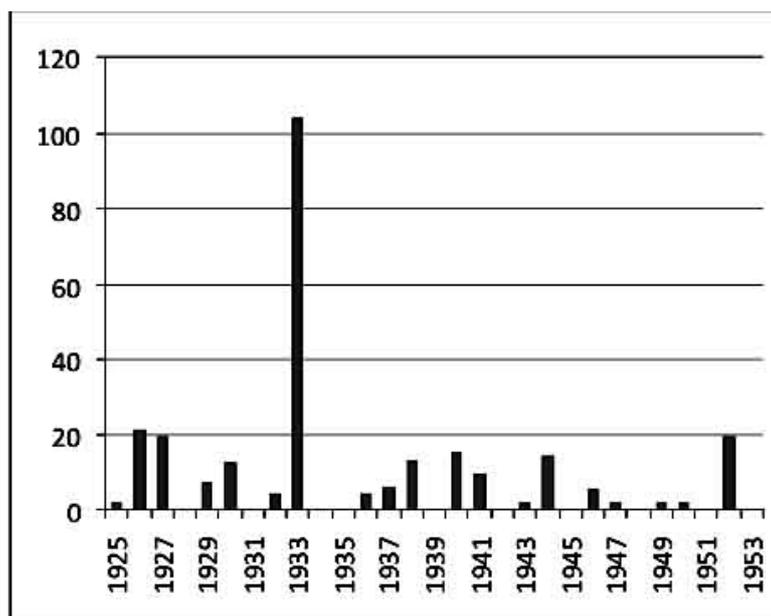

Рис. 16. Частотность упоминания птиц в прозе

головой и грудью.

Птица – Игра – у Бунина в слове Игра ударение на первый слог – авторам статьи не удалось найти сведений об этой птице.

Сирена – полуженщина-полуптица; дух, обитающий в воде. «Нередко можно увидеть у раскольников картины Страшного Суда, рая, легендарной райской птицы, сирены и проч.» В греческой мифологии сирены – полуженщины-полуптицы, рожденные рекой Ахелоем и одной из муз (Мельпоменой, Терпсихорой); они наделяются способностью к сладкозвучному, завораживающему пению. В крестьянских поверьях XIX в. сирены смешиваются с сиринями; так могли называться и «полуженщины-полурыбы» – последние чаще именовались фараонками. И те и другие пугают или завораживают людей своими голосами, пением. По определению В. Даля, сирена – «лукавая соблазнительница из греческой богвины» [9]. Сирин – фантастическое существо в облике женщины с головой птицы. Сирини, полуженщины-полуптицы, «райские птицы», часто изображаются на русских лубочных картинках XVII - XVIII вв. Этот образ, почерпнутый из старинных книг, возможно, перекликается с образом вещицы великорусских поверий (женщины-птицы, ведьмы-птицы). В русских духовных стихах птица Сирин опускается из рая и зачаровывает своим пением.

Частотность упоминания птиц в прозе и поэзии

Первая цифра в круглых скобках означает количество упоминаний птиц в стихотворениях, вторая – в прозе, третья – суммарное количество упоминаний.

Аист (-, 1,1), альбатрос (-,1,1), баклан(2, 1,3), бекас (1,1,2), буревестник (птица Св. Петра) (-,1,1), вальдшнеп (-, 5,5), вирь (2,-,2), водяной пастушок (-,2,2), воробей (2,15,17), ворон (9,19,28), ворона (-,5,5), гага (-,1,1), гагара (-,4, 4), галка (1,20, 21), гоголь (-,1,1), голубь (12,34,46), горлица (1,13,14), грач (8,36,44), гриф (2,-,2), гусь (2,20,22), дергач (-,1,1), дрозд (4,10,14), дряхва (-,1,1), дятел (-,3,3), жаворонок (2,20,22), журавль (4,6,10), зимородок (-,1,1), зук (-,1,1), зяблик (-,2,2), ибис (-,1,1), иволга (4,8,12), индюшка(-,14,14), канарейка (2,12,14), касатка (1,2,3), клест (-,1,1), кобчик (1,2,3), козодой (-,1,1), колибри (1,-,1), кондор (2,-,2), королек(-,1,1), коршун (2,1,3), кочет (-,3,3), кукушка (4,13,17), кулик (1,2,3), курица (3,38,41), куропатка (-,3,3), ласточка (2,6,8), лебедь (1,9,10), лунь (-,5,5), мухоловка (-,2,2), овсянка (1,5,6), орел (13,9, 22), павлин (6,4,10), пеликан (-,2,2), пеночка (-,1,1), перепел (-,21,21), песочник (1,-,1), петух (10,40,50), пингвин (-,3,3), плавунчик (-,1,1), попугай (-,6,6), пугач (1,-,1), пустушка (-,1,1), пчелоед (1,-,1),

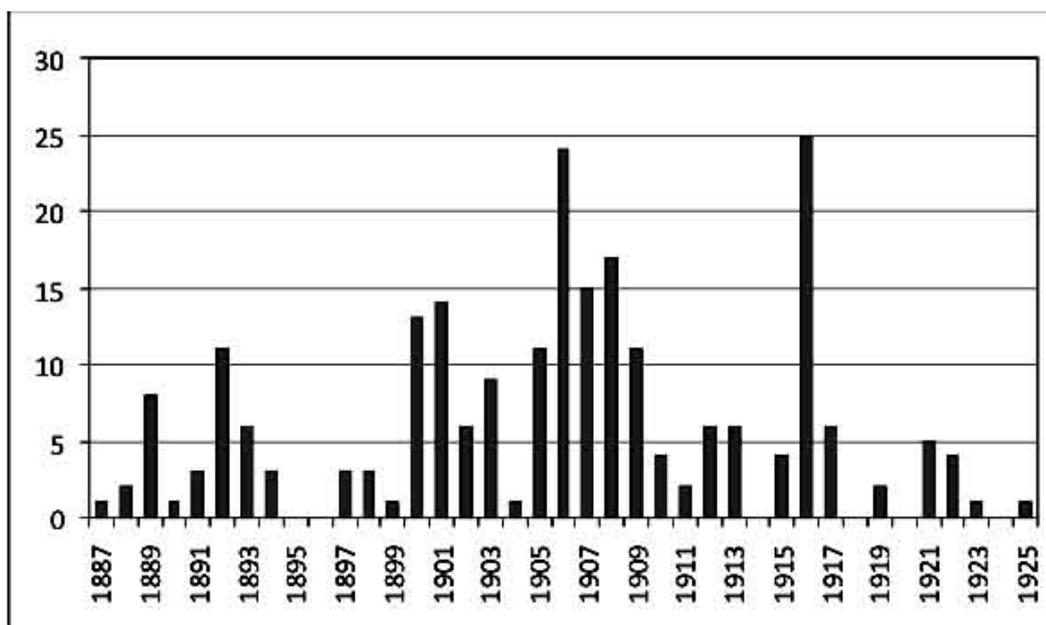

Рис. 2. Частотность упоминания птиц в поэзии

рыбалка (5,4,9), рябчик (-,2,2), сапсан (2,-,2), свиристель (-,1,1), селезень (-,2,2), сизоворонка (-,2,2), синица (2,1,3), скворец (-,3,3), снегирь (2,11,13), сова (4,21,25), сойка (1,2,3), сокол (1,6,7), соловей (14,33,47), сорока (5,3,8), стервятник (-,3,3), страус (-,7,7), стриж (1,1,2), сыч (3,4,7), трясогузка (-,2,2), тулик (-,1,1), турман (2,1,3), утка (-,9,9), фазан (-,1,1), филин (1,14,15), фламинго (1,2,3), цапля (1,3,4), цесарка (-,1,1), цыпленок (3,17,20), чайка (16,28,44), чеканка (1,3,4), чибис (2,1,3), чирок (-,2,2), щегол (5,2,7), ястреб (2,22,24).

Птица (41,78,119), птичка (2,11,13), птушечка (-,2,2).

Сирена (2,1,3), птица-Игра (-,1,1), феникс (1,6,7), птица Хумай (-,4,4), вещая птица (1,1,2), Жар-птица (2,1,3).

Наиболее часто упоминаемые птицы: петух (50), соловей (47), голубь (46), грач (44), чайка (44), курица (41), ворон (28), сова (25), ястреб (24), орёл (22), жаворонок (22).

Обращения

Голубчик (3), голубица (1), птушечка (2).

Птицы других краев в произведениях И. А. Бунина

В 1900-е годы И. А. Бунин «не раз бывал в Турции, по берегам Малой Азии, в

Греции, в Египте вплоть до Нубии, странствовал по Сирии, Палестине, был в Ороне, Алжире, Константине, Тунисе и на окраинах Сахары, плавал на Цейлон, изъездил почти всю Европу, особенно Сицилию и Италию...» [1].

Из этих путешествий в творчестве появились: альбатрос, баклан, буревестник (птицы Св. Петра), гага, гагара, гриф, ибис, колибри, кондор, павлин, пеликан, пингвин, попугай, пчелоед, рыбалка, стервятник, страус, тулик, фазан, фламинго, чайка.

И. А. Бунин перевел поэму американского поэта Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате». В поэме упоминаются следующие птицы: баклан, белый гусь, ворон, ворона, гагара, голубь, глухарка, дикий гусь, дрозд, дятел, зеленый дятел, зуёк, казарка, красногрудка, ласточка, морская чайка, нырок, орёл, полуночник (вид козодоя), птица-баба, реполов (коноплянка), скворец, сизоворонка, сова, сойка, сорока, трясогузка, фазан, фламинго, цапля.

Птица-баба – «м. кликуша, баба-птица, Pelecanus; у нас их два: белый и серый» [9].

Практически все эти птицы живут в стихотворениях и прозе И. А. Бунина, за исключением реполова и птицы-бабы.

Наречия, использованные при описании птиц

Атласно, беззаботно, безотчетно-радостно, безумно, беспечно, бессмысленно, бесцельно, блаженно, бойко, болезненно, буйно, важно, весело, властно, внезапно, вопросительно-растерянные, восторженно, выпукло, глухо, горестно, гулко, деревянно, дико, дремотно, жадно, жалобно, жалостно, жестко, задиричиво, задорно, звонко, зло, злобно, зорко, игриво, косо, красиво, крепко, кротко, круто, легко, медленно, мелко, металлически страшно, молодо, настойчиво, нежно, неизменно, неожиданно, неловко, непрестанно, неслышно, несознательно, неустанно, однообразно, осторожно, отважно, отвратительно, отчетливо, плавно, плаксиво, победно, поминутно, притворно, приятно, протяжно, радостно, резво, резко, свежо, сердито, сильно, скоро, слабо, сладко, сонно-певучая, странно, страшно, сутуло, счастливо, таинственно, тихо, томно, тонко, торжественно, тоскливо, тревожно, трепетно, тупо, тяжело, хлопотливо, хрипло, хрустально, четко, чисто, щеголевато.

Использование цвета в изображении птиц

Белый, белизна, белели, белоснежный, атласно-белоснежный, снежные, белая камешка, розово-белая, фарфоровая

Черный, чернеет, почерневший, черновороненое, черно-синий, чернокрылый, черничка, в черных ободках, траурный.

Красный, красновато-серый, красногрудка, краснолапая

Алый, алеют розами

Розовый, розово-белый

Рубиново-синий

Желтый, лимонные солнечные, золотая, золотисто-рыжий, золотисто-песочный, смугло-золотистый, зелено-золотистый

Кофейный, пестро-коричневый

Синий, синеватые, черно-синий, рубиново-синий, зелено-синие, сизый

Серый, серело, серенький, грязно-серая, серо-аспидного цвета, красновато-серый, седой, серебристый, грифельный

Зеленые, зелено-синие, зелено-золотистые, изумрудная, ярь-зелень

Пестренькие, пестрокрылая, пестро-коричневый, рябая

Радужная

Многоцветный, цветистая как хвост павлина, стоцветные алмазы

Стихотворения, в названиях которых упоминаются птицы

«Вирь», «Голуби», «Голубь», «Канарейка», «Колибри», «Кондор», «Первый соловей», «Петух на церковном кресте», «Птица», «Пугач», «Рыбалка», «Сапсан», «Соловьи», «Стрижи», «Там иволга, как флейта, распевала...», «Чибицы», «Щебечут пестрокрылые чеканки...», «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...»

Рассказы, в названиях которых упоминаются птицы

«Ворон», «Журавли», «Кукушка», «Остров Сирен», «Петухи», «Пингвины», «Тень птицы», «Третьи петухи».

Всего в произведениях И. А. Бунина птицы упоминаются 992 раза, в том числе: в стихотворениях – 231 раз, в прозе – 761 раз.

На рисунках 1а, 1б и 2 приведены графики зависимости количества упоминаний птиц в стихотворениях и прозе И. А. Бунина от года. Датировки произведений, в том случае, если указаны несколько лет, взяты по последнему году.

В своем собрании сочинений И. А. Бунин стихи располагает по периодам 1886 - 1902, 1903 - 1911, 1912 - 1916, 1917 - 1953 гг. Мы далее придерживаемся авторской периодизации. Биографические сведения, используемые в этой работе, взяты из [10, 11].

В период с 1886 по 1902 г., время становления И. А. Бунина и как прозаика, и как поэта, созданы стихотворения, в которых количество упоминаний птиц соответствует примерно 30 % от общего количества упоминаний за весь творческий период.

За следующие 14 лет (1903 - 1916 гг.), время известности, финансовой независимости, зарубежных путешествий, птицы упоминаются примерно в размере 60 % от общего количества упоминаний.

В 1917 г. начинаются социальные катаклизмы. В 1918 г. И. А. Бунин уезжает в Одессу, в 1920 г. – на Балканы, а затем во Францию.

В период 1917 - 1953 гг. птицы упоминаются очень редко – всего 10 % от общего количества упоминаний.

В 1921 - 1922 гг. поэт пишет три стихотворения, в которых отражает свои переживания, связанные с разлукой с родиной.

Канарейка

На родине она зеленая....

Брэм

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь, – как ни пой...

Нетрудно догадаться, о ком идет речь в этом стихотворении.

Очевидно, что пребыванием на чужбине навеяны следующие строки:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!
У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом

С своей уж ветхою котомкой!

В стихотворении «**Петух на церковном кресте**» И. А. Бунин размышляет о быстротечности человеческой жизни:

Плывет, течет, бежит ладьей,
И как высоко над землей!
Назад идет весь небосвод,
А он вперед – и все поет.

Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века –
Вот как река, как облака.

Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг,

Что вечен только мертвых сон,
Да божий храм, да крест, да он.

Отношение к птицам

Детство Вани Бунина прошло среди природы центральной части России. Вера

Николаевна Муромцева-Бунина описывает отъезд Вани в Елец для поступления в гимназию: Ваня очень не хотел расставаться с родным домом и «утешал себя, что вернется на Святки, приедет и на Святую, а затем и на долгое лето и опять будет в хлебах слушать свою любимую овсяночку, о которой он вспоминал всю свою жизнь в эмиграции, до самой смерти, сильно тоскуя по ней; будет с отцом ловить перепелов, слушать жаворонков, соловьев, иволгу, любоваться быстротой её полета, с восхищением смотреть на цветы, драться с мальчишками, лазить с ними по деревьям, разорять гнезда...» [10].

Первыми птицами, о которых упоминает в своих произведениях молодой И. А. Бунин, были соловьи. Соловей у Бунина поет и плачет, выводит трели и трещит.

Жаворонок – одна из «божьих» птиц.

...А кругом поют
Жаворонки в ясной вышине лазурной
И на землю с неба звонко трели льют.

Согласно легенде, жаворонки, как и ласточки, вынимали колючие тернии из тернового венка распятого Христа. К ласточкам И. А. Бунин прямо выражает свое отношение: «какая это милая, ласковая, чистая красота, какое изящество, эти «касаточки» с их молниеносным лётom, с розово-белыми грудками, с черно-синими головками и такими же черно-синими, острыми длинными, крест-накрест складывающимися крылышками и неизменно счастливым щелбетаньем».

Воробей, который согласно народным легендам, своим чириканьем выдал Христа, и приносил гвозди для распятия, у Бунина предстает «зорким», «бойким», «задорным» и «крикливым».

Чистыми, святыми птицами Буниным представляются «милые» голуби и горлилки, которые «женственно, игриво семенили». Иван Алексеевич пишет: «...как сладостно журчат в густом вишеннике, перепутанном с сиренью и шиповником, кроткие горлилки, верные друзья погибающих помещичьих гнезд».

Ворон и ворона – в народных представлениях нечистые и зловещие птицы. Как и другие птицы семейства врановых (галка, грач), птицы эти имеют черную окраску и

противопоставляются добрым и кротким святым птицам. У Бунина ворон «злой». «Ворон, пролетевший со свистом крыльев низко над домом – к смерти». Когда Ваня ехал в Елецкую гимназию, то увидел черного ворона, сидящего на старой дуплистой ветле, и вспомнил, «как мать ему говорила, что вороны живут по несколько сот лет, а отец тут сказал, что может, этот ворон видел татарское нашествие: по этим местам шел Мамай».

Ворона у Бунина «глупая», галка – «черная». Часто и с любовью Иван Алексеевич пишет про грача. Грач у него и «важный», и «торжествующий», и «изнемогающий от блаженной хлопотливости», и «радостный», и «бестолковый».

Кукушка – одна из наиболее популярных птиц в славянской мифологии. У Бунина кукушка предстает как «тщетно весь свой век зыскующая какого-то заветного гнезда». Иван Алексеевич обращается к кукушке: «Вещун голосистый! Отзовись, доживу ли до новой весны?», в ее голосе слышится «колдовская настойчивость, как бы убежденная... в правоте своей одинокой, бездомной печали».

Много внимания писатель уделяет загадочной птице сове – мудрой советчице лешего:

Сова, и та молчит: сидит,
Да тупо из ветвей глядит,
Порою дико захохочет,
Сорвется с шумом с высоты.
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядет на кусты
И смотрит круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонам, как в изумленьи;

И «совкиному деверю» – филину, постоянному спутнику лешего:

С безумным удивлением глядели
Сверкающие золотом зрачки...
Сорвался вниз, но и во мху блестят, глядят безумно
Круги зрачков лучисто-золотых.
Раскинулись изломанные крылья,
Но хищный взгляд все так же дик и зол,
И сталь когтей с отчаяньем бессилья
Вонзается в ружейный скользкий ствол.

Орёл – царь птиц и владыка небес. Орёл у Бунина – властный.

Над степью властно кричат орлы

Он летает выше всех, «над равниной океана», «над стремью скал», «в степи безбрежной».

Большим почетом в русских народных сказках и песнях пользовался сокол. У Бунина сокол-сапсан – таинственный и непонятный.

Бежала мгла...И мне казалось,
Что на снегу сидит Сапсан.
Морозный иней, как алмазы,
Сверкал на нем, а он дремал,
Седой, зобастый, круглоглазый,
И в крылья голову вжимал.
И был он страшен, непонятен,
Таинственен...

Бунин пишет про жуткую тень ястреба. Хищный ястреб «...высоко, высоко стоит в этом прелестном небе, повис, дрожит, распластав острые крылышки, весь трепещет, остро смотрит вниз...» в поисках добычи.

Явно выражено отношение И. А. Бунина к «дураку» щеглу, «глупому» страусу, к попугаю, который кричит «диким и мертвым голосом», к курам, «которые никогда ничего не думают».

Наибольшее количество упоминаний в стихотворениях И. А. Бунина относится к чайке. Чайка – «бесприютная», кричит «страдальчески-блаженно», «кого-то жалобно и звонко призывая», «бесцельно и скучно» провожает пароход.

Несмотря на то, что И. А. Бунин был весьма сдержанным человеком в проявлении своих чувств, в ряде строк, приведенных ниже, он явно выразил свои эмоции по отношению к птицам.

Моя весна тогда зовет меня,—
Мечты любви и юности далекой,
Когда я вас, кочующие птицы,
С такою грустью к югу провожал!

Жду, как в тюрьме, давно желанной воли,
Туманов мартовских, чернеющих бугров,
И света и тепла от белых облаков,
И первых жаворонков в поле!

И голый, мокрый сад
Теперь мне не печален, —
На гнезда в сучьях лип
Опять я жду грачей

И слушаю дроздов пролетных крики,
Люблю уйти один на дальний хутор...

И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят

И, как орёл, впервые
Взмахнувший из родимого гнезда
Над ширью Океана, был я счастлив...

Заключение.

Великий русский писатель, нобелевский лауреат И. А. Бунин был тонким ценителем природы. В работе систематизирована информация о 100 видах птиц, живущих в его произведениях. В результате получилась своеобразная энциклопедия бунинских птиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Художественная литература, 1965-1967.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: в 5 т. Библиотека «Огонек». Изд-во «Правда», 1956.
3. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. 1927-1929, 1933. Избранное / Авт. предисл. К. Паустовский. Ф.: Кыргызстан, 1980.
4. Бунин И. А. Темные аллеи. М.: Художественная литература, 1990.
5. Нестеров С. Б. То душ преображенных несчислимая рать. М.: ОМР.ПРИНТ, 2009. 95 с.
6. У И. А. Бунина. Русские новости. 1948. 17 октября. № 176.
7. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы под редакцией Милицы Грин. В трех томах. Том 1. ПОСЕВ (с), Possev-Verlag, V.Gorachek K. Gk., 1977.
8. Куприн А. И. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Под общ. ред. Н. Н. Акоповой и др. Т. 9. М.: Художественная литература, 1973. С. 151.
9. Даль Владимир. Толковый словарь в 4 томах. М.: Русский язык, 1989.
10. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989.
11. Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание / Александр Бабореко. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. 457 [7] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып. 1203).

REFERENCES

1. Bunin I. A. Sobr. soch.: v 9 t. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1965-1967.
2. Bunin I. A. Sobr. soch.: v 5 t. Biblioteka «Ogonek». Izd-vo «Pravda», 1956.
3. Bunin I. A. Zhizn' Arsen'eva 1927-1929, 1933. Izbrannoe / Avt. predisl. K. Paustovskij. F.: Kyrgyzstan, 1980.
4. Bunin I. A. Temnye allei. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990.
5. Nesterov S. B. To dush preobrazhennyh neschislimaja rat'. M.: OMR. PRINT, 2009. 95 s.
6. U I. A. Bunina. Russkie novosti. 1948. 17 oktjabrja. № 176.
7. Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arhivnye materialy, pod redakciej Milicy Grin. V treh tomah. Tom I. POSEV (s) Possev-Verlag, V. Gorachek K. Gk., 1977.
8. Kuprin A. I. Sobraie sochinenij. V 9-ti tomah. Pod obshh. red. N. N. Akopovoj i dr. T. 9. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1973. S. 151.
9. Dal' Vladimir. Tolkovij slovar' v 4 tomah. M.: Russkij jazyk, 1989.
10. Muromceva-Bunina V. N. Zhizn' Bunina. Besedy s pamjat'ju / Vera Muromceva-Bunina; vstup. st., primech. A. K. Baboreko. M.: Vagrius, 2007. 512 s.; s il.
11. Baboreko A. K. Bunin: Zhizneopisanie / Aleksandr Baboreko. 2-e izd. M.: Molodaja gvardija, 2009. 457 [7] s.: il. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej: ser. biogr.; vyp. 1203).

RYAZAN

UDC 8: 821.161.1

Philology

ABOUT METAPHORICAL WORKS OF ALEKSEI ERANTSEV

PhD in Pedagogy L. V. Ryzhkova-Grishina

Abstract. The article deals with the little-studied to date, the poet Alexei Erantsev, which attracts the attention of individual character, the peculiarities of artistic perception, attitude to the natural world, expresses the author's position on the basic philosophical issues remain relevant at all times. The general character of the poet's poetry is different contrast views and sentiments, which is reflected both in the content and form of expression - psychologism, the choice epithets descriptive and expressive means and stylistic figures of speech (comparisons, repetitions), vivid metaphor, passion for obsolete vocabulary, others art features. Considered as a separate poem, and the poem «A Handful of Soil», the analysis of which allows you to draw conclusions about the diverse and multifaceted creativity, where the focus is on the man with all the complexities and vicissitudes of fate, advantages and disadvantages, the love of his native land, devotion to her, alive conscience and solid life principles. In conclusion, we emphasize the need for a deeper study of the poet's lyricism, the introduction of his work in a scientific revolution, bringing to his readers and researchers, noting the richness and diversity of Russian poetry.

Key words: Russian poetry, the natural-philosophical line, landscape, Aleksei Erantsev, metaphor, contrast, originality of language, artistic features.

г. РЯЗАНЬ

УДК 8: 821.161.1

Филология

О МЕТАФОРИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСЕЯ ЕРАНЦЕВА

Кандидат педагогических наук Л. В. Рыжкова-Гришина

Реферат. В статье речь идет о малоизученном на сегодняшний день творчестве поэта Алексея Еранцева, которое привлекает внимание индивидуальным характером, особенностями художественного восприятия, отношением к природному миру, выражает позицию автора по базовым мировоззренческим вопросам, остающимися актуальными во все времена.

Общий характер лирики поэта отличается контрастностью взглядов и настроений, что находит отражение как в содержании, так и форме выражения – психологизме, выборе эпитетов, изобразительно-выразительных средств и стилистических фигур речи (сравнений, повторов), яркой метафоричности, пристрастии к устаревшей лексике, других художественных особенностях. Рассмотрены как отдельные стихотворения, так и поэма «Горсть земли», анализ которой позволяет сделать выводы о разноплановости и многоаспектности творчества, где в центре внимания находится человек со всеми сложностями и перипетиями судьбы, достоинствами и недостатками, любовью к родной земле, преданностью ей, живой совестью и твердыми жизненными принципами. В заключение мы подчеркиваем необходимость более глубокого изучения лирики поэта, введения его творчества в научный оборот, привлечения к нему читателей и исследователей, отмечая богатство и многогранность русской поэзии

Ключевые слова: русская поэзия, натурфилософская линия, пейзаж, Алексей Еранцев, метафора, контраст, своеобразие лексики, художественные особенности

Введение. *Стихи как Мировое Древо...*

Слагать стихи легко, – мы высказали

мысль, которая многим может показаться спорной, однако, несмотря ни на какие до-

воды, мы правы, что бы нам ни говорили и как бы категорично это ни звучало. Да, повторимся, *слагать стихи легко*, рифмовать в соответствии с ритмом очень просто, для этого не надо иметь талант, достаточно освоить русский язык (коль скоро речь пойдет о русской поэзии) и хоть мало-мальски познакомиться с правилами стихосложения.

Разумеется, мы не пытаемся сейчас возродить бытовавшее в двадцатые и тридцатые года XX века нелепые домыслы о том, что поэтом можно стать за несколько уроков, мы говорим о другом. Мы рассматриваем искусство сочинительства как часть общей культуры человечества, более того, уметь рифмовать должен уметь каждый, как, например, уметь оказывать первую медицинскую помощь. Но оказывая такую помощь, человек прекрасно понимает, что он – не врач, он только делает необходимый минимум в какой-то экстремальной ситуации. Так и человек, сочинивший в своей жизни два-три десятка стихов, должен понимать, что он не поэт, он просто культурный человек, и его рифмованные строки – это не стихи, а просто ритмизованная и рифмованная речь, имеющая значение лишь для него самого, его близких и, может быть, нескольких друзей, кому они посвящены.

Многие филологи, историки, художники, да и люди других, далёких от гуманитарной сферы профессий, и сегодня пишут стихи, это так называемые стихи для себя, и это можно только приветствовать, потому что ничто так не организует человеческую мысль и «ум в порядок приводит», как поэзия и математика. При этом подобные опыты, повторяем, имеют очень узкую «сферу влияния» и не наделены той эмоциональной обобщающей силой, которой отмечены стихи подлинные.

Итак, мы договорились, что слагать стихи легко, трудно другое – *вдохнуть в них душу*. Именно это и есть главная, главнейшая, почти непостижимая тайна творчества, доступная лишь настоящим поэтам (и то – далеко не всем), своими корнями уходящая, как Мировое Древо, в «седьмые небеса», а может быть и в просторы повыше – некие трансцендентальные сферы, о которых так любят рассуждать сами поэты. Это как раз таки то, что превращает рифмованно-ритмизованную речь в поэзию.

И чем больше в своей жизни мы занима-

емся поэтикой, исследованием живого поэтического слова, тем больше убеждаемся в том, что настоящая поэзия сродни чуду. И что *подлинная поэзия всегда коренится не на земле, хоть и прочно держится за землю*. Этот парадокс нам не разгадать, наверное, никогда, так же, как и не понять таинство Мирового Древа и чудо самой Жизни.

Речь сегодня пойдет о талантливом русском поэте и художнике, чьё творчество не просто мало изучено, оно почти не известно российскому читателю и, наверное, большое счастье – привлечь к нему внимание читателей и исследователей, напомнить миру о том, что русская поэзия богата, многогранна, обильна именами, словно летний луг во всём многообразии цветов и трав в животворную купальскую пору. Кажется, досконально изучить её невозможно, можно только изучить отдельные её грани – направления, течения, эпохи, определённые периоды, но и тогда вдруг оказывается, что есть ещё кто-то, оставшийся за гранью исследований. Словом, можно только порадоваться поэтическому богатству, которое мы имеем, остается только научиться его ценить – вовремя и по достоинству.

Отметим при этом одну особенность: книги, изданные в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века, сегодня мы берём в руки с самыми приятными чувствами. Вот и открыв сборник лирики Алексея Еранцева 1974 года издания, испытали те же чувства, как бы находясь в предвосхищении некоего открытия. В книге размещена фотография поэта, на фото – сосредоточенное лицо, устремлённое куда-то вниз, а может быть, углублённое в себя взгляд.

Основная часть. «Как между двух больших огней...» Общий характер лирики Алексея Еранцева: контраст взглядов и настроений

Есть поэты, у которых общий характер лирики устойчивый, определённый, ровный, а есть поэты, характер поэзии которых уловить очень сложно, так как он всякий раз видится разным – то возвышенным, то упадочническим, то высоким, то низким, то горячим и порывистым, то холодным и меланхолично сдержанным. Кажется, именно такова поэзия Алексея Еранцева. Нерв его лирики очень чуток: с одной стороны, он буквально ошеломляет обилием тепла, света и солнца, с другой стороны, нас встреча-

ет мрачный взгляд на окружающий мир: «Земля окликает меня, / И сиротство по имени кличет...» [4, с. 9]. Но почему, отчего, откуда возникло это чувство сиротства?

В стихотворении «Так больно, хоть зубами ляскай...» А. Н. Еранцев более определённо обозначил своё жизненное и творческое кредо: «Живут во мне слова и краски» [4, с. 12]. Он признаётся, что буквально разрывается между двумя одинаково любимыми занятиями – поэзией и живописью: «Уйду к мольберту – буквы скачут / И разлетаются с листа» [4, с. 12]. Однако то же происходит и в случае, если он обращается к литературе: «Уйду к словам – и краски плачут, / Стекая с мокрого холста...» [Там же].

Когда-то, помнится, тот же выбор стоял перед русским гением М. Ю. Лермонтовым, и он сделал его в пользу поэзии. Безусловно, мы не проводим никакой параллели, однако в истории русской литературы такие случаи не редкость. В этой связи вспоминаются классические и уже ставшие хрестоматийными слова Николая Заболоцкого: «Любите живопись, поэты! / Лишь ей, единственной, дано / Души изменчивой приметы / Переносить на полотно...» [5, с. 201]. Так и мечется поэт – между «пером» и «кистью», по его словам:

Живу, не зная, что родней,
Как между двух любимых женщин,
Как между двух больших огней...
[4, с. 12].

Таковы были творческие ощущения и устремления Алексея Еранцева. Но и в житейском смысле он, видимо, так же находился в каком-то непонятном и странном раздвоении. С одной стороны, судьба, видимо, благоволила ему и посылала порядочных людей: «И никем я вовек не обманут, / Не убит и не предан никем» [4, с. 14]. С другой стороны, ему были ведомы и иные грани бытия, не случайно у него появилась строка: «И подвернулась на былинке малой / нога...» [4, с. 19].

Как бы то ни было, но контраст взглядов и настроений присутствует в его лирике, а стало быть, и в мировоззрении. Это проявляется в разных стихотворениях по разным поводам: «Сходились *полночь* и *рассвет* на грани...» [4, с. 18]; «Отчётливо *глухонемого слышу* – / Впервые *отозваться не*

могу...» [4, с. 49]; «По отмелям *белым*, *песчаным*, / По *чёрным* корням тростника...» [4, с. 68] и в др. Видимо, таков был его мировоззренческий аспект или, говоря проще, взгляд на мир или жизненный крест. Он так жил, «Словно в споре скал и моря» [4, с. 70] или «по пояс в счастье, по колено в горе». И видимо, жить в таком состоянии было очень трудно, почти невыносимо.

В центре внимания поэта всегда находился *человек* со всеми сложностями и перипетиями его судьбы, достоинствами и недостатками, любовью к родной земле и преданностью ей, живой совестью и твёрдыми жизненными принципами. Но обратим внимание, что человек в его творчестве часто находится *на некоей грани*, как еранцевские *полночь* и *рассвет*.

«Ищу строку я, как звезду в траве...».

О сути поэтического творчества

Мысль о том, что ошибки поэта, писателя опасны, не единожды приходила в голову, ведь поэт – человек, и он, как все прочие, ошибается. Но одно дело – *заблуждения человека непубличного, и совсем другое – ошибки человека не просто публичного, но печатающегося*. Его ошибки не просто обнаруживаются, придаются огласке, они тиражируются, то есть радиус их действия многократно увеличивается, и это по-настоящему страшно. Получается, что поэт, писатель, будучи ответственным за написанное слово, своими заблуждениями может подтолкнуть к неверным шагам очень многих людей, убедив их в своих неверных, а то и опасных взглядах (мало ли что можно ими внушить). Не случайно русский народ так внимательно и даже трепетно относился к слову и речи, на эту тему существует сотни пословиц и поговорок: «*Лучше споткнуться ногою, нежели словом*»; «*Кто хочет голову сберечь, обдумывай получше речь*» и т. д.

Кажется, Алексей Еранцев это понимал, так в стихотворении «Сапёр ошибается только раз...» он высказал мысль о том, что «поэт ошибается тысячу раз, / И каждый раз – смертельно» [4, с. 10]. Поэту нельзя лгать («Солжёшь – и где-то правда умрёт...»); ему нельзя трусить («спасуешь – и страхом насквозь продут...»); ему нельзя предавать дружбу («дружке изменишь – окрепнет враг...»).

Когда-то своё «несказанное» поэтичес-

кое *слово* искал Вячеслав Богданов, а вот Алексей Еранцев искал *строку*, «как звезду в траве». Он даже уподобил поэта «рудознатцу», что карабкаясь по «первобытным скалам», ищет алмазы. Такими алмазами для А. Н. Еранцева становились его талантливые строфы.

«А деревья остаются ждать...».

В согласии с природой и миром

В природе поэт не видел никаких противоречий, всё в ней идет своим чередом, согласно изначально заведенному порядку. Если где-то в ночи «кузнечик выбил три последних такта», ему тут же «отозвались в полях перепела» [4, с. 13]. Кроме того, человек в натурфилософской системе координат А. Н. Еранцева также живет в согласии с природой, он тоже вторит ей: «И где-то песню вывели девчата», и природа откликнулась на это пение: «И рожь на песню зацвела...» [Там же].

Подобные настроения выражены в его пейзажной лирике: «Подснежник», «Засуха», «Пурга», «Земля», «Гроза – пророчица, прамактерь...», «Рыбалка», «Деревья», «Метель», «Весна», «Дождь», «Осенние мелодии», «Трактора» и др. В последнем стихотворении описана ситуация, когда к оставленным на просеке тракторам даже приходит из лесу лось, «лесной вожак».

Вместе с тем пейзаж А. Н. Еранцева сложен, насыщен и чаще всего, полон метафор, о которых мы скажем дальше; поэт влекут «мокрые стебли», «травяные поля», «еловый мысок», лесные поляны. Обратим внимание, что в его стихах не единожды встречается образ кузнечика: в стихотворении «Ночь» кузнечик выбивает такт; в стихотворении «Земля» «Кузнечики носят пшеницу / У горьких осиновых роц» [4, с. 25]. Когда-то к этому образу был равнодушен Николай Заболоцкий, философски видя в нём не просто маленькое насекомое, а «образ мироздания». Но обратим внимание, что ввёл его в русскую поэзию гораздо раньше не кто иной, как Михаил Ломоносов, когда написал: «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...».

Кажется, поэт жил на свете, не только всем сердцем ощущая пульс жизни, но и с желанием «запомнить запах бытия», и ему это было очень важно. Посредством пейзажа поэт передавал свои чувства, *память о прошлом, о своём детстве*.

От окошек, утонувших в зелени,
Счастье непокорное искать
Мы уходим, молоды да зеленые,
А деревья остаются ждать... [4, с. 40].

Посредством пейзажа поэт передавал и свои мысли о смысле самой жизни, таким образом наполняя его философским и натурфилософским содержанием: «Слушать дятлов и не вспугивать сорок» и при этом «Видеть жизнь свою от самого начала / И до самого, до самого конца» [4, с. 45]. Он так надеялся, что «кроме заката и солнышка / В запасе – протяжная ночь...» [4, с. 44].

В стихотворении «Осенние мелодии» его согласие с природой, кажется, достигает наибольшей силы выражения: «Сквозь листопад я выдохну досаду, / И боль свою подошвой разотру, / Берёзы приглашу и сам присяду / К расцветшему в валежнике костру» [4, с. 73]. Он высказывает свою готовность к откровенному разговору – с этими берёзами, листьями, сушняком и со всем миром. Так и оказывается, поскольку «Опять свистит и подступает к горлу / Осенний мой охрипший соловей» [4, с. 74]. Но зададимся вопросом: слышал ли его мир? И готов ли был ответить на его призыв?

О других темах в лирике А. Н. Еранцева:

*Великая Отечественная война,
морская тема, тема искусства*

Безусловно, тематическое многообразие лирики Алексея Еранцева не ограничивается темой человека, его внутреннего мира, осмыслением собственного пути, природы, ему были интересны и другие стороны бытия.

Тема Великой Отечественной войны не является основной в творчестве А. Н. Еранцева, однако она отразилась в его стихах в виде памяти о ней, болезненных отголосков, приглушённого эха. То это воспоминания детства, когда поэт, будучи мальчишкой, приносил по просьбе матери крапиву на суп («В сорок третьем...»); то образ учителя, бывшего фронтовика с «узкими орденскими колодками», что заходит в класс к ученикам и становится для них примером для подражания («Учитель»); то дальняя зарница неожиданно напомнит о минувшей войне, как в стихотворении «Ночь»: «Зарница полыхнула за увалом / И снова темень. Тишина. Тепло. / Войну, наверно, небо вспоминало / И до конца припомнить не могло»

[4, с. 13]. То бывший немецкий дог, уже ничем и никому не грозящий, «ни детям, ни полям зелёным», всё ещё выглядывает из-под «каменных век», хоть и заросший травой. Таким образом, по словам поэта, «Война осталась в чёрных снах» [4, с. 22]. И эти сны ещё долго будут беспокоить и мучить людей.

Внимательный взгляд отметит и страсти поэта к *морской тематике*, правда, оно проявляется не столь ярко и настойчиво, тем не менее это характерный штрих его лирики. Эти штрихи мы обнаруживаем в самых различных стихотворениях, даже не посвящённых теме моря: «Расправлены плечи и в сердце *прибой...*» [4, с. 8]; «В *сине море* уходит *кораблик...*» [4, с. 14]; «Прихрамывая, в класс холодный / Вошёл он в *ките ле морском...*» [4, с. 21]. Так описан школьный учитель, бывший моряк, фронтовик и герой. А потом ученикам «Ночью снился дерзкий *катер, / Распахивающий волну*» [Там же]. Известно, что после войны в школах было много учителей-участников войны, и все они становились для подрастающего поколения живыми героями, на которых хотелось быть похожими. Наверное, это была лучшая патриотическая работа, когда-либо проводимая в отечественной школе, да только, как говорится, не дай Бог её повторить. Даже снежная пурга напоминает поэту морской прибой в стихотворении «Пурга» («озверевший *прибой* пурги»).

Морская тематика проявляется в его стихах некими вкраплениями, которые очень украшают и обогащают его лирику – и тематически, и метафорической насыщенностью: «Рассердилось море ночью, / Подступило – вал за валом. / Глыбе каменной пощёчин / Без причины надавало» [4, с. 70]. Конечно, читатель не может пройти мимо подобных образов.

Глубокий интерес к искусству, занятия живописью породили стихи на эту тему: «Так больно, хоть зубами ляскай...», «Скульптор», «Не вздыхай, художник, тяжко...», «Стеклодув» и др. Подчеркнём, что в этих стихах также отразилась контрастность мышления поэта, вот и его скульптор:

У камня отнимал смертельный *холод*,
И камню отдавал своё *тепло...* [4, с. 46].

К сожалению, мы имеем только один сборник поэта, ставший источником этих литературоведческих размышлений. Для того, чтобы наиболее полно и подробно рассказать о творчестве А. Н. Еранцева, нужны книги поэта. Тем не менее даже один сборник «Лирики» даёт представление о тематике его творчества, в том числе и об отражении *темы искусства*.

«Весёлые зёрна» и «попынные пороши»: мир эпитетов Алексея Еранцева

То, что в поэзии Алексея Еранцева мы обнаруживаем уникальное богатство эпитетов, становится ясно буквально с первых строк первого стихотворения сборника «Лирика». Это настоящий мир эпитетов, причём, настолько индивидуальный и оригинальный, что иногда кажется неожиданным и даже невозможным. В одном лишь стихотворении, самом первом, которым начинается сборник, мы сразу встречаем эти ярчайшие определения: *зелёный парус* (вы когда-нибудь видели таковой?); *весёлые зёрна* (в самом деле: разве они могут быть другими, ведь они полны жизни); *разгонистый ветер* (и сразу чувствуется его стремительность и напор). Кстати, согласно словарю С. И. Ожегова, словом *разгонистый* называют почерк человека «С широко расставленными буквами, с большими промежутками...» [7]. Но поэт таким увидел ветер, и это его лирическое право.

Конечно, у поэта есть и устойчивые, привычные, по крайней мере, встречающиеся в литературе эпитеты: *седой курган*, *сине море*, *багровое солнце*, *неостудная ярость*, *пригорки талые*, *рыжая листва*, *рыжее взгорье* и т. д. И всё же не они придают яркость и уникальность языку А. Н. Еранцева, именно авторские определения придают его речи своеобразный, ни на кого не похожий характер: *кумачовые крылья*, *крылатый шлем*, *разозлённый огонь*, *ждущие ладони*, *прокалённая дорога*, *замшелые туннели* и др. Иногда некоторые эпитеты повторяются в разных вариациях: *былинный сон*, но и *былинный холод*. Особенно часто у А. Н. Еранцева встречается эпитет *попынный*: это могут быть *попынные пороши* и *попынный порог*, *попынная роца* и *попынная кровинка*. Попынь ассоциативно связана с горечью, стало быть, это тоже штрих к психологическому состоянию лирического героя, и штрих далеко

не мажорный.

Эпитеты часто связаны с изображением пейзажа и природного мира, в этом смысле мы находим у поэта настоящее богатство: *железная весна, вишнёвое солнце, подсолнечный гвалт, тоскующие ветви, овсяные строки, грачиное небо, протяжная ночь, осиновое заречье, тополиная вьюга, базальтовые скульпы, озорноватый тополёк, лиственный наст, соломенный ветер, режущий ветер, рогожный склон* и др.

Есть у Алексея Еранцева не то что оригинальные, но даже неожиданные эпитеты: *парные облака, ковыльный страх, осенний соловей, солёный ливень*. Особенно поражает его осенний соловей, появившийся в стихотворении «Осенние мелодии», представляющем собой миницикл из четырёх стихотворений. Первый раз этот образ возникает в строфе: «Отцвёл бессмертник. Птицы отгостили. / И в тишине я чувствую ясней, / Как под ребром, / Веселье пересилив, / Печалится осенний соловей...» [4, с. 73]. Второй раз – в следующем контексте: «Но из груди, / Ершистый и проворный, / Над листьями, упавшими с ветвей, / Опять свистит и подступает к горлу / *Осенний мой охрипший соловей*» [4, с. 73-74].

Все эти эпитеты не случайны, это необходимейшие определения, придающие стихам не только изобразительность, но и неповторимость, а также подчёркивающие всё ту же контрастность мировосприятия поэта – от весёлых зёрен до пыльной пороши, как раскачивание маятника из стороны в сторону.

«В душе слова без слов.» Красота словесной вязи: о других художественных особенностях лирики (сравнения, повторы)

Есть у поэта и свои *предпочтительные образы*, правда, это уже не эпитеты, например образ *горсти*, это может быть *горсть звёзд* или *горсть земли*. В стихотворении «Травинка», в котором он ведёт речь о сути поэтического мастерства, он словно уподобляет поэта искателю алмазов, отважному «рудознатцу»: «Над ними звёзды острые повисли, / Как отраженье замерших в *горсти*» [4, с. 11]. То есть, в руках, в ладонях, в *горсти* у них – настоящие алмазы, а звёзды – как их отражение.

Поэма, представленная в сборнике, называется «Горсть земли», где слово *горсть* приобретает символическое значение, это

– символ Родины, однако речь о поэме – впереди.

Не менее интересны *сравнения* А. Н. Еранцева, которые так же многочисленны, как и его эпитеты – с союзами *как, словно, будто*: «Над кромкой бора, / Чёрной и зубатой, / Сверкнула церковь, / *Словно жёлтый клык...*» [4, с. 18]; «Скрипят, как обоз коростели» [4, с. 25]; или *при помощи творительного падежа*: «Конец огню. Зола *мышинной дошкой* / Накрыла уголь...» [4, с. 73]. А вот сразу несколько сравнений в одном только стихотворении «Он говорит на пальцах мне. Он лепит...»: «Я *словно* ртом хватающая рыба», «речь смутна, как лепет листьев в тишине», «мысль его, как сон по корневещу» [4, с. 49]. На наш взгляд, эта тема достойна отдельного исследования, собственно, как и всех остальных изобразительно-выразительных средств поэта.

Скажем, например, о таком его художественном приёме, как повторы, причём, повторы эти тоже имеют свою специфику. Напомним, что *повторы (повторение)* – полное или частичное повторение слова, выражения, целой строки (стиха) с целью усиления какого-либо признака, подчёркивания каких-то деталей, создания дополнительной экспрессивной окраски. Повторы – стилистическая фигура речи, среди них выделяют следующие: *повторы лексические (анафора, эпифора, стык, кольцо); повторы синтаксические (синтаксический параллелизм, хиазм, антитеза); повторы фразовые (рефрен), плеоназм, тавтология, бессоюзие, многосоюзие, градация, инверсия, парцелляция; риторические фигуры (риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение); олицетворение, умолчание (апосиопеза), эллипсис, зевгма* и др.

Зададимся вопросом: какие повторы использует Алексей Еранцев? Ответим: тавтологическое сочетание однокоренных слов, как например: *чёрным-чёрно, белым-бело, темным-темно*. Такие повторы свойственны русскому устному народному творчеству, а также русской классической поэзии, например, Н. А. Некрасову: «Забрало пуще прежнего / Задорных мужиков, / *Ругательски ругаются...*» [6, с. 297].

У А. Н. Еранцева подобные повторы – буквально характерная черта его творческого метода, приведём примеры: «и доит

козу козодой» [4, с. 44]; «*печально* отрешаясь от *печали*» [4, с. 45]; «*между нами пуста* *тота пустая*» [4, с. 49]; «*была потешная потеха*» [4, с. 53]; «*в душе слова без слов*» [4, с. 66]; «*только мельнице не мелется*» [4, с. 69]; «*И днём и ночью сказывает сказку / Об осени осенняя река*» [4, с. 72]; «*Послушаешь: парится парень в парной*» [4, с. 84]; «*В гнездо угнездилась, / И всё – отлегло*» [4, с. 84]; «*И варево сварят, / И крошек накрошат*» [4, с. 96] и т. д.

Безусловно, подобные повторы выполняют стилистическую задачу, ведь они – *вид звукописи*, которая придаёт стихотворной речи ощущение цельности, слитности, внутреннего единства, красоты словесной вязи.

«Свои, аржаные...». Своеобразие лексики А. Н. Еранцева

Внимательный взгляд сразу же заметит в стихах А. Н. Еранцева пристрастие к определённой лексике, характерной сельскому укладу жизни, крестьянскому миру: здесь то и дело встречаются такие слова, как: *сошник, остожье, плугари, полова, поскотина, озимь* и т. д. Как ни странно, но многие эти слова городскому человеку незнакомы, слышать их ему непривычно, внове. И хотя иногда они даны в метафорической синтаксической конструкции, всё же они напрямую связаны с миром села. Так в стихотворении «Дума» читаем: «В синем море уходит кораблик, / В землю талую – *лунный сошник*» [4, с. 14]. *Лунный сошник* – это метафора, но рождена она крестьянской реальностью. Сошник – часть сохи, плуга, тот самый острый наконечник, который собственно пашет, режет землю. Но в данном случае поэт называет сошником месяц с острыми рожками, своим внешним видом напоминающий ему это сельскохозяйственное приспособление. Нашу правоту доказывает стихотворение «Клинок», где также возникает образ полумесяца: «И полумесяц в чистом поле / Подсёк траву и плугом стал» [4, с. 16].

В этом же стихотворении встречается ещё одно слово, которое не так часто ныне прочитаешь – *остожье*: «А мой клинок пробил *остожье* / И в землю вклинился, как в ножны» [4, с. 16]. Слово *остожье* не зафиксировано даже в словаре С. И. Ожегова, но оно есть в словаре В. И. Даля, где сказано, что это «луг, пожня, покос такой

меры, чтобы давал стог сена» [3].

И здесь же употреблено слово *плугарь*, то есть *человек с плугом, пахарь*: «Вы, *плугари*, не вырывайте / Сталь, отошедшую ко сну...» [4, с. 16].

«За топким логом, за мыском еловым / Ворчит мотор, вонзая в ночь клыки, / Летит на фары белая *полова* – / Играющие свадебку мотыльки» [4, с. 29]. Полова – это остатки колосьев, стеблей, то есть отходы при молотье, мякина, но в данном случае слово употреблено в переносном смысле, как метафора: количество мотыльков в темноте перед фарами так велико, что напоминают летящую при молотье полову.

В поэме «Горсть земли» также встречаются редкие, устаревшие или диалектные слова: *елань, аржаной, копанки, поскотина, самануха* и др. «Летел паровоз / От восхода к закату. / Отстал привокзальный / Решетчатый свод. / Отстали *елани*, заводы и хаты...» [4, с. 85]. Слово *елань* в словаре С. И. Ожегова не зафиксировано, в словаре В. И. Даля оно трактуется как «обширная прогалина, луговая или полевая равнина» [2].

Слово *аржаной*, означающее то же, что и *ржаной*, встречается в следующем контексте: «И сторожевые / Не спят у ворот. / Свои, *аржаные*...» [4, с. 86]. Однако и в этом случае слово употреблено в переносном смысле, здесь аржаные значит *свои, свойские, соотечественники*. Слово *аржаной* встречается у Николая Тряпкина, например, в стихотворении «Первые воспоминания»: «А в доме – суматоха. И всё так навеки знакомо: / Раскудахталась бабка, избегались тетки вокруг. / Запропали сапожки!.. А в окна стучится солома, / *Аржаная* солома, такая лучистая вдруг!» [8, с. 427]. Отметим, что Н. И. Тряпкину вообще было свойственно использование подобной лексики, это одна из примет его творчества.

Любопытное слово *копанки* использует А. Н. Еранцев в следующем случае: «Обрыв, / А заглянешь – / Река неказиста. / А там, / Под обрывом, / За веткой речной, / На острове – / *Копанки*, мазанки, избы...» [4, с. 93]. Будучи перечисленным в ряду других, нам становится понятным это слово (нечто вырытое, *выкопанное* в земле – от слова *копать*); кроме того, являясь исконно русским, оно ещё и узнаваемо нами, что называется, на уровне генетики. Однако *копанкой* называют колодец, *вырытую в*

земле яму для сбора влаги; согласно словарю В. И. Даля это *колодец без сруба*. Но у этого слова есть ещё одно значение, именно то, в каком употребил его А. Н. Еранцев: это *вырытое в земле жилище, временное убежище*. В ноябре 2014 года в интернете появилось сообщение под заголовком «Украинские бойцы под Дебальцево спят в холодных копанках», приведём из него фрагмент: «Из-за постоянных обстрелов и недостатка обеспечения армии военные вынуждены спать в холодных ямах, завернувшись в несколько одеял» [9]. Так что живо не только слово, но и, к сожалению, само существование подобных копанок.

Не менее интересно и слово *поскотина* от *поскось* – холст из конопли: «В загоне – приелось. / С *поскотины* гонят» [4, с. 101]; в данном случае, видимо, с *насиженного места*.

Интерес представляет и, казалось бы, вполне знакомое слово *колотоп*, употребляемое как имя собственное – название населённого пункта, но в данном случае оно использовано как нарицательное: «Пока в *колотоп* допотопный / Не врос...» [4, с. 101]. *Колотоп* – это *непроезжее, топкое место*; слово состоит из двух корней: *–кон(ь)* – со значением *конь, лошадь* и *–топ(ь)* – со значением *топкое, непроходимое, вязкое место*. Видимо, *колотопом* изначально называлось непроезжее место, где не могли пройти даже лошади.

Ещё одно слово, привлекающее наше внимание – *самануха*. *Самануха* – производное от слова *саман*, так называется кирпич плохого качества из глины с примесью навоза или соломы. *Самануха* – дом из такого кирпича, как правило, строила такие дома люди небогатые. Именно в таком значении встречается это слово у А. Н. Еранцева: «Пришли повидаться с землячкой / Гости, / Пришли на поклон – / *Самануха* тесна» [4, с. 102].

Таким образом, использование подобной лексики, устаревшей, диалектной или имеющей узкую сферу применения, также одна из черт поэзии А. Н. Еранцева, к которой поэт обращался для решения определённых стилистических задач.

«Красные ягоды на каждом ноготке...».
Метафорическое изобилие поэтики
Алексея Еранцева

Поэты отличаются друг от друга не только содержанием своего творчества, но и тем

ракурсом или углом зрения, под которым они смотрят на мир. И если говорят: сколько народу, столько и мнений, то что же тогда говорить о людях пишущих и, скажем откровенно, тонко чувствующих, имеющих неповторимый голос. Индивидуальный характер их поэтического видения находит выражение в метафоричности, которая как раз и делает поэтов (даже одного поколения, эпохи или направления) столь непохожими друг на друга.

Метафоричность поэзии А. Н. Еранцева богата, разнообразна, ярка. Его метафорическое изобилие поражает, например, в одном только стихотворении «Расправлены плечи и в сердце приборой...», которое идет в сборнике первым, мы встречаем чудесное нанизывание метафор друг на друга: «Солнце трубит в пионерские горны...», «узловатые снасти берез», «родина, радуго вскинув на плечи», и это ещё не все в данном стихотворении, и даже в самом его названии содержится метафора – «в сердце приборой» [4, с. 8].

Стихи его полны ярких и потому запоминающихся метафор, несущих в себе глубокий смысл: «зари малиновый осколок» [4, с. 16], «утра омут непочатый» [4, с. 18], «лунные тропы пылят» [4, с. 25], «травы, бредущие ко сну» [4, с. 25], «снеговая крошечная пляска» [4, с. 26], «ударил туча громовым копытом» [4, с. 28], «звезда сохнет гнездовье на сосне» [4, с. 55], «письмо с перебитым крылом» [4, с. 75], «солнышко волчье – луна» [4, с. 79] и т. д.

В его стихах есть строки, не могущие не удивить авторским видением, так в стихотворении «Клинок»: «И полумесяц в чистом поле / Подсёк траву и плугом стал...» [4, с. 16]; в стихотворении «Флаг» не менее яркие образы: «А солнце золочёною кибиткой / Шло вслед за красной конницей зари» [4, с. 18]; в стихотворении «Земля»: «Приходит звезда голубая / Погреться к ночному окну» [4, с. 25]; в стихотворении «Повяжись платком пуховым...»: «Тихим посвистом покличу / Стаю сказок из дупла...» [4, с. 25]; в стихотворении «Рассердилось море ночью...»: «Ходят стаей сны морские / С золотыми плавниками...» [4, с. 70] и др.

Надо сказать, что в поэзии не так часто встречается подобное метафорическое изобилие, причём, это изобилие – не вымученно искусственное, а естественное и логич-

но вытекающее из поэтических размышлений поэта, всего его хода мыслей. Кажется, его метафоры рождены самой природой – так они *безыскусно искусны*, словно существовали изначально, где-то в надземном пространстве. Поэт лишь переносит увиденное и услышанное на бумагу. Даже образ женщины у него метафоричен:

Ты вся осенняя: ресниц сухие листья
Трепещут на вокзальном сквозняке.
Тонки твои рябиновые кисти –
По красной ягоде на каждом ноготке
[4, с. 72].

Здесь сразу несколько метафор, по сути, что ни стих – метафора. Женщина – *осенняя пора* (потому что предстоит разлука); *ресниц сухие листья* (потому что она не плачет); *вокзальный сквозняк* (потому что вокзал – место, где ежедневно проносятся сквозняками тысячи человеческих судеб). У Андрея Вознесенского, кстати, есть строки на близкую тему: «Я пролётом в тебе, моя жизнь! / Мы транзитны» [1, с. 197]. *Красные ягоды на каждом ноготке* – пожалуй, так никогда ещё не говорили о женских руках – с такой тонкостью и изысканностью.

**«Кровинка полынная...». О поэме
«Горсть земли»**

В поэме «Горсть земли» поэт обращается к теме, которую однозначно определить сложно, вернее всего, здесь разноплановость и многоаспектность: тема Родины, преданности своему Отечеству и родной земле, материнства и сыновнего долга, совести и бесчестия, верности и предательства. На примере человека, который когда-то воевал за Родину, но потом променял её на материальные блага и остался за границей, показана сложность человеческой жизни, её неоднозначность, непредсказуемость и, наверное, невозможность жить в состоянии раздвоенности.

Начало поэмы сразу настраивает читателя на эпико-былинный лад:

Шумят ли глубокие травы,
Идут ли снега напролом –
Всё кружит над пашенным полем
Письмо с перебитым крылом
[4, с. 75].

Причём, выбор эпитетов, рождённый

спонтанно или продуманный намеренно, здесь исключительно органичен – травы именно *глубокие*, снега – именно *напролом*. Когда-то мы вслед за Л. Н. Толстым восхищались строчкой Ф. И. Тютчева об осенней паутине, которая «блестит на праздной борозде», но как не восхититься, казалось бы, совершенно простой строчкой Алексея Еранцева о *пашенном поле*, ведь за этим виден крестьянский мир с его вековым укладом – это значит, что в нём всё в порядке, несмотря ни на что, жизнь идёт полным ходом, поля ухожены, распахиваются и засеваются.

Однако в жизни самих людей не всё так просто, поскольку нет ни *того* дома, ни *того* адреса: дом снесён, раскатын, печку «по камушку вынули» и «ограду раздёргали», а на его месте выстроен новый. Героиня поэмы – одинокая пожилая женщина Настасья Кузьмовна живёт ожиданием своего сына Егорши, который пропал после войны, «себя не сберёг», попал в беду, не вернулся домой, хоть и обещал ей вернуться. Но сын остался жив, хоть и испытал многое («Я участью горькой клеймён...»), да только после всех злоключений оказался на чужбине и в Россию не вернулся. «Для блудного сына / Чужбина – расплата / За то, что признал за родню вороньё, / За то, что хотел на развалинах ада / Построить гнездо золотое своё...» [4, с. 79]. Итак, сын, по сути – предатель, и мать понимает это, но она понимает также и то, что он – сын, её кровинушка, и он попал в беду.

Живя за границей, он страдает и терзается, мечется и не знает, что ему делать, как поступить: «Сквозь ливень солёный, / Леса костяные, / По травам багровым / На мёртвом лугу / Бреду до плетня, / До калитки в Россию, / Стучусь – / Достучаться никак не могу...» [4, с. 79]. Обратим внимание на лексический подбор этой строфы: ливень – *солёный*, леса – *костяные*, травы – *багровые*, луг – *мёртвый*.

Поэма буквально пересыпана метафорами: «Соломкой / Под брёвна / Бросалась душа...» [4, с. 76]; «Я снова убит, / Журавлями оплакан, / А в жилах – полынь, / А душа голодна...» [4, с. 79]. Картина приобретает символический смысл: сын просит мать навестить его и привезти ему «гостинец»: «Не надо ни хлеба, / Ни слёз, / Ни махорки», ничего этого ему не надо, «А

только бы горстку / Родимой земли...» [4, с. 80].

И мать, набрав земли в огороде и в лесу «с корешком, с муравьями, с грибницей», с тяжёлой котомкой («чугок бы отбавить»), испытывая огромные трудности, едет к сыну, надеясь, что его «душа народится» и земляца «домой позовёт». Обратим внимание на незначительную деталь, которая потом сыграет в поэме важную смысловую и стилистическую роль, это образ *муравья*.

И вот – «Опушка России. / Сторожка. / Ворота. / И сторожевые / Не спят у ворот...» [4, с. 86]. На границе удивляются, зачем она так много везёт земли («кузовок»)... и помогают этой странной старой женщине. И вот уже – за граница: «Уж тут не зевай: / Не в своём огороде...» [4, с. 90]. Оказавшись «за кордоном», мать чувствует себя немного растерянной, ведь она посреди чужеземной державы, но она собирается с силами, ведь она приехала увидеть, вразумить и забрать домой своего сына, «кровинку полынную, горький кусок».

Поэма показывает страшную, по сути, действительность – и какой непредсказуемой бывает жизнь, и какими разными – судьбы людей, когда «по одним родные плачут», а по другим «петля тоскует». Долгожданная встреча состоялась: перед матерью её сын, «человек, на Егоршу похожий», но только ей кажется, что его будто подменили. Тянет за спиной тяжёлая ноша – кузовок с землёй («как будто земля со спиной срослась...»). Она напрямую спрашивает родного сына: «Какими блинами тебя прикормили? / А может, купили тебя на корню?» [4, с. 97-98]. Сын признаётся ей, рассказывает о том, что с ним произошло, о своих тяжёлых испытаниях и делает вывод: «Из грязи да в князи, / И сызна в грязь...» [4, с. 99].

И вот он – кульминационный момент поэмы: сын берёт в руки мешок с землёй (то, ради чего старая мать проделала такой далёкий и трудный путь): «Взахлёб затянулся, / Схватился за ворот... / И надвое – грудь, / И душа – пополам! / И руки напали, / Зарылись по локоть. / И не разогнулся, / Забылся, / Замолк...» [4, с. 100]. Мать видит это сыновнее возрождение: «Душа бы проснулась – / Зачем они, деньги! / В вагон не посадят – / Пешочком дойдём! / Дойдём! / Велики ли чужие владенья! / А там и Рос-

сия. / Попугачики, / Дом!» [4, с. 100].

Что такое для русского человека чужбина? Это «волчья земля», «до ужина добрая держава», где «серое солнце, понурые травы», «прореха земная», и только родина для него дороже самого дорогого – таков его менталитет, и потому даже горсть родной земли воспринимается им как нечто, что невозможно оценить, ведь она «земелюшка», «землица», «родная, на ощупь, на цвет и на запах...», «святая она и в полях, и в горсти» [4, с. 111].

И потому, когда мать видит, что её сын (после душевного подъёма) вдруг начинает бойко торговать на базаре этой привезённой ею землёй, кому за «четыре с полтиной», кому за «десять монет серебром», происходит невероятное, словно сама природа, мир, Вселенная противятся этому кощунству и святотатству.

И криком кричат,
И друг друга калечат,
И прыгают
Вниз головой *муравьи*.
А лица у тех *муравьёв*
Человечьи,
А руки у сына
По локоть в крови [4, с. 112-113].

Поэт через незначительную деталь – образ *муравья* (мы уже говорили об этом) передаёт ощущения матери, появление у муравьёв человеческих лиц делает эту сцену по-настоящему страшной, даже какой-то мистически пугающей. Собственно, на этом конфликте построена вся поэма, фабулу которой можно передать одним предложением: *мать привозит заблудшему сыну горсть родной земли, чтобы он, увидев её, почувствовав дыхание и запахи Родины, обрзумился и повинился, а он ловко продаёт её на базаре*. Но за этой фабулой кроется глубочайшее содержание, ведь перед нами разворачивается острейший драматический конфликт, в котором отразилось понимание значения для человека Родины. Несопоставимость ценностных приоритетов этих двух родных по крови людей рождает ощущение... почти ужаса, ведь сын, внешне похожий на отца, не похож на него своим внутренним миром. Мать не может простить ему этого очередного предательства – торговли родной землёй: «родина примет – да я не

приму».

Поэма ставит нелицеприятные, острые вопросы, которые ещё предстоит рассмотреть современным исследователям. На наш взгляд, здесь поставлен и мировоззренческий вопрос, который сейчас, в России первой четверти XXI века стал актуальным, он касается *системы ценностей*, значительно пошатнувшейся в нашей стране с приходом к власти реформаторов. Если традиционно Россия, святая Русь всегда ориентировалась на идеалы высочайшей чести, любви к ближнему, великодушия и милосердия, то ныне рыночная экономика потребовала от человека даже не перестройки сознания, а его коренной ломки, смены ценностной парадигмы. То, что для русского (советского) человека всегда было обычным делом – бескорыстно помочь другому, оказать помощь, сослужить службу, то теперь рассматривается с точки зрения выгоды, целесообразности, личной пользы. Безусловно, вопрос личной пользы важен, но, думается, человека (любой национальности) следует воспитывать, ориентируя всё же на базовые ценности, как то: правдивость, честность, справедливость, человеколюбие, творческая устремлённость, свобода и др.

В поэме есть любопытный момент: сын рассказывает матери, с чем он столкнулся за границей, как его здесь встретили, «пригрели» незнакомые люди, но потом он увидел изнанку чужой жизни: «А вышло: / Ночуешь, / Сгрызёшь кочерыжку, / Из речки водицы попьёшь – / Заплати!» [4, с. 98]. Для него подобное стяжательство и корыстолюбие в диковину, но ничего не поделаешь – «нарвался на стаю».

Следует отметить ещё один важный момент поэмы, он касается *роли и места женщины в жизни общества*. Обратим внимание, как ведёт себя в поэме эта пожилая женщина, казалось бы, ничего в своей жизни не видевшая, кроме родного дома, постоянного труда, испытаний, да заботы о ближних. Её бесстрашие, отвага и активная позиция не вызывают сомнений, она преодолевает громадные трудности – как физические, так и моральные, но она справляется со всем. Более того, она, женщина, берёт на себя роль лидера, ни на минуту не задумываясь о каких-либо препятствиях и не рассуждая о том, как их преодолеть. Она, как древняя воительница, грудью встаёт на за-

щиту своего сына и, по сути, своей Родины.

К великому её горю и стыду, её сын, мужчина, в решительную минуту показал слабость духа, она же, женщина, такой слабости не знает; в ней говорит инстинкт сохранения своего рода, семьи и чести: «Опомнись, помни: / В минуты такие, / Когда на Земле / Листопад и распад, / Болит, / Разрывается сердце России, / И матери – / Сёстры России – / Не спят» [4, с. 114-115]. Когда-то Ф. М. Достоевский говорил, что возрождение России начнётся с женщины, убежденный в том, что русская женщина обязательно скажет ещё свое слово в истории, и мы с уверенностью повторяем вслед за ним эту пророческую мысль. Именно она в сложные исторические периоды берет на себя роль духовного лидера и ведет его за собой, беспримерным *женским мужеством* показывая путь к высотам нравственности и духа.

**Заключение. «Протяжная ночь...»
позади. О необходимости изучения
творчества Алексея Еранцева**

На наш взгляд, в поэтическом сборнике (да и прозаическом тоже) следует в обязательном порядке помещать фотографию автора. Это очень важно. Согласитесь, что мы часто, прочитав те или иные строки, переворачиваем страницы и вглядываемся в лицо поэта, словно стараясь его понять, уловить движение его мысли, услышать рождение его чувства. Иногда мы с ним спорим, в чём-то не соглашаемся; иногда – наоборот, утвердительно киваем головой; а иногда задаём ему вопросы. Нам кажется, что в этот момент мы с ним на одной волне, что мы понимаем друг друга, и он нас как будто слышит. А иногда нам кажется, что он писал только для нас, исключительно – для нас и даже – о нас лично. И это так и есть, потому что *настоящий поэт всегда пишет о самом сокровенно интимном, а получается – для всех и каждого*, таково обобщающее значение лирики.

Глядя на фото Алексея Еранцева в книге, мы не видим его глаз, так как взгляд поэта устремлён куда-то вниз, может быть, в глубину своей души, а может быть, в бездну, его поглотившую, ведь поэт в 1972 году покончил с собой. Куда же он смотрел, что он видел перед собой, какие видения открывались ему? И на какой «былинке малой» подвернулась его нога? Но мы не будем за-

давать греховный, по сути, вопрос, зачем так рано оставил земной мир этот чудный «осенний соловей»? Ведь ответ на него – прерогатива Господа Бога, ему виднее.

Когда-то в стихотворении «Предчувствие» Алексей Еранцев писал: «... кроме

заката и солнышка / В запасе – протяжная ночь...» [4, с. 44]. Думается, что впереди у поэта не «протяжная ночь», она осталась позади, и теперь впереди – долгий, долгий светлый день внимания и любви к его творчеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вознесенский А. А. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. я. Стихотворения; Поэмы; Мне четырнадцать лет. Рифмы прозы / Вступ. статья Л. Озерова; Худож. Вл. Медведев. М.: Худож. литература, 1983. 463 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М.: Русский язык Медиа, 2006.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Русский язык Медиа, 2006.

4. Еранцев А. Н. Лирика. Стихи. Поэма. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1974. 120 с.

5. Заболоцкий Н. А. Стихотворения / Сост. Н. А. Заболоцкий; Вступ. статья И. И. Ростовцевой. М.: Советская Россия, 1985. 304 с. (Поэтическая Россия).

6. Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы / Предисл. М. Бойко, примеч. А. Гаркави. М.: Худож. литература, 1980. 559 с.

7. Ожегов С. И. Словарь русского языка : Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.

8. Тряпкин Н. И. Горящий Водолей / Сост., вступ. ст. С. С. Куняева. М.: Молодая гвардия, 2003. 493 с. (Б-ка лирической поэзии «Золотой жираф»).

9. Украинские бойцы под Дебальцево спят в холодных копанках. [Электронный ресурс]. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3448453-ukraynskye-boitsy-pod-debaltsevo-spiat-v-kholodnykh-kopankakh> (дата обращения: 11.06.2015).

REFERENCES

1. Voznesenskij A. A. Sbranie sochinenij. V 3-h t. T. ja. Stihotvorenija; Pojemy; Mne chetyrnadcat' let. Rifmy prozy / Vstup. stat'ja L. Ozerova; Hudozh. Vl. Medvedev. M.: Hudozh. literatura, 1983. 463 s.

2. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. V 4 t. T. 1. M.: Russkij jazyk Media, 2006.

3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. V 4 t. T. 2. M.: Russkij jazyk Media, 2006.

4. Erancev A. N. Lirika. Stihi. Pojema. Cheljabinsk: Juzhno-Ural'skoe kn. izd-vo, 1974. 120 s.

5. Zabolockij N. A. Stihotvorenija / Sost. N. A. Zabolockij; Vstup. stat'ja I. I. Rostovcevoj. M.: Sovetskaja Rossija, 1985. 304 s. (Pojeticheskaja Rossija).

6. Nekrasov N. A. Stihotvorenija i pojemy / Predisl. M. Bojko, primech. A. Garkavi. M.: Hudozh. literatura, 1980. 559 s.

7. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka : Ok. 57 000 slov / Pod red. chl.-korr. AN SSSR N. Ju. Shvedovoj. 17-e izd., stereotip. M.: Rus. jaz., 1985. 797 s.

8. Trjapkin N. I. Gorjashhij Vodolej / Sost., vstup. st. S. S. Kunjaeva. M.: Molodaja gvardija, 2003. 493 s. (B-ka liricheskoj poezii «Zolotoj zhiraf»).

9. Ukrainskie bojcy pod Debal'cevo spjat v holodnyh kopankah. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3448453-ukraynskye-boitsy-pod-debaltsevo-spiat-v-kholodnykh-kopankakh> (data obrashhenija: 11.06.2015).

MOSCOW STATE REGIONAL UNIVERSITY

UDC 339.924
Economic sciences

**FINANCIAL AND ECONOMIC COOPERATION OF RUSSIA AND CIS COUNTRIES:
INVESTMENT PROJECTS AND NEW BANK INSTITUTES (2009-2015)**

Dr. in History V. F. Ershov

Abstract. Article is devoted to formation and activity of institutes of interaction of Russia and the CIS countries in the sphere of financial business and investments. The author characterizes a role of banks and corporate financial organizations in the course of financial and economic integration of Russia and the states of the Euroasian space, lights the most important stages of development of dialogue of banks and investment companies of the states of the CIS in 2009-2015.

Keywords: financial policy of Russia, world finance, Commonwealth of Independent States, Shanghai Cooperation Organisation, Euroasian Economic Union, BRICS

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 339.924
Экономические науки

**ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН СНГ:
ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ И НОВЫЕ БАНКОВСКИЕ ИНСТИТУТЫ (2009-2015)**

Доктор исторических наук В. Ф. Ершов

Реферат. Статья посвящена формированию и деятельности институтов взаимодействия России и стран СНГ в сфере финансового бизнеса и инвестиций. Автор характеризует роль банков и корпоративных финансовых организаций в процессе финансово-экономической интеграции России и государств Евразийского пространства, освещает важнейшие этапы развития диалога банков и инвестиционных компаний государств СНГ в 2009-2015 гг.

Ключевые слова: финансовая политика России, мировые финансы, Содружество Независимых Государств, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский Экономический Союз, БРИКС

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена развитием интеграционных процессов на Евразийском пространстве, расширением торгово-экономических взаимоотношений России и государств СНГ, формированием единой финансовой системы стран БРИКС, реализацией значительного комплекса инвестиционных проектов в реальном секторе отечественной экономики, транспортной системе, научно-исследовательской и образовательной сфере.

Основная часть. Финансово-экономическая интеграция стран СНГ развивается благодаря межгосударственному взаимодействию в нескольких форматах, включая

международные объединения, двусторонние государственные соглашения, диалог бизнес-сообществ стран и регионов. В своем выступлении на Международном форуме в Санкт-Петербурге 3 декабря 2012 г. Президент России В. В. Путин так определил перспективу развития европейской интеграции: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позво-

лит Евразийскому Союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами – такими как ЕС, США, Китай, АТЭС – обеспечивать устойчивость глобального развития» [2. С. 16-17].

Д. А. Медведев на Встрече президентов России, Республики Беларусь и Казахстана, состоявшейся в Кремле 18 ноября 2011 г., отметил, говоря о перспективах дальнейшего финансово-экономического сотрудничества в рамках ЕврАзЭС: «Сама жизнь подсказывает, что наше многоплановое взаимодействие – это огромный общий ресурс, поэтому интерес к новой интеграционной структуре проявляют и другие партнеры по ЕврАзЭС, по СНГ. Нас это радует. Это доказывает, что тенденция к расширению международного сотрудничества на равноправной основе, на взаимовыгодной основе набирает силу. Мы, конечно, открыты для всех, кто понимает преимущества объединения наших потенциалов, и будем работать над этой задачей тоже, конечно, с учетом внутренних правил, которые мы, только что, кстати сказать, для себя определили» [3].

Дальнейшее развитие системы евразийской интеграции России и государств СНГ нашло свое выражение в формировании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который стал институциональной основой, позволяющей странам Содружества проводить согласованную валютную и макроэкономическую политику. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» осуществляет большую конструктивную работу по консолидации общественно-политических движений и организаций в контексте евразийской интеграции, формирования единого цивилизационного пространства, атмосферы дружбы и согласия в рамках ЕАЭС. Так, член Высшего совета «Единой России», председатель президиума ЦС Международной Конфедерации общественных сил «За евразийскую интеграцию» Юрий Шувалов, выступая на Международной конференции «Евразийский союз: амбиции, проблемы, перспективы», сказал: «Сегодня сделан очень важный шаг на пути создания дорожной карты для евразийского объединения, жизненно необходимого

для развития наших стран» [4]. Партия «Единая Россия» принимает также участие в общественно-политическом международном диалоге государств БРИКС, направленном на расширение культурного взаимодействия, выработку единых подходов по многим социально-экономическим и внешнеполитическим вопросам в рамках многополярного мира.

Важнейшим историческим этапом в процессе восстановления и развития финансово-экономических связей государств СНГ стало создание Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), объединившего в 2001-2014 гг. значительную часть постсоветских государств и ставшего мощным фактором формирования институциональной системы их финансового мира. В состав ЕАЭС, оформившегося в 2014-2015 г. на основе Таможенного Союза (ТС) России, Белоруссии и Казахстана, в настоящее время входят Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Киргизская Республика. Деятельность ЕАЭС выступает в качестве катализатора процессов социально-экономической интеграции и расширения межбанковского взаимодействия на евразийском пространстве, способствует адаптации трудовых мигрантов, созданию новых рабочих мест.

Ряд важных инициатив был предпринят в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), основанной в 2001 г. Китаем, Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном и к настоящему времени ставшей одним из ведущих международных объединений, авторитет которого и экономическая роль приобрели глобальный характер. ШОС является значимым стабилизирующим фактором на евразийском пространстве, способствующим интенсификации политического и финансово-экономического сотрудничества государств СНГ в Центральной Азии, а также и в рамках БРИКС [19. С.38].

11 сентября 2013 г. в соответствии с целями и задачами, изложенными в Хартии ШОС, и по инициативе ряда финансовых структур было создано Некоммерческое партнерство «Финансово-банковская Ассоциация стран-участников Шанхайского сотрудничества» (НП «ФБА СУСШ»). Ассоциация призвана стать механизмом реали-

зации потребностей стран-участников ШОС в развитии национальных финансовых рынков и благоприятных условий для эффективной банковско-финансовой деятельности членов ШОС, государств-наблюдателей и партнеров по бизнес-диалогу. Приоритетными направлениями деятельности Ассоциации являются: содействие продвижению банков, бирж и других банковских структур на территории стран ШОС; участие в развитии синдицированных кредитов в области финансирования торгового обмена, инвестиционных проектов и других сфер финансового взаимодействия стран ШОС и их деловых партнеров; содействие формированию инфраструктуры межбанковского обслуживания; совершенствование платежно-кредитных (в том числе валютно-кредитных) отношений; поддержка развитию малого и среднего бизнеса в странах ШОС [18]. Данная деятельность распространяется помимо России и среднеазиатского пространства СНГ также на территорию Республики Беларусь как партнера по диалогу ШОС.

16 мая 2014 г. в г. Алматы (Казахстан) прошло расширенное заседание ФБА СУШС, на котором, в частности, обсуждалось создание Международного инвестиционного фонда, создание международных центров по различным направлениям финансовой деятельности, формирование «банка» проектов и ведение организационной работы по их реализации. В мероприятии принимали участие руководители финансово-банковских коммерческих структур и корпоративных объединений, юридических организаций и иных структур стран-участниц, наблюдателей и партнеров по диалогу в рамках ШОС. На заседании рассматривались также конкретные деловые предложения, которые затем становились частью перспективных направлений кредитной деятельности и различных бизнес-проектов [14].

14-17 ноября 2013 г. Финансово-банковский совет СНГ при поддержке Исполнительного комитета СНГ, Национального банковского клуба и Международного банка Азербайджана провел VI Бакинскую Международную банковскую конференцию государств-участников СНГ на тему «Финансовые рынки СНГ – основа экономической интеграции на пространстве Со-

дружества». Деловая программа конференции включала в себя обсуждение проблем расширения резервов роста финансовых институтов, повышения инвестиционной привлекательности финансового сектора стран СНГ, появления новых тенденций в банковском ритейле и других актуальных вопросов.

Сессии и Круглые столы, проводившиеся в рамках Конференции, были, в частности, посвящены рассмотрению таких проблем, как:

- преимущества финансовой интеграции – на примере СНГ, ЕЭП, ЕС;
- тенденции развития розничного кредитования в странах СНГ;
- резервы повышения устойчивости финансовых рынков СНГ в условиях продолжающегося кризиса мировой экономики;
- угрозы и драйверы роста розничного кредитного портфеля в условиях обостряющейся конкуренции и растущих рисков;
- полное вовлечение в банковский оборот неорганизованных сбережений населения (в том числе за счет формирования системы долгосрочных жилищных накопительных вкладов);
- развитие межгосударственного банковского сотрудничества Прикаспийских государств;
- механизмы финансирования инвестиционных проектов и создание условий для использования ресурсного потенциала Каспийского региона;
- рентабельность банковских продуктов как производная качества персонала финансовых институтов;
- внедрение международных стандартов квалификации персонала – важный резерв повышения доходности финансовых институтов;
- рынок труда финансовых институтов 2013 в странах СНГ: тенденции, прогнозы.

В работе конференции приняли участие представители министерств и ведомств государств Содружества, специалисты международных институтов развития, а также руководители национальных (центральных) и крупнейших банков стран СНГ, Европы и Азии. Информационная поддержка мероприятия осуществлялась ведущими СМИ стран-участниц [20].

19 марта 2015 г. в Москве состоялся

Саммит глав государств-членов Межгосударственного Совета ЕАЭС, участники которого обсудила вопросы дальнейшей интеграции на евразийском пространстве. Во встрече принимали участие лидеры России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, а также главы государств-наблюдателей – Армении, Молдавии и Украины. В ходе саммита обсуждались вопросы, имеющие важное значение для развития интеграционных процессов на евразийском пространстве, в том числе рассматривались базовые принципы проекта Договора, предусматривающего преобразование ЕАЭС в новое интеграционное объединение, были рассмотрены вопросы начала работы Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), действующей с 1 февраля 2012 г. под председательством Виктора Христенко. На саммите рассматривались вопросы расширения сотрудничества в финансово-экономической сфере, углубления межбанковского взаимодействия, а также обсуждалась тема унификации паспортно-визового контроля в государствах-членах Таможенного союза, которая должна обеспечить свободу передвижения граждан по территории трех стран (Россия, Белоруссия, Казахстан), и другие аспекты дальнейшей интеграции стран ЕАЭС.

Важным фактором интеграции финансово-экономических систем государств СНГ является расширение двусторонних контактов между странами Содружества, причем Россия в значительной степени является модератором этого процесса и на государственном уровне и в системе бизнес-сообщества, выступая как крупнейший центр деловой активности банков и других финансовых структур на постсоветском пространстве. Ведущие российские банки активно расширяют свое присутствие в экономике Беларуси, Азербайджана, Армении и других стран Содружества, способствуя выходу их финансовых институтов на новый уровень взаимодействия. При этом каждое из государств-участников СНГ выступает организатором международных финансово-экономических форумов в рамках ЕАЭС, предоставляет площадки для диалога представителей промышленных компаний и инвестиционно-бизнеса, выставок инновационных банковских технологий и т. п.

Российская Федерация является самым крупным торгово-экономическим и инвестиционным партнером Белоруссии: по объему прямых инвестиций российские инвесторы намного опережают инвесторов из других стран – они дают 50 % от всех поступивших инвестиций в белорусскую экономику. Самый крупный инвестиционный проект в Республике Беларусь был реализован с участием российской компании «Газпром», который вложил 5 млрд. долларов в покупку «Белтрансгаза».

Россия и Белоруссия первыми на постсоветском пространстве показали пример высокой степени социально-экономической интеграции, создав в 1996 г. Союзное государство Россия-Беларусь. При этом в 2000-е гг. российско-белорусские инвестиционные проекты приобрели существенное значение как часть формирующейся евразийской финансово-экономической системы [10]. В Республике Беларусь работает свыше 2 тысяч организаций с российским капиталом, почти половина из них – совместные предприятия. Среди стран СНГ Россия занимает ведущее положение по количеству совместных предприятий, зарегистрированных облисполкомами Беларуси в соответствии с правилами национального режима регистрации.

Современные российские банки широко представлены на финансовом рынке Республики Беларусь; среди них «Сбербанк России», которому принадлежит 97,9% акций «БПС-Сбербанка», Внешэкономбанк, владеющий 97,5 % акций «БелВнешэкономбанка», российский банк «ВТБ» – владелец 99,9 % акций «Белросбанка». Группе ОАО «Газпром» на территории Беларуси принадлежит ОАО «Газпромбанк». При этом все банки с участием российского капитала входят в десятку ведущих банков Республики Беларусь и владеют почти 25 % всех банковских активов. Инвестиции российских банков в Беларуси способствуют решению актуальных задач модернизации белорусской экономики. Например, БПС-Банк совместно с люксембургским Banque Naviland основал первый в Беларуси Фонд прямых иностранных инвестиций с капиталом 259 млн. евро, в котором могут принять участие иностранные инвесторы, в том числе российские банкиры. Инвестиции Фонда были вложены в компанию «Биоком»;

БПС-Банк совместно с компанией Blue Eagle Private Equity (Нидерланды) инвестировали строительство комплекса гостиниц и ресторанов в Республике Беларусь. Российский Сбербанк в то же время осуществляет и внешне финансирование ряда программ белорусского правительства, он выступил организатором дебютного размещения белорусских евробондов на сумму в 1 млрд. долларов и облигаций на российском финансовом рынке [15].

Усиливается взаимозависимость российской и белорусской экономик и финансово-банковских систем: российские инвесторы приносят с собой не только капиталы, но и новейшие технологии. Тем самым Республика Беларусь воссоздает свои позиции одного из передовых научно-промышленных центров, каким она была во времена СССР. Вхождение российского банковского капитала на белорусский финансовый рынок не только значительно повышает капитализацию банковской системы, но и положительно сказывается на темпах роста кредитования реального сектора белорусской экономики. Большое значение для успешной финансово-экономической интеграции государств СНГ и Ближнего зарубежья имеет повышение финансовой грамотности населения. Так, в марте 2015 г. в Бобруйске состоялось мероприятие «Волшебная карта» (Белкарт), целью которого являлось привитие населению навыков использования банковских пластиковых карт. Таким образом, евразийская интеграция способствует дальнейшему успешному развитию промышленной, финансово-экономической, научно-технической и межбанковской кооперации между Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

В контексте стратегии международного развития российских финансовых институтов и эффективного продвижения бизнеса на пространстве СНГ и Ближнего зарубежья находится выход Группы ВТБ на финансовый рынок Республики Азербайджан. Первый офис ВТБ в Азербайджане был открыт в 2009 году. Как отметил Президент-председатель Правления банка ВТБ Андрей Костин, финансово-промышленный и торговый потенциал Азербайджана очень высок, что делает его особенно привлекательным для российских инвестиций: «Выход на рынок Азербайджана – логич-

ный шаг, который позволит Группе ВТБ охватить наиболее перспективные с точки зрения развития рынка страны СНГ». Банк ВТБ ориентирован на розничное кредитование и финансирование малого бизнеса, предполагается расширять сеть филиалов в Азербайджане, прежде всего – в Баку. В настоящее время функционирует 11 филиалов Банка ВТБ.

В рамках VII Бакинской Международной банковской конференции государственной банковской конференции заместитель председателя, член Совета директоров Центрального банка России Михаил Сухов заявил: «В последние месяцы расширяются торгово-экономические связи между Россией и Азербайджаном. Банки – это те институты, которые знают своих клиентов и могут через систему финансовой поддержки и кредитования оказать дополнительную помощь развитию торговли» [7]. Расширение делового взаимодействия между бизнес-сообществами России и Азербайджана сопровождается развитием инвестиционных возможностей: рынки стран СНГ и Ближнего зарубежья становятся объектами привлечения финансовых средств для крупнейших компаний, как российских, так и азербайджанских. «Мы считаем, что финансово-банковское сотрудничество наших стран имеет большой потенциал. Сейчас складывается ситуация, когда появляются новые возможности... Когда в условиях ограниченности внешних источников, мы сможем использовать в лучшей степени наш потенциал», – сказал М. Сухов [7].

В настоящее время происходит значительный подъем двустороннего торгово-экономического сотрудничества России и Армении; при этом Россия укрепила свое значение в качестве ведущего внешнеэкономического и банковского партнера Армении, что в значительной степени способствует и укреплению институционального сотрудничества российской и армянской диаспор в союзных странах, содействует расширению бизнес-взаимодействия, реализации масштабных долгосрочных инвестиционных проектов. Стабильно и эффективно работает система совместных органов хозяйственного взаимодействия, в частности, российско-армянская Межправительственная Комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, в компетенцию

которой входят также и вопросы межбанковского взаимодействия и инвестиционного сотрудничества.

18-19 апреля 2011 г. в Ереване был проведен Первый Российско-Армянский межрегиональный форум на тему: «К новым достижениям межрегионального сотрудничества в российско-армянских союзнических отношениях», на котором обсуждалось, в том числе банковское взаимодействие в рамках формирующегося евразийского финансово-экономического пространства. (В рамках Форума состоялась также передача армянской стороне самолета российского производства «Сухой Суперджет 100»). В апреле 2012 г. в Ереване состоялась встреча премьер-министра Армении Тиграна Саркисяна и министра иностранных дел России Сергея Лаврова, в ходе которой было принято решение о начале разработки долгосрочной Программы торгово-экономического сотрудничества между государственными и частными коммерческими банковскими структурами России и Армении на период до 2020 года. С. Лавров, говоря о перспективах финансово-экономического взаимодействия двух стран, подчеркнул, что Россия поддерживает участие стран СНГ, в том числе Республики Армения, в формировании единого экономического пространства в рамках ЕвразЭС.

В настоящее время Россия выходит на позиции основного инвестора Республики Армения, вкладывая значительные финансовые средства в ее экономику и торговую сферу. Так, только в 2012 г. приток российских инвестиций в Армению составил примерно 400 млн. долларов США, увеличившись в сравнении с предыдущим годом на 45%; при этом объем прямых инвестиций достиг 338 млн. долларов, увеличившись более чем на 70 %. Накопленный с 1991 г. объем российских инвестиций достиг 3 млрд. долларов. Российские инвестиции в экономику и финансовую сферу Армении отличаются диверсифицированной структурой: они направляются в энергетический комплекс, горно-металлургический и строительный секторы, в предприятия связи и инновационные технологии, а также в банковскую систему.

В российских вузах проходят подготовку будущие специалисты в области банковского бизнеса и финансового управления,

что в значительной мере способствует укреплению кадрового потенциала банковской сферы Армении, способствует взаимной интеграции российской и армянской финансово-экономических систем.

Приоритетной отраслью экономического взаимодействия российского и армянского деловых сообществ является энергетика, в систему которой направляются значительные российские инвестиции; так ОАО «Газпром» выступает в качестве крупнейшего акционера компании «АрмРосгазпром», направив на выполнение газотранспортных проектов, включая завершение строительства 5-го энергоблока Разданской ГЭС, финансирование в размере свыше 550 млн. долларов. ОАО «Российский алюминий» провело модернизацию принадлежащего ему завода по производству алюминиевой фольги «Русал Арменал» в Ереване, вложив в него 70 млн. долларов. Расширяют свое присутствие в банковской системе Республики Армения такие влиятельные российские кредитно-финансовые учреждения как ОАО «Банк ВТБ», ОАО «Газпромбанк», инвестиционная компания «Тройка Диалог». Правительство Армении заключило Соглашение о сотрудничестве с АК «Алрос» (ЗАО), которое предполагает осуществление долговременных инвестиционных программ, в том числе в ювелирной отрасли. С 1 июня 2008 г. в соответствии с Договором ОАО «РЖД» о концессионном управлении армянской железной дорогой, дочерняя компания РЖД управляет ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога». Активно развиваются прямые финансово-экономические связи российских регионов с Республикой Армения. В этот процесс вовлечены более 70 субъектов Российской Федерации, среди которых по объему торговли и масштабам реализации инвестиционных проектов лидируют Москва, Санкт-Петербург, Свердловская и Ростовская области. Большой вклад в процесс российско-армянской интеграции вносит Рабочая комиссия по сотрудничеству между Москвой и Арменией. Расширяется инвестиционное сотрудничество между Москвой и Ереваном, осуществляемое в контексте принятых среднесрочных программ развития, в частности, «Программа сотрудничества между органами исполнительной власти городов Москвы и Еревана на 2008-2012 гг.» и др. При

этом московские и армянские инвесторы и представители строительных компаний обоюдно участвуют в реализации масштабных архитектурно-строительных проектов в столицах двух стран. Примером их успешной деятельности стало открытие Московского культурно-делового центра «Дом Москвы» в Ереване и торгово-развлекательного центра «Ереван Плаза» в Москве. Успешная реализация данного комплекса программ имеет большое социальное значение: благодаря расширению финансово-экономического взаимодействия России и Армении, укрепляются конкретные хозяйственные и социальные связи между российской и армянской диаспорами, представителями бизнеса, смягчаются процессы адаптации и др.

Активным участником программ евразийской финансовой интеграции является Республика Казахстан. В 1993 г. была основана Ассоциация банков Республики Казахстан (АБРК), которая является негосударственной коммерческой организацией, объединяющей на добровольной основе банки второго уровня любой формы собственности. Важным аспектом своей деятельности Ассоциация считает расширение международных связей, установление тесных контактов с банковскими ассоциациями стран СНГ и Дальнего зарубежья, БРИКС. В данном направлении АБРК проводит линию на формирование и укрепление сотрудничества с отдельными зарубежными кредитными организациями. АБРК активно сотрудничает с Ассоциацией российских банков, Ассоциациями банков Узбекистана, Армении и Украины, а также с банковскими ассоциациями Англии, Ирландии и ряда других стран с целью установления международных связей, укрепления деловых отношений и обмена опытом банковской деятельности. АБРК также наладила сотрудничество с представителями международных аудиторских компаний, расположенных в Алма-Ате: Arthur Andersen, Ernst&Young, Deloit&Touche, Price Waterhouse Cooper, KPMG.

Внешэкономбанк РФ и государственное АО «Банк развития Казахстана» заключили в Астане долгосрочное соглашение о сотрудничестве. В присутствии Президента России В. В. Путина и Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева документ был подписан председателем Внешэкономбан-

ка РФ Владимиром Дмитриевым и президентом БРК Камбаром Шадгимбаевым. В совместном сообщении двух стран говорилось: «В рамках Соглашения планируется осуществлять финансирование и банковское обслуживание инвестиционных проектов, реализуемых, в том числе в сфере инфраструктурного строительства, включая экспортно-ориентированные сектора экономики». Подписанный документ предполагает финансовое сопровождение проектов в соответствии с «Соглашением о межбанковском сотрудничестве в рамках ШОС», конкретно – организацию синдицированных кредитов, совместное финансирование экспортно-импортных операций и инвестиционных проектов [9].

Создание Евразийского банка развития (ЕБР) со штаб-квартирой в Алма-Ате ознаменовало начало качественно нового этапа социально-экономической интеграции на постсоветском пространстве. Это событие, как отметил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, «выводит Евразийский Союз совершенно на другой уровень, когда мы сами можем выдавать кредиты членам Евразийского Союза, а не искать их где-то в других странах, на таких или лучших условиях». То есть ЕврАзЭС приобретает инструмент настоящей интеграции внутри себя. Евразийский банк развития учреждается с целью содействия устойчивому модернизационному развитию экономик государств Содружества, основным направлением его деятельности является реализация инвестиционных проектов на территории стран СНГ, поддержание высоких темпов экономического роста, расширение взаимной торговли, развитие инновационных промышленных связей, поощрение прямых инвестиций, в том числе в виде частно-государственного партнерства. Создание Евразийского банка развития позволит решить вопрос системной мобилизации долгосрочных финансовых ресурсов для инвестирования новых проектов в сфере промышленности, энергетики, транспорта, научно-исследовательских программ и др.

В настоящее время активно развиваются финансово-экономические взаимоотношения между Россией и Таджикистаном: на таджикском рынке работают российские компании «Газпром», РАО «ЕЭС России», «Русские отели», более 160 совместных

предприятий, реализуются долгосрочные инвестиционные проекты. Так, Россия осуществляла инвестирование Сангтудинской ГЭС-1 и Рогунской ГЭС. Накопленные прямые российские инвестиции составляют более половины всех прямых иностранных инвестиций в экономике Республики Таджикистан и превышают 0,5 млрд. долларов; страну регулярно посещают российские бизнесмены. В то же время таджикская сторона стремится создать наиболее благоприятные условия для привлечения и защиты российских инвестиций, которые имеют устойчивую тенденцию к увеличению, превысив уровень в 4 млрд. долларов.

Значительную конструктивную роль в развитии финансово-экономических связей стран-участников СНГ играет ежегодный Межпарламентский Форум «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества». Большое значение в стратегическом партнерстве России и Таджикистана имеют совместные гуманитарные проекты, в том числе и в плане реализации научно-исследовательских программ, изучения финансовых рынков, инвестиционных возможностей, торгово-экономического потенциала [21].

21 ноября 2013 г. в Душанбе состоялось очередное заседание Финансово-банковской Ассоциации стран-участников Шанхайской организации сотрудничества, на котором были рассмотрены перспективные вопросы работы Ассоциации – подготовка Концепции развития на дальнейшую перспективу, план-график мероприятий в рамках бизнес-сотрудничества [12]. 22-23 ноября 2013 г. в столице Таджикистана прошло очередное открытое заседание Международного координационного Совета банковских ассоциаций стран СНГ, Центральной и Восточной Европы (МБС), в котором принимали участие руководители объединений, членов МБС – Ассоциации региональных банков России, Ассоциации банков Республики Казахстан, Союза банков Кыргызстана и Ассоциации банков Таджикистана, а также представители от Независимой ассоциации банков Украины, Международного Конгресса промышленников и предпринимателей, ЗАО АКБ «НОВИКОМБАНК», ЗАО «ПРОМСБЕРБАНК», Агентства ВЭП, органов государственного управления и ведущих банковских организаций Респуб-

ки Таджикистан, в том числе: Председатель Национального банка Таджикистана А.Ш. Ширинов, начальник отдела министерства финансов И.Убайдуллаев, директор Центра по управлению инвестициями Государственного комитета по управлению государственными инвестициями и имуществом Ш. Шералиев и др. На заседании МБС, которое прошло под руководством Председателя Международного банковского совета, Председателя Совета ассоциации «Россия» А. Мурьчева, обсуждались вопросы развития государственно-частного партнерства в банковской сфере в государствах, представленных участниками заседания.

В настоящее время происходит расширение и углубление торгово-экономического и финансового сотрудничества между Российской Федерацией и Узбекистаном, успешно развивается межбанковское взаимодействие, что находится в общем русле процесса евразийской интеграции. При этом Президент Узбекистана Ислам Каримов считает, что расширение участия Республики Узбекистан в евразийской интеграции должно соотноситься с политическим союзом. В настоящее время Узбекистан придерживается в своей внешней политике многовекторного подхода.

Двусторонний товарооборот России и Республики Узбекистан в 2013 году вырос почти на 10 %, при этом российский экспорт увеличился на 20%. По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации в 2013 году Узбекистан занял 4-е место по объему двусторонней торговли среди стран СНГ. Важным фактором финансово-экономического взаимодействия России и Узбекистана является российский рынок трудовой миграции. Работающие в России граждане Узбекистана только в 2013 году перевели на родину около 7 млрд. долларов. В то же время активно развивается российско-узбекистанское инвестиционное сотрудничество в сфере телекоммуникаций, информационных технологий, топливно-энергетического комплекса, реализуются современные проекты по производству стройматериалов. (Впрочем, в ряде случаев возникали конфликты в инвестиционном поле: удаление, а затем возвращение на рынок Узбекистана оператора мобильной связи МТС, отчуждение от российских собственников «Ахангаранцемента» и др.)

Основным финансовым агентом Республики Узбекистан на территории Российской Федерации является Азия-Инвест-Банк (ЗАО), который выступает в качестве ведущего специализированного финансово-кредитного учреждения по обслуживанию товарооборота между Россией и Узбекистаном, а также инвестиционных программ модернизационного развития. Азия-Инвест-Банк осуществляет расчеты резидентов Российской Федерации с резидентами Республики Узбекистан в узбекской национальной валюте – сумах, действует как Консультационный центр для участников узбекско-российского межбанковского сотрудничества, оказывает экспертную поддержку в области внешнеэкономической деятельности.

Азия-Инвест-Банк является участником Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. В соответствии с Соглашением между правительствами России и Таджикистана «О взаимопоставках на долгосрочной основе хлопкового волокна в Российскую Федерацию и необходимых материально-технических ресурсов в Республику Узбекистан» от 11 декабря 1999 г. Азия-Инвест-Банк является расчетным банком. Он также входит в состав Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», координирующей развитие торгово-экономического сотрудничества сибирских территорий с Узбекистаном. В сентябре 2004 г. Азия-Инвест-Банк стал учредителем российско-узбекского Делового Совета, основной целью которого является создание благоприятных условий для расширения деловых контактов между предпринимательскими сообществами России и Узбекистана [6].

В настоящее время в контексте процесса развития финансово-экономической интеграции на постсоветском пространстве между Россией и Узбекистаном сложилось единое банковское и страховое пространство, в формировании которого приняли участие крупнейшие российские и узбекистанские кредитно-финансовые организации, что дает возможность Азия-Инвест-Банку выполнять следующие задачи:

– предоставлять участникам внешне-торгового оборота между Россией и Узбекистаном услуги в области экспортного

кредитования и страхования на льготных условиях;

– выполнять роль гаранта по контрактным обязательствам российских и узбекских партнеров;

– обеспечивать высокую скорость и надежность расчетов, снижать прямые и косвенные затраты, связанные с комиссиями страховых компаний и банков.

Таким образом, в настоящее время происходит восстановление утраченных в 1990-е годы финансово-хозяйственных связей между Россией и Узбекистаном, возникают новые сегменты финансово-экономического рынка, расширяется инвестиционное сотрудничество. Азия-Инвест-Банк способствует созданию узбекских Торговых Домов в России. Клиентами Азия-Инвест-Банка являются Торговые Дома ведущих предприятий Узбекистана. Являясь резидентами Российской Федерации, клиенты Азия-Инвест-Банка представляют практически все отрасли промышленности Узбекистана: добычу и переработку драгоценных металлов, топливно-энергетический комплекс, химическую отрасль, машиностроение, легкую и пищевую промышленность, переработку сельхозпродукции и торговлю. Соответственно, возможность вести бизнес с Узбекистаном в пределах одного банка дает существенные преимущества, сокращая затраты по банковскому обслуживанию, снижая операционные валютные риски и др.

Позитивным вектором развития характеризуется в настоящее время финансово-экономическое взаимодействие между Москвой и Ашхабадом. Значительный вклад в развитие российско-туркменского сотрудничества вносят Российско-Туркменский и Туркменско-Российский деловые советы, созданные при Торгово-Промышленных палатах двух стран. Текущие вопросы двустороннего сотрудничества рассматриваются в рамках заседаний Межправительственной Комиссии по экономическому сотрудничеству. Активно развиваются деловые отношения в сфере торговли, сельского хозяйства, судостроения. На туркменском рынке успешно реализуют свою продукцию такие ведущие российские автомобилестроительные компании, как «Автоваз», «Группа ГАЗ», КАМАЗ, УАЗ.

Важным фактором развития двусторон-

него торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества являются межрегиональные связи с Турменистаном, которые охватывают 68 субъектов Российской Федерации, в том числе Волгоградскую, Московскую, Тульскую области, Республику Татарстан, Пермский край и др. Так, Президент Туркменистана Г. М. Бердымухамедов в ходе своего визита в Астраханскую область 7 мая 2010 года отметил, что дальнейшее наращивание взаимовыгодного сотрудничества с регионами и крупнейшими промышленными и научно-культурными центрами Российской Федерации, расширение межбанковского сотрудничества является для Туркменистана одним из приоритетных направлений дальнейшего развития туркмено-российского сотрудничества.

В настоящее время процесс евразийской финансовой интеграции испытывает негативное воздействие политических факторов как локального, так и глобального характера. Так, в 2014-2015 гг. вследствие глубокого общественно-политического кризиса на Украине произошло существенное ослабление торгово-экономических связей наших стран. Президент России В. В. Путин в своем Послании Федеральному собранию РФ 4 декабря 2014 г. отметил высокую степень интегрированности российской и украинской финансово-экономических систем: «Россия и Украина – члены зоны свободной торговли СНГ, у нас исторически сложившаяся глубокая кооперация в промышленности и сельском хозяйстве, фактически единая инфраструктура...» [1]. Тем не менее, современная политика Киева направлена, вопреки интересам украинского народа, деятелей промышленности и банковского сектора, на разрыв исторически сложившихся финансово-экономических связей России и Украины. Эта тенденция выражается, в том числе в создании искусственных бюрократических препятствий для функционирования на территории Украины структур Сбербанка, ВТБ-24 и других российских банков с участием государственного капитала России.

Достаточно сложными и искусственно заторможенными по причине негативного влияния внешнеполитических факторов являются в настоящее время российско-грузинские финансово-экономические отношения. Процесс их «размораживания» только

начинается. Несмотря на то, что спецпредставитель премьер-министра Грузии по урегулированию отношений с Российской Федерацией Зураб Абашидзе в январе 2015 года сделал заявление, что рост российских инвестиций на грузинском рынке, а также увеличение количества авиарейсов между Москвой и Тбилиси – в интересах Грузии и будет способствовать развитию страны, системное инвестиционное и финансово-экономическое взаимодействие России с Грузией по причине влияния внешних политических факторов в целом развивается крайне медленно, являя собой пример упущенных возможностей [5].

Присоединение ряда постсоветских государств (Литва, Латвия, Эстония, Украина) к антироссийским санкциям Запада, объявленным после воссоединения Крыма с Россией, также оказало негативное воздействие на развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве, в том числе в финансовой сфере. Сокращение товарных потоков неизбежно вело к снижению масштабов кредитования коммерческой деятельности и других форм деловой активности, которые развиваются в системе экономических связей СНГ и стран Евросоюза.

До этого момента финансово-экономические отношения между Россией и Латвией характеризовались значительным ростом объемов взаимной торговли, увеличением инвестиций и расширением межбанковского сотрудничества. Россия входила в первую тройку основных внешнеторговых и инвестиционных партнеров Латвии, после Литвы и Германии. Вступление Латвии в Европейский Союз способствовало притоку инвестиций, в том числе и из России; только в 2006 году объем накопленных российских инвестиций в экономике Латвии составил почти 500 млн. долларов; в то же время накопленные латвийские инвестиции в экономике России незначительны – около 30 млн. долларов. По данным Госрегистра Латвийской Республики в стране действовало свыше 2 тысяч предприятий с участием российского капитала. В России существует свыше 300 российско-латвийских совместных предприятий, прежде всего в Москве, Санкт-Петербурге и северо-западных регионах России.

Важнейшей сферой инвестиционного

сотрудничества между Россией и Латвией являлась газовая отрасль (модернизация Инчукалнского подземного газохранилища), а также промышленная кооперация: деятельность АО «Северстальлат» – производство трубного проката (объем российских инвестиций – 3 млрд. долларов), работа российского оператора связи «Синтерра» и др. Латвийские промышленники также активно выходили на российский рынок – АО «Биолар» создал совместное производство лакокрасочной продукции в Белгороде. Успешно развивается сотрудничество в банковской сфере: так, российский «Конверсбанк» выкупил 75 % акций латышского местного «Крайбанка» и создал сеть своих филиалов; банк «Северный морской путь» стал владельцем контрольного пакета акций «Мультибанка». В контексте развития корпоративных межбанковских связей латвийские «Унибанк» и «Риетуму банк» проводили консультации по приобретению банков в Москве и Санкт-Петербурге [16].

Значительный вклад в развитие российско-литовских отношений внесла деятельность Российско-литовской Межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическому, научно-техническому, гуманитарному и культурному сотрудничеству. Постоянно увеличивался общий объем российских прямых инвестиций (ПИИ) в экономику Литвы, который составил к настоящему времени свыше 800 млн. евро. При этом основными направлениями вложений российского капитала являются обрабатывающая промышленность, электроника и газовое хозяйство; 10 % российских ПИИ в Литве направлены в сферу финансовой деятельности, литовские капиталовложения в финансовый сектор России – 24 %. Российский капитал удерживает прочные позиции в ряде отраслей литовской экономики: российские компании контролируют литовское предприятие «Лукойл-Балтия» (дочерняя компания НК «Лукойл», обладает крупнейшей в Литве сетью АЗС), компанией по продаже электроэнергии «Энергийос реализацийос центрас» («Интер РАО ЕЭС»), Каунасской ТЭС и газоимпортирующим предприятием «Летувос дужс» («Газпром»), заводом минеральных удобрений «Лифоса» («Еврохим»), предприятием по производству метизов «Нямунас» («Мечел»). Крупные литовские инвестиционные

проекты реализуются в Калининградской области – на рыбоперерабатывающем предприятии «Вичюнай – Русь», заводе «Калининградский деликатес», кондитерской фабрике «Нова Рута», торговом центре «Акрополис» и др. В марте 2009 г. в Москве состоялась встреча сопредседателей по сотрудничеству России и Литвы, в ходе которой были подписаны Меморандум о сотрудничестве между нашими странами и «Соглашение о сотрудничестве между Санкт-Петербургом и Вильнюсом», основу которого составили инвестиции в культурно-образовательный блок [17].

Снижение масштабов и темпов экономического сотрудничества России со странами Европейского Союза вследствие проведения Западом деструктивной политики антироссийских санкций получило достаточно серьезную альтернативу в рамках диалога ШОС и БРИКС. При этом некоторые крупные российские компании начали вывод своих активов из западных банков и офшорных зон и возвращение капиталов в Россию, что создает перспективу их более активного участия в инвестиционных и коммерческих проектах на территории СНГ в сотрудничестве с отечественными и евроазиатскими финансовыми структурами [8. С. 175].

Дальнейшее развитие финансово-экономической интеграции России и стран СНГ предполагает рост взаимных инвестиций, внедрение технологических инноваций в банковский бизнес, поддержку деловых партнеров в процессе совместного освоения иностранных финансовых рынков. При этом взаимодействие банков и других финансовых структур Российской Федерации и стран СНГ, в том числе в рамках партнерства России в ЕАЭС, ШОС и БРИКС, представляет собой эффективный механизм преодоления негативных воздействий глобального характера (колебания нефтяных котировок, биржевые кризисы и т.п.) и, соответственно, становится важным фактором экономической и политической стабильности не только на евразийском пространстве, но и за его пределами.

Важным фактором интенсификации процесса евразийской интеграции в рамках ЕврАзЭС, а затем ЕАЭС является позиция Китая, всемерно поддерживающего стратегию финансово-экономического взаимодей-

ствия стран Содружества, увеличивающего свое технологическое и инвестиционное присутствие на евразийском пространстве. В настоящее время Комиссия по национальному развитию и реформам КНР совместно с Министерством иностранных дел и Министерством торговли разработала масштабный проект «Экономического пояса Шелкового пути 21 века», реализация которого станет значимым фактором экономической и дипломатической евразийской интеграции. Китай предполагает координировать дипломатические усилия в регионе Центральной Азии, Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы, стандартизировать и объединять формируемые торговые площадки и зоны свободной торговли, координировать торговые процедуры, интегрировать финансовую сферу с опорой на национальные валюты стран-участниц ЕАЭС (в том числе на рубль и юань), развивать международные историко-культурные и образовательные программы. Руководитель КНР Си Цзиньпин впервые официально заявил об утверждении проекта «Шелкового и Морского пути» в сентябре 2013 года во время своего визита в Казахстан. Финансирование проекта «Один пояс, один путь» будет осуществлять Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), обладающий капиталом в 100 млрд. долларов, Фонд нового Шелкового пути (с капиталом в 40 млрд. долларов) и новый Банк развития БРИКС (100 млрд. долларов). Данный проект расширяет экономические и политические связи Пекина с Россией и государствами СНГ, укрепив основу Евразийского Союза [13].

Большой интерес к Проекту евразийской интеграции проявляют современная Индия и Вьетнам. Так, в июне 2013 г. на

XVII Петербургском Экономическом форуме делегация Индии инициировала процесс переговоров о создании в ближайшее время зоны свободной торговли Индии и Таможенного Союза с перспективной целью вступления страны в ТС и ЕврАзЭС. Как отметил председатель Евразийской экономической комиссии Виктор Христенко, предполагается полномасштабное вступление Индии в ТС и ЕврАзЭС: «Речь идет о снятии взаимных таможенных барьеров и приведении торговых отношений Таможенного Союза с Индией и Вьетнамом к полному соответствию не только законам этих стран, но и регламенту ТС, то есть де-факто вхождению как равноправных партнеров в единое экономическое пространство ЕврАз-ЭС» [11]. В настоящее время действует Рабочая группа по подготовке соответствующего соглашения в рамках ЕАЭС. Президент Вьетнама Чьонг Тан Шанг, выступая в Нарьян-Маре в июле 2012 г., заявил, что Вьетнам начал переговоры о создании зоны свободной торговли с Таможенным Союзом, а в дальнейшем – о полномасштабном вступлении Вьетнама в ТС: «Мы рассчитываем, что при наличии высокой политической воли руководства наших стран, а также белорусских и казахстанских товарищей, партнеров мы можем уже скоро начать этот процесс и привести его к завершению в виде соглашения о присоединении Вьетнама к Таможенному Союзу» [11].

Заключение. Таким образом, развивающееся в контексте евразийской интеграции сотрудничество России и государств СНГ в сфере банковского бизнеса и инвестиций можно рассматривать в качестве одного из наиболее конструктивных компонентов международной финансово-экономической системы начала XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Послание Президента России В. В. Путина Федеральному собранию РФ 4 декабря 2014 г. Президент России. Официальный сайт. URL: www.kremlin.ru

2. Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». Евразийская интеграция в XXI веке. Международный Форум «Евразийский диалог»: Сборник статей. М., 2012.

3. Выступление Д. А. Медведева на Встрече президентов России, Республики Беларусь и Казахстана. Москва, Кремль, 18 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/13581>

4. Выступление члена Высшего совета Всероссийской партии «Единая Россия», председателя президиума ЦС Международной конфедерации общественных сил «За евразийс-

кую интеграцию» Шувалова Ю. на Международной конференции «Евразийский союз: амбиции, проблемы, перспективы». Москва, июль 2012 г. Сайт Международной конфедерации общественных сил «За евразийскую интеграцию». URL: <http://eurasian-integration.org>

5. Абашидзе З. Рост российских инвестиций в интересах Грузии. [Электронный ресурс]. URL: www.newsgeorgia.ru/politics/20150119/2111111117290033.html

6. Азия-Инвест-Банк (ЗАО). Международное сотрудничество. [Электронный ресурс]. URL: ai-bank.ru/

7. Банки Азербайджана и России поддержат торговлю сельхозпродукцией. [Электронный ресурс]. URL: new.day.az/economy/534821.html

8. Вестник Банка России. 2009. № 29-30 (1120-1121).

9. Единство России и Казахстана. Евразийский банк развития. Взгляд: Деловая газета. 12 января 2006 г. URL: vz.ru/economy/2006/1/12/18538.html

10. Ершов В. Ф. Россия и Беларусь. На пути строительства Союзного государства. Волгоград, 2007.

11. Жалнин К. Великая евразийская интеграция [Электронный ресурс]. News Book. Сообщество независимых журналистов. URL: <http://newsbook.name/lenta/velikaya-evrazijskaya-integratsiya/>

12. Заседание НП Финансово-банковской Ассоциации стран-участников Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: www.fbacs.ru/vse-novosti/17

13. Китай: правила дорожного движения для Шелкового пути. Пекин задумался о евразийской интеграции. [Электронный ресурс]. URL: ru.exgus.eu/Kitay-pravila-dorozhnogo-dvizheniya-dlya-Shelkovogo-puti-Pekin-zadumalsya-o--id553a7de0ae2015d76aea93dc

14. Расширенное заседание Финансово-банковской Ассоциации стран-участников Шанхайского сотрудничества. 16 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: banker.ru/novosti

15. Российско-белорусские проекты как фактор евразийской интеграции. [Электронный ресурс]. URL: www.ami-tass.ru

16. Российско-латвийские торгово-экономические отношения. По материалам Посольства России в Латвии. [Электронный ресурс]. URL: www.vneshmarket.ru/content/document_r_4E033562-E9E9-4BF9-8817-BA04245A4DA2.html

17. Российско-литовские отношения (Справка). Второй Европейский департамент МИД России. [Электронный ресурс]. URL: www.mid.ru/ns-reuro.nsf/ZUstrana/58A7F3F65DIAA09EC325758200330E25?opendocument

18. Создано Некоммерческое партнерство «Финансово-банковская Ассоциация стран-участников Шанхайского сотрудничества». 8 октября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: bankir.ru/novosti/20131008/sozdano-nekommercheskoe-partnerstvo-finansovo-bankovskaya-assotsiatsiya-stran-uchastnikov-shankhaiskogo-sotrudnichestva-10056509/

19. Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества / Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Центр исследований Восточной Азии и ШОС. Т. 20. М., 2012.

20. Финансовые рынки СНГ – основа экономической интеграции на пространстве Содружества: Материалы VI Бакинской Международной банковской конференции государственных участников СНГ. [Электронный ресурс]. URL: www.e-cis.info/page.php?id=23420

21. Яковенко А. М. Динамика российско-таджикских отношений. Владивосток, 2008.

REFERENCES

1. Poslanie Prezidenta Rossii V. V.Putina Federal'nomu sobraniju RF 4 dekabrja 2014 g. Prezident Rossii. Oficial'nyj sajt. URL: www.kremlin.ru

2. Prezident Rossijskoj Federacii V. V. Putin: «Novyj integracionnyj proekt dlja Evrazii – budushhee, kotoroe rozhdaetsja segodnja». Evrazijskaja integracija v XXI veke. Mezhdunarodnyj Forum «Evrazijskij dialog»: Sbornik statej. M., 2012.

3. Vystuplenie D. A. Medvedeva na Vstreche prezidentov Rossii, Respubliki Belarus' i Kazahstana. Moskva, Krem', 18 nojabrja 2011 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/13581>

4. Vystuplenie chlena Vysshego soveta Vserossijskoj partii «Edinaja Rossija», predsedatelja prezidiuma CS Mezhdunarodnoj konfederacii obshhestvennyh sil «Za evrazijskuju integraciju» Shuvalova Ju. na Mezhdunarodnoj konferencii «Evrazijskij sojuz: ambicii, problemy, perspektivy». Moskva, ijul' 2012 g. Sajt Mezhdunarodnoj konfederacii obshhestvennyh sil «Za evrazijskuju integraciju». URL: <http://eurasian-integration.org>
5. Abashidze Z. Rost rossijskih investicij v interesah Gruzii. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.newsgeorgia.ru/politics/20150119/2111111117290033.html
6. Azija-Invest-Bank (ZAO). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo. [Jelektronnyj resurs]. URL: ai-bank.ru/
7. Banki Azerbajdzhana i Rossii podderzhat torgovlju sel'hozprodukcij. [Jelektronnyj resurs]. URL: new.day.az/economy/534821.html
8. Vestnik Banka Rossii. 2009. № 29-30 (1120-1121).
9. Edinstvo Rossii i Kazahstana. Evrazijskij bank razvitija. Vzgljad: Delovaja gazeta. 12 janvarja 2006 g. URL: vz.ru/economy/2006/1/12/18538.html
10. Ershov V. F. Rossija i Belarus'. Na puti stroitel'stva Sojuznogo gosudarstva. Volgograd, 2007.
11. Zhalnin K. Velikaja evrazijskaja integracija [Jelektronnyj resurs]. News Book. Soobshhestvo nezavisimyh zhurnalistov. URL: <http://newsbook.name/lenta/velikaya-evrazijskaja-integratsiya/>
12. Zasedanie NP Finansovo-bankovskoj Asociacii stran-uchastnikov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.fbacs.ru/vse-novosti/17
13. Kitaj: pravila dorozhnogo dvizhenija dlja Shelkovogo puti. Pekin zadumalsja o evrazijskoj integracii. [Jelektronnyj resurs]. URL: ru.exrus.eu/Kitay-pravila-dorozhnogo-dvizheniya-dlya-Shelkovogo-puti-Pekin-zadumalsya-o--id553a7de0ae2015d76aea93dc
14. Rasshirennoe zasedanie Finansovo-bankovskoj Asociacii stran-uchastnikov Shanhajskogo sotrudnichestva. 16 maja 2014 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: banker.ru/novosti
15. Rossijsko-belorusskie proekty kak faktor evrazijskoj integracii. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.ami-tass.ru
16. Rossijsko-latvijskie torgovo-jekonomicheskie otnoshenija. Po materialam Posol'stva Rossii v Latvii. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.vneshmarket.ru/content/document_r_4E033562-E9E9-4BF9-8817-BA04245A4DA2.html
17. Rossijsko-litovskie otnoshenija (Spravka). Vtoroj Evropejskij departament MID Rossii. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.mid.ru/ns-reuro.nsf/ZUstrana/58A7F3F65DIAA09EC325758200330E25?opendocument
18. Sozdano Nekommercheskoe partnerstvo «Finansovo-bankovskaja Asociacija stran-uchastnikov Shanhajskogo sotrudnichestva». 8 oktjabrja 2013 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: bankir.ru/novosti/20131008/sozdano-nekommercheskoe-partnerstvo-finansovo-bankovskaya-assotsiatsiya-stran-uchastnikov-shankhaiskogo-sotrudnichestva-10056509/
19. Strategija Rossii v Central'noj Azii i Shanhajskaja organizacija sotrudnichestva / Institut mezhdunarodnyh issledovanij MGIMO (U) MID Rossii. Centr issledovanij Vostochnoj Azii i ShOS. T. 20. M., 2012.
20. Finansovyje rynki SNG – osnova jekonomicheskoj integracii na prostranstve Sodruzhestva: Materialy VI Bakinskoj Mezhdunarodnoj bankovskoj konferencii gosudarstv-uchastnikov SNG. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.e-cis.info/page.php?id=23420
21. Jakovenko A. M. Dinamika rossijsko-tadzhikskih otnoshenij. Vladivostok, 2008.

**SCIENTIFIC-RESEARCH INSTITUTE OF FEDERAL PENITENTIARY SERVICE
OF RUSSIAN FEDERATION, MOSCOW**

UDC 343.102

Law

FORMATION OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITY IN THE SOVIET PERIOD**Doctor of History O. I. Malchuk**

Abstract: In this article we will focus on the process of formation of operational and investigative activities in the Soviet era.

Key words: protection of territories, regulations, operations.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ФСИН РФ, г. МОСКВА

УДК 343.102

Право

**СТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД****Доктор исторических наук О. И. Мальчук**

Реферат: В данной статье речь пойдет о процессе формирования оперативно-розыскной деятельности в советское время.

Ключевые слова: защита территорий, нормативные акты, оперативная деятельность.

Введение. В настоящее время исторические и историко-юридические науки не в состоянии ответить на вопрос, когда возникли оперативно-розыскные мероприятия, кто их провел первым и в каких целях. Однако не вызывает сомнений, что первые действия, связанные с сыском, розыском появились с момента зарождения человечества. Представляется, что такими стали опрос и наблюдение как наиболее простые действия, и, в то же время, необходимые в повседневной жизни. Однако, конечно, их нельзя назвать оперативно-розыскными мероприятиями в том смысле, который вкладывается в это понятие сейчас.

Основная часть. С возникновением государства одной из его функций являлось обеспечение его интересов, защита территории, выявление и противостояние внешним угрозам, а также своевременное выявление таких угроз¹. Следует отметить, что ОРД – вид деятельности, осуществляемый гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов. Возникновение ОРД было обусловлено социальной необходимостью борьбы с преступностью.

Сущность ОРД с самого начала связывали с осуществлением общеуголовного розыска. В оперативно-розыскной деятельности средством отыскания истины является аналитическая работа. Она интегрирует в себе такие основные формы деятельности, как оперативно-розыскная идентификация, оперативно-розыскная диагностика и оперативно-розыскное прогнозирование².

Говоря о становлении ОРД в советский период необходимо отметить, что ему предшествовал так называемый переходный период, связанный с произошедшей буржуазно-демократической революцией. В это время Временное правительство под давлением широких революционных масс вынуждено было отменить некоторые царские нормативные акты (в частности Положение о контрразведывательных отделениях и Наставление по контрразведке в военное время). Кроме того, были ликвидированы политическая полиция и жандармерия. При этом военная контрразведка осталась нетронутой. Сыскные отделения не упразднили, а передали в подчинение Министерству юстиции.

Анализ исторических документов показал, что практически до середины 1918 г. негласная работа ни чем не регламентировалась. Можно сказать, что она проводилась на основе «революционного сознания».

При этом в июле 1917 г. создается Управление уголовного розыска. Розыск и следствие ведутся в рамках общего суда и местного самоуправления. Эти структуры действовали до образования уголовно-сыскных аппаратов составе НКВД.

Правовое регулирование ОРД в советский период можно разделить на несколько этапов.

Первый этап, на наш взгляд, длился с середины 1918 г. и закончился 1927 г. его можно назвать периодом возникновения и становления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в Советской России. Точную дату отсчета данного периода установить достаточно сложно, так как в начале своей деятельности органы ВЧК не имели агентурного аппарата. Его создание было официально разрешено только после решения Президиума ВЧК в феврале 1918 г. и лишь спустя несколько месяцев органы ВЧК начали устанавливать внутреннее агентурное наблюдение в антисоветских партиях, организациях, группах и на особо важных объектах. Условно начало этого этапа определено с середины 1918 г.

К субъектам ОРД в это время относились органы ВЧК-ГПУ при НКВД РСФСР, ОГПУ при СНК СССР и оперативно-розыскные подразделения рабоче-крестьянской милиции НКВД. До октября 1918 г. отсутствовал центральный аппарат уголовного розыска, а руководство оперативно-розыскными органами осуществляли местные советы. В 1922 г., уголовный розыск выделен из органов милиции. Органы уголовного розыска на местах подчинялись отделам управлений исполкомов, а также начальнику уголовного розыска Республики. В центре же было создано Управление уголовного розыска, ведавшее ОРД на всей территории РСФСР. В дальнейшем органы уголовного розыска неоднократно подвергались реорганизации.

Отдельные нормативные акты того времени непосредственно отражали элементы доктрины военного коммунизма. В частности, в Инструкции ВЧК 1918 г. по борьбе со спекуляцией отмечалось: «каждый метод

борьбы, как бы он нам, как социалистам, ни показался непристойным, может быть применим, ибо единственным принципом в борьбе со спекулянтами является принцип – цель оправдывает средства»³. Далее в Инструкции подчеркивалось, что для успешной работы разведывательной части необходим метод провокации. Краткие указания ЧК для ведения разведки сводились к тому, что главным и единственным основанием розыска контрреволюции объявлялась внутренняя, совершенно секретная и постоянная разведка. Задача последней заключалась в «обследовании преступных контрреволюционных организаций и уличении участников» для привлечения их к суду военно-революционных трибуналов. Причем «политика Коммунистической партии всецело определяла направления и формы борьбы ВЧК с врагами Советской власти, а претворение в жизнь политической линии партии составляло главное содержание всей деятельности чекистских органов». Наконец, нельзя не отметить попытку законодателя внедрить в уголовно-процессуальное законодательство положения, весьма характерные для ОРД⁴. Так, в ст. 93 УПК РСФСР 1923 г. хотя и весьма скупое, но все же было упомянутое возможности негласной проверки анонимных заявлений⁵.

Оперативная работа в этот период регулировалась в большей мере с классовых позиций, интересов рабочего класса и трудового крестьянства. Кроме того, происходит нормативное закрепление основ организации и тактики ОРД. При том в качестве основы используются царские инструкции негласного розыска. В данный период внедомственный надзор за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий был установлен со стороны прокуратуры.

Второй этап начинается в 1928 г. и заканчивается в 1953 г. Он характеризуется периодом реакции и ее господства в правовом обеспечении ОРД. В соответствии с Инструкцией по учету и агентурной разработке антисоветских и контрреволюционных элементов по линии Секретно-политического отдела (приказ ОГПУ 1931 г.) среди потенциальных врагов революции выделялись контингенты антисоветских и контрреволюционных элементов. В целом правовое регулирование ОРД было переориентировано и подчинено цели и задачам карательно-реп-

рессивной политики государства.

В этот период следует выделить усиление влияния диктатора И. В. Сталина в коммунистической партии и государстве, фактическое подчинение органов безопасности интересам одной личности.

Среди нормативных документов, регулирующих ОРД в рассматриваемый период необходимо отметить постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 г. «О разделении Наркомата внутренних дел СССР на два наркомата». В указанном постановлении были изложены полномочия НКГБ по осуществлению ОРД. На НКГБ возлагались задачи по: ведению разведработы за границей; борьбе с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР; оперативной разработке и ликвидации остатков всяких антисоветских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоев населения СССР; охране руководителей партии и правительства.

Среди факторов повлиявшие на содержание ОРД на данном этапе нельзя не упомянуть о военном времени (1941-1945 гг.), а затем о начавшейся «холодной» войне.

Можно сказать, что именно в этот период произошла окончательная трансформация и закрепление в нормативных документах положений, направленных, прежде всего, на политическое преследование и проведении «чистки». Кроме того, фактически игнорировались положения нормативных актов о прокурорском надзоре за негласной работой, в частности, за оперативно-розыскными мерами органов дознания.

Правовая неурегулированность проведения оперативно-розыскных мероприятий сыграла свою роль в ходе массовых репрессий, наблюдавшихся в России в 1930-1950 годы⁶. Оперативные сообщения и результаты оперативно-розыскных мероприятий в виде справок иногда вшивались в уголовные дела и служили основой для вынесения смертного приговора⁷. Некоторые известные советские генералы и маршалы уже после Великой Отечественной войны были посажены в тюрьму, а часть из них расстреляна за антисталинские высказывания, записанные подслушивающими устройствами⁸ или в связи с показаниями, которые были у них выбиты⁹.

Третий этап (1954 г. – середина 70-х гг.). Данный период характеризуется постепенным отказом от практики закрепления произвола в нормативных актах, регламентирующих ОРД. В январе 1953 г. выходит постановление ЦК КПСС «Об органах МГБ», в соответствии с которым органы госбезопасности были в очередной раз отделены от ОВД. В сентябре того же года произошла ликвидация Особого Совещания при МВД СССР.

Значительное влияние на характер правового регулирования ОРД оказало проведение широкой амнистии большой группы осужденных за общеуголовные преступления в связи со смертью И. В. Сталина, борьба с политическим бандитизмом в ряде западных областей страны (Западная Украина, Прибалтика и др.) и проведение судебно-правовой реформы конца 1950-х – начала 60-х годов.

Характерными чертами и особенностями данного этапа являются формирование двух различных нормативно-правовых ведомственных платформ (в МВД и КГБ при СМ СССР), предназначенных регулировать единую по сути ОРД. Кроме того, происходит закрепление в ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и в аналогичных статьях Уголовно-процессуальных кодексов союзных республик правил об обязанностях органов дознания по осуществлению оперативно-розыскных мер, отказ от нормативного закрепления тотального беззакония, характерного для предыдущего периода правового регулирования ОРД, а также нормативно-правовое закрепление попыток законодателя возродить вневедомственный надзор за законностью оперативно-розыскных мер, принимаемых органами дознания.

Четвертый этап (середина 1970-х гг. – август 1991 г.). В это время стабилизируется правовое регулирование ОРД и одновременно готовятся изменения ее правовой регламентации. Точкой отсчета данного периода условно выбран отрезок времени между принятием в МВД СССР Наставления по агентурной работе милиции (1974 г.) и в КГБ при СМ СССР Инструкции «Об оперативном учете в органах государственной безопасности» (1977 г.)¹⁰.

К субъектам ОРД в этот период относятся ОВД и последовательно КГБ при Совете

Министров СССР, КГБ СССР и Межреспубликанская служба безопасности.

После создания в середине 70-х гг. «фундаментальных правовых основ агентурной работы», ее правила существенно не менялись на протяжении более чем десятилетия, хотя объективная необходимость в этом имела. Достаточно сказать, что принятая в 1977 г. в КГБ СССР Инструкция «Об оперативном учете в органах государственной безопасности» применялась до конца 1980-х годов.

К особенностям правового регулирования ОРД можно отнести ведомственную разобщенность нормативно-правовой регламентации единой сыскной работы и обилие внутриведомственных нормативных актов, по-разному регулирующих схожие ситуации

ОРД; отсутствие единой нормативной регламентации работы по получению и проверке так называемых сигналов; появление первых признаков предстоящего комплексного законодательного регулирования основных положений ОРД – закрепление нормативных положений об осуществлении ОРМ в нескольких законодательных актах (Основах уголовного судопроизводства, Законах СССР «О Государственной границе СССР» и «Об органах государственной безопасности в СССР», а также в Законе РСФСР «О милиции»).

Заключение. Таким образом, историко-правовая характеристика становления оперативно-розыскной деятельности в советский период представляется весьма целесообразной и необходимой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О развитии оперативно-розыскной деятельности в России. *Винниченко Н. А., Захарцев С. И., Рохлин В. И.* Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2004.

2. *Яковец Е. Н.* Теоретические основы аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Монография. М., 2005.

3. Приказ МВД России 213 дсп от 05.05.1993 г.

4. Оперативно-розыскная деятельность. Учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001.

5. *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. Изд. 2-е испр. и доп. СПб: Российская Академия наук; МГУ им. М. В. Ломоносова; Наука; «Юридический центр «Пресс», 2002.

6. *Иванов В. А.* Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах северо-запада РСФСР). СПб: ЛИСС, 1997.

7. Уголовное дело № 23169-37 // Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

8. *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС - Образование, 2003. С. 501-502.

9. Обстоятельное исследование уголовно-процессуального аспекта доказывания проведено С. А. Новиковым. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.

10. Оперативно-розыскная деятельность. Учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001.

REFERENCES

1. O razvitii operativno-rozysknoj dejatel'nosti v Rossii. *Vinnichenko N. A., Zaharcev S. I., Rohlin V. I.* Pravovaja reglamentacija ispol'zovaniya operativno-rozysknoj dejatel'nosti v ugovolnom sudoproizvodstve: Monografija. Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, Akademija prava, jekonomiki i bezopasnosti zhiznedejatel'nosti / Pod obshh. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Fond «Universitet», 2004.

2. *Jakovec E. N.* Teoreticheskie osnovy analiticheskoj raboty v sfere operativno-rozysknoj dejatel'nosti organov vnutrennih del: Monografija. M., 2005.
3. Prikaz MVD Rossii 213 dsp ot 05.05.1993 g.
4. Operativno-rozysknaja dejatel'nost'. Uchebnik / Pod red. K. K. Gorjainova, V. S. Ovchinskogo, A. Ju. Shumilova. M., 2001.
5. *Kudrjavcev V. N., Trusov A. I.* Politicheskaja justicija v SSSR. Izd. 2-e ispr. i dop. SPb: Rossijskaja Akademija nauk; MGU im. M. V. Lomonosova; Nauka; «Juridicheskij centr «Press», 2002.
6. *Ivanov V. A.* Missija Ordena. Mehanizm massovyh repressij v Sovetskoj Rossii v konce 20-h – 40-h gg. (na materialah severo-zapada RSFSR). SPb: LISS, 1997.
7. Ugolovnoe delo № 23169-37. Arhiv UFSB Rossii po g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoj oblasti.
8. *Sudoplatov P. A.* Specoperacii. Lubjanka i Krem' 1930-1950 gody. M.: OLMA-PRESS - Obrazovanie, 2003. S. 501-502.
9. Obstoitel'noe issledovanie ugolovno-processual'nogo aspekta dokazyvanija provedeno S. A. Novikovym. Pokazanija obvinjaemogo v sovremennom ugolovnom processe Rossii. SPb.: Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo juridicheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta, 2004.
10. Operativno-rozysknaja dejatel'nost'. Uchebnik / Pod red. K. K. Gorjainova, V. S. Ovchinskogo, A. Ju. Shumilova. M., 2001.

**RYAZAN STATE RADIO ENGINEERING UNIVERSITY
THE DEPARTMENT OF HIGHER MATHEMATICS**

UDC 519.7

Mathematics: Mathematical Cybernetics

**ON THE SYNTHESIS OF THE RELIABLE LOGICAL SCHEMES
FROM THE UNRELIABLE ELEMENTS**

PhD in Mathematics V. V. Tarasov

Abstract. The examples of the synthesis of the reliable schemes from the unreliable elements in virtue of the coding of the information by means of the accidental numbers are reduced.

Key words: the synthesis of the reliable schemes from the unreliable elements.

**РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАДИОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ**

УДК 519.7

Математика: математическая кибернетика

**К СИНТЕЗУ НАДЕЖНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ ИЗ НЕНАДЕЖНЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ**

Кандидат физико-математических наук В. В. Тарасов

Реферат. Приводятся примеры синтеза надежных схем из ненадежных элементов, основанные на кодировании информации случайными числами.

Ключевые слова: синтез надежных схем из ненадежных элементов.

Введение. В работе [1] дано ретроспективное изложение относительно синтеза надежных схем в базисе, содержащем ненадежные элементы. Задача сводится к тому, чтобы достроить исходный ненадежный базис до сколь угодно надежного базиса. Изложим этот вопрос более сжато, чем это сделано в работе [1]. В работе фон Неймана [2] и ряде других авторов [3, 4, 5] изучались базисные системы, состоящие из двух частей: вполне надежной части B_1 и ненадежной части B_2 . Формулировались и доказывались необходимые и достаточные условия полноты базиса $B=B_1 \cup B_2$. В работе [6] был рассмотрен базис, состоящий из одного частично надежного элемента; оказалось, что для сколь угодно надежной реализации функций алгебры логики необходимо, чтобы базисная система должна содержать элемент вполне надежно выпускающий 0, и 1. Встал вопрос о том, можно ли построить вполне надежные базисные системы из вполне ненадежных элементов? Как ни парадоксально, вопреки утверждению тезиса фон Неймана о том, что вероятность

ошибки схемы не может быть ниже вероятности ошибки конечного элемента схемы. Впервые такой пример был построен в работе [8]. Это базис $\{\bar{x} \oplus z, xy \oplus z\}$, где z – случайная булева величина, несобственный параметр, индикатор внешней среды, в общем случае отсутствующий физически в элементах базиса. Композиция этих двух полностью ненадежных элементов дает вполне надежный элемент Шеффера:

$$\overline{xy \oplus z} \oplus z = (\bar{x}y \oplus z) \oplus z = \bar{x}y.$$

В квантовой механике этот эффект называли бы трансплантацией носителя z с одного элемента на другой. Существование подобных эффектов экспериментально подтверждается в квантовой механике. Приведу список работ, посвященный такому математическому феномену [8-13] (список неполный).

Цель работы. В этой статье мы опишем другую возможность надежного синтеза, основанную на возможном кодировании информации случайными величинами конечной значности по mod k .

Основная часть.

Пример 1. Примем метод двойных линий (название заимствовано у Неймана Дж. [2], но суть в другом). Линия – это проводник, по которому проходит булева случайная величина. Двойная линия – двужильный проводник. Если на выходе двужильного проводника реализуется значение одной и той же значности, т. е. (0, 0) или (1, 1), то такую реализацию кодируем константой 0, в противном случае, когда реализуется (0,1) или (1,0), то такое состояние двужильного провода обозначается 1. Пусть мы имеем два сорта случайных дву-

мерных векторов: $\xi=(\alpha_1, \alpha_2)$, где α_1 и α_2 – две булевы зависимые случайные величины, такие что ξ принимает два значения (0, 0) и (1, 1); с другой стороны имеем случайную величину $\zeta=(\beta_1, \beta_2)$, которая может принимать только два значения (0,1) и (1,0), где β_1 и β_2 – зависимые булевы случайные величины. Таким образом мы имеем взаимно однозначное соответствие между последовательностями из случайных величин ξ и ζ и последовательностями из нулей и единиц. Теперь нужно построить базисные элементы.

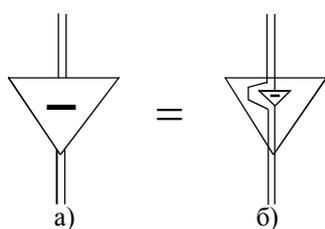

Рис. 1.

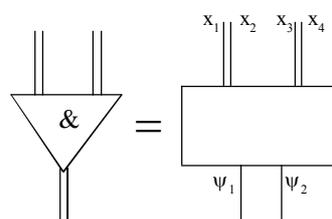

Рис. 2.

На Рис. 2 справа реализуется пара функций от булевых переменных x_1, x_2, x_3, x_4 : $\psi_2 = x_4 \bar{x}_4 = 0$; $\psi_1(x_1, x_2, x_3, x_4)$ определяем как таблицу:

x_1	x_2	x_3	x_4	ψ_1	x_1	x_2	x_3	x_4	ψ_1
0	0	0	0	0	0	1	1	0	1
1	1	1	1	0	0	1	0	1	1
0	0	1	1	0	1	0	0	1	1
1	1	0	0	0	1	0	1	0	1
0	0	0	1	0	0	0	0	1	0
0	0	1	0	0	0	0	1	0	0
1	1	0	1	0	1	1	0	1	0
1	1	1	0	0	1	1	1	0	0

Функция ψ_1 в виде формулы: $(\bar{x}_1 x_2 \vee x_1 \bar{x}_2)(\bar{x}_3 x_4 \vee x_3 \bar{x}_4) = (x_1 \oplus x_2)(x_3 \oplus x_4)$. Функция ψ_1 в виде схемы (Рис. 1а):

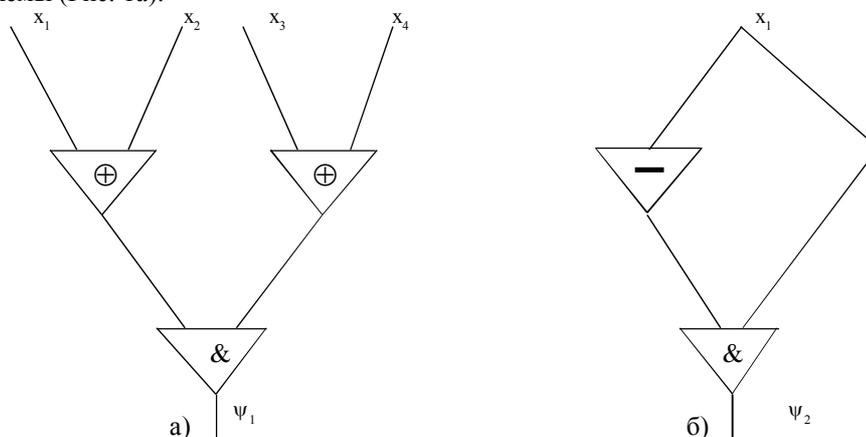

Рис. 3.

Пример 2. Метод тройных линий. Разобьем единичный куб $\{0, 1\}^3$ на две непересекающиеся части (шары):

$$\{000, 001, 010, 100\}, \quad (1)$$

$$\{111, 110, 101, 011\}. \quad (2)$$

Введем две случайные величины ξ со значениями (1) и сопоставим случайной величине ξ константу 0; и сопоставим случайной величине ζ со значениями (2) константу 1. Построим функциональный базис, добавив к построенным константам 0 и 1: отрицание (инвертор) –

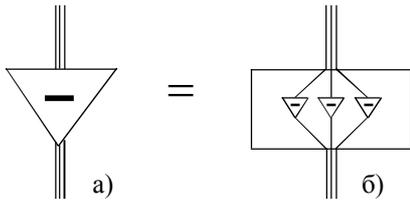

Рис. 4.

и элемент голосования h_2 –

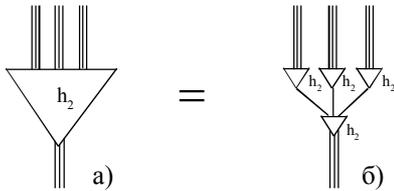

Рис. 5.

Пример 3. Двойные линии в трехзначном случае. Разобьем квадрат $\{0, 1\}^2$ на три непересекающиеся части:

$$1) (0,2), (1,0), (2,1), \quad (3)$$

$$2) (0,1), (2,1), (2,0), \quad (4)$$

$$3) (0,0), (1,1), (2,2). \quad (5)$$

Введем обозначения случайных величин: ξ со значениями (3), ζ со значениями (4), η со значениями (5).

Заметим, что определенные компоненты случайных величин пробегают каждая значения 0, 1, 2.

Тогда случайные величины ξ, ζ, η сопоставим соответственно константам 0, 1, 2 и таким образом нами построена основа для построения функционального базиса. Заинтересованный читатель следуя аналогичному примеру 1 и теореме о полноте в трехзначной логике [14] построит нужный базис.

Пример 4. Пусть $\xi_1, \xi_2, \dots, \xi_N$ – конечнозначимые случайные величины (числа по mod 5). Если они независимы, то область значений случайного вектора $\xi = (\xi_1, \xi_2, \dots, \xi_N)$ есть куб $0, 4^3$; в противном случае эта область есть собственное подмножество куба и эта область должна быть описана таблицей всех возможных значений случайного вектора $\xi = (\xi_1, \xi_2, \dots, \xi_N)$:

Таблица 2

ξ_1	ξ_2	ξ_3	ξ_4	ξ_5	$\xi_1 \xi_2$	$\xi_1 \xi_2 + \xi_4$
0	1	4	0	1	0	0
1	0	4	1	2	0	1
1	1	3	2	4	1	3
2	4	2	3	4	3	1
3	3	0	0	3	4	4
4	0	1	1	2	4	0
4	1	0	2	1	0	2
0	2	4	3	1	2	0

Вычислим всевозможные значения случайной величины $\xi_1 \xi_2 + \xi_4$ (колонка 7 таблицы 2).

Выводы. Итак, доказана возможность:

1) передачи информации математическими объектами стохастической природы;

2) организации вычислительных процедур управляющими стохастическими системами;

3) применения средствами квантовой механики надежных управляющих систем, процессоров, компьютерной памяти и прочее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тарасов В. В., Саблина В. А. Тезис Дж. фон Неймана и синтез надежных схем из ненадежных элементов. Вестник РГРТУ. 2013. Вып. 46. Ч. 1. № 4. с.126-130.

2. Нейман Дж. Вероятностная логика и синтез надежных организмов из ненадежных компонент // Автоматы / под ред. К. Э. Шеннона и Дж. Маккарти. М.: ИИЛ, 1956. С. 129-185.

3. Кириенко Г. И. О самокорректирующихся схемах из функциональных элементов.

Проблемы кибернетики. 1964. № 12. С. 32-38.

4. Мучник А. А., Гиндикин С. Г. Решение проблемы полноты для систем функций алгебры логики с ненадежной реализацией. Проблемы кибернетики. 1966. № 15. С. 65-85.

5. Тарасов В. В. Критерий полноты для систем функций алгебры логики с ненадежной реализацией. Матем. сборник. 1975. Т. 98. №3. С. 379-394.

6. Тарасов В. В. К синтезу надежных схем из ненадежных элементов. Матем. заметки. 1976. Т. 20. № 3. С. 391-400.

7. Тарасов В. В. Булевы функции с несобственными параметрами. Проблемы передачи информации. 2003. Т. 26. Вып. 2. С. 75-79.

8. Тарасов В. В., Сафронов А. М. Функции алгебры логики с несобственными параметрами. ДЕП. в 1985 г. в ВИНТИ. № 4339-85 ДЕП. 24 с.

9. Тарасов В. В. К проблеме выразимости булевых функций над базисом из булевых функций с одним несобственным параметром. Рос. науч. журнал. 2007. № 1. С. 157-165.

10. Тарасов В. В. К вирусной теории надёжностного синтеза управляющих систем. Российский научный журнал. 2013. № 4(35). С. 289-298.

11. Тарасов В. В. Моделирование вируса на логических схемах. Российский научный журнал. 2014. № 5(43). С. 315-319.

12. Тарасов В. В. Схемы из многозначных функциональных элементов и контактных дешифраторов. Российский научный журнал. 2015. № 2(45). С. 206-301.

13. Тарасов В. В. Построение антивируса из функциональных k -значных элементов с вирусами. Российский научный журнал. 2015. № 3(46). С. 290-292.

14. Яблонский С. В. Функциональные построения в k -значной логике. Труды МИАН им. В. А. Стеклова. 1958. Т. 51. С. 5-142.

REFERENCES

1. Tarasov V. V., Sablina V. A. Thesis of J. von Neumann and synthesis of reliable circuits from unreliable elements. Bulletin RSRTU. 2013. Issue 46. P. 1. No. 4. PP. 126-130.

2. Neumann J. Probabilistic logic and synthesis of reliable organisms from unreliable components. Automaton / edited by K. Э. Shannon and J. McCarthy. M.: Foreign Literature Publishing House, 1956. PP. 129-185.

3. Kirienko G. I. About Self-correcting schemes of functional elements. Problems of Cybernetics. 1964. No. 12. PP. 32-38.

4. Muchnik A. A., Gindikin S. G. The decision of the completeness problem for systems of functions of the algebra of logic with unreliable realization. Problems of Cybernetics. 1966. No. 15. PP. 65-85.

5. Tarasov V. V. The completeness criterion for systems of functions of the algebra of logic with unreliable realization. Mathematical collection. 1975. T. 98. No. 3. PP. 379-394.

6. Tarasov V. V. The synthesis of reliable circuits from unreliable elements. Mathematical Notes. 1976. T. 20. No. 3. C. 391-400.

7. Tarasov V. V. Boolean Functions with Improper Parameters. Problems of Information Transmission. 2003. T. 26. Issue 2. PP. 75-79.

8. Tarasov V. V., Safronov A. M. Boolean Functions with Improper Parameters. DEP. in 1985 г. in VINITI. № 4339-85 DEP. 24 p.

9. Tarasov V. V. To Problem of Expressibility of Boolean Functions over the Basis of Functions Containing Constants and Depending on the Improper Parameter. R. Sc. J. 2007. No. 1. PP. 157-165.

10. Tarasov V. V. On Controlling Systems Reliable Synthesis Virus Theory. Russian Scientific Journal. 2013. № 4(35). PP. 289-298.

11. Tarasov V. V. Modeling of Virus in the Logical Circuits. Russian Scientific Journal. 2014. No. 5(43). PP. 315-319.

12. Tarasov V. V. Circuits from Functional k -valued Elements and Boolean Contact Deshiffrators. Russian Scientific Journal. 2015. No. 2(45). PP. 296-301.

13. Tarasov V. V. The Antivirus Construction for the Circuit from K -valued Functional Elements with Virus. Russian Scientific Journal. 2015. № 3(46). PP. 290-292.

14. Yablonsky S. V. Functional constructions in k -valued logic. Proceedings of MIAN by V. A. Steklov. 1958. T. 51. PP. 5-142.

**RYAZAN STATE UNIVERSITY NAMED AFTER S. A. YESENIN¹
MODERN TECHNICAL INSTITUTE, RYAZAN²**

UDC 598.8 591.5: 304.4
Ecology, Cultural Studies

**BIOETHICS OF THE AESTHETIC NATURE CONSERVATION
IN THE CONTEXT OF NATURAL AND CULTURAL HERITAGE**

**Doctor of Agricultural Sciences E. S. Ivanov¹
Candidate of Biological Sciences A. V. Baranovskiy²
N. V. Bragina**

Abstract. The article deals with the classification of the currently existing forms of aesthetic of nature in terms of the preservation of natural and cultural heritage and in cooperation with bioethical issues. The complexity of the problem is due to a long history of the formation of the aesthetic traditions of nature in the changing socio-economic environment. Between the need to preserve some of the traditional forms of nature as a cultural heritage and its ethical dimension in the representation of the population there are a number of contradictions, is far from the final solution.

Key words: ecology, cultural studies, aesthetics of nature, natural and cultural heritage, bioethics.

**РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА¹
СОВРЕМЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, г. РЯЗАНЬ²**

УДК 598.8 591.5: 304.4
Экология, культурология

**БИОЭТИКА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
СОХРАНЕНИЯ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

**Доктор сельскохозяйственных наук Е. С. Иванов¹
Кандидат биологических наук А. В. Барановский²
Н. В. Брагина**

Реферат. В статье рассмотрена классификация существующих в настоящее время форм эстетического природопользования с точки зрения сохранения природного и культурного наследия и во взаимодействии с биоэтической проблематикой. Комплексность проблемы обусловлена длительной историей формирования традиций эстетического природопользования в меняющемся социально-экономическом окружении. Между необходимостью сохранения ряда традиционных форм природопользования как культурного наследия и их этическим аспектом в представлении населения существует ряд противоречий, пока далеких от окончательного решения.

Ключевые слова: экология, культурология, эстетическое природопользование, природное и культурное наследие, биоэтика.

Введение. Сохранение природного и культурного наследия является одной из наиболее важных задач современного общества. Развитие этой концепции привело к пониманию, что в структуре природного и культурного наследия важное место зани-

мают не только материальные объекты, но и традиции, в том числе, особенности традиционного природопользования [5]. Сохранение последних считается столь важным, что для его осуществления нередко создается специальная нормативно-право-

вая база, в частности, особые правила охоты, в том числе перечень охотничьих животных, для коренных народов целого ряда территорий. Таким образом, сохранение традиционных видов деятельности населения выступает в качестве самостоятельной цели, при том, что в наши дни данная деятельность уже не служит для этого населения значимым источником каких-либо материальных ресурсов, например, традиционная охота не является основным источником пищи. В этой связи становятся все более актуальными этические вопросы. Поскольку многие формы традиционной деятельности связаны с изъятием живых объектов из природы или причинением им иного вреда, но при этом в настоящее время не являются экономически необходимыми, этическая их окраска становится совсем иной, чем в то историческое время, когда они составляли одно из необходимых условий существования человека, обеспечивая его теми или иными ресурсами. В то же время, эти виды деятельности являются объектами культурного наследия. Однако сама их таковая принадлежность в условиях изменившейся этической окраски также не остается неизменной, поскольку именно этическое понимание лежит в основе человеческой культуры и всех ее проявлений [13]. Таким образом, факт сформированности в общественном сознании представления о «неэтичности» определенных форм природопользования автоматически ставит вопрос об их принадлежности к сфере культуры вообще, и к объектам культурного наследия в частности. В данном случае обоснованность общественного мнения и причины, по которым оно сложилось именно в такой форме, не имеют значения, важен лишь сам факт его наличия и эмоциональной окраски. Эмоционально-эстетическая компонента является важнейшим фактором формирования отношения общества к различным видам природопользования. Любое непосредственное воздействие на «симпатичные» для человека природные объекты автоматически служит основанием для отнесения данных действий к неэтичным, даже в тех случаях, когда они направлены на сохранение данных объектов. Например, в тех случаях, когда единственным способом сохранения редкого вида может стать его отлов и разведение в неволе, для осу-

ществления этого необходимо преодолеть негативное общественное мнение о жестокости лишения животных свободы, заточения их в клетки и т. д. При этом антропогенные факторы, которые первоначально способствовали доведению численности вида до критической (как правило уничтожение среды обитания, мелиорация, экономическое развитие региона, антропогенный пресс в целом) агрессивной реакции населения не вызывают и в целом воспринимаются им положительно. Это одно из проявлений низкой экологической культуры населения, вследствие недостатков экологического образования. При наличии у людей представления о необходимости экологического мышления, оптимизации взаимодействия общества и природы, в социальной среде становится нормой декларация положительного отношения к природе. Результаты исследований свидетельствуют, что люди активно стараются показать свою позицию более «экологичной», чем она является на самом деле [11]. В условиях крайне ограниченных и поверхностных знаний о живой природе данное стремление может реализовываться только через эмоциональный аспект. Это не способствует ни охране природы, ни развитию эстетического природопользования на научной основе, ни формированию подлинной экологической культуры.

Основная часть. Классификация форм эстетического природопользования может производиться по различным основаниям. Одним из параметров является объект природопользования, когда классификация производится в соответствии с систематикой живой природы. Например, в этом плане обоснован термин «эстетическое орнитопользование – aesthetic ornithousage», включающий все формы эстетического использования птиц [1, 11]. В качестве основного показателя можно рассматривать вероятность причинения вреда объекту природопользования (необходимость или случайность), активность позиции человека (связано ли природопользование с какими-либо действиями), тип используемого объекта, организация процесса природопользования (стихийное или упорядоченное), ожидаемый результат (конечная продукция) и т. д. Поэтому мы предлагаем следующую схему классификации.

1. Эстетическое природопользование, связанное с трансформацией природных ландшафтов или их полной заменой искусственными. К этой группе относятся:

1.1. Различные ландшафтостроительные действия, в т. ч. мелиорация, создание искусственного рельефа, фитодизайн, интродукция эстетически ценных видов биоты с целью создания более привлекательного для человека ландшафта. Как правило, производится на обширных территориях по специально созданным планам.

1.2. Повышение мозаичности ландшафта, связанное с индивидуальным ландшафтным строительством (включает многие элементы из 1.1) на приусадебных участках, придомовых территориях и т. д. Производится каждым пользователем стихийно, без связи с каким-либо общим планом, возможно, даже в противоречии с ним.

2. Эстетическое природопользование, связанное с активными действиями человека в уже имеющейся среде, целью которых служит добывание (и последующее использование, хотя этот пункт может и отсутствовать) объектов флоры и фауны.

2.1. Собираание грибов, ягод, съедобных растений и т.п.

2.2. Спортивная ловля рыбы

2.3. Спортивная охота

2.4. Коллекционирование природных объектов – растений, насекомых, птичьих яиц, трофейная охота и т. д.

Спецификой данного вида природопользования служит преимущественная ориентация на сам процесс добывания, а не на результат. Таким образом, спортивная охота и рыболовство могут быть отнесены к данной категории, а промысловая – нет, поскольку это уже не эстетическое, а ресурсное природопользование. Коллекционирование может иметь для человека двоякий смысл. Его привлекательность может состоять в самом процессе, при этом объекты из коллекции имеют значение в основном как приятное напоминание о том, как они были собраны. Противоположный вариант – значимость самих коллекционных объектов, когда процесс их добывания является лишь неизбежным этапом коллекционирования. В этом случае, в отличие от предыдущего, купленная коллекция или трофей может оказаться предпочтительнее самостоятельно добытого.

3. Эстетическое природопользование, связанное с содержанием у себя дома живых природных объектов, в первую очередь животных.

3.1. Декоративное птицеводство (как экзотических, так и отечественных видов) – содержание птиц дома ради наблюдения за ними, красивой окраски, привлекательного пения и т. д.

3.2. Содержание других представителей отечественной фауны (мы не дифференцируем здесь виды природопользования по таксонам животных в связи с незначительным распространением данного вида природопользования).

3.3. Выращивание отечественных и экзотических растений, в том числе декоративное цветоводство.

Акцент может делаться как на самом содержании уже прирученных животных (в этом случае возможна их покупка), так и на процессе отлова, приручения, выкармливания взятых из природы детенышей и т. д.

Содержащиеся в неволе животные обычно не могут быть возвращены в природу, даже если у владельца возникнет такое желание, поскольку как правило не способны снова приспособиться к естественным условиям. Принципиальное отличие от предыдущих видов природопользования (пункт 2), которые тоже предполагают безвозвратное изъятие объектов из природы состоит в том, что здесь животное имеет ценность для человека пока оно живо, т. е. как правило, в течение длительного времени. Гибель при отлове является не целью, а несчастной случайностью, которой человек старается по возможности избежать. Поэтому отход как правило весьма невелик.

4. Охота с помощью ловчих животных (в России – охотничьих собак, соколообразных, в других странах – использовали и других хищных млекопитающих, рыбацких птиц, например, бакланов для ловли рыбы), а также подсадных уток. Этот вид природопользования совмещает черты 2 и 3 пунктов, поскольку включает как добывание животных, так и содержание охотничьих животных в домашних условиях, их приручение, обучение и т.д. В эстетическом природопользовании на первый план выходит не сама добыча, а наблюдение человека за процессом охоты прирученного или одомашненного хищника. Как правило, эф-

фактивность добывания невелика, например, у борзых собак – всего лишь 12-17 % добычи, что позволяет рассматривать такую охоту как модель естественных отношений хищника и жертвы. Поэтому такая охота имеет селективное значение и способствует оздоровлению популяций жертв, особенно в условиях отсутствия естественных для них хищников [3]. Охотничьи животные, их породы (собаки) способы обучения и использования являются важной составной частью культурного наследия.

5. Различного рода общение, не связанное с изъятием из природы или целенаправленным нанесением иного вреда, с дикими животными в естественной (и антропогенной) среде, приручение, подкормка, устройство искусственных гнездовий и т.д.

6. Наблюдение (без непосредственного взаимодействия) за животными в естественной (и антропогенной) среде обитания, в том числе слушание пения диких птиц.

7. Фотографирование, видеосъемка объектов природы.

8. Исследовательская деятельность, в том числе фундаментальная наука, связанная с удовлетворением научного любопытства, различного рода учебные исследования школьников, студентов, деятельность натуралистов, вообще ведение любых записей о жизни природы.

Рассмотрим теперь соотношение реального воздействия каждого из указанных типов природопользования на природные объекты и представления людей (как основа для формирования этической составляющей) о нем.

1. Эстетическое природопользование, связанное с трансформацией природных ландшафтов или их полной заменой искусственными. Как в глобальном, так и локальном масштабе сопровождается полной перестройкой биоты на затронутой территории. Фактически можно говорить о целенаправленном уничтожении природных сообществ и замене их новыми, искусственными. Ни один из прочих типов эстетического природопользования не сопровождается столь масштабным воздействием на окружающую среду. Однако, поскольку происходит не любая смена ландшафтов, а замена их на более эстетически ценные (в понимании большинства населения), отношение людей к ландшафтному строительству

в целом положительно, данный тип природопользования воспринимается как соответствующий этике. Например, точечная застройка городских оврагов, склонов с применением специальных технологий предносится как путь охраны природы [10]. Автор указывает, что это снижает темпы расширения города, способствует ежедневной экономии топлива, а новые технологии застройки требуют меньшего количества стройматериалов и, следовательно, сокращения объемов промышленного производства (что вписывается в общепринятое представление об экологичности). Однако очевидно, что гораздо более экологичным будет создание на неудобных для застройки территориях зон зеленых насаждений, чем застройка их с применением специальных сложных технологий и создание парков где-то в другом месте.

Повышение мозаичности среды, происходящее при ландшафтном строительстве, является неблагоприятным фактором даже для видов, которые вполне приспособлены к антропогенному ландшафту как таковому [12].

2. Добывание объектов флоры и фауны. Воздействие на различные виды и группы может существенно отличаться – от почти полного отсутствия до лимитирующего фактора, который может вызвать исчезновение вида на данной территории. Особенно это актуально для объектов спортивной и трофейной охоты. В наши дни интенсивная охота может существовать только при условии постоянного проведения биотехнических мероприятий, т. е. фактически на основе дичеводства. Такая охота становится фактором охраны животных, позволяя им существовать на территориях, которые иначе были бы преобразованы и уничтожены как местообитания фауны. Однако этическая окраска охоты до сих пор неоднозначна. В этой связи особенно актуальны две проблемы. Первая связана с неразличением населением видов охоты близости в массовом сознании охоты и браконьерства, а также с фактом исчезновения ряда видов в прошлом именно в результате перепромысла. Вторая – с вопросом об этичности охоты как процесса, при том, что его экономическая необходимость для общества в наши дни отсутствует. В этой связи можно отметить разработку этически нейтральной тер-

минологии, например, выражение «убитое животное» заменяется на «добытое животное» [8], а также внедрение в правила охоты [9] пунктов, требующих использование относительно более гуманных методов добывания животных. Этот момент рассматривается отдельно от других природоохранных пунктов, направленных на оптимизацию сроков охоты, объемов изъятия и т. д., направленных на поддержание численности охотничьих видов. В несколько меньшей степени все вышесказанное характерно для спортивного рыболовства.

3. Содержание животных в домашних условиях. Несмотря на давние традиции содержания в домах певчих птиц, в XX веке сформировалось представление об этом как о вредном занятии, идущем вразрез с идеями охраны природы. Поэтому в публикациях, посвященных данному вопросу, авторы специально рассматривали эстетический, научно-культурный и природоохранный аспекты клеточного содержания птиц, а также приводили данные о ничтожно малом изъятии птиц из природы для содержания в неволе, составляющем сотые доли процента от численности популяций [2]. Также специально рассматривался вопрос о том, что для самих птиц пребывание в неволе не является стрессовым фактором (после краткой адаптации), и при соблюдении ряда условий птицы в неволе живут существенно дольше, чем в природе и успешно размножаются [2]. В наши дни этический аспект содержания дома представителей отечественной орнитофауны утратил значение в связи с почти полной ее заменой экзотическими видами [1, 11]. Все вышесказанное практически не касается представителей других таксонов отечественной фауны, как содержащихся в неволе чрезвычайно редко.

4. Охота с использованием ловчих животных издавна составляла важную часть культурного наследия. В XX веке отношение к ней сменилось на резко отрицательное, вначале как к символу феодализма, а впоследствии в связи с необоснованным представлением о ее особенно высокой добычливости. В частности, охотникам вменялось в обязанность отстреливать всех встреченных борзых собак [14]. В последние десятилетия XX – начале XXI века вновь приходит понимание эстетической и

культурной ценности такой охоты, подкрепленное научными данными о ее селективности и полезной роли для популяций жертв [3, 14]. Между тем отлов для последующего приручения хищных птиц может серьезно угрожать выживанию ряда видов.

5. Общение с дикими животными в их естественной среде воспринимается общественным сознанием как «экологичный» вид эстетического природопользования. Между тем, негативными результатами являются:

- снижение страха перед человеком, как следствие, многие животные становятся опасными;

- рост численности и синантропизация покровительствуемых видов, в результате некоторые из них приобретают статус вредителей, переносчиков болезней и т. д.;

- существует вопрос, насколько этична, например, подкормка животных, когда в человеческом обществе еще не изжиты нужда и голод;

- ресурсы, используемые затем для подкормки, выращиваются на сельскохозяйственных землях, и распространение подкормки в какой-то степени способствует росту их площади, тем самым уничтожая среду обитания дикой фауны.

6. Формы эстетического природопользования, не связанные с непосредственным взаимодействием человека и объектов фауны, обычно считаются безвредными для природы. Однако фактор беспокойства в этом случае может играть существенную роль, как правило, негативную для животных. Его проявления нельзя избежать даже при проведении исследований профессиональными учеными. Так, показано, что осмотр содержимого гнезд существенно снижает успех размножения птиц, в связи с демаскировкой гнезд и беспокойством птиц-родителей [6]. Воздействие на фауну людей с непрофильным образованием существенно выше, как в силу их большей численности, так и меньшей осознанности действий [7]. Хотя точные данные о масштабах воздействия фактора беспокойства на фауну отсутствуют, можно утверждать, что общая смертность животных по этой причине многократно выше, чем объемы добычи охотников. Поэтому некоторые представления фольклора, даже ошибочные (например, представление о том, что птицы бро-

сают гнездо, если человек потрогал яйца или птенцов) могут выступать как фактор, снижающий антропогенный пресс.

Выводы. Таким образом, анализ современного развития эстетического природопользования в связи с его этическим значением и научно-культурным значением позволяет сделать следующие выводы:

1. Существующая система эстетического природопользования характеризуется полифилетическим происхождением: некоторые его разновидности трансформировались из иных видов природопользования с утратой последними экономического значения, другие сформировались заново. Большая часть компонентов данной системы имеет длительную историю развития и вхо-

дит в состав культурного наследия.

2. Все разновидности эстетического (как и других форм) природопользования оказывают определенное негативное воздействие на природу, а также могут восприниматься населением как источник как позитивного, так и негативного воздействия.

3. Представления населения о соотношении «пользы» и «вреда» различных видов эстетического природопользования соответствуют их реальной роли для природы лишь в незначительной степени. Это несоответствие порождает, помимо прочего, ряд этических коллизий, которые на данный момент окончательно не разрешены, хотя пути к такому разрешению зачастую уже намечены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Барановский, А. В.* Гнездящиеся птицы города Рязани (Атлас распространения и особенности биологии): Монография / А. В. Барановский, Е. С. Иванов. Рязань: Издательство «ПервопечатникЪ», 2016. 367 с.

2. *Беме, Л. Б.* Жизнь птиц у нас дома. Изд-е 2-е. М.: Лесная промышленность, 1968. 180 с.

3. *Блохина, Т. В.* Сравнительная характеристика состояния зайцев-русаков, добытых двумя способами. II Международная конференция, VII Всероссийская научно-практическая конференция «Состояние среды обитания и фауна охотничьих животных России и сопредельных территорий», Балашиха, 2016. С. 34-41.

4. *Букварева, Е. Н.* Место собаки в комплексе проблем сохранения биоразнообразия. Проблемы исследования домашней собаки. Материалы совещания. ИПЭЭ РАН. 2006. С. 152-155.

5. *Горбунов, С. С.* Экология, этика, право. М.: ИД «Камертон», 2013. 208 с.

6. *Кныш, Н. П.* Влияние фактора беспокойства и исследовательского пресса на гибель гнезд воробьиных птиц (на примере сорокопуга-жулана). Беркут. Т. 3. Вып. 1. 1994. С. 38-39.

7. *Мальчевский, А. С.* Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: история, биология, охрана / А. С. Мальчевский, Ю. Б. Пукинский. Т. 2. Л., 1983. 504 с.

8. *Пажетнов, В. С.* Охота – фактор, поддерживающий у бурого медведя страх перед человеком. II Международная конференция, VII Всероссийская научно-практическая конференция «Состояние среды обитания и фауна охотничьих животных России и сопредельных территорий», Балашиха, 2016. С. 412-417.

9. Правила охоты (по состоянию на 1 мая 2015 года, с краткими комментариями Росохотрыболовсоюза). М., 2015. 58 с.

10. *Тетиор, А. Н.* Городская экология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 336 с.

11. *Туарменский, В. В.* Развитие эстетического орнитопользования как фактор, определяющий знание населением птиц и эффективность природоохранных мероприятий / В. В. Туарменский, Е. С. Иванов, А. В. Барановский. Проблемы региональной экологии. 2015. №4. С. 25-29.

12. *Фридман, В. С.* Урбанизация «диких» видов птиц в контексте эволюции урболандшафта / В. С. Фридман, Г. С. Еремкин. М.: МГУ, 2008. 138 с.

13. *Швейцер, А.* Этика сострадания. Проповедь 16. Человек. 1990. № 5.

14. *Шубкина, А. В.* Успешность охоты борзых. II Международная конференция, VII Всероссийская научно-практическая конференция «Состояние среды обитания и фауна охотничьих животных России и сопредельных территорий», Балашиха, 2016. С. 539-551.

REFERENCES

1. *Baranovskij, A. V.* Gnezdjashhiesja pticy goroda Rjazani (Atlas rasprostraneniya i osobennosti biologii): Monografija / A. V. Baranovskij, E. S. Ivanov. Rjazan': Izdatel'stvo «Pervopechatnik##», 2016. 367 s.
2. *Beme, L. B.* Zhizn' ptic u nas doma. Izd-e 2-e. M.: Lesnaja promyshlennost', 1968. 180 s.
3. *Blohina, T. V.* Sravnitel'naja harakteristika sostojanija zajcev-rusakov, dobytyh dvumja sposobami. II Mezhdunarodnaja konferencija, VII Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Sostojanie sredy obitanija i fauna ohotnich'ih zhivotnyh Rossii i sopredel'nyh territorij», Balashiha, 2016. S. 34-41.
4. *Bukvareva, E. N.* Mesto sobaki v komplekse problem sohraneniya bioraznoobrazija. Problemy issledovanija domashnej sobaki. Materialy soveshhanija. IPJeJe RAN. 2006. S. 152-155.
5. *Gorbunov, S. S.* Jekologija, jetika, pravo. M.: ID «Kamerton», 2013. 208 s.
6. *Knysn, N. P.* Vlijanie faktora bespokojstva i issledovatel'skogo pressa na gibel' gnezd vorob'inyh ptic (na primere sorokoputa-zhulana). Berkut. T. 3. Vyp. 1. 1994. S. 38-39.
7. *Mal'chevskij, A. C.* Pticy Leningradskoj oblasti i sopredel'nyh territorij: istorija, biologija, ohrana / A. C. Mal'chevskij, Ju. B. Pukinskij. T. 2. L., 1983. 504 s.
8. *Pazhetnov, V. S.* Ohota – faktor, podderzhivajushhij u burogo medvedja strah pered chelovekom. II Mezhdunarodnaja konferencija, VII Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Sostojanie sredy obitanija i fauna ohotnich'ih zhivotnyh Rossii i sopredel'nyh territorij», Balashiha, 2016. S. 412-417.
9. Pravila ohoty (po sostojaniju na 1 maja 2015 goda, s kratkimi kommentarijami Rosohotrybolovsojuza). M., 2015. 58 s.
10. *Tetior, A. N.* Gorodskaja jekologija: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 2-e izd., ster. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2007. 336 s.
11. *Tuarmenskij, V. V.* Razvitie jesteticheskogo ornitopol'zovanija kak faktor, opredel'ajushhij znanie naseleniem ptic i jeffektivnost' prirodoohrannyh meroprijatij / V. V. Tuarmenskij, E. S. Ivanov, A. V. Baranovskij. Problemy regional'noj jekologii. 2015. №4. S. 25-29.
12. *Fridman, V. S.* Urbanizacija «dikih» vidov ptic v kontekste jevoljucii urbolandshafta / V. S. Fridman, G. S. Eremkin. M.: MGU, 2008. 138 s.
13. *Shvejcer, A.* Jetika sostradanija. Propoved' 16. Chelovek. 1990. № 5.
14. *Shubkina, A. V.* Uspeshnost' ohoty borzyh. II Mezhdunarodnaja konferencija, VII Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Sostojanie sredy obitanija i fauna ohotnich'ih zhivotnyh Rossii i sopredel'nyh territorij», Balashiha, 2016. S. 539-551.

**АВТОРЫ
(AUTHORS)**

БАРАНОВСКИЙ Антон Валерьевич – доцент кафедры естественнонаучных и общетехнических дисциплин НОУ ВПО «Современный технический институт» (г. Рязань)

Контактная информация: E-mail: oldvulpes@yandex.ru; тел. 89106289599

BARANOVSKY Anton Valerievich – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor the Chair of Natural Sciences and Technical Disciplines of NOU STI (Russia, Ryazan, 89106289599, e-mail: oldvulpes@yandex.ru)

БЕЛЯЕВА Елена Викторовна – исследователь, автор более 30 работ в области истории и краеведения, член Союза краеведов России (Москва)

Контактная информация: E-mail: sbn1108@yandex.ru

BELYAEVA Elena Victirovna – researcher and author of over 30 publications in the field of history and local lore, member of the local historians of Russia (Russia, Moscow, e-mail: sbn1108@yandex.ru)

БРАГИНА Наталья Викторовна – анималист (г. Рязань)

Контактная информация: E-mail: 4912388060@mail.ru; тел. 89537446760

BRAGINA Natalia Victorovna – natural researcher (Ryazan) (Russia, Ryazan, 89537446760, e-mail: 4912388060@mail.ru)

БУЛАТЕЦКИЙ Сергей Владиславович – доктор медицинских наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Контактная информация: E-mail: dr_bsv@mail.ru; тел. 89209766876

BULATETSKIY Sergey Vladislavovich – Doctor of Medical Science, a Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the Ryazan branch of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training «Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot» (Russia, Ryazan, 89209766876, e-mail: dr_bsv@mail.ru)

ГАДЖИЕВА Ханым Давид кызы – соискатель кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва)

Контактная информация: E-mail: e-mail: khanym15@mail.ru

GADZHIEVA Khanym – Graduate Student of Department of history of Russia of Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow, e-mail: khanym15@mail.ru)

ГОРБУНОВ Борис Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий НИЛ теории, практики и методики краеведения в образовательных учреждениях Рязанского института развития образования, академик РАЕН

Контактная информация: E-mail: borgor.1949@mail.ru; тел. 8-(4912)-35-09-26

GORBUNOV Boris Vladimirovich – Doctor of History, Professor, Full member of the Academy of Natural Sciences, Ryazan Institute of Educational Development (Russia, Ryazan, 8-(4912)-35-09-26, e-mail: borgor.1949@mail.ru)

ЕРШОВ Виталий Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра стратегии и развития Московского государственного областного университета (МГОУ)

Контактная информация: e-mail: ershov_vf@mail.ru; тел. +7(985)410-15-23

ERSHOV Vitaly Fedorovich – Doctor of History, Professor, Director of the Center for Strategy and Development of Moscow State Regional University, Member of the Board of Russian Society of Historian-Archivists (Russia, Moscow, +7 (985)410-15-23, e-mail: ershov_vf@mail.ru)

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств УФУ
Контактная информация: E-mail: vvarez@mail.ru; тел. +7 (343) 375-47-25

ZAPARIY Vladimir Vasilievich – Professor, Doctor of Historical Sciences, Head of Chair of History of Science and Technology of the Institute of Humanitarian Sciences and Arts of the Ural Federal University (Russia, Yekaterinburg, 8 (343) 375-47-25, e-mail: vvarez@mail.ru)

ЗМЕЕВ Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: vasmsu@mail.ru; тел. 8-916-264-18-42

ZMEEV Vladimir Alekseevich – the Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Globalistics Department of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, 8-916-264-18-42, e-mail: vasmsu@mail.ru)

ИВАНОВ Евгений Сергеевич – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заведующий кафедрой экологии и природопользования РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: o.hodosevich@rsu.edu.ru; тел. 89511022393

IVANOV Eugene Sergeevich – Dr. Agricultural Sciences, Professor, Head of the Chair Ecology and Nature Management VPO RSU named after S. A. Esenin (Russia, Ryazan, 89511022393, e-mail: o.hodosevich@rsu.edu.ru)

ЛЬЯНОВА Аза Магомедовна – доцент кафедры немецкого языка Ингушского государственного университета (Республика Ингушетия, г. Магас)
Контактная информация: E-mail: ze6ta5@mail.ru; тел. 8 928 727 93 67

LIANOVA Aza Magomedovna – associate Professor of German of Ingushsky State University (Russia, Republic of Ingushetia, Magas, 8 928 727 93 67, e-mail: ze6ta5@mail.ru)

МА Вэньин – доцент Чанчуньского университета (Китай)
Контактная информация: E-mail: yiwenma@sina.com

MA Wenyang – Ph. D, Associate Professor, School of Foreign Languages, Changchun University.
Main research area – higher education Second Language acquisition

МАЛЬЧУК Ольга Ивановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: molga.77@ya.ru; тел. 8-916-886-54-40

MALCHUK Olga Ivanovna – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow, 8-916-886-54-40, e-mail: molga.77@ya.ru)

МАРКОВ Алексей Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент, член-корр. АПСН, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова
Контактная информация: E-mail: markoff.ac-50@mail.ru; тел. 8-925-045-74-62

MARKOV Alexey Sergeevich – Candidate of Psychological Sciences, associate Professor, Member-Correspondent APSN, associate Professor, Department of Humanities and Natural Sciences of the Ryazan Higher Airborne Command School named after Army General V. F. Margelov (Russia, Ryazan, 8-925-045-74-62, e-mail: markoff.ac-50@mail.ru)

МОИСЕЕВ Алексей Алексеевич – студент 4-го курса факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова

Контактная информация: E-mail: assorc777@gmail.com.ru; тел. 8-915-438-23-08

MOISEEV Alexey Alexeevich – a Student of the 4th Year of the Faculty of Global Processes, Moscow State University named after MV Lomonosov (Russia, Moscow, 8-915-438-23-08, e-mail: assorc777@gmail.com.ru)

НАГОРНОВ Валентин Павлович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета

Контактная информация: E-mail: rosnauka@mail.ru; тел. 8-910-505-45-43

NAGORNOV Valentin Pavlovich – Graduate Assistant of the Department of Russian History of Middle Ages and Modern Age MSRU (Russia, Moscow, 8-910-505-45-43, e-mail: rosnauka@mail.ru)

НЕСТЕРОВ Сергей Борисович – доктор технических наук, профессор, президент Российского научно-технического вакуумного общества, действительный член РАЕН, член Совета Союза краеведов России

Контактная информация: E-mail: sbn1108@yandex.ru; тел. 89162652957

NESTEROV Sergey Borisovich – Doctor of Technical Sciences, Professor, President of the Russian Scientific and Technical Vacuum Society, Full Member of the Academy of Natural Sciences, the Member of the Council of the Union of Russian Ethnographers (Russia, Moscow, 89162652957, e-mail: sbn1108@yandex.ru)

ОЛЕНЕВ Максим Борисович – историк-исследователь (г. Москва), член Историко-родословного общества (ИРО) в Москве (с 1990 года), Ассоциации генеалогов-любителей (АГЛ) в Перми (1992-1998 годы). Тематика трудов – история России, генеалогия непривилегированных сословий, ономастика

Контактная информация: E-mail: maximolenev@mail.ru; тел. +7-495-989-47-07

OLENEV Maxim Borisovich – Historian and Researcher (Moscow), the Member of the Historical and Genealogical Society (HGS) in Moscow (since 1990), the Association of Amateur Genealogists (AAG) in Perm (1992-1998). Scope of works - history of Russia, genealogy of unprivileged estates, onomastics (Russia, Moscow, +7-495-989-47-07, e-mail: maximolenev@mail.ru)

РЫЖКОВА-ГРИШИНА Любовь Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и общенаучных дисциплин Московского психолого-социального университета (филиал в г. Рязани)

Контактная информация: E-mail: rapsod@list.ru; тел. +7-910-908-01-01

RYZHKOVA-GRISHINA Ljubov Vladimirovna – Ph. D., assistant Professor of psychology and scientific disciplines Moscow Psychology and Sociology of the University, a branch in the city of Ryazan (Russia, Ryazan, +7-910-908-01-01, e-mail: rapsod@list.ru)

РЫНДИН Игорь Жанович – старший научный сотрудник НИЛ теории, практики и методики краеведения в образовательных учреждениях РИРО (г. Рязань)

Контактная информация: E-mail: ryndin@post.rzn.ru; тел. 8-(9412)-45-73-53

RYNDIN Igor Zhanovich – Senior Researcher SRL of the theory, practice and techniques of local history in the educational institutions of the Ryazan Institute of Education Development (Russia, Ryazan, 8-(9412)-45-73-53, e-mail: ryndin@post.rzn.ru)

СЕЛЕЗНЕВА Маргарита Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища (военного института) имени генерала армии В. Ф. Маргелова, ассоциированный сотрудник ФГБНУ «Психологический институт РАО» (г. Москва).

Контактная информация: E-mail: selezneva-margarita@rambler.ru; тел. 8-910-5086905

SELEZNEVA Margarita Viktorovna – Candidate of Psychological Sciences, assistant Professor of Foreign and Russian Languages Department, V. F. Margelov Ryazan Airborne Commanding Institute, Associated member of FSSFSI 'Psychological Institute of RAE' (Moscow) (Russia, Ryazan, 8-910-5086905, e-mail: selezneva-margarita@rambler.ru)

СЯО Цзи – старший преподаватель Чанчуньского университета (Китай)

Контактная информация: E-mail: yiwenma@sina.com

XIAO Ji – M. A., Lecturer, School of Foreign Languages, Changchun University.

Main research area – higher education Second Language acquisition

TARASOV Вячеслав Владимирович – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры высшей математики Рязанского государственного радиотехнического ун-та

Контактная информация: E-mail: tarasov@mail.ru; тел. 8-(4912)-36-42-15

TARASOV Vyacheslav Vladimirovich – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Department of Mathematics of the Ryazan State Radio Engineering University (Russia, Ryazan, 8-(4912)-36-42-15, e-mail: tarasov@mail.ru)

ШАНЬ Нина – профессор филологических наук института международного образования Чанчуньского университета КНР, директор института Конфуция РГУ им. С. А. Есенина с китайской стороны. Сфера научного исследования: – методика преподавания иностр. языков

Контактная информация: E-mail: shanyu486@163.com; тел. 79038371806

SHAN Nina [ШАНЬ Нина] – Professor of Philology of the Institute of International Education of Changchun University, Director of the Confucius Institute of the RSU named by SA Esenin from the Chinese side. Sphere of scientific research – methods of teaching foreign languages (China, Changchun, +8643185250430, e-mail: wish1021@126.com)

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ
В «РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ»**

1. Правила оформления научных статей: набор текста в формате Word, шрифт Times New Roman; размер шрифта - 14; междустрочный интервал -1,5; формат бумаги - А4; отступ - 5 мм, поля - 20 мм. Объем статьи - не менее 10 стандартных машинописных листов. Сноски и примечания, список литературы формировать единым списком под названием **Примечания** - в конце статьи. Ссылки в тексте - в квадратных скобках, первая цифра - номер ссылки в конце-вом списке Примечаний, вторая цифра - номер страницы, например: [3. С. 15].

2. На первой странице статьи указываются:

2.1. Название научного или учебного заведения, той организации, в которой выполнена научная работа, либо учреждение, где работает автор статьи, на русском и английском языках.

Указывается также местонахождение указанной организации: страна, регион, населённый пункт на русском и английском языках.

2.2. УДК, в случае, если автор не может провести классификацию по классификатору, то классификацию проводит редакция журнала.

2.3. Название разделов науки, к которым, по мнению автора, принадлежит его статья.

2.4. Название статьи - прописными буквами жирным шрифтом на русском и английском языках.

В следующей строке располагаются научная степень автора, его инициалы и фамилия на русском и английском языках.

2.5. Далее следует **Реферат** статьи (8-12 предложений) на русском и английском языках.

2.6. После реферата помещаются **Ключевые слова**, отражающие основное содержание статьи, на русском и английском языках.

2.7. После ключевых слов размещается на русском языке структурированный текст статьи, состоящий из **Введения**, где осуществляется постановка научной задачи или формулирование научной проблемы; **Основной части**, где происходит решение, доказательство, эксперимент; **Заключения**

или **Выводов**, формулируемых на основе проведенного ранее рассмотрения научного вопроса.

2.8. Статья завершается **Примечаниями**.

2.9. Дополнительно к материалам статьи прилагаются на английском языке - фамилия автора, название статьи, аннотация (summary), ключевые слова (key words), разделы науки.

3. Публикации в журнале платные. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Предварительно подаётся заявка на публикацию статьи по электронному адресу: gosnauka@mail.ru

4. Стоимость пересылки одного экземпляра журнала: по России -100 руб.; по странам СНГ - 250 руб.; стран дальнего зарубежья - определяется расчётным путём.

5. К материалам статьи отдельным файлом прилагается авторская справка, содержащая основные сведения об авторе, на русском и английском языках:

Ф.И.О. автора, учёное звание, учёная степень, место работы, должность, почтовый адрес (с индексом), электронный адрес (e-mail), номера контактных телефонов для открытой печати.

6. Для аспирантов и соискателей обязательно предоставление в редакцию рецензии от научного руководителя или известного специалиста. Рецензия должна быть заверена надлежащим образом.

7. Стоимость одного экземпляра журнала 300 рублей.

8. Наш почтовый адрес:

390039, г. Рязань, ул. Интернациональная, д. 13, кв. 208, Нагорнов Валентин Павлович.

9. Наши банковские реквизиты:

Наименование получателя платежа:

АНО «РИЭПСИ»

ИНН/КПП 6234037737/623401001

Р/счет № 40703810101060000126

в Филиале «Московский»

ООО «Промрегионбанк», г. Москва

БИК 044583224,

к/с 30101810100000000224

в Отделении 1 Москва

Назначение платежа - целевые взносы

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – –
ПИ №ФС77–35383 от 19 февраля 2009 г. выдано Федеральной
службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ: В. П. НАГОРНОВ

ИЗДАТЕЛЬ: АНО «РИЭПСИ»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

390039, Рязань, ул. Интернациональная, д. 13, кв. 208

Тел. моб. 8-910-505-45-43

E-mail: rosnauka@mail.ru

<http://www.rnjournal.narod.ru>

Дата выхода выпуска в свет – 31.03.2016

Тираж 1 000 экз.

Каталожная цена за 6 месяцев – 1200 руб.

Заказ № 915.

Отпечатано в ООО «Полиграфия».

390000, Рязань, ул. Почтовая, 61, стр. 9а.